

network_literature
sf_fantasy

Галина
Дмитриевна
Гончарова

Зеркало любви

Четвертый том. Приключения девушек продолжаются. А уж какими они будут... Начато
25.03.2019, завершено 24.06.2019. С уважением и улыбкой. Галя и Муз.

24/03/2019

ru

samlib.ru
<http://samlib.ru>

samlib.ru, FictionBook Editor Release 2.6.6
2019-06-23 06:57:37
samlib5d0fa17c273b54.16593099
1.0

2019

Гончарова Галина Дмитриевна

Зеркало любви

Герои

Его величество Аррель III - отец нынешнего короля Аллодии, дед Найджела.
Его величество Остеон II - ныне правящий король (45 лет)

Ее величество Лиданетта - умерла.
Его высочество Найджел - принц (28 лет).
Леди Френсис Сорийская - его любовница (20 лет).
Герцог Томор Домбрийский (55 лет).
Мария-Элена Домбрийская (сокр. Малена) (18 лет).
Лорена, герцогиня Домбрийская (35 лет).
Лоран, граф Рисойский, близнец Лорены.
Тарма Ифринская - 1-я жена Лорана, умерла родами.
Силанта Колойская - дочь Лорены от 1 брака, (18 лет).
Никор Колойский - 1-й муж Лорены Домбрийской, умер.
Рид, маркиз Торнейский, бастард Арреля. (33 года), Мать - Меган Торнейская, воспитательница - Мелисса Тарен.
Матильда Домашкина - для друзей просто Мотя. (18 лет).
Дорак Сетон - начальник охраны Марии-Элены, сопровождает ее в Донэр (26 лет)
Барист Тальфер - личный Его Величества страпчий (38 лет), Жена - Жанетта Тальфер, в девичестве Вилойская (35 лет)
Реонар Аллийский - архон Аллодии (55 лет)
Карен - лекарь в Донэре
Шадоль - дворецкий в Донэре
Риний VI Эларский - король Элара (52 года). Столица Элара - Ларейя.
Дилера Эларская - третья дочь его величества Риния (22 года).
Анна-Элизабет Домбрийская - мать Малены, первая герцогиня Домбрийская. Умерла.
Граф Астон Ардонский - сосед Домбрийских (42 года). Сын, Динон (22 года), две дочери, Астела (18 лет) и Даранель (16 лет). Жена - Элинон (40 лет)
Его величество Самдий - король Саларина.
Шарлиз Ролейнская - незаконная дочь е.в. Самдия.
Ее величество Вивиан - жена Риния Эларского. (46 лет), в девичестве Салейнская.
Сельвиль - управляющий в Донэре.
Антон Владимирович - начальник Матильды.
Сотрудники - Нина, Валерия, Евгения.
Любовница Антона - Юлия Павловна Шареметьева.
Друг Антона - Давид Эдуардович Асатиани.
Матушка Эралин - настоятельница монастыря святой Эрталы Никийской. (52 года)
Лэ Стиорта - колдунья с улицы Могильщикова (ок. 26 лет). Она же Ластара Стиарошт. (мать - Интара Стиарошт)
Вешер Трипс - помощник Лэ Стиорта
Леонар Тарейнский - канцлер Аллодии. (ок. 40 лет)
Артан Иллойский - маршал Аллодии (ок. 47 лет)
Мария Ивановна Домашкина - мать Матильды. (ок. 37 лет).
Майя Алексеевна Домашкина - бабушка Матильды. Умерла.
Герман Вагин - отец Матильды (ок. 40 лет)
Лидия Германовна Вагина, Семен Германович Вагин - сестра и брат Матильды. (7 и 14 лет, соответственно)
Семен Семенович Никаноров - участковый.
Варвара Васильевна - соседка Матильды.
Мария Михайловна - соседка Матильды.
Крепости - Доран ближе к Саларину Инкор на интаре и Ланрон ддальше от Салларина, городок по течению Интары - Равель
Шарельф Лоусель, барон Лоусель - комендант крепости Ланрон
Деонар - город неподалеку от степняков
Арман Тенор - палубный матрос на барже Шарлиз Ролейнской.
Симон Равельский - градоправитель Равеля, граф.
Секретарь - Ханс Римс
Ренар Давель - сотник армии Аллодии, предатель, который ведал разведкой и перешел на сторону кагана Хурмаха.

Кал-раны. Бардух - под Ланроном, Мурсун - отправлен к Равелю, Арук - по Интаре вверх, за кораблями

Варсон Шефар - королевский дознаватель

Командир первой сотни пехотинцев, Сашан Риваль

Командир второй сотни пехотинцев, Шерс Астани

Командир третьей сотни пехотинцев, Симон Ларсон

Сотник арбалетчиков, Аллес Рангор

Инженер - Ланс Даран.

Хенрик Эльтц - обозник.

Станс Грейвс - разведка

Домоправительница в городском доме Домбрийский - Аманда Ирвен

Ровена Сирт (Муж - Бернард, отец - Эрон Сирт) - компаньонка Малены.

Что вы судом зовете? Неужели

Никто из вас другому, втайне, зла

Не пожелал? - Неужто вы сумели

Так сделать, чтоб вся жизнь была светла?

Когда же нет, - а это нет, наверно, -

Как можете желать убийства вы?

Негодование ваше лицемерно,

И, ежели вы сердцем не мертвы,

Поймете вы, что истина в прощенье,

В любви, не в злобе, и не в страшном мщенье".

Перси Биши Шелли. Поэма "Возмущение Ислама"

Матильда Домашкина

- Встать, суд идет!

Те же стены, ты же судья, те же ненавидящие взгляды тети Параши.

Мамочка так и не явилась. Да и черт бы с ней, не жалко.

Матильда привычно уступила управление Марии-Элене, чтобы не сорваться, и принялась вслушиваться в юридический суржик.

И как люди в этом разбираются?

Ладно... сама она тоже кое-чего нахваталась. Но сделать это профессией? И постоянно зарабатывать деньги языком?

Нереально.

Честное слово, не просто так Перри Мейсон стал знаменитостью.

Но тут убийство не обсуждалось. Все прощсе.

Любимая матушка требовала признать завешание недействительным и вернуть ей все добро (Три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три... куртки). А если уж добро не вернут, то хоть алименты слупить с неблагодарной дочери.

Малена протянула документы.

- Ваша честь, дарственные. И договор ренты. А вот это документ об эмансипации.

Вот тут был самый скользкий момент.

Об эмансипации никто не знал. Ни во дворе, ни среди друзей и знакомых, вообще никто.

Оформляли-то втихорца, мало ли что?

А еще - эмансипация, как правило, проводится с согласия родителей. Или, при их отсутствии, по решению суда. Вот, у Матильды и был второй вариант.

Но судья, видимо, прониклась ситуацией. Потому что не стала уточнять и расспрашивать.

Просто проглядела документы, кивнула, мол, все по закону, и положила их на стол.

Малена перевела дух.

Было у нее подозрение, что судья просто не захотела подставлять коллегу, ведь если эмансипация через суд незаконна, то и решение принято неверно, и пошла виться ниточка. А это плохо. Это компромат.

Кому вообще оно надо? И ради кого?

Ради Марии Домашкиной? Уже смешно.

Но это-то по вопросу завещания.

Оставалось самое скользкое - алименты.

- Ваша честь, во-первых, моя мать замужем, и у нее есть муж, который работает и содержит семью. Во-вторых, она сама работает. И в-третьих, моя мать никогда и ничем мне не помогала. Она не переводила ни копейки на мое содержание, она не приезжала, не появлялась, она просто родила меня и бросила. Я отказываюсь платить ей алименты. И у меня есть доказательства и свидетели всего вышесказанного.

Может, и коряво было сформулировано, но...

Судья кивнула.

Прасковья Ивановна поднялась в ответ.

- Вот, ваша честь.

Справка из больницы, что Мария Домашкина является инвалидом третьей группы. Причина - отсутствие мизинца на правой руке. Ампутация конечности вследствие обморожения. Ни убавить, ни прибавить.

Кажется, судье тоже понравилось.

Она посмотрела справку о страшном заболевании, и поинтересовалась, где работает больная.

Или не работает?

Оказалось, работает. Уборщицей, директор-то уже есть. И конечно, испытывает нужду, голод и страдания.

Справка с места работы?

Эммм... ее нет. Можем запросить к следующему разу. Но зарплата - одни слезы. Кошачьи.

Почему-то судье это не понравилось, и внимание вновь обратилось на Матильду. Что у вас есть еще? Предъявите.

Первой предъявилась тетя Варя. Под ненавидящим взглядом Прасковьи свет Ивановны, она рассказала, что Мария Домашкина как уехала черт-те когда, так и не возвращалась. И не помогала.

Откуда она знает? Так ближайшие соседи, с одной площадки, вместе мелких поднимали, кто детей, кто внучку. И она готова поклясться чем хотите, ни словечка не было. Не говоря уж о финансовой помощи. Не потому ли и Майя, покойница, Паркинсоном заболела?

Поди, внучку подними, да за дочь переживай...

От остальных соседей были письменные заявления по всей форме, Матильда лично из интернета скачивала. Никто, никто за последние пятнадцать лет Марию Домашкину в глаза не видел.

Судья вопросительно посмотрела на Прасковью Ивановну.

- Врут они все! Помогала Машка, я сама свидетельница...

Почему-то свидетельские показания не тронули сердце судьи. Женщина улыбнулась.

- Замечательно! Давайте!

- Что - давать?

- Выписки. Квитанции о почтовых переводах, какие-то подтверждения перечисления денег...

Вот с этим было плохо. Не было ничего. Ни выписок, ни квитанций - вообще ничего. Прасковья заявила, что деньги передавали из рук в руки, со знакомыми.

Судья попросила предъявить знакомых.

Прасковья Ивановна ударила себя в грудь. Мол, я - и есть та самая знакомая. Лично все передавала, правда, без свидетелей, только что при сыне. Он все подтвердить может! Даже два раза! Но кажется, ей не поверили. Судья покачала головой.

Поинтересовалась, где работает муж несчастной страдальцы Домашкиной.

Оказалось - ночным сторожем, сутки через трое. Здоровье... что со здоровьем?

Ах, есть такая болезнь - "отсидел"?

Ну да. Наряду с "перепелом" и "воспалением лени".

Матильда тем временем представила справку о зарплате. И порадовалась, что Антон такой лапочка.

Есть такое у частников. Платить минималку с налогами, а остальное в конвертах.

Плохо?

Черная зарплата?

Пенсионный фонд предаст вас анафеме, а налоговая лично подожжет костер?

Да и плевать!

Учитывая все пертурбации в мире, вы сами-то уверены, что через сорок лет до пенсии еще будет и кому поджигать, и вы будете, и страна? И пенсия будет нормальная после всех деноминаций? Может, и горько, но кто ж его знает?

А сейчас Матильда была счастлива.

Минимальный оклад позволял ей не умереть с голоду. Все.

Платить с него алименты не представлялось возможным.

Судья еще раз все проглядела, задала вопросы, и отпустила всех.

- Суд удаляется на совещание.

В этот раз Прасковья Ивановна не лезла с разговорами. Это потому, что в суд Малена пришла с тетей Варей. А та... поди, скажи хоть слово!

Это тебе не Матильда, с ней ты не судишься! Если ее выведут за скандал - ей наплевать. А вот то, что и тебя с ней вытащат...

Прасковье надо было присутствовать в суде, а не сидеть в этот момент в обезьяннике. Так что она молчала, пока дверь опять не открылась, и всех не позвали обратно.

Решение было простым.

Все притязания Марии Домашкиной признавались неправомерными и отклонялись.

Разом.

Ссылки на статьи, на кодекс, цитаты. Куча судебного сленга.

Тетя Варя захлопала в ладоши.

- Ура! Спасибо, ваша честь!

- Спасибо, ваша честь, - опомнилась Малена.

У нее с плеч словно камень свалился.

Да, мамаша может еще приезжать ругаться, подавать в суд, апелляцию, кассацию, обжалование, да хоть президенту писать - неважно. В первой инстанции Матильда дело выиграла, а переигрывать у нас суды очень не любят. С большой вероятностью, если вы выигрываете первый раз, вы выигрываете и дальше. И наоборот - тоже.

- Да я... да мы губернатору напишем!!! - опомнилась тетя Паша.

Судья кивнула, разрешая писать хоть губернатору, хоть императору. Кому допишется.

Матильда еще раз поблагодарила, и почти под руку с тетей Варей вышла на улицу. Ноги подкашивались.

И надо же такому стать!

Петюня!

Стоит довольный, хоть портрет пиши. А что?

Идеальный мужчина.

Низ - кроссовки. Потом идут растянутые треники цвета подгнившего баклажана, изящное пузцо пятьдесят последнего размера прикрывает майка-алкоголичка, поверх которой небрежно наброшен пиджак. Кожаный, конечно, а то ж!

В зубах - сигарета.

И улыбка на пороссячем анфасе.

- Мотя! Привет, зайка! Ну что - довыдывалась? А вот надо было с нами дружить, и алименты мамашке платить бы не пришлось!

Твою дивизию!

Матильда даже ответить не успела - вмешалась тетя Варя.

- Ты чего это здесь расставился, паразит?

Отсутствие карающего веника у оппонента придало Петюне храбрости.

- А что? Хочу и стою!

- Я тебе постою, паразит! Штаны подтяни, а потом к девушкам лезь! А то мамон отрастил - хоть рожай! А туда же, постоять ему! Да тебе только что лежать - в мусорке! И тихо!

- Ты, старая ...!

Петюня шагнул вперед.

Дело происходило на пяточке прямо перед дверью, до асфальта четыре ступеньки, а крылечко-то узкое. Старая постройка, черный ход.

Матильда уже прикинула, как спихивать противника с лестницы, когда из здания суда вырвалась огнедышащая дама.

Тетя Параша летела так, что снесла бы хоть кого.

А дверь-то открывается наружу...

А Петюня как раз и подставился.

Любящая матушка так двинула чадушко дверью, что тот потерял равновесие, споткнулся о случайно выставленную ногу Матильды - и с трубным ревом супербизона в атаке, покатился по ступенькам.

Кажется, неудачно.

- Ой! - сказала Матильда.

- Какой ужас! - поддержала тетя Варя.

- Петенька!!! - взвыла тетя Параша - и рванулась за сыном. Женщины едва посторониться успели. И - не удержались, задержались. Как не понаблюдать такую трагедию?

Петюня скулил. Он умудрился стукнуться головой, но это как раз не страшно, голова - это кость. Ей не больно.

А вот сломанная правая рука - уже трагедия. Вы знаете, как неудобно открывать бутылки с пивом левой рукой?

Вы не знаете?

Кошмар!

Матильда и тетя Варя переглянулись, пожали плечами - и удрали, пока тетя Параша не опомнилась. Мало ли что?

Уже дома, валяясь на диване с Бесей, девушки смотрели "Моя прекрасная леди" и болтали о своем. О женском.

- Думаешь, все обойдется?

- Думаю, что на пару недель душевного спокойствия мы можем рассчитывать, а потом на нас опять пойдут в атаку.

Малена хмыкнула.

- Опять подадут в суд?

- Не знаю. Но пакетик с перцем я в карман положу. На всякий случай.

- Думаешь...?

Малена не закончила фразу. Не хотелось думать о людях настолько плохо. А придется.

- Знаю. Бабушка говорила, что одинокая девушка с деньгами - искушение для любого подлеца.

И даже если отобьешься от десятка, на их место придет сотня. Подлец ведь как рыбак, твердо уверен, что десять раз наживку не съедят, а на двенадцатый ему и повезет.

Малена только вздохнула.

- Она у тебя была мудрая.

- Да.

Матильде до сих пор было неприятно вспоминать. Больно.

Лучше было сосредоточиться на приключениях Элизы Дуллитл. Она хорошая, с ней весело, и вообще - Бернард Шоу просто прелесть. Хотя сюжет и неправдоподобный.

Телефон пискнул совершенно неожиданно.

- Малена?

Этот голос девушка узнала мгновенно.

- Да. Здравствуйте, Ольга Викторовна.

- Добрый вечер. Малена, мне пришли результаты анализов.

- Да? И?!

Печальные мысли были отставлены в сторону. Потом, все потом.

- Можно с уверенностью сказать, что локон - вашего предка. Предположительно, женщины.

- Интересно...

- Мой знакомый посмотрел еще и ленточку. Говорит, нечто подобное до революции еще делалось, так что локону лет сто точно есть. Может, чуть больше.

- И медальону тогда тоже.

- Да. Кто у вас мог носить инициалы И.И.Б.?

Матильда даже головой покачала.

- Ольга Викторовна, даже не представляю. Может, прапрадед? Если прадеду медальон достался от матери... а никто не сказал, что там была не Ирина Ивановна. Или Инесса Ильчинична, к примеру.

- М-да. Ладно, будем копать.

- И нигде не сказано, что во время революции... сколько материальных ценностей тогда хозяев поменяло?

- Много. Малена, а у вас никаких семейных преданий не ходило - на другую тему? К примеру, в семье все врачи были, или у нас без высшего образования никого не было...

Матильда честно задумалась. Но кто ж в восемнадцать таким интересуется? Если бабушка что и говорила, все мимо ушей прошло. Все вспоминать надо.

- Мне сложно сказать. Я попробую вспомнить, Ольга Викторовна.

- Кстати, а что сказал ювелир? - спохватилась женщина. - Я совсем забыла... закрутилась, уж простите.

- Сама грешна, - вздохнула Малена. - Он почистил при мне механизм, и сказал, что медальону лет сто - сто двадцать. Не больше ста пятидесяти.

- Вот, в этом промежутке и будем копать. А клеймо ювелира он не узнал?

- Сказал, что пока не знает. Обещал посмотреть в справочниках, списаться с коллегами. Но это тоже не гарантия, по его словам, хм... революционеры больше всего любили раскулачивать ювелиров.

Ольга Викторовна тоже хмыкнула.

- Да, у бумаги есть один великий недостаток - она легко горит.

- И ни одного Воланда на горизонте, - поддержала шутку Матильда.

- Ладно. У нас есть анализ - родственники. У нас есть сто пятьдесят лет. Есть клеймо. Есть желание узнать истину, так что я буду копать. Мне интересно...

- Даже не представляю, как я буду вас благодарить?

- Ну, к примеру, позовешь в крестные к дочери, - пошутила Ольга Викторовна. - Пока не собираешься?

- Нет.

- А почему так? Или... по личным причинам?

Малена решила не врать. Меньшее, что она может сделать в благодарность за поиск истины, это развеять скуку своей знакомой.

Бартер.

- Не совсем по личным. Просто ребенок - это расходы и проблемы. Это бессонные ночи, это в детский садик бегать между лекциями, это ночей не спать, когда болеет. Да много всего, как приятного, так и неприятного.

- И?

- Хорошо, если у меня будет хороший муж. А если нет? Я ведь даже себя пока не прокормлю нормально, я как волк - жива, пока ноги носят. Свалюсь - и мне не выжить. Родив сейчас ребенка я ставлю свою и его жизнь в зависимость от чужой порядочности. Причем - без всяких гарантий. Ладно - свою, тут у меня есть все права. А вот по отношению к ребенку это будет подло и гадко. Там у меня не права, а обязанности.

- А брачный контракт?

Смех получился непроизвольно.

- Ольга Викторовна, а вы в это верите?

- Нет. Ты умничка, Малена. Я в твоём возрасте такими категориями не мыслила.

И это было приятно.

Спать Матильда ложилась довольная и спокойная. А почему нет?

Она дома, суд выигран, впереди ждут выходные, завтра они с Давидом Асатиани едут в соседний город развлекаться, да и Малены пока все неплохо?

К ней в гости собирается Барист Тальфер.

Вот уж воистину - на ловца и зверь бежит.

Так что моську на подушку, Беську под руку, чтобы мурчала, и баиньки. Аллодия ждет!

Мария-Элена Домбрийская.

- Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...*

*- В. Лебедев-Кумач. "Москва майская", прим. авт.

Кто сказал, что советские шлягеры устарели?
Фиг вам, граждане! Для средних веков это такое продвинутое будущее, что вам и не снилось!
Дашь зарядку?
Малена привычно разминалась. То есть Матильда в теле герцогессы.
Наклоны, приседания, отжимания...
Ей никогда не стать спортсменкой, но можно не запускать себя. Целлюлит - это ведь не происки врагов, равно как и складки на пузе не растут от сглаза и порчи. Просто лень нам зарядку делать, лень.
А уж какой причиной это объясняется...
Нет времени, денег, сил, возможностей...
Ладно. Верим. Но пузо все равно растет.
Дернуть за кисточку звонка, вызвать служанку, приказать подать воды. Эх, вот где водопровод-то нужен. И акведуки.
Ладно, живы будем - вспомним бабушкины уроки.
Не то, чтобы бабушка Майя пыталась обтесать внучку под себя, просто почему бы и не рассказать внучке про свою работу? А малышке ведь не интересен сопромат и просадочность грунтов, ей что-то попроще надо. К примеру, про акведуки те же самые, как римляне их проектировали так, чтобы вода сама текла.
Или дороги.
Ведь до сих пор стоят, и дороги, и мосты, сколько архитекторов могут похвастаться тем, что их строения еще двадцать веков переживут? С хвостиком?
Единицы.
Матильде в свое время было интересно. Просто архитектором она становиться не хотела, не под то мозги заточены. И рассказать Малене она могла. И как, и что, вот посчитать - другой вопрос, а рассказать можно.
Главное водопровод не из свинцовых труб делать, а то римляне его так и прокладывали. И помирали, не успев толком пожить.
Умыться, протереться губкой, и одеваться.
Чистое белье, ярко-голубое нижнее платье, на нем кружевная серая паутинка верхнего. Просто так Малена не стала бы изображать траур, но сегодня в гости обещался быть лично королевский стряпчий. Барист Тальфер.
Что ему надо, Малена так и не поняла. Ответа на ее прошение о встрече с его величеством герцогесса так и не получила. Не предполагать же, что лично королевский стряпчий развозит приглашения? Это по ведомству фантастики и мистики, у него и так работы хватает.
Скорее, Тальферу что-то от нее нужно. И это хорошо, потому что Малене тоже нужно кое-что узнать.
Теперь волосы. Собрать в строгий узел, воткнуть в него гребень, накинуть сверху еще одну кружевную паутинку. Тоже серую.
Вид достойный и страдающий, но одновременно и богатый. Голубое нижнее платье выполнено из шелка, да и кружево здесь товар не ходовой.
Туфельки, улыбку, пощипать щеки, чтобы румянец выступил - и на завтрак.

Все те же, все там же, а вот разговоры чуть другие.
Лоран Рисойский на завтраке присутствовал, но сильно за Маленой не ухаживал. Явно готовил какую-то пакость. Зато за шестерых болтала графиня Элинора. Да так, что вставить хоть слово в этот бурный поток возможным не представлялось. Графиня пребывала в эйфории.
Все было чудесно.
Платья чудесные, украшения чудесные, столица чудесная, осталось дожидаться приглашения и поехать ко двору. Тоже чудесному, кто бы спорил.
Матильда прикусывала язык, чтобы не сязвить про "двор чудес", и молчала. Но граф Ардонский умудрился втянуть ее в разговор.
- Малена, может быть, вам стоит взять другую компаньонку?
Девушка подняла брови.

- Простите?

- Беременная вдова, в компаньонках у незамужней девушки - это может произвести плохое впечатление при дворе.

Матильда, а именно она перехватила контроль, потому что Малена как цепенела от одного вида Рисойского, так и продолжала цепенеть, дрожать и заикаться, пожала плечами.

- Я вообще считала, что Ровена ко двору не поедет.

- Да? - удивился Астон.

- Ей туда не хочется. И вообще, ей бы полежать, отдохнуть до родов, а не по балам. Да и зачем мне компаньонка? В доме, где живет моя несчастная больная матушка. И где есть ее сиятельство, в честности и порядочности которой, - графиня Элинор просто расцвела, мол да, я такая! - не посмеет усомниться и самый подлый из лжецов.

- А ко двору...

- Разумеется, мы поедем сначала с ее сиятельством, а потом уж я вывезу остальных.

Граф кивнул. Его такой расклад устраивал. А вот Силанту...

- Ты думаешь, мама не сможет встать?

- Встать - сможет, - пожала плечами Малена. - Ходить уже не знаю. Дядюшка, что там с моей несчастной матушкой?

От избытка чувств герцогесса даже слезу вытерла, заставив Аманду недовольно нахмуриться. Говорила же, что горчица слишком острая! Надо отругать повара.

Лоран тоже нахмурился.

- Лорена пока еще слишком слаба.

- Это потому, что мы экономим на лекарях. Говорила же - надо еще троих пригласить, - покачала головой герцогесса. - Тетушка Элинор, если вас не затруднит...

Графиня склонила голову.

Разумеется, ее не затруднит.

- Дядюшка мог бы сопровождать тебя ко двору, - Силанта продолжала атаковать. Матильда хмыкнула.

- Сестричка, ты себе как это представляешь? Мы с дядюшкой и до короля-то не дойдем.

- Почему?

- А, его раньше убьют, - небрежно пожала плечами Матильда.

Лоран поперхнулся от такой перспективы, и герцогесса едва успела увернуться от винного духа.

- Меня?

- Дядю?

- А что в этом странного? Если наставляешь людям рога, не удивляйся, что тебя ими и забодают.

Сказано было увесисто. Крепко так сказано.

Лоран задумался.

- Вроде бы...

- То-то и оно, что не точно. Кстати, дядюшка, вы завещание уже написали? На всякий случай?

Лоран скрипнул зубами и полез из-за стола. Матильда проводила его нежным взглядом.

- Он так переживает... бедненький.

Астон хмыкнул. Кажется, Лорана приговорили, теперь можно держать пари на его участь. Отравят, зарежут, случайно кирпич уронят - посмотрим.

- Ваша светлость, к вам королевский стряпчий, - доложил слуга.

Малена бросила салфетку и встала из-за стола.

- Проси в кабинет.

- Да, ваша светлость.

- И прикажи туда же привести борзую.

Лакей поклонился, показывая, что все понял, и исчез. Малена улыбнулась Силанте.

- Кстати, дорогуша, капитан Сетон с утра выходил от твоей матушки.

Развернулась и вышла раньше, чем Силли успела отреагировать.

Силанта хлопнула глазами раз, другой, а потом развернулась и помчалась выяснять, что к чему. И конечно, не сказала Лорану ни про какие визиты. Не до того!

Тут мужчину уведут, а она про каких-то стряпчих?

Глупости!

Барист Тальфер уже ждал в кабинете.

Когда вошла Малена, он встал из-за стола, раскланялся...

- Опасный человек.

- Очень, - согласилась Малена. - Давай пока я с ним поговорю, а если что - ты перехватишь контроль?

- Давай, - кивнула Матильда.

Что может быть такого опасного в средних лет толстячке, одетом в простую темную одежду?

Ни оружия на виду, ни грозного вида - ничего.

Самый обычный лавочник средней руки. И такое впечатление поддерживается, пока ему в глаза не помотришь. А вот потом...

Глаза у Бариста Тальфера темные, яркие и пронзительные. Да, в этом мире рентген изобретет вовсе не приказной подьячий Иван Пушков, это уж точно.*

*- старый анекдот. Первым изобретателем рентгена был русский приказной подьячий Иван Пушков. Так жене и говорил - я тебя, стерва, насквозь вижу, прим. авт.

Герцогесса приветливо улыбнулась.

- Я рада вас видеть, господин Тальфер. Ваш визит - большая честь для меня.

- Что вы, ваша светлость. Наоборот, я благодарен вам за любезность.

- Кто же может отказать правой руке его величества? - краешками губ улыбнулась Малена.

Мол, при чем тут любезность.

Тальфер намек понял.

- Вы преувеличиваете мою значимость, ваша светлость. Я всего лишь скромный стряпчий.

- Королевский.

Теперь настала пора улыбнуться Тальферу.

- Я был поверенным вашего отца, ваша светлость. И оглашал его завещание.

Малена вздохнула. Осенила себя святым ключом и приняла как можно более постный вид.

- Мой несчастный отец. Я так страдаю...

Слова говорили одно, выражение лица - совсем другое. Барист понял, что ему предлагают быть чуточку откровеннее и решил попробовать.

- Думаю, десятилетняя разлука слегка утишила ваши страдания, ваша светлость?

- В монастыре я молилась за моего отца каждый день. Фактически, он постоянно присутствовал в моей жизни, - герцогесса и глазом не моргнула.

Барист хмыкнул.

- Матушка Эралин упала в ноги архону. Реонар Аллийский мой друг, поэтому я узнал об их беседе, и решил предупредить вас.

Матильда скрипнула зубами и передала управление Матильде. Дальше уже пошел достаточно неприятный разговор, герцогесса смущалась бы, а вот Матильда могла и позы разобрать. А что? Читали мы ту камасутру!

- Догадываюсь, о чем. Меня уже совратили?

Барист улыбнулся.

- Матушка Эралин подозревает вас в тайном браке. Если дойдет до короля...

Матильда пожала плечами.

- Я могу подвергнуться любому осмотру. И наглядно доказать свою невиновность.

Барист мог бы сказать что-то еще, но тут в дверь кабинета поскреблись. И слуга ввел очаровательную белую шемальскую борзую, которая тут же тявкнула, совсем, как щенок, вырвалась из рук лакея и помчалась к Тальферу.

А то ж!

Друзья не должны сидеть необлизованными, это непорядок!

- Ирис?

Барист был искренне удивлен. С него даже маска любезного стряпчего упала - на минуту. И девушки лишний раз убедились в своем уме. Такой волчара, даром, что толстый.

- Отожравшийся.

- На придворных харчах? - предположила Малена.

- Нет. Просто - на придворных. На завтрак, обед и ужин.

Собака была полностью согласна, что она - Ирис. И лизалась вдоль и поперек, пока Тальфер не отстранил ее.

- Ну, хватит, хватит, девочка...

Матильда кашлянула, привлекая к себе внимание.

- Вы не хотите забрать их к себе, господин Тальфер?

- Их? - тут же поймал намек Барист.

- Их. Пойдемте со мной, господин скромный королевский стряпчий.

Матильда позволила себе легкий укол, но Барист не обратил на это никакого внимания. Знал он и борзую, и ее хозяина, и... Варс? Он здесь?

Но почему?

Как?

Рука мужчины легла на скрытую кнопку в рукояти трости. Одно нажатие, и деревянные ножны отлетают в сторону, а в руке у него окажется клинок. Все какой-то шанс, если сейчас его ведут в засаду. И первый удар достанется герцогессе.

Но герцогесса не боялась. Она мило улыбалась и шла вперед по коридорам. Кивала в ответ на поклоны слуг, улыбалась...

- Мария-Элена?

Матильда аж зубами скрипнула. Вот черти принесли Рисойского, точно.

Нет в этом мире чертей?

Неважно! Шервули постарались! Но не ругаться же... о! Придумала!

- Дядюшка, у нас проблема.

- Да?

- Господин Тальфер казался так любезен, что приехал лично. Из уважения к моему отцу... что у нас там полагается за совращение дворянки?

- Отсечение. Под корень, - Тальфер не понял, в чем смысл, но красавчики ему были просто решительно неприятны. А Рисойский - вдвойне. И красавчик, и сволочь редкостная. Убивать пора.

- Вот-вот, отсечение корня. Матушка Эралин бросилась в ноги архону. Кричит, что меня совратили, и требует... того. Отсечения.

Лоран произвольно прикрыл корень.

- Но я же...

- Матушке лучше знать, - наставительно заметил Тальфер, наслаждаясь спектаклем. Лоран сглотнул, но потом приободрился.

- Что ж, как честный человек, я готов жениться.

- Как честная девушка, не могу согласиться. Давайте сперва определимся с корнями, - парировала Матильда. - А то говорят, это больно. Кто-то и помирал в процессе отсечения.

- Я давно знаю архона, - вступил Барист. - Думаю, если вы напишете ему свое прошение, я смогу вручить его в ближайшее время.

Лоран тряхнул волосами.

- Но...

- Дядюшка, вы можете сомневаться в моей чести? - в голосе Матильды звучала самая искренняя обида.

Лоран вспомнил таз, свинью, потом Винель...

Сомневаться?

Интересоваться, откуда опыт. И сколько там выживших покушавшихся, так вернее.

- Господин Тальфер, вы у нас надолго?

- Полчаса, может, чуть больше, - всем своим видом Барист говорил, что не успевший - опоздает. Лоран намек понял.

- Что ж, не буду терять времени.

Роскошный мужчина скрылся в одной из комнат.

Малена и Барист переглянулись.

Смеяться они не стали. И друзьями в мгновение ока не сделались, но доверять друг другу начали на чуточку больше. Общие враги - они сближают.

Варсон Шефар бредил вот уже четвертый день. Иногда приходил в себя, но ненадолго, и опять впадал в забытие.

Матильда тут сделать ничего не могла

Промыть рану - да.

Разогнать горе-лекарей и оставить того, кто мог не утробить пациента - да.

Запретить кровопускания, и вместо этого поить больного отварами жаропонижающих, крепким бульоном и красным вином - тоже да. А что еще-то можно сделать?

А ничего.

Молиться.

Помогало плохо, и Матильда уже прицеливалась на изобретения ляписа. Хотя бы!

Серебро, азотная кислота, и вот тебе водный раствор нитрата серебра. Хоть какая-то бактерицидная дрянь будет.

При виде герцогессы, лекарь, сидящий в кресле, встал, поклонился.

- Ваша светлость.

- Господин Луар. Как больной?

- По моим представлениям, через день-другой надо ждать кризиса. Тело либо переборет заразу, либо... Боги милостивы. Но гниения я пока не вижу.

Матильда вздохнула.

- В себя он пока не приходил?

- На пару минут. Требуется некоего Риста.

Барист Тальфер скрипнул зубами. В тишине комнаты скрежет прозвучал полноценной электропилой.

- Давно он здесь?

На эти вопросы Матильда ответить могла, и легко. Отослала лекаря, и принялась рассказывать.

Катались, подобрали, рассказали, лечим.

Да, и вас он не первый раз требует. Хорошо, что вы сами пришли.

Барист задумался. И что теперь делать?

Восьмилепый его знает, что делать! Разве что довериться герцогессе - и надеяться, что чутье не подведет? Хм, а у него есть выбор?

Выбора не было.

Совсем не было.

Герцогесса уже многое знает. Может она быть в рядах заговорщиков?

Вроде бы не должна. Но мало ли?

А, в таком случае он все равно пропадает. Слишком много она знает, слишком многое можно было вытряхнуть из Варсона. Да и Рисойский...

Барист вздохнул - и решился еще раз довериться своему чутью. Уж сколько раз он так поступал, и ни разу не прогадывал. Карьеру при дворе не сделаешь на одних финансовых талантах, надо еще знать с кем дружить, кого топить...

Барист это печенкой чуял.

Герцогесса казалась ему неуловимо странной, но не злой. Неглупой и преследующей свои интересы. Но кто из нас так не поступает? Люди могут делать добро, да, только не в ущерб себе. Вот, Мария-Элена таковой и была.

Она не станет его предавать без веских причин. Нет, не станет.

Барист коснулся лба друга.

Отметил и покои, хорошие, уютные, гостевые, и чистое белье на Варсоне, и его спокойный вид, и лекарственные настои на тумбочке рядом... нет, друга не удерживали здесь насильно. Такое не спрячешь, не скроешь.

- Скажите, вы можете оставить Варсона у себя?

- Его зовут Варсон?

- Да, Варсон Шефар, ваша светлость.

- Ну хоть имя узнали, и то дело. Он ведь молчал, только вас требовал. Если бы вы сами не написали, я бы нашла возможность к вам попасть. Во дворец.

Барист вздохнул.

- Ваша светлость, так вы его приютите? Мне просто некуда...

Матильда сдвинула брови.

- А вы мне расскажете, что может угрожать моему дому, если о Варсоне узнают... кому не надо?

Барист понял, что рассказать придется.

- Да, ваша светлость, но это долгий и серьезный разговор.

- Можем поговорить прямо здесь, господин Тальфер?

- Я бы предпочел более открытое место. Где нас никто не сможет подслушать. Некоторые разговоры...

- Сами собой переходят в приговоры?

Тальфер кивнул. Хорошо, когда тебя правильно понимают.

- Да, ваша светлость.

- Тогда могу вам предложить только беседку в парке. По случаю осеннего времени она вся облезла, мы будем как на ладони, но и любой, кто захочет к нам приблизиться - тоже.

Разумеется, Барист согласился.

В беседке Малена подстелила на скамейку предусмотрительно захваченный из дома плащ и уселась на него. Тальфер опустился на противоположную скамью.

- Ваша светлость, за этого человека вас могут убить. Если узнают, что вы дали приют Варсону.

- Вот как?

- Он что-то рассказал вам?

- Нет. Не успел. Хорошо хоть сучке отдал приказание, а то бы загрызли ни за понюх табаку, - вздохнула Матильда, перехватившая управление.

Барист опустил голову.

- Да, ваша светлость. Страшно сказать, но в Аланее зреет заговор.

- И о чем нынче заговариваются?

- Об убийстве. Короля и принца.

Матильда хмыкнула.

- Нескромно. А получится ли?

- Не знаю. О заговоре стало известно только, что он есть. Варсон шел по следу, но...

- Только он один?

Барист развел руками.

- Ваша светлость, я могу говорить с вами откровенно потому, что вы недавно прибыли в столицу. А до того жили в монастыре.

- Ага. И в таком, в котором заговоров не отмечено, - согласилась Матильда. - Наоборот, одна из самых строгих обителей.

Барист вздохнул и развел руками.

- Ваша светлость...

- Мария-Элена. Я даю вам разрешение называть меня по имени.

- Благодарю, Мария-Элена.

- Но влезать в эти интриги не хочу.

- Но вы в них уже влезли.

- Пальцем. А не двумя ногами, как вы собираетесь меня втянуть, - прищурилась Матильда. -

Давайте сначала решим, что вы хотите мне предложить, и чего хотите от меня. А потом уж...

- Мария-Элена, - голос Бариста был даже укоризненным, - в таких делах посторонним ничего не рассказывают.

На Матильду это не подействовало. Ни на грош.

- Вариант - поди туда, не зная куда, сделай то, не зная что? Простите, мне еще жить охота.

Барист скрипнул зубами. Но...

- Я хотел бы, чтобы вы заняли его высочество. И были рядом с ним какое-то время.

Матильда хмыкнула.

- Его высочество Найджела. Который известен своей любвеобильностью. Господин Тальфер...

- Барист, если вы пожелаете, Мария-Элена.

- Барист, за кого я потом замуж выйду? За дядюшку?

- Его высочество сможет вас защитить.

- А от него меня кто защитит?

- Его невеста? Дилера Эларская должна прибыть со дня на день.

Матильду и это не убедило. Ибо примеров в истории - ложкой ешь. И жена, и любовница, и еще погуливать умудрялись. Стоит только Людовика Шестнадцатого вспомнить.

И ведь хватало у мужчины потенции!

- И заодно от его невесты.

- Умная женщина всегда знает, когда стоит отойти в сторону.

- Вот это я могу и сейчас сделать, - хмыкнула Матильда. - Чисто теоретически.

Барист вздохнул. И может, и не надавишь. Значит, торговаться будем.

- А что вы хотите?

Матильда понимала, что требовать много не стоит. Но и мало - тоже.

- Я правильно понимаю, что его величество меня не примет?

- Его величество сейчас болеет и никого не принимает.

- Кто утвердит мои права на наследство?

- Его высочество может это сделать.

Матильда хищно улыбнулась.

- Вот и отлично. Я хочу, чтобы меня признали наследницей моей матери, с правом передать титул герцога Домбрийского любому из детей по моему выбору.

- Детей - от кого? - ухватил ниточку Тальфер.

- Надеюсь, что не от Рисойского. Я побуду рядом с принцем и пригляжусь к придворным.

Возможно, кто-то окажется разумным человеком и мы договоримся.

- То есть найдется человек, которого вы полюбите?

- Любовь, - насмешливо хмыкнула Матильда. - Давайте не будем о грустном. В монастыре я насмотрелась на любовь, ее плоды и последствия. Мне хватило. Я сказала то, что имею в виду. Человека, союз с которым будет нам взаимовыгоден.

Барист намек понял.

- Я могу помочь вам найти такого человека.

- Действуя в интересах государства, но не забывая и о моих. Игрок, пьяница, кутила мне не подойдут. И хотелось бы, чтобы мой муж мог сделать детей и воспитать их. Сохранить и удержать их наследство.

Запросы были разумными, и Барист посмотрел на девушку совсем другими глазами.

Любовь?

Сия роскошь не для герцогессы Домбрийской.

А если уж заглянуть в душу... Мария-Элена действительно любила, но Антона Владимировича в Аллодии не будет никогда, а кто-то другой... не все ли тогда равно?

Ладно. Не все равно. Но выбора-то нет.

- Я займу принца, - ухмыльнулась Матильда. - И удержу его внимание. А взамен вы добьетесь моего признания. И поможете мне с брачным контрактом, господин стряпчий.

Читай - брак будет с выгодой и для меня, и для короны, но на моих условиях. И взаимовыгодным. И ты этого добьешься.

Барист был согласен. Условия были весьма демократичными.

- Я могу устроить вашу встречу с его высочеством. В любой момент времени, когда вы пожелаете.

Матильда прикинула по срокам. Да, до завтра она должна справиться.

- Завтра вечером? Можно послезавтра утром.

- Да, пожалуй, послезавтра утром я смогу... я пришлю вам приглашение во дворец.

- Буду ждать, - согласилась Матильда.

Главное было сказано. Теперь обоим высоким договаривающимся сторонам требовалось время на подумать и осмыслить. А потому Барист еще раз навестил друга, убедился, что Варсон так и не пришел в себя, и откланялся.

Лоран едва успел поймать его перед уходом и вручить свиток с прошением. А Матильда передала контроль над телом Малене и упала на кровать в своих покоях.

- Лучше б я уголь грузила!

- Тильди, ты была великолепна, - не поскупилась на похвалу Малена.

- Нет. Это все можно было повернуть намного лучше, - не согласилась Матильда. - Но эта добыча не по нашим зубкам, сестренка. Он растерялся, не ожидая увидеть здесь своего друга. И только потому разговор вообще состоялся.

- Как ты думаешь...

- Что происходит? Ну, исходя из опыта нашего мира, я бы сказала, что болезнь короля очень подозрительно выглядит в сочетании с заговором.

- Ты думаешь, - Малена едва справилась со страшными словами, - короля кто-то может... отравить? Или ранить?

- Короли тоже пьют, едят и в туалет ходят, - пожала плечами Матильда. - Знаешь, сколько королев у нас вилками давилось? Не говоря уж о грибах. Тогда логично желание подвести нас к принцу, может быть, его тоже хотят отравить.

- А нас не отравят?

- А мы будем думать и разбираться.

- Тильди, а чем ты хочешь занять его высочество?

- Тем, что ему интересно, Малечка. Мы вместе с тобой беседовали с сотрудником департамента дознания. Что волнует Найджела?

- Игры. Вино. Женщины.

- Карты. Деньги. Два ствола...

- Тильди?

- Слава, Малечка, слава. Как ты думаешь, если принц изобретет свою игру, принципиально новую...

- И какую?

- Да любую. Шашки и шахматы нам не подойдут, там думать надо, а элемента риска нет. Карты я не люблю, разве что преферанс. Может, покер попробовать? Ладно, на всякий случай изготовим колоду. А вообще,, я собиралась сделать самые простые нарды.

- Нарды?

- Ну да! С одной стороны - расчет, с другой элемент риска. И предложить его высочеству выдать эту игру за свое изобретение.

- Благородный человек на такое не пойдет. Никогда.

- Заодно и благородство проверим.

- Матильда, ты просто... у меня слов нет!

Матильда улыбнулась.

- Малечка, скажи спасибо, что я не предлагаю камеру-обскуру.

- А что это такое?

Матильда вздохнула и коротенько описала, что имеет в виду. Коробка. Линза. Луч. И можно тот же ляпис. Он темнеет на свету, вот, если пропитать бумагу...

Мария-Элена задумалась.

Решено было этой ночью посмотреть все в интернете, а оказавшись опять в Аланее, найти все составляющие. Мало ли?

Вдруг да сработает?

Принца надо занять? А кто сказал, что это можно сделать только с помощью секса? Умом надо, умом! И знаниями.

Доступных девушек много, а умных - мало. Как это ни печально звучит.

И девушки направились к Аманде.

Надо ехать, заказывать доску для нард, фишки, кубики, заготовку для обскуры, хотя бы самой примитивной...

Если бы речь шла о просто мальчишке - тут любой материал сойдет, хоть от руки рисуй. Но принц ведь!

Серебро-золото надо, и лучше с драгоценными камнями.

Ладно, с камнями перебьется, а остальное... сделаем!

Барист Тальфер в это время думал о герцогессе.

И думал он в таком ключе...

Интересная девушка, очень интересная. Не ждешь от женщин такого ума, расчетливости, цинизма даже. Можно ли это использовать?

Нужно!

Надо ее еще проверить, но если она действительно такова...

Остеон не сможет произвести на свет наследника. Сможет Найджел. И если Мария-Элена Домбрийская с ним справится...

Старая фамилия, достойный род, минимум союзников - Томор всех распугал, до кого добрался, отличная репутация, Рисойские хоть и подгадили, но герцогу, не его дочери...

Против такой королевы никто и слова бы не сказал.

Но что скажет сама герцогесса?

Барист представил перед собой девушку, увидел внимательные серые глаза, светлые волосы, стянутые в узел...

И словно наяву услышал: "Корона? Никогда!"

Значит, придется уговаривать.

Свиток с прошением Рисойского лежал неподалеку. Надо и правда заехать к архону. Барист ведь не лгал насчет матушки Эралин, ни минуты не лгал. И бросилась, и принялась жаловаться, что совратили девушку, запугали, та слово сказать боится...

Что-то сейчас Баристу в это не верилось.

Боится?

Э, нет. Не считает нужным говорить, не доверяет, не... да что угодно. Но не боится. Барист мог только посочувствовать матушке-настоятельнице.

И все же, что случилось с Варсом?

Хоть рассказывал бы, паразит! А то: "Я напал на след!". Да, а след напал в ответ! И кто теперь выживет - неизвестно.

Вот, заодно и помолиться.

Хоть и знал Барист всю эту храмовную кухню изнутри, а все же...

Боги-то есть. Пусть они помогут Варсону выздороветь.

Рид, маркиз Торнейский. Аллодия, крепость Ланрон.

На войско Хурмаха Рид смотрел с заметным оптимизмом.

Он - выпался!

Впервые, за все это время, впервые с той поры, как вышел из Равеля - он выпался.

Его даже не будили. Шарельфу хватило рассказов Рангора, Эльтца, Грейвса... Лоусель был впечатлен?

Нет. Он был в глубоком шоке.

Он не мог поверить, принять и осознать это безумие.

Пятьсот человек.

Всего пятьсот человек прошли по занятой сорока тысячами степняков территории, разнесли в клочья примерно тысяч десять, захватили крепость, пришли к нему...

Осталась самая малость. Продержаться еще, на этот раз против всего войска степняков. Не трех - пяти тысяч, а тридцати.

Риду такие мелочи были безразличны. Он пролежал практически без сознания почти два дня, Джок бил на совесть.

Стив, Джок... скольких унесла эта война, скольких унесет... нигде не сказано, что и сам он выживет. Но разве можно отказываться от своего призвания?

Кто защитит эту землю, если не я?

Сейчас Рид стоял на стене и поглядывал вниз. Туда, где под солнцем влажно поблескивала боками тяжелая плита.

Бой рано или поздно заканчивается, и начинается рутина.

Павших надо похоронить, раненых перевязать, трофеи собрать...

Пока Рид лежал в бесспамятстве, Шарельф успел договориться со степняками. Они подходят к стенам и собирают своих убитых.

Его люди также выходят из крепости за убитыми.

Трофеев ни у кого нет, но похоронным командам не мешаем. А то ведь арбалеты далеко бьют, вас и со стен достать можно.

Степняки оценили благородство предложения, и согласились.

Сейчас тела героев лежали в храме Ланрона. Там же они и будут захоронены, все, кто пошел подрывать подземные ходы. Все до одного.

Джок в смерти казался почему-то еще больше.

Обычно человек как бы съезживается, но мужчина был настолько спокоен и величественен, что становилось страшновато даже своим, что уж там говорить о врагах?

Под каждой крепостью есть нечто вроде колумбария, только хоронят там не урны с прахом, такого обычая в Ромее не было, а сами тела. Замуровывают в стены, с оружием, чтобы и после смерти души воинов хранили свой дом, как при жизни.

Это честь. И устаиваются ее далеко не все, из тех, кто лег на поле боя.

Рид с утра присутствовал на службе.

Честно стоял, слушал молитвы, а в голове крутилось совсем другое.

Вот дядюшка Стив сажает его на пони: 'Не бойся, малыш!'

- Я не малыш!

- Тем более, не бойся!

И бояться после этого как-то даже и стыдно.

Вот дядюшка Стив отвечает ему крепкий подзатыльник.

- За что?

- На дуэли дрался?

- Да....

- Почему не добил противника? Я же тебя учил - не оставлять живых врагов!

Вот Джок. Здоровущий, веселый, выходящий из общего строя.

- Меня пиши, маркиз.

И совсем не верится в их смерть.

Разве они могут умереть?

Конечно, нет. Они будут жить, пока жива Аллодия.

В войске Хурмаха затрубили звонко и гулко рога, отдались в крепости. Рид прислушался.

Хурмах приглашал на переговоры.

Первоначальные намерения у кагана были совсем другие.

Убить их всех!

Взять крепость штурмом, сравнять с землей, растереть в порошок негодяев, которые посмели ему противостоять! И не только посмели.

Они сделали из кагана посмешище, иначе и не скажешь!

Сорок тысяч человек гоняются за пятьюстами, при этом теряют малым не десять тысяч!

Позорище!

Но сдаваться Хурмах не собирался.

А переговоры... на них идут с разными целями.

А еще в Степи это целый ритуал.

Ставится навес, кладется на землю белая лошадиная шкура, ставятся чаши с вином, блюдо с хлебом, небольшая ритуальная жаровня. Сказанные здесь слова слышат боги. А как они карают за клятвопреступления...

Страшно. Фантазия у богов хорошая, раз уж они человека выдумали.

Степняки лично занимались обустройством, аллодийцам не доверили. Что они знают, эти варвары? Весь ритуал испохабят.

Спустя час калитка в крепости приоткрылась. Из нее вышли двое человек и направились к свежестроенному навесу, рядом с которым не осталось ни одного степняка.

Рид и его спутник, Ансуан Вельский. Виконт наотрез отказался отпустить командира одного на переговоры, и потребовал себе должность знаменосца. Убить было проще, чем отказать.

Хурмах себе не изменил.

Каган - и пешком? Да вся Степь смеяться будет! Только на коне, как завещали предки, только со свитой. И обязательно в золоченной одежде.

Рид оборванцем не выглядел, но если сравнивать - они сошлись, павлин с вороной. Торнейский совершенно не смотрелся на фоне кагана, но это до поры. Пока Хурмах не подъехал и не попробовал взглянуть сверху вниз.

- Ты! Черный волк!

Рид даже ругаться не стал. Просто поднял голову, пристально поглядел в глаза кагану и зевнул.

Да так, что волки позавидовали бы шикарному оскалу. И показалось кагану - или нет?

Блеснули на миг за губами маркиза острые волчьи клыки, блеснули - и исчезли?

Морок? Или - явь?

Хурмах рвано выдохнул и спрыгнул с коня.

- Торнейский.

- Ваше величество.

Хурмах чуть приосанился. Все же его признали, а от врага признание получить всегда лестно. Друзья польстят, приближенные солгут, а вот враги... от них скорее меча в бок дождешься, чем признания. Тем более, от такого врага, как Черный Волк.

Двое мужчин одновременно ступили на белую шкуру. Черный сапог - и раззолоченный, весь покрытый драгоценным шитьем и украшенный камнями. Еще один шаг, и мужчины устраиваются друг напротив друга, подвернув ноги, глядя глаза в глаза.

Рид начинает первый, как младший по званию. Ритуал он знает досконально, не первый год на границе, не первый год разговаривает со степняками. Маркиз отламывает кусок хлеба от общего каравая, медленно, напоказ проводит им над жаровней так, что огонь получает свою долю, обмакивает в вино, отправляет в рот.

- Хлебом, зерном и вином, на этот час между нами - мир.

Я разделяю с тобой хлеб и вино. Я тебе доверяю.

Хурмах зеркально повторяет его действия. Такие клятвы в Степи не нарушаются.

Несколько минут мужчины молчат, потом начинают говорить.

- Ты мешаешь мне, - достаточно мирно произносит Хурмах. - Я был бы уже в Равеле, если бы не твой отряд.

Рид пожимает в ответ плечами. Вины за собой он не знает, он в своем праве.

- Равель - это Аллодия. Это не степь. Ты пришел на мою землю.

- Вы слабы и не можете ее удержать.

- Пока что мы тебя удержали.

- Не войска короля. Ты со своими людьми.

- Это одно и то же.

- Волк может охранять стадо. Но что делать, если остальная охрана - зайцы? Разорваться?

- На сотню волков и вцепиться в глотку врагу, - кивнул Рид.

Идиотский вопрос.

Зайцы, лисицы... все он понимает, и в другом состоянии даже поговорил бы часика два на отвлеченные темы. Но здесь и сейчас - неохота.

Просто - не хочется.

- Ты уйдешь с нашей земли?

- Нет, - пожал плечами Хурмах.

- Тогда для чего ты все это затеял?

- Ты можешь умереть, а можешь сдаться, - когда ему хотелось, каган отлично умел говорить без красивостей и завитушек.

- Сдаться, а потом умереть?

- Хм-м... обещаю тебе жизнь, если сдашься.

Рид насмешливо фыркнул.

Жизнь?

О, да! К примеру, с отрубленными руками и ногами. Или в клетке на цепи. Или в качестве раба... да все возможно.

Жизнь?

А она нужна - такая жизнь?

Рид знал, сколько народа ответило бы 'ДА!!!'. Это - жизнь! И плевать, что это от скота! Жить, жить, хоть как, хоть рабом, хоть плевки с пола слизывая, но жить!!!

А вот жить человеком и умереть человеком...

Это намного сложнее. Простые люди и не думают о таком, но в том и отличие аристократа от холопа. Титул ведь не за красивые глаза и право рождения дается, его твои предки кровью брали.

И Рид твердо был намерен встать с ними в один ряд.

Он-то предками гордился, оставалось сделать так, чтобы они им не побрезговали.

- Моя жизнь на кончике моего меча, приди и возьми, если не побоишься.

Хурмах недобро усмехнулся.

- Твоя - да. А как насчет Шарлиз Ролейнской?

Рид на миг запнулся.

- Она у тебя?

- Клянусь копытами Кобылицы.

Эту клятву степняки не нарушали.

За спиной Рида выдохнул Ансуан Вельский. Маркиз даже бровью не шевельнул. Да, его невеста. И что дальше?

Он ее даже в глаза не видел никогда, на улице не узнает, мимо пройдет.

- Что ты хочешь за ее жизнь и свободу?

Хурмах прищурился.

- Жизнь за жизнь. Это ведь твоя невеста, тебе ее и выкупать.

Рид медленно покачал головой.

- Нет.

- Мне бросить ее голову к стенам крепости перед штурмом?

Рид хмыкнул.

- Твое право. Только голову, или по частям девушку нарежешь?

Взгляд Хурмаха замаслился, и Рид облегченно выдохнул, правда, про себя.

Ничего Шарлиз не угрожает.

Каган жесток, но женщин, которые побывали у него в постели, сразу на расправу не выдаст, сначала удостоверится, что те не понесли. С этой стороны Шарлиз ничего не угрожает.

- Могу и по частям. Тебе левую ручку, правую?

- Любую, - махнул рукой Рид. - Я сдаваться не стану, и крепость не сдам. Еще предложения есть?

- Ты можешь стать моим кал-раном. Ты достоин.

Хурмах понимал, что Торнейский не согласится. Но не использовать этот шанс?

Предательство - или смерть? Для кагана выбор был очевиден, для Торнейского тоже.

Меткий плевок зашипел в жаровне.

- Ты оскорбляешь мою кровь, каган, - с угрозой произнес Торнейский. - Если на то будет воля богов, ты заплатишь кровью.

За такое святотатство маркиза стоило бы разорвать лошадьми, но здесь и сейчас молчали даже жрецы. Черный Волк был в своем праве.

Кагану не стоило такое предлагать.

- Мы посмотрим на волю богов - завтра, - Хурмах был уверен в своей победе.

- Посмотрим. Ты все сказал?

Хурмах медленно опустил веки, показывая, что да, все.

- Тогда слушай мое слово. Или вы уйдете, или мы разобьем ваше войско, освободим пленников, а тебя я лично повешу на воротах, живого или мертвого.

Лицо кагана отвердело.

- Это твое последнее слово, Волк?

- Да.

- Тогда умри здесь.

Рид фыркнул. Его не удивило бы, и если каган решится ударить здесь и сейчас, но - нет. Хурмах просто поднялся со skóry, развернулся и направился к своим. Рид поступил так же.

Час они друг друга не тронут, и этот час почти закончился.

Интересно, Хурмах сегодня пойдет на штурм? Или даст своим войскам отдохнуть?

Рид посмотрел на солнце, которое клонилось к горизонту.

Выспаться бы. Еще хоть одну ночьку...

Хурмах с удовольствием пошел бы на приступ сразу же.

Увы.

Степняки - не регулярные войска.

Им надо остановиться на ночлег, отдохнуть, позаботиться о конях, выспаться и поесть. А на штурм можно и с утра.

Хурмах это отлично понимал, а потому позвал к себе Шарлиз Ролейнскую. Он тоже использует эту ночь с толком. И - нет, вовсе не для любви. Принцесса прилетела словно на крыльях, поклонилась...

Хурмах кивнул ей на подушку, на которую и опустилась девушка.

- У меня к тебе есть разговор.

- Мой повелитель...

- Молчи.

Шарлиз поглядела на Хурмаха, который расхаживал по шатру, на его лицо - и замолчала. Ей памятна была первая ночь с каганом. Сейчас она такого не выдержит, просто не сможет. Если будет кровотечение, выкидыш... умирать ей решительно не хотелось, а потому помолчим, как приказано.

Наконец Хурмах медленно заговорил.

- Ты принцесса, ты должна понять. Завтра мы с Торнейским сойдемся в бою. Воля богов мне неизвестна, победим мы или проиграем, останусь я жив, или моя душа поскачет к звездам...

Шарлиз молчала.

А что, ей же приказано, вот и молчит. Да и все восклицания будут выглядеть безумно фальшиво. Сейчас это не к месту.

- Ты - моя жена. Твой ребенок может удержать Степь.

Хурмах не хотел думать о смерти, но...

Если завтра его не станет, что начнется в Степи? Да привычная грызня за власть! И кому это надо?

Точно не ему, он больше двадцати лет потратил, объединяя всех в один кулак.

Если завтра он выиграет - он пойдет вперед. Если проиграет... лучше ему погибнуть в бою, все равно убьют, только более медленно и мучительно. И что ему остается?

Бросить кости самостоятельно, так-то.

К примеру, отдать этой женщине бумаги об их браке и несколько символов. Нагрудный знак, церемониальный скипетр, сделанный из конской кости и оправленный в золото, такой же церемониальный кубок...

А еще приставить к ней людей. Надежных, тех, кто поможет сберечь его сына.

Почему Шарлиз и ее дитя? Не кто-то из тех, что ждет в Степи?

Потому что этого ребенка признают все остальные страны. Это важно.

Хурмах снял со стола ларец и поставил перед Шарлиз.

- Здесь коронационные регалии. Кубок, скипетр, знак. Их получает каган Степи. Ты должна будешь вручить их нашему сыну. Тут, в ларце, двойное дно, там мое завешание. К нашему сыну перейдет мой престол.

- А если родится девочка?

- Передаст по крови. Внуку, - отмахнулся Хурмах. - Но для этого ты должна будешь доносить и вырастить ребенка.

Вот тут Шарлиз была полностью согласна и закивала.

- Бурсай ты знаешь. Оставь ее при себе. И Рохсай тоже. Эти старухи большие знатоки ядов.

Шарлиз поежилась. Но знания-то полезные...

- Да, господин.

- Еще я приставлю к тебе четырех воинов. Даже если я умру, а тебя вернут к отцу, оставь их при себе. Они полукровки, они похожи на вас, круглоглазых, но оружием они владеют как мы. Они тебя сэберегут от любой опасности, да и ребенка научат владеть оружием.

Шарлиз слушала внимательно.

Она могла любить или ненавидеть Хурмаха, но здесь и сейчас речь шла об ее будущем. Вдова короля Степи - или шлюха степняка, разница ощутимая.

- Они об этом знают, мой господин?

- Да. И в Степь вам хода не будет... не слишком быстро.

- Почему, мой господин?

Хурмах сказал чистую правду.

- Потому что мой ребенок будет мишенью для стрел. И ты, как его мать - тоже. Если я умру, тебя просто удавят, еще до родов.

Шарлиз схватилась рукой за горло, словно уже свивалась на нем шелковая петля удавки, скользила, готовясь затянуться.

Каган не шутил, ничуть не шутил.

- Нет...

- Поэтому слушай меня. Если завтра меня не станет, ты будешь знать, как действовать.

И Шарлиз слушала. Внимательно, серьезно, понимая, что от этого зависит ее жизнь. Да и не было дураков в ее роду. Ни Самдий, ни Элга не были глупыми.

Сволочами - да!

Но не глупцами, и Шарлиз не в кого было вырасти глупой. А разврат... так не во вред же себе! Что приготовит ей следующий день, Шарлиз не знала. А потому запоминала каждое слово, имена, адреса, слова, которые надо было сказать... она еще скорректирует планы под себя, еще поборется, но это потом, потом...

Сейчас - будь внимательна и все запоминай.

Хурмах отпустил ее за полночь, и Шарлиз провалилась в сон, как в обморок.

Что принесет ей грядущий день?

А вот маркиз Торнейский столь тонкой душевной организацией похвастаться не мог. Он попросту спал.

Крепко, сладко, с головой укрывшись одеялом.

Во сне он видел маму, видел Мелиссу, видел отца - не маркиза, конечно, а его величество Арреля, видел дядюшку Стива и Джока...

Это был хороший сон.

Его не винили ни в чем.

Ушедшие смотрели на него, и в их взглядах он не видел осуждения, которого так боялся. Он повел их на смерть, но и сам пошел. И они пошли за ним добровольно.

Джок протянул ему ладонь и подмигнул - позаботься о моих, маркиз.

Стивен на мгновение обнял, а потом отстранился, и пошел вверх по лестнице, сотканной из звезд. Весело, небрежно насвистывая и привычным движением придерживая эфес. Кажется, он собирался проверить, есть ли там вино и девочки. Найти - или завести?

К добру это?

К худу?

Вот еще толковальщиком снов Рид не нанимался. Но в одном он был уверен абсолютно.

Родные и близкие никогда не приснятся к чему-то плохому. Для этого и врагов достанет.

Матильда Домашкина.

Бывает такое в детстве.

Ты просыпаешься с предвкушением чего-то хорошего, праздничного, и ощущение у тебя такое... ты еще не помнишь, что хорошее должно случиться, но что оно случится - ты уверена. В детстве.

Во взрослой жизни чаще ждешь всяких пакостей.

Матильда открыла глаза и потянулась. Рядом недовольно мурлыкнула Беська, выпустила когти. Ты что, с ума сошла, человек? Я так хорошо на тебе устроилась, а ты тянуться решила? Это что за потрясение основ?

- Беська, я где-то читала, что кошки выделяют феромоны. Типа валерьянки. И человек на них подсаживается, - доверительно сообщила Матильда кошечке, почесав ту за ухом. - Это чтобы вас, блохастых не повыбрасывали на фиг!

Беська пренебрежительно чихнула и развернулась к Матильде попой, наглядно демонстрируя свое мнение об ученых с их теориями.

- Мы сегодня едем с Давидом развлекаться!!! - подала голос Малена.

- Отлично! - поддержала Матильда. - Тогда - на зарядку?

- Ыыыыы! А может, сачканем? Только сегодня? - герцогесса уже подцепила от сестры кучу современных выражений.

Матильда решительно покачала головой.

- Как можно столь малодушно потакать своим низменным желаниям, твоя светлость?

- Можно. А если хочется - то и нужно.

- Целлюлит покусает.

- Ага. Между прочим, у нас ваших символов красоты лечить бы начали. Или усиленно кормить! Это ж надо - такие скелеты!

- Надо. Зато варикоза не будет. И вообще - меньше попа - легче бег.

Поняв, что заболтать сестренку не удастся, герцогесса взвыла, но послушно начала делать приседания-отжимания. Матильда заодно размышляла на тему, почему садо-мазо вдруг стало так популярно. Наверное, это потому, что оно есть в каждой женщине. Вот так издеваться над

собой - мазохизм, а над другими? Садизм, ясное дело. Просто это все красиво оформили... наверное.

- Ага, я и садо, я и мазо, я и прочая зараза, - поддержала Малена, прогибаясь в поясе и касаясь носков ладонями.

Разминка, душ, под укоризненным взглядом Беси, которая, ясное дело, пришла в ванную, и теперь сидела на бортике, недовольно щурясь. А вдруг хозяйка сейчас ка-ак нырнет? В слив? Кто ж ее вылавливать будет, кроме верной кошки?

Овсянка.

Варить ее для себя одной было грустно, но Матильда приспособилась. Пока делаем зарядку, включаем чайник. Когда доделали, заливаем овес кипятком, укутываем и пошли купаться.

Выходим - и поедаем получившуюся замазку.

С удовольствием. Хотя с вареньем - оно вкуснее будет.

Давид позвонил, когда Матильда уже оделась и крутилась перед зеркалом.

Вот ведь вопрос. Что надеть? Им страдает каждая женщина, а ответ-то прост. Одеваться надо к месту и ко времени. Едешь ты в развлекательный центр? Надень на всякий случай удобную обувь, брюки и блузку. И симпатично, и ходить удобно, и тащить, и прыгать, и мало ли что? Даже в машину удобнее залезать не в юбке, а в слаксах. Хотя... смотря какие цели ты преследуешь?

Матильда к эротике не стремилась, а потому - черные слаксы, купленные по случаю (о, великий Секонд-хэнд), голубая футболка, сверху блуза чуть потемнее. Будет жарко - снимем, холодно - застегнем, на ноги тапочки из черной тряпочки, и плевать, что куплены они на распродаже за копейки. Вид у них хороший, ноге удобно, а носить обувь подметкой наружу - дурее не выдумаешь. Может, это у нее фирменные скетчерсы?

Интересующимся - можно дать рассмотреть поближе, растяжка позволяет.

На плечо черный рюкзачок, в котором нашли прибежище бутылка с водой, влажные салфетки, зеркальце с расческой, активированный уголь и ампула с нашатырем. Паспорт положим во внутренний карман, а кошелек вообще зароем на дно. Мало ли?

Мини-набор разведчика.

И Матильда поскакала вниз по ступенькам.

Черный джип запарковался у подъезда, выделяясь среди местных жигулей и матизов, как матерущий кит среди селедки.

Давид честно вышел и даже открыл дверь перед спутницей.

- Едем?

- Едем! - согласилась Матильда. И широко улыбнулась.

Машина муркнула мотором не хуже Бески и рванула с места.

Пока они ехали по городу, Давид молчал. Молчала и Матильда, глядя в окно. Разговорились они уже после выезда на трассу.

Слово за слово, взгляд за взгляд...

- Малена, а у тебя мечта есть?

Матильда, а сейчас отвечала именно она, пожала плечами.

Мечта?

Не скажешь ведь правду? Хочу, чтобы у нас с сестренкой все было в порядке. А, еще прибить Рисойских, разобраться с принцем, унаследовать лён*...

*- лён - в средние века поместье, предоставляемое вассалу, прим. авт.

Так вот скажешь, потом в психушку сдадут, не глядя. Пришлось обойтись более урезанным вариантом.

- Мечта... выжить - не считается?

Давид с улыбкой качнул головой.

- Нет.

- Тогда сложно сказать - когда ты сосредоточен на том, чтобы выжить, не скатиться на дно общества, у тебя нет времени на мечты. Я читала об эпидемии самоубийств среди аристократов. Так вот, у автора была гипотеза, что эти глупости шли не от обостренного понимания чести. А

просто - зажрались. Сыты, пьяны, деньги есть, проблем нет, тут любая дырка на платье - трагедия. А когда ты из последних сил тянешься... какие там мечты-самоубийства?

- А если честно? Малечка?

Матильда вздохнула. И решила выложить свою мечту, ладно уж.

- Я неоригинальна. Как и все женщины - дом, семья, дети, любимое дело. Самореализация.

- В детях?

Малена покачала головой.

- Нет. Те, кто пытается реализовать свои мечты в детях - на самом деле очень несчастны. Им силы не хватило, или смелости, вот они и гнут малышню под себя, пока могут. И не думают, что пружину можно давить до определенного предела. А потом она тебе так по лбу даст... Мне достаточно будет, если у меня будет любящая и любимая семья, если я смогу положиться на своих родных и близких в любой ситуации. А уж кем они станут... да хоть бы и дворниками. У всех свое счастье.

- Хм-м... а самореализация?

- А смеяться не будешь?

- Обещаю.

- Я поступила на документоведа. Я канцелярская крыса, я это знаю, но мне нравится возиться с бумагами. А еще мне нравятся интерьеры. Придумывать, обставлять, планировать квартиры и дома. Мне это интересно, это приносит удовольствие, и я бы хотела этим заниматься. Но это потом. Закончу институт, устроюсь на работу, и потихоньку начну создавать свой сайт, свое дело...

- А почему не сейчас? Почему ты вообще не пошла на дизайн? Есть ведь факультеты?

- Есть. Но бесплатных мест там точно нет. Я бы не прошла. А еще... на мне ведь таблички не висит: 'Я талант'. Не думаю, что после окончания факультета мне бы предложили контракт на дизайн дворца миллиардера, а кушать-то хочется всегда.

- Поэтому ты решила двигаться постепенно.

- Ага, с перерывами на трехразовое питание, - утвердительно кивнула Малена. - Если талант есть, он себя обязательно проявит. А если нет, учись, не учись...

Давид фыркнул, но спорить с этим тезисом было сложно. Сам-то от зари до зари не вкалывал...

- А у тебя есть мечта?

Давид бросил взгляд на подругу, но ответить соизволил.

- Да.

- Какая?

- Мне хочется встать в один ряд с Гуннаром Асплундом, Фрэнком Ллойдом Райтом, Григорием Морозовым, Оскаром Нимейером.*

*- знаменитые архитекторы, прим. авт.

- Я всегда мечтала посетить его собор, - оживилась Матильда. - Даже если внутрь не пустят, хоть рядом постоять...

Давид удивленно покосился, потом вспомнил про бабушку Матильды, и кивнул.

- Ты знаешь, что он за собор получил Притцкеровскую премию?*

*- аналог Нобелевской премии, но для архитекторов, прим. авт.

- Тебе ее тоже хочется получить?

- И желательно первому, среди русских!

И разговор ушел в дебри архитектуры. Хотя оба собеседника чувствовали там себя вполне уютно. Матильда привыкла спорить с бабушкой, а Давид впервые делился своими планами с кем-то понимающим.

Вот ведь беда...

Друзья-то есть, но не архитекторы. Девушки? Это если кто себя вконец не уважает. Тогда можно купиться на широко распахнутые глаза и страстный шепот: 'милый, ты та-акой умный...!'

Умный. Потому и не слушал подобных дур.

Но девушка, которая знает, кто такой Ле Корбюзье? Не путает стили архитектуры и рассуждает о них со знанием дела? Отличает модернизм от функционализма? И ей действительно интересно?

Это в практике Давида было впервые.

Торгово-развлекательный центр был громаден и внушающ. Матильда фыркнула и передала управление Малене.

Герцогесса ходила - и обмирала от восторга. А Давид получал удовольствие от ее вида.

В океанариуме они пробыли часа три, как бы не больше. Малена не могла оторваться от рыбешек. Ушли они только когда стали кормить акул. Хищницы герцогессе не понравились - Лорену напомнили.

И Малена с Давидом устроились перекусить в маленьком итальянском ресторанчике.

Кофе там был замечательный. А пирог с вишней и взбитыми сливками выше всяких похвал.

Малена наслаждалась каждым глотком, искренне сожалея, что в Аллодии не растет кофе. И не ждала подвоха, как вдруг...

- Додик, здорово! И вы здесь?

- Ах ты...!!!

Выражалась Матильда очень экспрессивно и образно, но так как ее не слышал никто, кроме Малены, то и в анналы истории ее фраза не попала.

Малена едва удержала лицо.

Все было так хорошо, так спокойно, так уютно, и вдруг...

Мало ей Антона! Так тут еще Юлия и Диана! Обе очаровательны, крашены, уложены у модных куаферов, обе уверенно стоят на таких шпильках, что Эйфелева башня от зависти плачет, Юлия в вишневом, Диана в интенсивно-зеленом, глаза разбегаются. Вырезы, мини, стразы в стратегических местах, все, что не в вырезе, то в облипочку.

Антон смотрелся рядом с ними вполне достойно. Этаким мощный, brutальный самец...

- Малечка, это подстава! Давай мы его пришибем?

Малена только вздохнула. Она бы и не против, очень хотелось. Но.... Прямо здесь? А куда труп прятать?

- А мы тут приехали на шопинг, смотрим, вы сидите...

- На жопинг, - огрызнулась Матильда, по-прежнему не слышима никем. - Чтобы тут случайно столкнуться? С таким везением надо в Лас-Вегас ехать, казино обдирать! Врет, как падла! Кажется, Давид думал то же самое. Но вслух ничего не сказал. Встал, пожал другу руку. Девушки сами скользнули за стол и затрещали, как две сороки-маньятки.

В '...' скидка пятьдесят процентов, в '...' сорок три, если у тебя есть карточка, а в '...' аж семьдесят пять! И Антоша такая лапа, такая прелесть, такое чудо... они уже так нашопились, так нашопились, покупки в багажник не влезают, пришлось на заднее сиденье складывать. А вы тоже на шопинг?

Малена смотрела на Давида с искренним сочувствием. Так хорошо день начинался...

Давид скрипнул зубами.

- Мы не на шопинг. Мы просто развлекаться.

Кажется, в глазах девушек это было одно и то же. И цепочка прослеживалась нехитрая.

Малена ничего не купила - Давиду жалко на нее денег - Давиду она не интересна - ее можно кем-то заменить - в атаку!!!

И девушки перешли в атаку. Диана подвинулась поближе к Давиду и защелкала о марке мужского белья, она вот тут рядом видела, может быть господин Асатиани тоже заинтересуется...

- Ага. Демонстрацией женского белья. Только свистни - и покажет все, - мрачно съязвила Матильда. Малена встала из-за стола.

- Простите, я вас оставлю на минуту, пойду, руки помою.

Развернулась и направилась к туалету. И не видела, как Давид проводил ее тоскливым взглядом. Контраст между нормальной девушкой, пусть и чуточку средневековой и силиконовыми самками двадцать первого века был разителен и беспощаден.

- Малечка, давай удерем?
- Тильди, а как мы домой будем добираться?
- Автостопом. Рюкзак у нас с собой, больше ничего и не надо. Почапали?
- Недостойно.
- Чего?
- Герцогессы. Бежать с поля боя.
- А лечь на поле боя - достойно?
- Тильди, ты и сама все понимаешь...

Матильда понимала. И одобряла сестричку. А что? Мы же круче, нас двое! Что мы - не порвем их, как Тузик тряпку?

- Конечно, порвем. Если не побрезгуем, - согласилась Малена.
- Но Антон - сволочь.

И впервые герцогесса не возразила сестренке.

Расправив плечи, улыбаясь, Мария-Элена Домбрийская шла в атаку.

Она сразу увидела, что обстановка за время ее отсутствия накалилась. Давид сверкал глазами, Диана дула губы, Антон ухмылялся, Юлия двигалась к нему поближе... Малене Давид обрадовался, как родной, и поднялся из-за стола.

- Извините. Я обещал Малене еще парк аттракционов.

Вообще-то ничего такого он не обещал, но Малена положила руку на локоть Давида и улыбнулась, подчеркивая, кто здесь кто.

- Да. Было приятно пообщаться, удачи вам в шопинге.

- Может, вместе погуляем, раз уж мы встретились? - грудью атаковала Диана.

- Малена, вы же не против нашего присутствия? - поддержала ее Юлия.

- Вы уверены, что вам будет удобно на аттракционах - в таком виде? - искренне удивилась Малена с подсказки Матильды. - Может, вы сходите, переоденетесь?

Девушку облили презрительными взглядами. Мол, что б ты понимала, деревня! Настоящей лЭди удобно всегда и везде - если она в мини и на шпильках! Это ж лЭди, а не твой Ухрюпинск! Малена пожала плечами, как бы подчеркивая - я же говорила, и Давид потянул ее на выход из кафе.

- Извини.

- Все в порядке, - так же, почти не разжимая губ шепнула Малена.

Давид выдохнул. Ну, он еще поговорит с Антохой за такую подставу! Это ж надо! Приволочь сюда этих крашенных куриц! Нашел время!

Аттракционы. Как много в этом слове.

Тут и горки, и какие-то карусели, и громадная тарелка...

Малена не могла назвать ничего из имеющегося, Матильда тоже. Как-то не повезло. Вот, на колесе обозрения она каталась. Кстати, вестибулярный аппарат у нее был вполне крепкий.

Давид махнул рукой, и взял билеты на 'обязательную программу'. На себя и на Малену.

Антон так же широким жестом оплатил вход своим девушкам.

И - понеслось.

На 'американских горках' герцогесса еще держалась, повизгивая изредка и от восторга. А вот потом...

'Ракета', 'Летающая тарелка', 'Шторм' и 'Бустер'...*

*- названия аттракционов взяты автором из местного парка развлечений и могут не совпадать с таковыми у вас в городах. Прим. авт.

Да, такого в средние века не испытаешь, разве что с летальным исходом. Когда тебя поднимают на высоту метров так в тридцать, потом начинают крутить в разных плоскостях. Или когда ты пристегнут к креслу, а громадное колесо раскручивается все сильнее, а ты-то не внутри, ты снаружи, и есть подозрения, что лететь будешь долго...

Малена вцепилась в Давида мертвой хваткой. Ответное пожатие тоже было сильным. Кажется, они цеплялись друг за друга.

Добил Давида 'Бустер'.

Когда твоё кресло вращается на высоте тридцать метров, причем во всех направлениях, а еще трясет, и переворачивает тебя вверх ногами... поверьте - это жуть.

Редкостная.

Кажется, рядом кто-то орал: 'остановите, я сойду!!!'. Кажется, кого-то тошнило. Кажется, кто-то истерически рыдал. Малена не знала, она сама визжала. Какое уж там герцогское достоинство? Вертели мы то достоинство на 'бустере'!

Малена спрыгнула на подгибающихся ногах, твердо решив для себя, что повторный визит - только через труп предложившего. И только тут заметила всех остальных.

Антон, кстати, держится неплохо. Спокоен, разве что растрепан. Но вот Диана с Юлией, которые на нем повисли...

О, это не вид, а мечта.

Прическа и макияж 'ведьма в атаке', съехавшее во всех направлениях мини, так, что разрез уехал чуть ли не под мышку, а грудь видна... это уже пупок, а не грудь, качающиеся шпильки...

Кажется, сейчас кого-то стошнит. А нечего было лезть!

Жалости к ним Малена не испытывала. Даже когда Диану начало рвать прямо на Антона, и тот шарахнулся с негодующим воплем, но не вырвался - вцепилась девушка будто клещами.

Рука Давида сжала локоть герцогессы.

Малена бросила взгляд на спутника, и тут же перехватила его поудобнее, так, чтобы большая часть веса мужчины пришлась на нее.

- Давид, мне плохо. Проводи меня, пожалуйста.

Сказано было громко и четко, и удивления у окружающих не вызвало. А кто там кого на себе тащит... кажется, Антон понял, но ему было не до того. Диану бы отодрать и почиститься...

Поделом!

Кое-как она оттащила Давида в угол за пальму, втолкнула на скамейку, и опустилась рядом прямо на пол.

Плевать! Слаксы - почистим!

Бутылка с водой, салфетки, хорошо - без запаха, достать, дать парочку, протереть лоб... так лучше?

- Да.

- Нашатыря?

- Давай.

Ампулу Малена переломила чуточку неловко, палец порезала. Но не смертельно, так, царапка.

Давид вдохнул, закашлялся, из глаз покатились слезы, но дышать нашатырем он не перестал.

Ему явно становилось легче.

- Как ты?

Малена протянула бутылку с водой, и Давид сделал несколько глотков, прислушался к ощущениям.

- Уже полегче. Извини...

- Брось. Самой тошно...

- Ну, Тоха, погоди у меня...

Давид откинулся на стену, не мешая Малене потирать ему лоб сначала холодной влажной салфеткой, а потом и чистым носовым платком. Желудок постепенно укладывался на место.

Хорошо хоть не стошнило. Но...

- Может, мы выйдем на улицу, посидим там? А потом и домой?

Свежий воздух определенно был бы в тему. Но...

Малена прочла мысли Давида без всякой 'битвы экстраксов'.

- Давай я возьму тебя под руку, вот так, опирайся на меня... нормально?

- Давай попробуем.

Ампулу с нашатырем Давид предусмотрительно завернул в салфетку.

Кое-как они прошли на выход. Хорошо хоть Антона не встретили, а то бы Давид ему точно в ухо дал. И его бы точно стошнило. Во всяком случае, при виде фаст-фуда Давид поднес к носу салфетку с ампулой. Да уж... какая тут еда?

Холодный воздух пошел на пользу горячему 'грузинскому парню'. Они устроились на стоянке, прямо в джипе, Давид с одной стороны заднего сиденья, Малена с другой. Господин Асатиани подумал пару минут, и положил ей голову на колени. Герцогесса робко погладила его по волосам, потом послушала совет Матильды, и аккуратно помассировала мужчине виски. Какая там эротика!

У вас извращенные фантазии, господа. Эротика несовместима с рвотными позывами. И нежности тут нет никакой. Просто ей еще домой ехать с этим водителем, и в ее интересах привести господина Асатиани в чувство. Чтобы не сдох по дороге, вместе с ней за компанию. Малена молчала, воздух был свежим, пальцы ласковыми и твердыми, и Давид расслабился. Постепенно вернулся на место желудок, прошли противные спазмы, и даже головная боль успокоилась.

- Еще полчаса - и поедем домой, ладно?

- Можно даже час, время есть, - согласилась Малена.

- А у тебя прав нет?

- Нет.

- Надо получить.

- Машины-то у меня нет.

- И что? Зато стаж будет, а каталась ты, или права в тумбочке лежали - кто там проверит?

Страховку будешь меньше платить.

- Неплохая идея, - согласилась Малена. - Но это следующим летом. Весной, где-то. И кататься будет легче, и время будет, как сессию сдам.

Заодно и денег накоплю. Нет у нас сейчас 'самоподготовки', задушили, сволочи! А в автошколе - дорого...

Давид опять замолчал. Малена массировала ему виски, и думала, что день, в сущности, прошел неплохо. Даже Антону поделом досталось. Хотя лучше б на него обеих гарпий стошнило.

И чего он хотел этим добиться?

- Всего сразу. Испортить вам интим, подложить под Давида Диану, дискредитировать его в твоих глазах, - бодро принялась перечислять Матильда.

- Это недостойно, - поморщилась герцогесса.

- Главное, чтобы подействовало. А там - какая разница? Победителей не судят, их отстреливают без суда и следствия.

- И непорядочно.

- Ничего, и не таких козлов любят.

- Тильди!

- А я что? Я ничего, и вообще, я за любовь! Вот взять бы что потяжелее, и ка-ак возлюбить покрепче некоторых...

- Тильди!!!

- А с чего ты взяла, что я про Антона говорю? Я, может, в принципе...

Так, в пререканиях прошло полчаса. Давид более-менее пришел в себя, уселся за руль, и здоровущий джип тронулся к выезду со стоянки. Медленно и очень осторожно. И - с открытыми окнами.

Малена на всякий случай огляделась, но Антона или его машины видно не было.

Вот и хорошо. Ибо - не фиг, ибо на фиг!

Она почувствовала бы себя отомщенной, знай, что Диану рвало еще полчаса, что Антону пришлось срочно приводить себя в порядок в туалете и покупать новую рубашку, что Юлию начало тошнить на выходе из центра, когда ей под нос сунули корзину с поп-корном, что дамочек рвало всю дорогу обратно, и Антон вынужден был останавливаться под каждым кустом. Так что домой они приехали уже за полночь.

Малена так этого и не узнала. А узнала бы - порадовалась.

Не по-христиански сие, чадушко?

А рыть другому яму - это как? Не лезь на рожон и не будешь поражен.

Они с Давидом доехали до дома ранним вечером, стемнеть еще не успело, Давид высадил девушку у подъезда, а потом еще отзвонился, как сам доехал. Малена волновалась и не уснула бы без этого звонка.

На следующее утро курьер принес девушке большой букет цветов и конверт.

В конверте был оплаченный абонемент в автошколу. То есть в любое время Малена могла прийти, предъявить его и учиться. Хотя осенью, хоть весной.

- А нашатырный спирт нынче дорог, - задумчиво прокомментировала Матильда. И облизнула поцарапанный палец.

Малена не стала спорить.

Дорога была не ампула, а сохраненное достоинство. И вообще, чего бы не хотел добиться Антон Великолепный, но сближению молодых людей он сильно поспособствовал. Общие трудности и не такие противоположности объединяют.

А платок с кровью Малены Давид почему-то не бросил в стирку. Сохранил...

Рид, маркиз Торнейский.

Атака началась на рассвете.

Рид помянул незлым матерным словом кагана, который даже перед смертью не дает приличным людям выпастся, и повернулся к Шарельфу.

- Кажется, конец?

Лоусель пожал плечами.

- Это будет хороший конец.

И поспешил на стену.

Командиры разделились. Шарельф оставался на стене, Рид отправился к воротам. Равно как и наступление велось по двум направлениям.

Тридцать. Тысяч. Степняков.

Это много, очень много. И они лезли и лезли, словно муравьи, захлестывая стены крепости, давили числом, и поворачивать назад не собирались. В крепости можно уцелеть.

А вот Хурмах точно не помилует.

Шарельф со стены выхватывал взглядом отдельные картины боя. Именно отдельные, потому что атака шла по всему периметру, и не хватало ни защитников, ни времени. Оставалось только держаться.

Вот, внизу, в ворота бьют тараном.

Со стены скидывают камни, по команде Лоуселя льют кипящее масло, но это бесполезно.

Степняки не отходят. Пожары тушат, не обращая внимания на погибающих товарищей, и удары в ворота продолжаются. И постепенно, под натиском железного 'свиного рыла' трескаются старые доски, уже подточенные предыдущими штурмами.

Вот за стену цепляются крючья. С каждым разом их больше и больше, над стеной появляется первая чернородая голова, кто-то размахивается палахом, и мощный удар смахивает ее с плеч. Несколько секунд степняк стоит, обезглавленный, а тело его поливает всех фонтаном крови из обрубка шеи, но потом смерть берет свое. Пальцы разжимаются, труп исчезает, но на смену ему лезет новый степняк.

Вот взмывают в небо черные стрелы.

И рядом с Шарельфом со стоном хватается за бок кто-то из солдат, кажется, Роско. Достали-таки, с-сволочи степные!

Вот поднатужившийся солдат с хэканьем скидывает со стены большой камень. Внизу что-то хрустит.

Лестница? Кости?

Слышатся предсмертные крики, но степняки не останавливаются. Воля кагана гонит их на убой.

И снова - лестницы, крючья, веревки, степняки... мертвые и живые, живые, становящиеся мертвыми.

Один за другим, один за другим...

Внизу, не удержав натиска, трескаются ворота, и кто-то из солдат бьет в дыру копьем.

Слышится крик степняка, но таран продолжает свою работу. Кто-то разряжает в дыру арбалет.

Рано, слишком рано.

Рид стоит там, внизу. Он не собирается уходить от ворот, сегодня его поле битвы здесь.

Красивые слова?

Таких на войне не бывает. Это грязь, кровь, слезы, это много боли...

И много долга.

Стоять, сквозь стиснутые зубы. Просто - стоять.

На стене отчаянно бьются люди.

И все же... степняков так много! Слишком много!

То там, то тут на стене вспыхивают очаги сражений. Первое время защитники крепости еще сдерживают их, но потом просто не успевают.

Падают солдаты, падает, схватившись за рану в бедре, Шарельф Лоусель, под руку ему лезет Карим...

- Держись!

И плевать ему на субординацию, что есть сил мальчишка тащит раненого командира прочь из боя, туда, где у донжона наскоро перевязывают раны.

- Отходим, - раздается крик на стене. - Медленно, отходим ко мне!!!

Аллес Рангор командует своей частью стены. Сегодня они все там, обозники, разведчики, арбалетчики...

Сегодня надо просто стоять. Стоять, держаться, невзирая ни на что. Стоять...

И медленно падает со стены Хенрик Эльтц, с пробитой копьем грудью.

- Отходим!

Встряхивает Карима за плечо комендант крепости.

- Труби!!! Слышишь - труби отход!

Мальчишка послушно подносит к губам рог - и чистый звонкий сигнал заливает пространство крепости, пронзая шум боя.

И так же медленно, словно в дурном сне, падают навзничь ворота. И в них показывается рыло тарана.

- Стрелы! - задорно кричит Рид. - Не цельтесь, не промажете!

Первых степняков просто сметает волна арбалетных болтов. И вторую волну - тоже. Но третья все же проникает в крепость.

И начинается резня.

Страшная, бессмысленная, беспощадная.

С холма, красуясь на белом коне, смотрит на это каган Хурмах.

- Сто золотых тому, кто принесет мне голову Торнейского. Тысячу тем, кто приведет его живым!

Он в бою не участвует. Ни к чему. Он потом придет на поле боя, омыть сапоги в крови побежденных. Потом.

Рид сейчас не думает о кагане. Он ни о чем не думает, он пляшет в смертельном танце. Пляшет так, как не плясал еще никогда, вкладывая душу в каждое движение.

В одной руке у него тяжелый палаш, в другой - длинный кинжал, и клинки мелькают так, что степняки отшатываются в ужасе.

Черный волк!

Рид ничего не видит. Перед ним тренировочное поле, и куклы из соломы, которые он некогда рубил под руководством дядюшки Стива.

Шаг.

Отвести клинок в сторону. Ударить кинжалом.

Шаг.

Взмах палаша. И степняк с воем хватается за распоротый живот. Шаг в сторону, не хватало еще поскользнуться на его вонючих кишках!

И снова - удар. На этот раз кинжалом, грех не ударить, такой соблазнительно незащищенный бок... и снова крик степняка. Сегодня Рид не сражается - он убивает.

И медленно, шаг за шагом, отходит к донжону.

Он понимает, что это лишь отсрочка, что Хурмах не остановится, что...

Плевать!

Он не собирается дарить врагу свою жизнь или продавать по дешевке!

Аллодийцы медленно отходят со стены к донжону. Группируются так, чтобы их не засыпали стрелами влетающие на стену враги. Там они примут свой последний бой.

Звонко и отчаянно поет рог, подавая команды.

Шарельф не может сражаться, но может видеть всю картину боя в целом, и он распоряжается отходом. Рид не дает отступлению превратиться в свалку. И то, что с ними маркиз Торнейский, поддерживает дух солдат. Не дает им дрогнуть, побежать...

Свистит арбалетный болт.

Карим вскрикивает. На миг рог смолкает.

Целились, наверное, в голову, попали в руку... и что? Перехватить рог другой рукой - и держаться. Просто - держаться. Пока он жив, рог будет петь!

- Отступаем!!! Отступаем!!!

Сигнал не дает отступлению прекратиться в свалку, в бегство. Шарельф подхватывает мальчишку, но кто там на ком висит - непонятно.

Когда враги ворвутся внутрь донжона, он сделает последнее, что может. Последнее, о чем попросил его Рид.

Отравит замковый колодец.

А там...

На один, на два удара, но его сил хватит. Живым его в плен не возьмут.

Медленно перегруппировываясь аллодийцы, под предводительством маркиза Торнейского, отходят к донжону. Пусть попробуют взять еще и его!

И Шарельф не поверил своим ушам, когда рогу Карима вдруг... отозвались другие рога?

Ему - почудилось?

- Ворота рухнули, мой каган!

- Мы на стене, мой каган!

- Они пока еще держатся, но мы прорываемся, мой каган...

Сплошь приятные известия, не так ли?

И тут, вдруг...

Это было похоже на удар молнии! Как лава вулкана, из леса вылетали всадники, строились на ходу в боевые порядки, в тяжелый клин, разворачивались копы, блестели на солнце щиты и шлемы, развевались знамена, пели рога...

Разведчики маршала Иллойского подошли к лагерю степняков еще вчера. Подошли, посмотрели, послушали, и отошли обратно. Сообщив маршалу, что крепость еще держится, что штурм на рассвете, и что Торнейский - там. Судя по разговорам степняков.

Маршал думал недолго.

Их - пять тысяч.

Степняков - тридцать.

Скакать ему - часов шесть. И что он может сделать?

Есть два варианта, либо он отправляется атаковать кагана прямо сейчас, и героически гибнет под стенами, просто потому, что их - меньше. Их числом задавят.

Либо - он ждет начала атаки. Ждет, когда все внимание атакующих сосредоточится на крепости, а потом бьет в самое уязвимое место.

Подло?

Военная хитрость. А сколько при этом поляжет... а Торнейский бы точно одобрил. И даже благословил. Вот уж в ком маршал ни минуты не сомневался, так это в Риде.

И одобрит, и благословит, и простит... даже с того света, если погибнет. Сам бы так поступил.

Дать о себе знать?

Артан решил не рисковать. Голуби ночью не летают, а днем... перехватят птичку степные сокола, то-то радости будет кагану!

Так что...

Копыта коней обмотали тряпками, оружие и снаряжение проверили лишний раз, чтобы нигде небрякнуло и не звякнуло, выделили сотню разведчиков, оставили все лишнее, взяли с собой только заводных коней, которых тоже через несколько часов оставят в лесу - и по седлам!

Артан так удачно рассчитал время, что они подошли к крепости около десяти утра. Как раз вовремя.

Усталость?

К Восьмилепому ту усталость, в гробах наложимся, там и отдохнем! Несмотря на долгий переход, люди были готовы сражаться. А кони... от них много не требовалось.

Меньшая часть степняков уже втянулась в крепость, большая была сосредоточена на врагах... за окрестностями никто и не наблюдал. Чем прекрасно воспользовался Иллойский.

Он тоже наблюдал за боем, отсчитывая секунды.

Вот падают ворота.

Вот аллодийцы начинают отходить. Вот степняки втягиваются внутрь... а вот теперь - ПОРА!!!

Артан махнул рукой, звонко и злобно запели рога, давая сигнал его полкам, и армия тронулась. Такой кавалерии у степняков не было. И вырастить ее пришлось бы долго.

Тяжелые рыцари в броне...

Это смерть.

Конная оружная смерть, сверкающая на кончиках копий, отражающаяся на кольцах кольчуг, на опущенных забралах.

СМЕРТЬ!

Степняки растерялись, заметались, и Артан не упустил своего шанса.

За несколько секунд до столкновения рыцари привстали в стремених и метнули короткие копья.

И тут же взялись за тяжелые копья и мечи.

Строгий порядок. Железное безумие.

В одну минуту Артан переломил ход сражения, и дрогнули, растерялись степняки и внутри крепостных стен. А защитники, почуввав, что пришла подмога, воспряли духом. И бросились вперед.

Отходить?

К Восьмипалому отход!

Атакуем!!!

Аллодия!

Урраааа!!!

Рид гигантским прыжком сократил разрыв со степняками, и снес с десятков голов, пока они не очнулись.

- УРРРААА!!!

И за ним, обретая новую волю и новые силы, мчались, на крыльях летели обреченные на смерть люди.

Смерть?

Смерти нет!

Здесь и сегодня мы бессмертны!!!

И когда усталые, израненные, измученные до последнего предела аллодийцы сцепились грудью в грудью со степняками, хрипя что-то невразумительное, вцепляясь во врага окровавленными пальцами, едва не зубами впиваясь в горло, когда в бой рванулись даже раненые, когда Шарельф, оттолкнув трубача, подхватил валяющийся под ногами кинжал, и шагнул, покачиваясь, вперед, когда Карим, задыхаясь от радости, заиграл совсем другой сигнал:

- В атаку! ВПЕРЕД!!! В АТАКУ!!!

Заглянув им в глаза, дрогнула и отступила сама Смерть.

Ибо на этом поле они были превыше. И могли - все.

И степняки дрогнули, растерялись, побежали...

Побежали под копыта коней Иллойдского, под арбалетные стрелы, назад, туда, где ждала их смерть, не собирающаяся уходить без поживы. Побежали так, словно за ними гнался лично Восьмипалый. Хотя окровавленного, усталого, черного от пыли Торнейского немудрено было с ним перепутать.

И глядя ему в глаза в ужасе пятились бывалые воины, не смея поднять оружие.

Демон...

И над полем битвы, откликаясь отчаянному зову рога из крепости, перекликались сталь и медь.

Артан буквально втапывал в землю степняков, не зная пощады.

Кто убежал - того и счастье, сегодня их преследовать не будут.

Каган в ярости развернул коня, намереваясь спуститься с холма, возглавить наступление, собрать этих подлых трусов - к чести Хурмаха он и не думал об отступлении. Ни минуты не думал.

Только о сопротивлении, о том, как повернуть сражение, но...

Тяжело и басовито прогудела арбалетная тетива. И не одна.

Не зря, ох не зря вез Иллойдский с собой разведчиков. И приказ им дан был четкий.

Найти командование степняков. Их штаб. И как только представится возможность - убить.

Всех.

Стоит ли говорить, что свою задачу аллодийцы выполнили?

Хурмах только и успел понять, что земля выросла и мчится ему навстречу. И кажется, дышать сложно?

И это было началом конца.

При виде кагана с арбалетной стрелой в горле, остатки мужества покинули армию степняков. А когда из ворот крепости черным вихрем вылетел Торнейский, и за ним, словно на крыльях победы, летели усталые, измученные и окровавленные защитники - у страха глаза велики. Степнякам показалось, что из ворот крепости выходит не меньшее по размерам войско, которое сейчас кинется на них.

И...

И степняки бежали.

Бежали, бросая звериные головы на шестах и оружие. Обозы и запасных коней. Раненых и приятелей, с которыми делили костер и вино. Бежали, нещадно нахлестывая коней.

Бежали, не оглядываясь, потому что за каждым трусом незримой тенью сейчас гнался по траве черный волк, и кровь отблескивала алым на призрачных клыках. Не скоро еще степняки решатся пересечь границы Аллодии. А самые трусливые и внукам-правнукам попомнят и завещают.

Не ходи на Аллодию.

Не вернешься...

Мария-Элена Домбрийская.

Кого можно найти в дамской гостиной с утра?

Малену.

Графиню Элинора.

Астелу, Даранель, Силанту и Ровену.

Графиня занималась своими тремя подопечными (Силанта не спорила, понимая, что мать пока не в состоянии стояния), а Малена и Ровена прикидывали очередное ПВО.

Противовражескую оборону, то есть.

И тут стук в дверь, и явление лакея, за которым идет этакий молодцеватый джентльмен с военной выправкой.

- Вам, ваша светлость, письмо.

- А не пакет от фельдмаршала?*

*- 'Гусарская баллада' Вам, ваша светлость, от фельдмаршала пакет. Прим. авт.

Матильда, усмехнувшись, приняла конверт.

Именно Матильда, потому что рядом была Силанта. И Малена уступила управление сестре, предпочитая отсидеться в тишине и безопасности.

Матильда посмотрела на мужчину, который доставил конверт. Пожилой, лет сорока, в ливрее, волосы уложены, усы нафабрены так, что острые кончики загибаются вверх двумя иглами.

- Это королевский курьер, - шепнула Малена.

Матильда приняла решение. И в руку курьеру вполне естественно скользнула серебряная монета, которую тот принял без малейшего удивления.

Да вот на таком и горят шпионы. Сколько давать, кому давать, в деньгах или по шее...

- Благодарю вас, уважаемый...?

- Арос Хост, ваша светлость.

- Благодарю вас, уважаемый Хост. На улице сегодня прохладно. Возможно, вы не откажетесь от чего-то согревающего?

Курьер пригладил усы пальцем. Этак, залихватски.

- Мне, ваша светлость, и велено дожидаться ответа...

- Тем боле! Аманда, накрой стол в малой гостиной!

Подросевшая домоправительница мило улыбнулась, присела в реверансе и повлекла за собой курьера.

Матильда промаршировала к столу, и с хрустом вскрыла печать на конверте. Тяжелая блямба красного сургуча с вытесненным символом чего-то трехголового и крылатого сломалась под тонкими пальчиками.

- Почитаем...

Письмо было коротким и по делу. Силанта попробовала влезть за спиной Матильды, но Ровена самым хладнокровным образом наступила Колойской на подол.

- Ох! Умоляю о прощении!

- Дура криворукая! - взвизгнула Силанта.

Матильда подняла тяжелый взгляд на 'сестру'.

- Еще раз оскорбишь мою компаньонку - поедешь ко двору в старых платьях.

- Но она же...

- Помешала тебе подглядывать? Я и так скажу, что в письме, не позорься. Завтра у меня встреча с его высочеством, который и примет решение по моему вопросу.

- Завтра? - ахнула графиня Элинон.

- Да.

Конечно, громадная честь. Приема у короля или принца могли годами дожидаться. Но это - всякая дворянская мелочь, а здесь цельная Домбрийская - это первое. И Тальфер наверняка поспособствовал - это второе.

Вспомнив про Варсона Шефара, Матильда загрустила. Кризис обещался или сегодня или завтра, а там видно будет - выживет, не выживет... второе пока было вероятнее. Исхудал бедолага так, что на скелет стал похож.

Графиня поднесла руки к щекам.

- Но как же... я же...

- Графиня, - мягко произнесла Матильда. - Нам с вами сейчас надо будет поговорить. Наедине. Астела сморщила носик, Силанта открыла рот. Матильда посмотрела на них фирменным взглядом бабушки Майи.

- Кто-то меня не понял? Ваше сиятельство, тетушка Элинон, прошу вас помочь мне написать ответ для его высочества. Пройдемте в кабинет?

Что графиня и сделала под недовольными девичьими взглядами.

Силанта скрипнула зубами и помчалась докладывать Лорану.

В кабинете Малена села в кресло и достала письмо.

Так...

- Ваше высочество... большая честь... благодарю вас за оказанную милость... пойдет?

Графиня, которая наблюдала через плечо герцогессы, кивнула.

- Да, Малена. Вполне. А...

- Ровена, солнышко, ты не отдашь курьеру письмо? - Матильда накапала сургуча, запечатала его фамильной печаткой с ланью, и протянула подруге. Да, уже подруге. - Заодно можешь посплетничать, с герцогессой-то он вряд ли будет откровенничать, а ты считай, своя... Ровена кивнула и улетучилась.

Матильда прямо поглядела в глаза графине.

- Сейчас у нас с вами будет серьезный разговор. Принц молод, красив, не привык к отказам у дам. Я молода, симпатична... и не собираюсь ему отказывать.

Графиня открыла рот. Но высказаться о нравах современной молодежи не успела.

- А...

- Поэтому надо сделать так, чтобы принц мне ничего не предлагал.

Графиня рот закрыла. Матильда развела руками.

- Он - принц, а я Домбрийская. И речь не идет о свадьбе, так попользоваться. Тетушка, давайте уж говорить прямо, если принц назначит мне такую цену - я смогу ему отказать? Астела бы смогла?

Графиня Элинон вздохнула.

- Нет. Не смогла бы.

- Но это не повод... минуту?

Девушка прислушалась к шорохам за дверью, и продолжила говорить, постепенно понижая голос и приближаясь к двери. - Я совершенно не считаю, что женщина должна спать с кем-то, чтобы получить то, что ей и так причитается...

И с последним словом Матильда со всей дури пнула дверь кабинета.

Та распахнулась.

На пол полетел Лоран Рисойский с разбитым носом. Падая, он зацепил Силанту, и та тоже рухнула, свалив заодно рыцарские доспехи, стоящие в углу.

Матильда только головой покачала.

Видимо, эта дура решила все доложить дядюшке, а тот, нет бы сразу войти, предпочел сначала подслушать под дверью, о чем таком тайном говорят дамы.

Зря. Вдвойне зря, учитывая, что дверь открывается наружу.

- Тетушка, позвоните в колокольчик, - вздохнула герцогесса. - Кажется, дядюшка не сможет меня завтра сопровождать в гости в принцу.

Лоран аж выть перестал.

- Куда?

- В гости к его высочеству.

- А...

- А теперь вам прямая дорога в гости к лекарю. Со сломанным-то носом.

Вой возобновился.

Матильда пожалела, что сломала дядюшке только нос. Эх, надо бы еще и конечности, но тут уж

- чем подставилось. Может, сотрясение мозга будет?

- Сили, потом доспехи на место верни, ты в них все равно не влезешь. Шлем можешь взять для дядюшки.

Матильда закрыла дверь, не обращая внимания на страдалцев и появившихся лакеев, и повернулась к графине.

- Тетушка, мне нужна ваша помощь. Вы же понимаете, одеваться можно по-разному...

Элинор пару минут подумала, и кивнула.

- Кажется, понимаю.

- А раз так - действуем. У нас мало времени.

Рид, маркиз Торнейский.

- Рид! Твою ж!

Маршал Иллойский спрыгнул с коня и крепко обнял маркиза. Рид улыбнулся в ответ, и хлопнул старого знакомого по плечу.

- Живы?

- Живы, - подтвердил Артан. - А вот Хурмах сдох.

- Туда ему и дорога, - не проявил никаких душевных терзаний маркиз. - Ну что - вперед?

- Вперед.

Если кто-то наивно думает, что враги бегут - и все, победа...

Зря. И снова - зря.

Это даже не начало победы, это так, разминка.

Вот представьте, враг бежит, враг разбит. Его надо догнать и добить. Или пленить. Надо позаботиться о своих, живых и мертвых. Позаботиться о чужих, живых и мертвых. Собрать трофеи, приготовить поест, обеспечить ночлег...

Надо, надо, надо...

Победили? Молодцы! А теперь давайте, работайте.

Войско поделилось естественным путем. Артан разбил свой отряд на десятки и направил патрулировать окрестности, зачищать, собирать трофеи - и гнать все к стенам крепости.

Пленных степняков сгоняли туда же.

Своих искали на поле боя, находили, мертвых оттаскивали в сторону, живых тащили в крепость, к лекарю. Этим занимались обозники Эльтца. Сам Хенрик погиб. Тело его нашли под стеной.

Из отряда в пятьсот человек, с которым Рид вышел из Равеля, осталось семьдесят шесть.

Раненые, усталые, измученные, почти не стоящие на ногах, но счастливые донельзя.

Победа!

Тут даже потаскать трупы не в тягость.

Степняков пока сгоняли в одно место и связывали. Худо ли, бедно... солдаты кружили рядом с ними, словно акулы. Только дернись, только дай повод, свесь пятку в воду... уж она тебя!

Дураков не находилось.

Каган погиб.

Погибла и большая часть кал-ранов, остальные были ранены. Тело Хурмаха Рид распорядился повесить на воротах.

Во исполнение обещания. Сказано было на переговорах - повешу? Вот и виси молча.

Люди работали на волне эйфории. Рид тоже работал, пока не...

- Ваше сиятельство!

- Да?

- Тут девка, говорит, она ваша невеста.

Рид только вздохнул.

- Веди.

Маркиз Торнейский никогда не видел Шарлиз Ролейнскую, но узнал ее сразу. Потрясающе красивая женщина, шикарные волосы, тело, громадные глаза...

Пришлось поклониться.

- Госпожа...

- Маркиз, - глаза Шарлиз чуть-чуть сощурились, как у кошки. - Я могу поздравить вас с победой?

- Можете.

- Поздравляю! - Шарлиз скользнула вперед, прижалась всем телом и крепко поцеловала Рида.

Хотела в губы, маркиз увернулся, вышло в щеку.

При всем уважении и понимании ситуации...

Плевать на понимание, все равно она под Хурмахом побывала! Для Рида Шарлиз была непоправимо грязной. Запятнанной.

Смешно звучит?

Но вот такой выверт сознания. Если бы Шарлиз блудила с кем-то из Аллодии, Рид бы отнесся к этому легче. Но степняки?

Враг?

Подстилка врага... фу, пакость какая.

Даже если она не по своей воле... не по своей ли? Судя по довольному и цветущему внешнему виду, Хурмах ее особенно не принуждал. Одни камни в браслетах стоят столько, что Ланрон восстановить хватило бы. Рубины малым не с перепелиное яйцо.

- Я тоже рад, что вы остались живы, - о предложении Хурмаха Рид промолчал, подозревая, что им и каган не делился ни с кем. - Полагаю, вы хотите вернуться к отцу?

На такую удачу Шарлиз даже не рассчитывала.

- Да, мне хотелось бы...

- Не имею ничего против. Я провожу вас до Равеля, оттуда по морю...

- О, нет! Только не корабли!

- Тогда по суше. Полагаю, эскорт ваш батюшка обеспечит.

Шарлиз опустила ресницы.

- Да, маркиз. Я тоже так думаю. Кстати, эти люди со мной, если бы не они, я не пережила бы плена.

Рид хмыкнул, оглядывая троих женщин, закутанных с ног до головы по степному обычаю, и четырех мужчин. Достаточно молодых, крепких, полукровок, кстати. Очень похожи на аллодийцев, но кожа смугловата, губы тонкие, да и сами движения...

Это надо просто видеть, чтобы понять. Степная школа боя.

- Об этом мы еще поговорим. А пока...

Рид огляделся вокруг. По счастью, Шарельф Лоусель оказался рядом. Маркиз поманил его пальцем и приказал - шепотом и коротко.

Шарельф кивнул, поклонился Шарлиз и пригласил следовать за собой. Не слишком быстро, нога болела - жуть. Чудо еще, что ходить может.

- Прощу вас, госпожа...

Посидят пока опасные гости где-нибудь под замком, к примеру, в башне. Потерпят.

А не нравится - пусть жалуются. В письменном виде, лично маркизу Торнейскому.

Шарлиз не нравилось. Но...

При ней оставались Бурсай и Рохсай. При ней оставалась Аршана, девчонка-служанка, которую подарил ей каган, в Степи это была обычная практика. А посидеть в башне...

Шарлиз понимала, что все висит на волоске. И если она будет его раскачивать...

Долго ли она сможет скрывать свою беременность? Если уже себя отвратительно чувствует?

Пару раз стошнит, потом сознание потеряет... ну и умному достаточно. А маркиз Торнейский не производит впечатления дурака.

Шарлиз оценила.

И одновременно испытала и чувство радости, и разочарование.

С одной стороны, было в Торнейском нечто... подсознательно мужское. За таким действительно будешь, как за каменной стеной. Не в темнице, но этот сделает все для своей жены и детей. И в постели с ним наверняка будет интересно. Такие не бывают плохими любовниками.

С другой стороны - Шарлиз знала себя. Ей нравится разнообразие, ей нравятся мужчины, рано или поздно она захочет большего, и...

Стерпит ли Торнейский измену?

Ага, смеяться после слова 'ли'. Ни терпеть, ни смиряться, ни молиться... Шарлиз оказалась бы запертой наглухо после первой же измены.

Вот и не знаешь, что делать. То ли порадоваться, что боги отвели, то ли погрустить, что такой мужчина мимо проплыл.

Или еще не поздно?

Может, попробовать его соблазнить? Мать говорила, что на ранних сроках, если себя хорошо чувствуешь...

Шарлиз коснулась живота.

Нет.

Ни один мужчина не стоит риска потерять ребенка. Будущего правителя Степи. Лучше уж потерпеть девять месяцев, а там опять вести привычный образ жизни.

Шарлиз смотрела в окно.

Воины сидели и ждали, женщины молились, а за окном шла работа. Победители разгребали все то, что наворотили побежденные, и таскать им еще было - не перетаскать.

Его высочество Найджел проводил время в одиночестве.

Редкий случай, но вполне возможный. Иногда принцу хотелось просто отдохнуть, поваляться в компании кувшинчика хорошего вина, подумать о своем, о личном...

К примеру, о болезни отца.

Вот ведь правильно все, стоило отцу заболеть, как все забегали вокруг Найджела. И Тальфер, и Тарейн, и... да все. Кланяются, в глаза заглядывают, наушничают...знают шавки, кто их хозяин.

Найджел коснулся пузырька в кармане.

Надо же, такой маленький, а столько всего в нем заключено. Надежды, интересы, мечты... принц вытащил склянку и поглядел на свет.

А маловато снадобья осталось. Надо будет завтра навеститься к ведьме, а то вдруг не хватит.

Отец пока болеет, но умирать не собирается.

Найджел произнес это про себя и поморщился. Восьмипалый, ведьма обещала, что все будет быстрее, надо спросить, почему не так?

Принц вспомнил темные загадочные глаза, вспомнил бледное лицо и поежился.

Гадость.

Но... есть ли выбор? Иногда приходится идти на сделки с совестью. И вообще... станет он королем и прикажет казнить эту гадину, вот! А нечего было его отца травить!

Найджел это безнаказанным не оставит.

Ведьма наверняка знала, для кого готовилось зелье, а значит, сама виновата. Судьба у нее такая. Обязательно надо будет ее казнить после коронации.

Мысли у дураков сходятся.

У подонков они сходились еще более успешно.

В небольшом домике, в котором была частой гостьей леди Френсис, и в котором был бдительный слуга по имени Сарет Корм, благодаря которому Варсон до сих пор висел между жизнью и смертью, было тихо.

Сегодня визита дам не предвиделось. Надо и отдыхать иногда.

Френсис Сорийская, Диана Лофрейнская, Ластара Стиарошт - и это еще не весь список. И к каждой нужен свой подход, у каждой свои привычки, вкусы... впрочем, скоро придется расставаться с некоторыми из них.

К примеру, Ластара.

Мужчина подозревал, что свое дело наглая полукровка уже почти выполнила. Вот, стоит на столе еще один флакончик, если первый, который готовила Ластара, вызывал безумие и медленную смерть, то второй содержал сильный яд. Три-четыре приема - и не спасут. Хотя там Брат с Сестрой спустись с небес, хоть Восьмилапый появись - не поможет.

Пусть Ластара даст его принцу, а дальше Найджел и сам все сделает. Усердная тварь, старательная...

Не дай боги, такое из его детей вырастет. Хотя тут-то ясно, мать нужна подходящая.

Мужчина потер подбородок.

Да, абы кому свое семя не доверишь. Та же Дилера Эларская - видел он ее портрет, не факт, что эта жердина ребенка выносить сможет. Нужен запасной вариант.

Мужчина хмыкнул.

Да, именно так, запасной вариант.

К примеру, иметь королеву - и нескольких любовниц. И чтобы затяжелели они одновременно. А в нужный момент или подменить ребенка, или просто объявить о рождении наследника... его кровь в нем все равно будет, а королева промолчит. Пусть только попробует не смолчать.

Мужчина задумался.

Для этого нужна женщина светловолосая, желательно, схожая с ним, сирота, без многочисленной и влиятельной родни, при этом благородная, неглупая, воспитанная...

Надо бы посмотреть таких по монастырям.

Кстати, ведь сейчас в столице есть одна монастырская воспитанница.

Мария-Элена Домбрийская, которая собирается ко двору.

Что ж, на нее тоже надо посмотреть пристально. И на предмет рождения детей, и на предмет награждения. Когда он сядет на трон, союзникам тоже надо будет бросить куски мяса.

Домбрийское герцогство может стать таким куском.

Надо, надо приглядеться к герцогессе.

Мужчина невидящими глазами смотрел в окно, на звезды.

Сарет заглянул в комнату, неслышно зажег свечи и вышел. Пусть господин размышляет.

Сарет обо всем знал, и не собирался мешать его планам. Только вот... что делать с удравшим нюхачом?

А может, и делать-то уже ничего не надо. Судя по тому, что все тихо-спокойно, он сам помер, все же Сарет хорошо приложился. Мог выползти на последних силах, да там и подохнуть, вполне мог.

А значит, нечего и господина расстраивать.

Не было ничего. И никого не было.

Точка.

Матильда Домашкина

- Да, выглядеть можно по-разному.

- По-кошмарному, по-безобразному... - продолжила издеваться Матильда.

И было отчего.

Матильда весь день провисела в интернете, выискивая ролики визажистов и стилистов, благо, был выходной. И гулять никуда не пошли, не до того.

Раскопали старую, еще бабушкину косметику, и принялись извращаться перед зеркалом.

Получившийся результат вдохновлял.

Жуткое трупобразное, которое отражалось в зеркале, лучше было не показывать священникам - могли и крестом шибануть. Так, для профилактики вампиризма.

Сиреневые тени на веки, розовые - под веки, немножко черной краски там, немножко тут - и растушевать.

И вы получите такое страхозаврище, что в ужасе отшатнутся и враги, и друзья. Словно напоминая о друзьях, зазвонил телефон.

- Да?

- Малена?

- Да, Сережа. Что случилось?

- Да ничего. Слушай, мы во вторник видимся?

Малена и Матильда начали прикидывать расписание. Получалось, что да.

- Видимся. Если ничего форс-мажорного не случится.

- Отлично. Буду ждать.

Матильда дружески попрощалась с парнем и повернулась к своему отражению в зеркале.

- А если еще мелка добавить?

Девушки активно готовились к встрече с принцем.

Рид, маркиз Торнейский.

- Голубя в столицу я отправил, - Артан осматривал окрестности, - и в Равель тоже, пусть оттуда отпишут Самдию.

Рид фыркнул.

- Да уж. Хорошо, что не породнимся, от такого помощи зимой попросишь - к осени получишь.

- Точно не породнитесь?

Рид покачал головой.

- Не хочу. Понимаю, что не виновата Шарлиз, но - не хочу! Убивайте, а я постель с ней лечь не смогу. Даже ради блага государства.

Артан и не подумал уговаривать.

- Заберешь ее с собой?

- Куда ж я денусь?

- В столицу? - предположил Иллойский. - Или есть еще варианты?

Рид скривился.

- В столицу...

А там праздники, чествования... домой хочу. А не получится.

- Я наверное, дня через два и поеду в Равель. И девчонку с собой возьму, оттуда уж сама до отца доберется.

- Свита у нее...

- Степняки, - спокойно махнул рукой Рид. - Полукровки, думаю, из личной гвардии кагана.

- Что?

- Есть у них такой обычай. Отдавать детей в гвардию кагана, своего родного обычно жалко, а вот от рабынь... кто их там считает?

Артан задумался.

- И ты, зная это...

- Оставил их в живых? В крепости? При Шарлиз? - при каждом перечислении Артан кивал, и Рид махнул рукой еще раз.

- Знаю. Но у них свой кодекс чести. Думаю, каган приказал им оберегать девчонку. Если сейчас всех этих людей от нее забрать - начнутся скандалы. Сделать они ничего серьезного не смогут, из башни-то, и приглядывают за ними как следует, но... тебе скандалы нужны?

Артан подумал.

Действительно, глупо как-то переживать из-за четырех степняков, когда их...

- Степняков было тысяч тридцать. Где-то тысяч десять мы перебили, еще тысяч шесть, по первым подсчетам, в плену. Остается четырнадцать тысяч.

- Думаешь, догоним?

- Думаешь, удрали? - в тон Торнейскому осведомился Артан.

- Уверен. Даже ради добычи не останавливаются. Каган погиб, сражение проиграно, остается сделать то, к чему они и привыкли - удирать на всех парусах. А нам - чистить территорию, чтобы случайно кто не затерялся по дороге.

- Что с пленниками делать будем?

Интересовался Артан исключительно ради очистки совести. Рид отвечал так же.

- Пусть отстраивают, что порушили. Потом с Дораном то же самое, и Интару пусть почистят. И в Равеле работ хватает. А потом пинка под зад - и в Степь. Кто жив останется.

- Коней много взяли. Не прокормим.
- Гнать этих тварей табуном в Степь и торговаться за пленных. Все равно на них никто, кроме степняков, не сядет.
Артан подумал пару минут, и кивнул.
- Да, пожалуй. Ты раньше поедешь, а я все обустрою - и тоже в столицу.
- Да я тоже могу задержаться.
- Нет. Ты поедешь как можно скорее.
- Почему? - насторожился Рид.
- Из столицы доходили плохие вести. Король, похоже, приболел, если что - тебя его высочество послушается.
Рид застонал в непритворной тоске.
- Ладно. Еду завтра же.
Артан развел руками.
Выиграть войну?
Вы попробуйте мир выиграть! Вот это будет ставка!

Лорена, вдовствующая герцогиня Домбрийская.
Если пациент хочет жить, то медицина бессильна. Лорена была живым подтверждением этого постулата. Несмотря на все усилия лекарей она поправлялась.
Сотрясение мозга постепенно проходило, нога, правда, не срасталась, но ведь и сколько времени прошло? Считай, нет ничего. С такими переломами и по полгода лежат...
Лоран сидел рядом и держал сестру за руку. Лицо его переливалось всеми оттенками синего и фиолетового.
- Вот так, сестренка.
- Стерва, - прошипела Лорена. - Я тебе еще когда это сказала?
- Признаю, ты была права, а я ошибался.
- И что мы теперь будем делать?
- Разумеется, подождем. Пусть она вступит в права на наследство, а уж там...
- Там - что? - прищурилась Лорена.
- Я снял один симпатичный домик. Кричи, не кричи - не услышат. А и услышат, не забеспокоятся. Отвезу ее туда, и буду спать с девчонкой, пока она не затяжелеет.
- Думаешь, у нас есть на это время?
- Уверен.
- А если Найджел лишит ее девственности?
Лоран фыркнул.
- Так будет еще лучше. Если что - я и королевского ублюдка приму, как своего, понимаешь?
Лорена понимала.
Когда у женщины есть ребенок, она на все пойдет. Ради малыша она солжет, украдет, убьет, разумеется, если это нормальная женщина. Вот сама Лорена вышла же замуж! И Силли стала падчерицей герцога, и получила все, что пожелала.
Мария-Элена тоже будет сговорчивее с пузом. Или с ребенком.
Кстати...
- А где Силли? Я ее давно не видела...
Лоран пожал плечами.
- Где-то. Я за ней не слежу, ее вообще взяла в тиски графиня Ардонская.
- Стерва!
- Повторяешься, сестренка.
Сестренка повторилась еще раз - и с удовольствием. И покрепче.
Лоран махнул рукой.
- Вкус у нее есть, одеть девчонок сможет, вывести тоже, а больше и не надо. Ты сейчас этим заниматься не можешь, пусть она занимается.
Лорена скрипнула зубами.
И повторилась еще раз.
Восьмилетней этой стерве малолетней воровит, не иначе! Откуда еще бы взялась такая удачливость?

Синий нос Лорана был тому хорошим подтверждением. И дернул же его шервуль попробовать что-то подслушать? Под дверью, которая открывалась наружу!

Сам виноват, думать надо было.

Нос откровенно болел. Хорошо хоть не сломан, но и так приятного мало. И сопровождать племянницу не получится, такое - не замажешь даже известкой.

И Лоран впервые задумался, стоит ли семейная жизнь таких переживаний? А то так женишься... и оставишь жену вдовой через годик-два. Веселой и довольной. И приданым попользоваться не сумеешь.

Стоит ли?

Ответа не было, а опасения к делу не пришьешь. А правда, где Силли?

Наверное, ленты примеряет. Или волосы укладывает... бабы!

Силанта была занята.

Она решила сегодня пойти на приступ. Дорак Сетон все ускользал и ускользал из ее рук, а скоро мать встанет на ноги и вновь потребует своего любовника... нет, надо действовать решительно!

Вот представьте, приходите вы в свои покои, а там интимный полумрак создан, ароматические свечи горят, и обнаженная девушка в кровати изогнулась.

И шепчет этак призывно: 'Возьми меня, я твоя'!

Что сделает в такой ситуации настоящий мужчина?

Разумеется, сорвет с себя всю одежду, упадет на кровать... дальше Силанта представляла себе процесс не слишком хорошо. Но разумеется, все у них будет.

А потом он будет целовать ее пальчики и шептать, что стал самым счастливым мужчиной на свете. Разве нет? Это же все романы пишут!

И время удобное.

Дядюшка у матери, Малена и графиня уехали ко двору, а девчонки упростили отца и брата сопровождать их по лавкам.

Отлично!

Так что Силанта порхала по покоям Дорака, приводя все в 'романтический вид', и готовилась к бурной любви. Уже скоро, вот-вот... со служанкой она договорилась. Та позовет Дорака в нужный момент.

Достойная дочь Лорены и Никора Колойских, стянула с себя платье и обнаженной легла на кровать. Распустила жиденькие волосенки и улыбнулась.

Никто не устоит перед такой красотой! Точно!

Какого шервуля?

Это была единственная мысль Дорака Сетона.

Вот представьте, у вас был бурный вечер с игрой в кости, потом бурная ночь с хорошенькой девушкой, потом вам пришлось выполнять свои должностные обязанности, и мечтаете вы только о том, чтобы отоспаться.

Заходите в свои покои, а там...

Шторы задернуты, какой-то ароматической пакостью воняет и голая дура на кровати шипит чего-то страстное.

Что в такой ситуации должен сделать настоящий мужчина?

Дорак романов не читал, потому и не знал, что чего-то там должен. И выбрал свой вариант - расчихался.

Да так, что сопли в стороны полетели. Потом все же прочихался, высморкался в два пальца прямо на пол, подошел к девице, которая валялась на кровати, даже не узнав в ней Силанту - полумрак, плюс слезы от чиханий действовали лучше любой маскировки, схватил ее за руку, вытащил из комнаты, даже не взглядываясь, отвесил пинка на прощание и хлопнул дверью. И засов задвинул.

Силанта так ошалела, что даже и слова не вымолвила. Пискнуть не успела.

Не было ни в одном романе варианта: 'обчихать и выкинуть!'. Не было! Нечестно!!!

Неясно, сколько бы простояла оскорбленная девушка, тупо глядя на дверь покоев Дорака Сетона, но в чувство ее привел кашель за спиной.

- Гхм... госпожа?

Силанта взвизгнула, обернулась, и поняла, что ее злоключения только начинаются.

Одна Аманда - полбеда, одна Ровена - тоже. Но обе? И еще двое лакеев позади?

Пока господа уехали, дамы решили пройтись по комнатам, посмотреть, где что подправить. А тут...

С достоинством уходить со сцены Силанта не научилась. Она завизжала - и бросилась наутек, сверкая голым задом. Аманда и Ровена ошарашенно переглянулись.

- Надо госпоже сказать...

- Вернется она из дворца - и скажем.

- И к Сетону зайти?

- Обязательно.

И Ровена постучала в двери покоев капитана Сетона.

Трехэтажные ругательства, которые донеслись оттуда, свидетельствовали, что капитан жив, здоров, и пребывает в отвратительном настроении.

- Капитан, это Ровена! Откройте!

Дверь распахнулась.

Ровену Сетон знал, и не опасался. И вообще...

Домоправительница и компаньонка осторожно заглянули в комнату. Ровена расчихалась первой, Аманда оказалась крепче.

- Боги, что это?

- Это какая-то с..., - прошипел Дорак. - Убил бы!

Женщины переглянулись.

- Капитан, вы ее не узнали?

- Нет...? - Дорак начал подозревать, что случилось нечто страшное. - Сами видите, эта идиотка и навоняла, и шторы задернула, и свечи идиотские зажгла... тут мать родную не узнаешь.

Дамы переглянулись еще раз, и роль предвестницы бури взяла на себя Ровена.

- Это была Силанта Колойская.

- М-мать...

Просить о соблюдении тайны? С тем же успехом можно было носить воду топором или резать море ломтиками. Дорак и не пытался. Вместо этого капитан доплелся до кровати, которую Силанта усыпала лепестками роз, уселся на нее с размаху, так, что половина оных лепестков тут же оказалась на полу, и безнадежно поинтересовался:

- И что теперь будет?

- Уборка, - отозвалась Аманда. - Сейчас пришло горничных.

Ровена была настроена куда как более оптимистично.

- Капитан Сетон, не расстраивайтесь. Я лично попрошу ее светлость, и не думаю, что будут какие-то репрессии. Учитывая, что вдовствующая герцогиня сейчас не командует, а ее брат лечит нос...

Дорак хмыкнул. И поглядел на Ровену с искренней признательностью.

- Спасибо вам, госпожа.

Ровена улыбнулась в ответ.

- Не за что.

Тем временем карета Марии-Элены подъехала ко дворцу.

- Давай лучше ты, - шепнула Малена подруге. - Я боюсь...

- Трусиха, - беззлобно проворчала Матильда. Но командование перехватила.

И - вперед!

В незабвенном солдатском стиле Людмилы Прокофьевны. Да-да, той самой, Калугиной, из бессмертного 'Служебного романа'. Она и прототипом послужила, откровенно говоря.

К чему ругаться, давить мужчинам на психику, бить их во все места?

Сделайте так, чтобы вас не захотели, вот и все. Для этого даже усилий не надо..

Ладно, вру. Надо.

Одежда, грим, походка и повадка - вот составляющие части девичьего плана, которые и были претворены в действие. И по дворцу его величества шла...

Это была вдохновляющая картина.

Если смотреть снизу вверх, Малена сейчас выглядела так.

Туфли с подковками, чтобы топтать погромче. Поувесистее, как слоняра.

Платье великолепного трупно-лилового цвета, поверх темно-серого. Чтобы кожа казалась бледной и нездоровой, да и вообще, эти цвета придавали Малене нездоровый вид. Никаких украшений, ничего такого. Траур, вы что - не понимаете?

Лицо.

О, этот шедевр вдохновенного кошмариста. Отродясь Матильда не знала, как называется художник, который рисует разные ужастики, но ее лицо сейчас таким и было. Шон Косс одобрил бы, а Здислав Бексиньский и руку пожал бы.*

*- смотреть на работы этих мастеров советую с утра. И потом хорошенько забыть, чтобы не приснились, прим. авт.

Немного мела, сажи, капелька румян в нужном месте - и что это? Лицо изжелта-серое, усталое, и выглядит герцогесса лет на десять старше своего возраста.

И волосы.

Побольше воска, зализать их до супергладкого состояния, и готово!

Можно сделать из чудовища красавца? Можно. И наоборот - тоже, главное тут - задаться целью.

Вот и нужная дверь.

Сначала прием приватный, потом, если все будет хорошо, Малену представят ко двору. Или не представляют.

- Ее светлость герцогесса Мария-Элена Домбрийская...

И девушки, сейчас они обе, остаются наедине с потрясающим красавцем, словно сошедшим с картины.

- Лоран! - ахнула Малена, заставляя тело склониться в реверансе и застыть так до позволения встать.

- Только помладше будет, - согласилась Матильда.

И верно, если поставить его высочество рядом с Рисойским, они оказались бы похожи, как братья. Светлые волосы локонами, большие голубые глаза, мужественные, хорошей лепки, лица, очаровательные улыбки... у принца она медленно пропадает, это хорошо.

- Поднимитесь, герцогесса.

Матильда послушно распрямилась. Теперь именно она. И подавила желание отпартировать: 'товарищ принц, по вашему распоряжению, прибыла в распоряжение дворца'.

Маскарад достиг цели. Смотрел на них потрясающий красавец, смотрел без всякого удовольствия, и долго смотреть не собирался.

- Итак, вы Мария-Элена Домбрийская.

Реверанс.

- Наследница герцогства Домбрийского.

- Если на то будет воля вашего высочества и его величества.

Найджел кивнул. И задал провокационный вопрос.

- Почему я должен передать вам право наследования?

Матильда, которая перехватила управление, противно сощурилась и закачала головой.

А что?

Как известно из популярного (и поди, не стань популярным с такой продолжительностью) сериала - не надо родиться красивой. Вместо этого можно вести себя, как дура, корчить рожи и бить по головам директоров. Главное ж что?

Правильно, интеллект.

- Не мне, ваше вели... высочество. - Угадала, Найджел заметил оговорку и расплылся в улыбке.

- Женский ум не предназначен для таких сложных вещей. - И вновь улыбка. Шовинист! Клары Цеткин на тебя нет, чтоб вломила промеж ушей. - Моему будущему супругу.

Найджел насторожился.

- У вас уже есть кандидатура?

Матильда покачала головой.

- У меня, ваше вели... высочество...

- Называйте просто - сир, - благородно решил не перегружать дамский ум лишними тонкостями Найджел.

- Сир, у меня нет, сир. А у короны, наверняка, найдется.

- Хм-м... и вы так просто об этом говорите, герцогесса?

Матильда скривила рожу. Принц поморщился, но не шарахнулся. Храбрый юноша. Тут главное не переиграть, чтобы все-таки не решил 'облагодетельствовать'.

- Сир, позвольте мне быть откровенной?

- Ну... пожалуйста.

- Могу ли я рассчитывать на глубокую и искреннюю любовь, такую, как пишут в романах? С моей-то...

Матильда глубокомысленно замолчала и обвела свое лицо. Принц вздохнул.

Вот как тут быть?

Жестоким Найджел отродясь не был, и вломить в лицо девушке, что если ее на огороде выставить, то вороны за тот год урожай вернут, просто не мог. По счастью, девушка это и сама понимала. И развела руками.

- Я не дура. И все понимаю, сир... может быть, найдется кто-то, кто оценит мой ум, а не только внешность?

Ага. Сразу же, после дождика в четверг. И оценщики, и опробщики в очередь выстроятся, надо только про приданое рассказать.

Найджел задумался.

- Что ж, это в любом случае, дело не одного дня.

- Тогда, сир, можно пока назначить меня, а когда я выйду замуж, оговорить с супругом, что наследником будет наш первый или второй сын, а мы будем местоблюстителями...

Идея была неплохой.

- Да, пожалуй.

- О, сир! Благодарю вас!

В порыве восторга Матильда всплеснула руками и бросилась на колени, восхвалять ум его высочества.

Крохотная сумочка, висящая на поясе, оторвалась и раскрылась.

Из сумочки во все стороны полетели игральные карты. Сама лично рисовала, взяв за основу колоду 'Тобаго' художника Бориса Митина. Уж очень выразительная, и в духе эпохи, а рисовать умели и Матильда, как внучка архитектора, и Малена, как аристократка.

Да, не цветочки, ну и что? Кому тут нужна ботаника?

Матильда покраснела, и бормоча извинения, принялась их собирать.

- Колода, - задумался, его высочество, помогая растяпе. - Вы играете в карты, герцогесса?

- Разве что в 'Блеф', - потупилась Матильда.

- Блеф? Не слышал о такой карточной игре? И карты странные...

- Сир, позволено ли мне будет рассказать и показать?

Скука развеялась, как дым.

- Пожалуй, герцогесса.

Доверенный слуга поскребся к Баристу Тальферу под вечер.

- Господин...

- Да?

- Его высочество собирался дать аудиенцию герцогессе Домбрийской.

Да, Барист был в курсе.

- И что?

- Вы приказали доложить, когда все закончится...

- Закончилось?

- Нет. Герцогесса до сих пор у его высочества. Приказывали подать обед на двоих, слугу выставили...

У Бариста челюсть отвисла.

- До сих пор?
- Да, господин.
Интересно, это какие же позы герцогесса в монастыре изучила?
Пошлую мысль Барист задавил в самом зародыше. Взамен явилась вторая.
А Найджел точно еще жив?
- Ладно. Надеюсь, голову мне сегодня не отрубят.
И Барист направился к покоям его высочества.
Не доходя, свернул в коридор, коснулся завитушки.
Кто сказал, что во дворце нет тайных ходов?
И что при должном умении и опыте их нельзя вычислить?
Для человека, который привык копаться в финансовых отчетах, это несложно. Чего бы один умник не накрутил, другой всегда в состоянии распутать будет. А уж кто там крутил, бухгалтер или архитектор - неважно.
Барист собрал на пузо три килограмма пыли и паутины, но до глазка добрался. И услышал...
- Шесть виноградин сверху.
- Отвечаю. И еще три.
- Принимаю. И еще пять.
- Вскрываемся.
- Три десятки.
- А у меня каре!
- Опять вы выиграли, сир. Лишаете бедную девушку винограда...
Ответный смехок Найджела был таким довольным, что Тальфер успокоился. Но все же...
Барист выполз наружу, почистился, и решительно направился к покоям его высочества. Слуги послушно доложили о его приходе.
Что самое поразительное, встретили Тальфера аж два недовольных взгляда.
- Что случилось? - капризно поинтересовался Найджел.
Герцогесса Домбрийская... это - она?
О Боги!
Барист даже не сразу опознал это чудовище. Что-то жутковатое, лиловое, прилизанное, но... довольное? И принц доволен?
А что у них в руках?
И что тут вообще происходит?
- В-ваше высочество, сопровождающая герцогессы, графиня Ардонская, очень волнуется...
Матильда вздохнула.
- Это моя вина. Его высочество объяснял мне правила новой игры. И мы совсем забыли о времени. Он такой умный, такую интересную игру придумал... а я все никак не могу выиграть.
Найджел расплылся в довольной улыбке.
- Я вам дам шанс отыгаться, герцогесса.
- Вы сделаете меня счастливой, сир!
- И - да, наверное, вам надо идти... время, да и репутация...
- Да. Репутация, - грустно отозвалась Матильда. - Да, сир.
- Ах, да, Барист, составь там бумаги. Я подтверждаю вступление герцогессы в наследство. До первого ребенка-мальчика, которому она и передаст титул.
Барист поклонился.
Конечно, составит.
Интересные какие картинки... карты?
Карты в Ромее были, но не такие, совсем не такие. И колода поменьше, и такой игры не знали.
Так что здесь произошло?

Смеяться Барист начал еще на лестнице, когда Матильда честно объяснила происходящее. И продолжил потом.
- Да, ваша светлость. Вы просто невероятны.
- Как вы думаете, надолго ему этой игры хватит?
- Думаю, надолго.

- А потом я еще парочку придумаю, - к услугам Малены была вся сеть 'Интернета'. И вообще, можно построить рулетку, спроектировать 'Однорукого бандита' и открыть казино.

Даешь Монте-Карло в Ромее?

- А... вот это?

- А с этим я постепенно буду расставаться. Просто мне нужно было, чтобы принц не смотрел на меня, как на женщину, вот и расстаралась.

Барист хрюкнул, а потом уже более серьезно поинтересовался:

- Как там дела у Варсона?

- Пока - без изменений, - отчиталась герцогесса. - Ждем кризиса.

Тальфер вздохнул.

- Ваша светлость, документы я вам завезу? В ближайшее время?

- Буду рада, - согласилась Малена. - Приезжайте.

- Игре научите?

Малена утвердительно кивнула.

- Обещаю. Научу.

Расслабиться она себе позволила только в карете. Ненадолго.

- Ну что, Малечка, мы выиграли гонку?

- Впереди еще стиппль-чез, - отозвалась Малена. - И мы пока не выиграли.

- Почему же?

- Еще неизвестно, кого нам в мужа подсунут...

- Разберемся, - отмахнулась Матильда. - Неужели ты не веришь в мои способности?

Малена верила. В чем и поспешила уверить подругу.

Графиня Ардонская порадовалась за девушку и помогла снять макияж. Ходить чучелом и дома Матильда не нанималась, хватит того, что полдворца распугала.

Ничего, я вас еще научу, что в человеке главное - душа! И ее прекрасные прорывы.

Вот и особняк. Парк, знакомые двери, и девушкам становится все спокойнее и уютнее. Они дома. А что в гостиной делает Дорак Сетон?

И Лоран Рисойский?

И Силанта?

И даже Лорену вниз стащили?

Да что тут происходит?!

Малена мигом передала управление Матильде, и та не подвела. Широко улыбнулась.

- Ну что, дорогие родственнички, принц пообещал подтвердить мое право на владение и наследование. Выпьем за это?

Молчание было ощутимо, как одеяло. Лица у всех были такие мрачные, что Матильда заподозрила худшее.

- Что, кто-то помер? Или того хуже, воскрес?

- Нет, - прошипела по-змеиному Лорена. - Все намного хуже. Моя дочь опозорена!

Вот уж чего не ожидала Матильда. Малена - и та ахнула в шоке.

- Да что вы говорите, матушка? И кто рискнул? То есть - кто посмел?

- Я сейчас все объясню, - процедил Лоран. - Да, поздравляю.

- Благодарю, дядюшка. Вы бы времени не теряли, записывались к принцу на прием? Вдруг да и рассмотрит кандидатуру? У него пока никого на роль моего супруга не предусмотрено.

- Обязательно последую вашему совету, - процедил Лоран. - Так вот, сегодня днем...

Слушая историю в изложении Лорана, Малена покатывалась со смеху. Матильда тоже.

Получалось так, что Дорак затащил невинную деву к себе в комнату и намеревался там отблестеть во всех позах. Дева вырвалась и удрала.

Позор, кошмар, жениться трэба.

По заявлению Дорака получалось, что он никого не затаскивал, а наоборот - выкинул. И какая там любовь, когда прочихаться нет возможности?

- Кошмар, - поежилась Малена.

- Ага, она его так и угробить могла, - согласилась Матильда. - Вот, у нас одна дура журналов читалась, и вместо того, чтобы мужика покормить жареным мясом с картошечкой, подала на

ужин суп-крем из морепродуктов. А у него аллергия на мидии. Отек Квинке начался, хорошо хоть в соседней квартире терапевт жила, успели. Зато впечатлений - на всю жизнь.

- Он же не ел ничего.

- Дышать тоже хватает. Вон, у меня есть знакомая - атеистка до мозга костей. Мимо церкви проскакивает с такой скоростью, что хвост дымится.

- Не вижу взаимосвязи.

- Она начинает задыхаться, тоже начинается отек Квинке, вплоть до анафилактического шока доходит.

- Из-за храма?

- Практически. Они ж там ладан жгут, а в его составе есть коричная кислота. У нее аллергия оказалась. Редкая, но меткая. Два вдоха - и все признаки бесноватости. Задыхается, пена идет, глаза из орбит лезут. Так-то...

- Жуть, что на свете бывает. А тут что нам делать?

- Спокойно, Маша, я Дубровский. Ты помнишь?

- Да.

- Тогда доверься мне, я сейчас всех направлю на путь истинный. Или пошлю.

Матильда улынулась, как милая и добрая гиена.

- Да, кошмар! Капитан, вы точно никого не насиловали?

- Никого, ваша светлость! - отрапортовал, вытягиваясь в струночку, Дорак.

- Тогда сейчас приглашаем повитуху. Если Силли еще девочка... Силли?

- Я... эммм...

- Вот она и скажет. Девочка или нет, сегодня ты женщиной стала - или нет, и даже добровольно ли. Поверь, следы остаются.

Силанта залилась краской от ушей до пяток.

- Я...

- Разговариваешь с повитухой, и я вызываю сюда матушку Эралин.

- Зачем?! - взвыли в один голос все присутствующие.

Матильда развела руками.

- Как - зачем? Вы себе представляете, какая волна сплетен пойдет по столице? Да Силли живьем сожрут. А так... мы ее спрячем в монастыре на полгодика, а потом вызовем. А слух пустим, что это служанка была. А Силанты здесь нет. Так поверят.

Лорена сомневалась. Матильда пожала плечами и добила.

- Матушка, а вы что - хотите Силли выдать замуж за капитана? Дорак, не обижайтесь, вы чудо, вы замечательный капитан стражи, но для наследницы Колойских хотелось бы кого познатнее. Дорак не обижался. Даже наоборот - сиял собственным светом. Он был полностью согласен с Матильдой. И познатнее, и подальше.

- Ваша светлость, разрешите, послать за повитухой?

- Сама пошлю. Чтобы не дай Боги, вас в сговоре не заподозрили, - отмахнулась Матильда. - Ровена!

Компаньонка тут же оказалась рядом.

- Да, госпожа?

- Побудь с Силли. Такое потрясение, не дай Боги, девчонка что с собой сделает.

- Я не хочу в монастырь!!! - взвыла Силанта.

Матильда поглядела злобным взглядом.

- А тень на весь дом ты бросить хотела? Милая сестричка, моральная и сексуальная распущенность до добра не доводит!

- ЧЕГО?! - читался вопрос на лицах присутствующих.

- Перевожу, - закатила глаза Матильда. - Потакание своим желаниям без оглядки на последствия - есть худший из грехов человечества. А за ошибки платить надо. Побудешь полгодика в монастыре, потом все забудется, а там и мужа тебе подберем. Аманда!!! Домоправительница явилась еще быстрее. Интересно, сколько там еще подслушивающих?

- Отправь нарочного за матушкой Эралин. Спроси, не желает ли она навестить нас сегодня. Время пока есть...

Лоран и Лорена переглянулись.

В принципе, решение было неплохим. Монастырь, тишина, никакого скандала, сплетни притушим, а там и девчонку вернем. Нормально...

Силанта недовольна?
Ничего, впредь думать будет.
На том и порешили.

Повитуха прибыла через полчаса.
Силанта оказалась девственницей.

Матушка Эралин прибыла через полчаса после повитухи. И бросилась к Малене.
- Мария-Элена, дитя мое!
- Благословите, матушка.
- Да пребудет в твоей душе мир, дочь моя. Что случилось? Я сразу же поспешила сюда, получив твое письмо.
Матильда вздохнула, огляделась вокруг.
- Матушка, у нас очень деликатное, даже интимное дело. Приглашаю вас поговорить наедине. За что и удостоилась возмущенных взглядов. И злорадно улыбнулась. Попробуйте, подслушайте. У кого там лишний нос есть?
В кабинете Матильда уселась за стол, кивком направила матушку в нужное кресло, и положила руки на стол.
- Матушка, сегодня я стала наследницей Домбрийских.
- Поздравляю, дитя мое, - возвела глаза к небу матушка Эралин. - Да пребудет с тобой мудрость Брата и мягкость Сестры.
- Благодарю. Вы первая, кто об этом узнал.
Из посторонних.
- Я польщена.
Матушка Эралин просчитывала ситуации.
А ведь не так и плохо получается? Девочка вступила в наследство, девочка легла под Рисойского, но при первых проблемах куда она бежит?
Правильно, к матушке Эралин.
Так что надо убрать Лорана и найти малышке подходящего мужа. И тихо-скромно, все состояние Домбрийских перейдет в ручки матушки Эралин. Это же хорошо?
Очень.
- Но начинается мое... управление герцогством с печального факта. Моя сестра опозорила нас, спутавшись с неподходящим мужчиной.
- Плоть слаба, - вздохнула матушка Эралин.
- Мы хотели бы, чтобы она пожила с полгодика в монастыре. И я готова оплатить ее пребывание.
Матушка Эралин оговорку заметила, но промолчала. Матильда вздохнула и продолжила.
- Мы... Я считаю, что так будет лучше. Чтобы не бросить тень на семью, вы понимаете...
Матушка Эралин понимала.
Там, где речь идет о ее выгоде, она понимала просто великолепно.
- Это достаточно дорого будет стоить. Расходы, сохранение тайны, дорога...
- Это - моя семья! - пафосно провозгласила Малена.
Спустя полчаса они договорились.
Заплатить пришлось вдвое больше, но зато монастырь будет самый лучший. В скалах. Святой Заступницы Ассалены. Коллектив - двенадцать монашек, три послушницы. Ехать - месяц. Монастырь вырублен прямо в скале, все условия для благочестия и молитв.
Завтра же с утра и отправление.
С этой радостной вестью Матильда и вышла в гостиную.
Силанта впала в истерику после слова 'монастырь'. Матильда поглядела на Лорену и Лорана.
- Матушка, дядюшка, вы сами разберитесь, ладно? Вы же понимаете... Силли, солнышко, ты не расстраивайся, стихнут сплетни, и все у тебя будет. И первый бал, и богатый муж, а пока помолишься, чтобы все удалось.
И удрала.

Дашь равноправие? Как ее в монастырь, так можно, а как Силанту - так горе? Ничего, молиться полезно, особенно в скалах.
Ну что, день прошел плодотворно?
Принца в покер играть научили, владение подтвердили, с Баристом побеседовали, документы получим, с Силантой разобрались, матушке косточку кинули...
Есть чем гордиться.
Определенно.
И спать пора, а то Матильде скоро на работу.

Матильда Домашкина.
Понедельник - день тяжелый?
Вот еще! Главное, чтобы на душе было легко, а какой там день - и вовсе неважно. Матильда и Малена даже не думали о таких мелочах.
И чихать, что с утра зарядил мелкий гадкий дождик.
Что небо затянуто серыми тучками.
Что дует противный ветер.
Встать, улыбнуться, подтянуться - и вперед! Каблучками по лестнице. И - да! Тете Параше тоже надо улыбнуться, пусть у нее разлитие желчи начнется!
Как ни странно, гадкая тетка тоже улыбнулась в ответ. Интересно, что это она? Как-то нагадить собирается?
Наверняка.
Девушки отметили это и выкинули из головы.
- Привет! Подвезти?
Притормозил рядом жигуленок-шестерочка, и оттуда выглянул Сергей. Не музыкант, а Куницын, четвертый менеджер агентства.
- Привет! Извини, я лучше пешком, - развела руками Малена. Сейчас именно Малена, а не Матильда.
Сергей покачал головой - и поехал вперед. Малена тоже пошла, прикрываясь зонтиком. Но больше номинально.
- А почему ты не согласилась?
Малена подумала секунду.
- Тильди, а тебе хочется ехать с ним?
Матильда тоже подумала.
- Ну...
За время работы они с Сергеем и пары слов не сказали. Если только про кофе, или про печенюшки, а что он за человек, чего ему от жизни хочется - неясно. Антон его гонял и в хвост, и в гриву. Привезти, увезти, как обладатель собственных 'колес' Сергей очень часто бывал в разъездах. Не шефу же повсюду бегать!
- Мы его, считай, и не знаем. А ты мне что говорила?
- Не связываться с чужими людьми, - согласилась Матильда. - Но мы же вместе работаем! Вот и познакомились бы, кстати...
Малена покачала головой. Иногда ее сестренка удивительно наивна.
- Тильди, ты предлагаешь после выходных, приехать с ним на работу? Как ты думаешь, та же Лера что первым спросит?
- Как ночь прошла, - сообразила Матильда. - Тьфу, паразитки! Кому чего, а вшивым блохи!
- Вот именно. Но ладно, мы-то знаем, что ничего не было. Есть и другие аргументы против.
- Какие?
- У него в машине грязно, ты видела?
Видела.
И саму шестерку явно не мыли с начала лета, и на полу там было грязновато...
- Это - да.
- Костюмчик жалко.
Костюмчик было жалко и Матильде. Плевать, что секонд-хэндовский, все равно смотрелся он очень прилично. Темно-синяя юбка-карандаш, короткий приталенный пиджак без украшений, просто, прямой, и к ним блузка оттенка голубиноного крыла. В таком наряде глаза Малены казались грозowymi, загадочными.

И посадить на всю эту прелесть пятно? А потом долго оттирать в туалете и материться?
Увольте.

- И это все причины?

- Есть еще одна. Главная.

- Да?

- Конечно. Тильди, мне так погулять хочется!

Матильде тоже хотелось подвигаться, так что девушки рассмеялись и подставили лицо брызгам дождя.

Хорошо...

На работу она добралась раньше шефа и Нины, но позже Сергея, Жени и Леры. И была встречена насмешливым:

- А, вот и наша принцесса пожаловала!

Лера смотрела зло. Видимо, уже что-то пронюхала про поездку в выходные. Малена ответила ей равнодушным взглядом.

- Доброе утро, Валерия. Женья, - вторая удостоилась даже улыбки, и подмигнула в ответ.

- Что, теперь только на джипах ездить будешь? - Валерия решила продолжить наезд, а вдруг удастся? - Как с Давидом покаталась, так кто попроще и не нужен? Да?

'Покаталась' в ее изложении прозвучало жутко непристойно. Как будто на колесах у джипа вся 'Камасутра' состоялась.

Малена посмотрела на Валерию в удивлении. Потом на Сергея с пониманием.

- Сереженька, так вы обиделись? А почему?

И что на это можно ответить? Сергей и не нашелся. Малена покачала головой.

- Ладно, так и быть. Я исправлюсь, и с удовольствием покатаюсь с вами вокруг здания. Только вы машину сначала отгоните на мойку и в чистку, хорошо? А то я не люблю, когда под ногами стаканы из Макдональдса похрустывают...

Сергей залился краской.

- А я тебе говорила - в твоём свинарнике на колесах скоро змеи заведутся, - припечатала Женья.

- А ты себе сначала хоть запорожец купи, - отгрызнулся Сергей. - А потом езжай хоть на мойку, хоть на помойку.

Лера заскрипела зубами, видя, что разговор уходит в сторону от оплевывания Малены, но сказать ничего не успела. На работу явился Антон Владимирович. Собственной Великолепной персоной.

Кстати - не издевательство. Что поделать, если родители дали именно такую фамилию?

- Работать в цирке, - проворчала Матильда. - Впервые на арене, Антон Великолепный. И в последний раз - тоже.

- Что за шум, а драки нет?

На миг повисла тишина, и как водится, первой встряла Лера.

- Да тут некоторые нос дерут сильно, вот и не до работы.

И выразительный взгляд на Малену. Мол, вот кто главный враг! Антон предпочел ее не понять.

- А ты попробуй нос в компьютер опустить, тебе и легче станет. Живо, по местам! Малена, кофе!

- Стоять, сидеть, лежать, бояться, - проворчала Матильда исключительно для сестренки. Но кофе варить пошла. Работа такая.

Вот чего Малена никогда не видела на лице Антона, так это смущения.

- Ваш кофе.

- Малена, присядь пожалуйста.

Антон взял чашку с кофе, отпил глоток и закатил глаза.

- Чудесный кофе. Ты замечательная секретарша.

- Спасибо.

Главное - не слова, а интонация. Ровная, безжизненная, абсолютно безразличная.

- Малена... - Антон встал из-за стола, прошелся по кабинету. - Я... короче, в субботу, так получилось. Случайно.

- Я все понимаю, - тем же безжизненным тоном подтвердила герцогесса. - Стечение обстоятельств.

- Да. Девочки хотели поехать за покупками, а то, что мы встретились...

- Врет, как падла! - Вознегодовала Матильда, по счастью, только для сестры. Но и Малена не собиралась спорить.

- И бездарно врёт. Просто фу.

- Лоран - и тот лучше работает.

- Мне жаль, если я испортил вам романтический вечер.

Малена встала. Да гори оно огнем... что ж это такое? Герцогесса вдохнула, выдохнула, и с максимальной любезностью произнесла.

- Антон Владимирович, не стоит тратить ваше время на извинения. Вы не ощущаете себя виноватым, и ни о чем не жалеете. Давайте вернемся к работе?

Антон запнулся. Вгляделся в лицо девушки.

И вздохнул.

- Вот факс. Отправьте.

Так Малена и поступила.

И работала себе спокойно до вечера, ни о чем не думая. А что?

На работе - о работе, смотри свод правил, которые никто не снимал со стены. И точка. Dixi.*

*- Dixi - я сказал. Латынь, прим. авт.

Жаль только, от хорошего настроения и следа не осталось. И дождь гадкий, и погода хмурая, и вообще... кругом враги! Сожгли родную хату и заложили бомбу под сортир.

Даже звонок от Сергея не добавил радости в жизни.

- Малена, привет.

- Привет.

- Ты завтра будешь?

- Должна. А если дождь?

- Я прогноз погоды посмотрел, вроде не должно быть. О если что - я там знаю один замечательный навес, нас пустят.

- За процент?

- Просто так.

- Тогда точно буду, - согласилась Малена. - Удачи?

- До встречи.

Вечером Антон смотрел в оно, как худенькая фигурка идет к остановке. И как-то на сердце гадко было...

Съездить, что ли, попробовать еще раз извиниться?

Ну правда, повел ведь себя, как поросенок, хотел-то подшутить, а получилось...

Нехорошо получилось.

И документы в голову не лезут, и вообще... неприятно на душе.

Антон махнул рукой, и принялся собираться.

Сейчас он подъедет к дому Малены, и там с ней поговорит. Должна ведь она понять, что ничего плохого он не делал?

Обязана.

Джип - это вам не троллейбус, на каждой остановке не стоит по пять минут, а потому Антон оказался рядом с домом Матильды быстрее, чем доехала девушка.

Сидел, ждал.

Видел, как Малена вернулась, как ей что-то сказали, как...

Одним прыжком мужчина вылетел из машины. Даже закрыть ее позабыл. Но в такой злости - не до сигнализации.

До вечера пакостный настрой никуда не делся, так что домой Матильда шла грустная. Да и Малена не радовалась.

Как-то... неловко это все. Гадко, словно в капустного слизня пальцем въехала. Понятно, что слизняк не виноват, но неприятно ж!

- Ничего, - подбодрила сестренку Матильда, которая не была влюблена, а потому раскисла меньше, - сейчас домой придем, мультики поставим, к примеру 'Аладдина', или 'Красавицу и чудовище', Беську почешем... все образуется. Жизнь, продолжается, сеньора!

- Продолжается.

- О! Придумала! Мы с тобой посмотрим дону Сезара де Базана.

- Это кто? - против воли заинтересовалась Малена.

- Совершенно потрясающий мужчина. Балбес, правда, но очень большой оптимист.

А что? Михаил Боярский - самое то, что надо от тоски и печали. Или вон, 'Собаку на сене' покрутим, чтобы сестренке жизнь тоской не казалась. Тоже отличная таблетка от депрессии. Кстати - не потолстеешь и побочных эффектов не будет. Вот.

Так и шли домой сестренки, неспешно беседуя, когда заметили на скамеечке две фигуры.

Одну девушки опознали влет, что одна, что вторая. Петюню, который щеголял загипсованной рукой, спутать с кем-то было сложно. А вот вторая...

Щуплый мужичонка с заметной плешкой и наколками на всех местах был Матильде совершенно незнаком. Но Петюня что-то сказал и 'культурно' ткнул в сторону Матильды банкой с пивом. А что? Не пальцем ведь? Значит все 'культурно'.

Мужичонка поднялся со скамейки. Матильда пригляделась. Ну... так себе.

Среднестатистический алкаш на лавочке, таких по дворам двенадцать на дюжину, сидят, пиво тянут, семечки щелкают, после напутственной скалки и волшебного пенделя могут даже быть полезны в хозяйстве, но чаще таких держат как знак статуса.

А что?

Не одинокая я, у меня мужик в доме есть! Настоящий!

А то, что мужик в доме должен не только пиво пить и носки разбрасывать... ну так это дело вторичное. Главное ж - оно есть!

Пусть щупловатое, невидное, подлысоватое и пьяноватое. Счастье.

- Ну, здравствуй, дочка. Пошли, поговорим!

Залюбись по вертикали!

А больше у Матильды и слов не осталось, и фантазии не хватило. Повезло, что управление мигом перехватила Малена, и тут же среагировала.

- А вы, собственно, кто, любезнейший? Представиться не хотите?

- А что - не узнаешь?

- Кого?

- Отца родного!

Произнесено это было так, словно означенный алканавт являлся 'Отцом народа' и плакаты с его лицом были растиражированы на каждом фонарном столбе.

- Нет, не узнаю, - ухмыльнулась Малена. - Еще вопросы будут?

Папенька прищурился.

- Какие уж тут вопросы. Пошли домой, блондинка...

Вместо блондинки было вставлено другое слово, более употребительное в тюремных кругах, но Малена интерпретировала именно так. А Матильда не стала просвещать герцогессу.

- Идите, любезнейший, - отмахнулась Малена. - Бог подаст.

- Не понял?

- Суд высказался четко. Ни вам, ни мамаше с меня ничего не причитается. Я вам ничего не должна. А потому вы можете идти обратно, в ваш поселок городского типа, или где вы там обретаетесь, - внятно разъяснила герцогесса.

- Ах ты...

Чего Малена не ожидала, так это короткого и жестокого удара в живот. По-подлому, исподтишка... ахнула, согнулась вдвое.

А больше никто и сделать ничего не успел.

Антон был великолепен и полностью оправдывал свою фамилию. Один прыжок - и любящий отец отлетел к Петюне, выплевывая остатки зубов, а Антон повернулся к Малене.

- В порядке?

Матильда, которой драки были привычнее, перехватила контроль, быстро вдохнула, выдохнула, коснулась живота...

- Не особенно, но жить буду.

Что и требовалось услышать.

Антон сделал шаг, второй, и поднял Германа Вагина за шкуру, как помоечного кота...

простите, животные, вас не хотели оскорбить подобным сравнением.

- Молись, тварь.

И выглядел он в этот момент так...

- Вас посадят!!! - заверещал Петюня.

И тут же полетел со скамейки на землю, потому как разъяренный Антон попросту со всей дури врезал ногой по доске. Сидеть на скамеечке Петюня любил, а вот ремонтировать - нет, потому и доски были старые. И гвозди. И полетело все от удара на землю.

- Да что ж это делается-то!!! - сиреной взывала тетя Параша, вылетая на улицу. - Помогите!!! Убивают!!!

Матильда хотела ответить, но Малена ловко перехватила управление.

- Нет!!! Тильди, доверься мне!!!

И Матильда послушно отстранилась. Здесь и сейчас она полностью доверяла сестре, та плохого не сделает.

- Вызывайте полицию!!! - громко потребовала Малена. - И скорую помощь! Я боюсь, что у меня будет внутреннее кровотечение!

- У тебя?! - взывала Прасковья Ивановна.

- У меня, - отрезала Малена.

И вовремя, на улицу вылетела еще и тетя Варя.

- Деточка, я вызвала и скорую, и милицию! Ох ты ж ирод проклятуший! Сволочь поганая! Чтоб тебя на всю оставшуюся посадили, паразита! И выпустить забыли!!!

Антон тряхнул Германа еще раз.

- Так что это за тварь такая?

- Это - мой биологический отец, - Малена кое-как опустилась на ступеньку крыльца. Живот болел и сильно.

- Ну-ка, - тетя Варя ловко передвинула девушку на срочно подстеленный платок. Видимо, как сидела вечером, смотрела телевизор, так в халате, тапочках и платке и вылетела. - На платок пересядь! Тебе еще рожать...

- Если смогу, - герцогесса потеряла живот. - Если смогу...

Антон скрипнул зубами.

- Я тебя, козла парашного...

Дальнейшая речь мужчины в историю не попала, поскольку не была понята девушками. Зато ее отлично понял Герман, потому что побледнел и задержался. И даже попробовал что-то отвечать, сквозь кровавые слюны, но Антон был суров. И сделал лишь одно послабление - прислонил гражданина Вагина к березе. И показал кулак - мол, только попробуй сбежать.

Во двор въехала скорая помощь.

Потом полицейская машина. И всем стало весело и интересно.

Домой Матильда попала только через два часа. Показания с нее сняли в числе первых, да и показаниями особо не заморачивались. Давид наврал в свое время девушке. Камера, установленная на доме, писала и вид, и звук, так что беседа, удар и все последующее действие скачали в три минуты. А заодно и то, как папаша с Петюней попивают пиво на лавочке, а Петюня советует Герману 'прижать наглую тварь посильнее', а то 'самая умная стала'.

Дело было ясным, как солнышко, особенно после стимулирующей купюры от Антона Владимировича. Просто поразительно, как деньги влияют на выполнение служебного долга! Накручивались нападение с целью ограбления, причинение тяжкого физического вреда, или как-то так, причем в составе ОПГ - Петюня-то присутствовал и подстрекал...

Тетя Параша пыталась кричать и протестовать, за что ей пообещали трое суток. Тут она примолкла и отошла в сторонку. И понятно.

Сынка надо выцарапывать, будучи на свободе, а не в узилище.

Саму Малену отвезли в больницу, где сделали томографию органов брюшной полости, и на всякий случай, для верности - УЗИ, общий и биохимический анализ крови и общий анализ мочи.

Вроде бы повреждений не обнаружили, но вклеили диагноз 'сильный ушиб передней брюшной стенки'. Подумали, и дописали еще 'ушиб селезенки'.

Не просто так, а ознакомившись с ситуацией. Малена постаралась, и даже видеюшку поставила, которую ей полиция заботливо скинула на флешку. Дела-то на три минуты, а у нее точно не пропадет.

Медики оценили картину и порадовали сообщением. Мол, ты, девочка, в рубашке родилась, не иначе. Мог быть и разрыв, хоть кишечника, хоть печенки, хоть селезенки, тогда б так легко не отделалась. А тебе повезло. Ушиб пишем для полиции, а так - поболит недельку, да и пройдет. Но пока осторожнее, тяжестей не поднимать, а если что - звони в скорую. Сразу же, не жди проблем.

Малена обещала.

Антон с ней в реанимацию не поехал, кстати. Просто сунул денег медикам на скорой, и остался разбираться с полицией. Так что Малена была не в претензии. Тут она и сама разберется, а вот там...

Вот честно - жалости никакой не было. И папашу она посадит не глядя.

Тоже мне отец! Спермодонор!

Но в одиночестве Малена не осталась, и такси вызывать не пришлось - позвонил Давид.

- Ты где?

- Эммм....

- Я у больницы. Ты в каком отделении, я встречу.

- В реанимации.

- ЧТО?!

- Тут у них томография есть, - путано объяснила Малена, но Давид понял.

- Этаж?

- Третий.

- Жди, я сейчас поднимусь.

И правда поднялся. Не слушая возражений Малены, подошел к врачу, что-то сказал ему, кажется, сунул пару купюр, взял копию протокола и пожал медику руку.

Потом подошел к Малене и ловко подхватил девушку на руки.

- А... э...

- Лежи молча.

Господин Асатиани был зол, как черт. И пока нес Малену по больнице, и пока устраивал на заднем сиденье в джипе - злился.

И главное - непонятно, почему?

В квартиру Малену тоже занесли на руках, к немалому восторгу соседей.

- Собирайся.

- Что?!

- Что слышала. Бери вещи на первое время, бери кошку, за остальным приедешь завтра.

Малена открыла рот.

- К-как?

И вот тут Давида сорвало.

- КАК!? - взревел мужчина, нависая над Маленой. - МОЛЧА!!!

Орал он минут десять, да так, что стекла звенели. И смысл монолога сводился к тому, что одна бестолковая и безответственная сопля слишком склонна переоценивать свои силы. А не случись рядом Антохи? А не поставь он камеру? А сообрази эти двое подонков подстеречь ее где-то подальше от дома, чтобы никто не видел?

И костей не нашли бы.

Избили бы, убили, и поди, разберись...

Робкие возражения, что вообще-то там был и отец Матильды, отмелись с подороги.

Заявлением: 'имэл я таких отцов'. И уточнять подробности у Малены язык не повернулся.

- А...

Давид чуть-чуть успокоился, и присел рядом. Обнимать девушку не стал, но взял ее руку в свои ладони и крепко сжал.

Какие ж у него теплые руки. А вот у Малены стоит понервничать - и пальцы ледяные.

- Малена, ты пока поживешь у меня. И не бойся, приставать не буду. Обещаю.

- Спасибо, - искренне поблагодарила девушка. Давид почему-то поморщился, но промолчал. - Но отец больше не придет, а так...

- У него нет друзей, знакомых и так далее, которые подстерегут тебя и переломают кости? В лучшем случае?

Малена прикусила губу.

- Есть, наверное.

- Тогда у тебя только один выход. Какое-то время ты живешь со мной. С девушкой Давида Асатиани связываться побоятся.

Малена это отлично понимала. Но все ведь до поры?

- Я же не проживу у тебя всю жизнь?

Давид хмыкнул.

- За это время мы меняем тебе квартиру.

- Эммм...

- Ты еще спорить будешь? Эту продаем, берем другую, в новостройке.

- У меня нет денег, - оборвала Малена. - Прости, но...

- Малена, мы продаем квартиры по цене шестьдесят тысяч за квадрат, - спокойно оборвал ее Давид. - Чужим. Как легко догадаться, себестоимость там намного меньше.

Малена догадывалась. Но...

- Хорошо. Напишешь мне долговые расписки на десять лет, и будешь отдавать с зарплаты, как ипотеку. Устроит?

Малена покачала головой.

Не устраивало, но об этом они еще поговорят. А пока...

Черт, а ведь травма действительно пакостная. Папаша, чтоб тебе пропасть, скотине! Чтоб подохнуть в никотине! С особым цинизмом! Живот болел не на шутку, и двигаться приходилось крайне осторожно.

Давид посмотрел на это дело, цыкнул на девушку и принялся сам потрошить шкафы. Вещи летели в большую, еще бабушкину сумку на колесиках.

Помнутся?

Плевать, потом погладим. Кис, иди сюда, паразитка! Приданое тебе по дороге купим!

Вещи и Малену Давид переправлял в два приема. Сначала вещи, а потом Малену и истощно орущую у нее на руках Беську.

На кошачий вопль и выглянула тетя Варя.

- Это еще что такое?

Давид даже головы не повернул. Не из спеси - на лестнице это просто опасно.

- Малену я забираю, пока поживет у меня.

И эта соседка... Эта предательница! Эта пожилая сводня!!!

- А и правильно. У вас-то я, чай, безопаснее будет?

- Однозначно. За квартирой присмотрите?

- Обязательно.

- Я позвоню. У Малены есть ваш телефон?

- Да.

- Тогда и обговорим все.

Давид запихнул Малену на заднее сиденье джипа и нажал на газ. Машина взревела и рванулась с места.

Беська пищала.

Малена же...

Она не хотела, честно. Но сработала связь девушек, в другом мире наступало утро, и им оставалось лишь надеяться, что Давид не перепугается, когда она отключится у него на заднем сиденье. И не потеряет Беську.

Ладно, отключку списываем на болеутоляющее, которое в больнице вкололи, а вот киска...

С этой мыслью Матильда и закрыла глаза, чтобы открыть их уже в Аллодии.

Мария-Элена Домбрийская.

- Малечка?

- Тильди?

- Как ты себя чувствуешь?

Малена попробовала вздохнуть. Тело повиновалось безукоризненно, живот не болел.

- Нормально.

- И то хлеб, - Матильда выдохнула. - Значит, мои травмы тебе не передаются.

- А такое бывает?

- И не такое бывает, - со знанием дела ответила Матильда. - Фантомные боли называется. Это когда ноги, к примеру, нет, а болит. И чешется...

- Жуть. Тильди, прости меня, пожалуйста!

- За что? - не поняла Матильда.

- Это я виновата, - едва не расплакалась Малена. - Я твоего отца спровоцировала, я увернуться не успела, я даже не думала... Тильди, прости меня, пожалуйстааааа...

Пришлось Матильде перехватывать контроль, еще им соплей с утра не хватало.

- Малечка, цыц! Ты неправа по всем пунктам!

- Это как?

- А вот так. Я бы ему нахамила сильнее и быстрее - это раз. Увернуться и я бы не успела, били-то всерьез, это два. А то, как ты потом вышла из ситуации - вообще шикарно. Это три.

- Из свиньи можно получить ветчину, - чуть успокоилась Малена. - Но ты могла пострадать...

- Мы с тобой обе одинаково рискуем, - отмахнулась Матильда. - Хотя здесь, хоть там. А потому... ты здесь и сейчас даешь мне слово.

- К-какое?

- Жить, дорогая моя. Жить, что бы там со мной ни случилось. И если что - назвать дочку Матильдой. А уж я постараюсь вернуться. Если душа есть, а она есть, если будет хоть один шанс... ты поняла?

- Да. И ты...

- И я тебе обещаю то же самое.

- Ты сильная, Тильди. Я бы так не смогла...

- Бабушка мне это постоянно повторяла. Что надо жить, надо выжить, надо не раскисать и не опускать руки. В любой ситуации. Послевоенные годы были адом - она выжила. И дочь родила. Оказалась дочь идиоткой, зато внучка удалась. И она ни о чем не жалела. Понимаешь?

- Да...

- Тогда подъем! Нас ждет зарядка. Там мне еще недельку позаниматься не дадут, ну хоть тут душу отведем!

Стоит ли говорить, что герцогесса взлетела с кровати вихрем?

Зарядка? Да хоть что, лишь бы сестренка не сердилась. Она, правда, и так не сердится, но...

Близкие нас
уже
простили. Заранее. За все, что мы натворим. А мы себя - простим? За ту боль, которую им причинили?

Ой ли...
Так что - зарядка.

Вниз Матильда (сейчас именно она перехватила управление) сбежала весело и легко. И осеклась, наткнувшись на взгляд Лорана.

Смотрел на нее дядюшка, как на особо опасного врага народа. А с чего такие плюшки?

- Доброе утро?

- Объяснись!

И этот замогильный тон больного упыря.

- Что объяснить? - не поняла Матильда. Малена сжалась в клубочек и уползла в угол сознания. Она и так Рисойских боялась, а уж после вчерашнего...

- ЭТО!

Загадочным 'ЭТИМ' оказалась большая корзина с виноградом. Матильда выдернула из нее карточку, хотя уже отлично знала от кого вкусняшка.

'Мой выигрыш с процентами. Найджел.'

А что? Стильно так, в хорошем вкусе принцу не откажешь...

Матильда пожала плечами. Пригляделась к дядюшке, и поняла, что дело неладно. Зрачки расширены, лицо какое-то подозрительное, ну да. Уголок рта подергивается. Кажется, мы напугались? Тогда лучше не нарываться, травма в двух мирах - явный перебор, в одном-то за глаза хватило.

- Дядя, вы видели, каким чучелом я вчера поехала?

Не видел. Доложили.

Одевалась-то Малена дома. Это снять грим можно хоть где, а вот наложить его... в карете не получится. когда она вчера из комнаты вышла, Ирис аж взвыла и удрала. Очень умная собака оказалась.

- Ну?

- Чтоб на такое позариться, принц должен был сначала ослепнуть. Он и не позарился.

- А это - что?

- А, я его в покер играть научила. И он у меня кисть винограда выиграл, вот и отдался.

- Во что? - не понял Лоран.

- Дядя, это такая игра в карты. Давайте мы позавтракаем, а потом я вам покажу как играть.

Лоран чуточку замедленно кивнул.

Ну, если так... посмотрим, что там за игра. И все равно... принц - сволочь! Присылать такое чужой невесте! Слухи же пойдут!

Позавтракать спокойно тоже не удалось, влетел слуга.

- Ваша светлость, там лекарь вас зовет...

Малена бросила все и помчалась туда, куда звали. К Варсону Шефару.

Влетела - и поняла, дело плохо.

То ли удар оказался лучше, то ли организм хуже... Малена видела такое в монастыре, Матильда с бабушкой.

Уже заострился нос, пролегли под глазами смертные тени...

- Ему осталось часа два, не больше, - лекарь смотрел виновато.

Матильда схватила за руку слугу. Первого, который подвернулся.

- Живо! Во дворец, к Тальферу. Скажешь, что от меня, что все плохо. Ему надо прибыть сюда - срочно.

Стянула с пальца перстень с гербом Домбрийских, сунула парню.

- Покажешь, чтобы тебя к нему пропустили. И Баристу тоже... ЖИВО!!!

Слуга буквально вылетел прочь.

Малена опустилась на колени рядом с Варсоном.

Только бы Барист усел. Только бы...

Посмотрела на лекаря.

- Делайте, что хотите, до приезда Тальфера он должен остаться в живых.

Лекарь вздохнул, и принялся смешивать какие-то травы.

Когда Барист увидел встрепанного слугу, сердце так и екнуло. Упало вниз, покатилося...

Просто так герцогесса не позвала бы, нет. Раз прислала...

Придворные, стража, слуги - все открывали глаза и рты, и не верили себе.

По коридорам дворца, по лестницам, несясь, словно очумелый, Барист Тальфер, прыгал через ступеньки и орал седлать коня. Без плаща, без шляпы, что случилось-то?

Но задать этот вопрос никто не рискнул.

А Барист гнал коня по Аланею, и мыслей была лишь одна.

Я его подставил. Я, я, я...

В дом Домбрийских Барист влетел вихрем, и пронесся до комнаты, из которой уходил сейчас его друг. Один из.

Верный, надежный...

Уходит.

Даже про себя Барист не мог произнести страшного слова.

Умирает.

Только здесь, в комнате, где остро и зло пахло травами, где горящие свечи только подчеркивали смертную печать на лице друга, где бормотал молитвы служитель и сидела, глядя в стену

Мария-Элена, он смог произнести это слово.

Да. Варсон умирает.

Малена порывисто встала ему навстречу.

- Успел...

- Да. Он не приходил в себя?

Малена покачала головой.

- Пока - нет.

- Пока?

- У лекаря есть средство. Мертвого поднимет на пару минут, потом правда - все. Но думаю, вам и эти минуты важны. Мне выйти?

Барист покачал головой.

- Нет. Какие уж тут секреты... - и уже лекарю, - действуй.

- Минут пять обещаю, потом точно вс. Организм ослаблен болезнью, может, пригласить служителя?

Барист покачал головой.

- Ни к чему. И так?

Лекарь присел на кровать рядом с умирающим, ловко приподнял ему голову. Зелье полилось внутрь, Варсон поперхнулся, закашлялся, и... открыл глаза?

Лекарь вылетел за дверь, за ним разумно последовал служитель.

Что бы тут ни говорилось - ему ни к чему. Ни знать, ни слышать...

Варс открыл глаза.

Над ним парило лицо Бариста Тальфера.

- Рист...

- Варс, послушай меня. Ты пришел в себя буквально на минуты, потом опять потеряешь сознание. Что ты узнал? Кто тебя ранил?

Варсон вздохнул. В груди поселилась боль, но... надо было говорить. Надо.

И он рассказывал.

О колдунье с улицы Могильщиков, к которой ездит принц, о домике на окраине, о слуге, о бабах, которые туда бегают... больно было - до ужаса, но Рист должен знать. И наконец главное.

- Таренский, Рист. Это Трион...

Голова мужчины откинулась на подушку.

Свет в глаза погас, имя вылетело с последним шепотком.

Барист выдохнул, и осел на пол рядом с кроватью.

- Варс... Ох, Варс....

Барист не ругался, не злился, не... он просто сидел, сжимал руку друга - и по толстым мясистым щекам его катились слезы.

Кто сказал - ходячие счеты?

Можно скулить по каждому поводу, от каждого сломанного ногтя и злого взгляда. А можно - вот так. Барист был достаточно сдержанным человеком, но уж когда эмоции выплескивались наружу...

Он даже не почувствовал, что рядом села Матильда, уже Матильда, не герцогесса, приобняла его за плечи, она притянула голову королевского стряпчего себе на плечо и она же погладила по волосам мужчину, который сейчас потерял своего друга.

Именно она.

- Держись, Рист. Не сдавайся, у тебя нет такого права. Не сделай его смерть напрасной.

А слезы все катились и катились, и прошло немало времени, прежде, чем Барист смог выдохнуть, прийти в себя, отпустить стремительно холодеющую руку.

- Спасибо...

- Малена. Чего уж там...

- Рист.

Друзья?

Союзники, соратники, а может, уже и друзья. Так-то...

Разговор продолжился уже в покоях Малены. Телом Варсона занялись слуги, а герцогесса уволокла Бариста Тальфера к себе. Отпаивать настоями трав, успокаивать...

Лоран им на дороге даже не попадался - его свалил тяжелый сон. Лорена была занята сборами, вместе с Силантой, да и не докладывали им почти ничего. Слуги начинали понимать, кто в доме хозяйка.

- Рист, мне надо что-то знать? Или лучше забыть?

Малена спрашивала прямо, глядя в глаза. И Барист вздохнул, отпивая настой мяты из чашки.

- Ты уже в это втянута. Уже.

- И никто не поверит, что я ничего не знала. И так?

На то, чтобы рассказать Малене то же, что было поведано и Варсону Шефару в свое время, ушло минут двадцать - Барист не растекался мыслью, говорил коротко и четко.

Малена слушала. Матильда комментировала.

А по результатам разговора только что головой покачали. Обе.

- Рист, я в это не полезу.

Малена уступила свое место Матильде, и та не колебалась. Барист и не фыркнул.

- Малена, а у тебя выбора нет.

- Да неужели?

- Ты уже в это влезла по самые уши. И то, что к тебе пока не пришли...

- Может означать простой выбор. Либо не знают, кто подобрал раненного, либо знают, что он ничего не сказал.

Барист пожал плечами.

- Думаешь, поверят?

- Если буду сидеть тихо и не дергаться - поверят. Иначе могут и закопать.

Крыть было нечем. Девушка была права полностью, до последнего слова. Но...

- А если мы допустим, чтобы страна в это сорвалась? В кровь, в безумие...

- Если судьба страны зависит от одного человека, тем более сопливой девчонки? Рист, это даже не смешно.

И едва не добавила: 'нашли, паразиты, деву Жанну'. Ага, а если кто не знает, чем это кончилось для несчастной девчонки, пусть покопаются в справочниках. И учтите, все революционеры обычно кончают гильотиной.

Это если очень повезет, а то и помучить могут.

- Судьба страны может зависеть от кого угодно. Малена, могу я тебя просить всего об одной вещи? А потом - отстану. Но моя полная поддержка у тебя будет.

- Какой?

- Ты слышала имя колдуньи?

- Лэ Стиорта? Ну да, и что?

- Съезди, погадай на жениха? Тут тебя никто не осудит...

- И что мне за это будет?

- Моя полная поддержка. Я уже сказал.

- Барист, - Матильда смотрела твердо и серьезно. - В таких делах помощи наполовину не бывает, как половинной беременности. Варсон назвал имя, даже не одно, что еще надо?

- Трион? Это его начальник. Тарейнский? Это не имя, это род...

Матильда подняла брови, демонстрируя свое непонимание.

- И?

- Тарейнских много. Канцлер, два его младших брата, три сына - кто?

- Если один, так и все. Что тут непонятного? Не бывает наполовину заговорщика, все в роду в курсе будут.

Барист вздохнул.

- Разное быть может. А мне бы... продержался бы король до победы. Или до поражения, тогда уж... нет, и тогда не все равно.

Матильда смотрела на сидящего перед ней мужчину. Вот такого, какой он есть.

Усталого, растрепанного, с дорожками от слез на толстых щеках... и ведь все равно сдаваться не собирается.

Но с другой стороны - друга он в это втравил. А сам жив-здоров, и прекрасно себя чувствует.

И? Кто сказал, что так же не втравят Малену? А им с Матильдой рассчитывать не на кого, увольте...

Матильда покачала головой.

- Рист, я не поеду. И даже близко не проеду. Мне девятнадцать лет, даже и того нет, я жить хочу. Проверьте ваших заговорщиков, как вам изволится, а я не хочу в это ввязываться.

Барист вздохнул.

- Малена, мне не хотелось бы...

- Угрожать? Вот и не надо. Наверху лежит тело вашего друга. И вы - вы его в это втравили.

Барист сдулся, словно воздушный шарик.

- Это жестоко.

- А меня шантажировать - радость прет?

- Варс знал, на что идет. Другие в департамент Дознания и не приходят...

- Я туда не приходила. Он знал, на что идет, знал об опасности и погиб. Своих детей! вы тоже в логово к волку пиhaете?

И так решительно выглядела девушка...

Барист понял, что уговорить ее не удастся. И не то, чтобы устыдился... до каких-то пределов ему действительно помогли. Надо и меру знать.

- Извиним, Малена. Я просто...

- Устал, расстроен и плохо себя чувствуешь. Ложись-ка ты спать?

Барист прислушался к себе.

- Не усну.

- Уснешь, - пообещала девушка. - Сейчас схожу на кухню, вина принесу.

Ага, не уснет он! Тут главное - правильный рецепт, шесть капель снотворного на кубок вина, и сутки сна обеспечены.

- Правильно мы сделали?

- Абсолютно, - уверила сестренку Матильда. - Я жить хочу, и ты тоже. Нечего в это лезть...

- Тильди, мне ведь жить здесь.

- Поправочка. Жить тебе не здесь, а в Донэре. Это раз. И второе - не ведись на всю ахинею, которую тебе скармливают. Как только слышишь, что без тебя не обойдется, так и знай - ищут козла отпущения.

- Бабушкина наука? - подначила Малена.

- Она самая, - даже не смутилась Матильда. А чего врать-то? - Бабушка хотела, чтоб я выжила, а значит - нечего всем подряд верить. Это звучит красиво, Родина без вас не обойдется, на вас вся страна смотрит, если не вы, то и некому... а так подумать? Свою семью он из города усрал, жену к гадалке не отправил.

- Ну да.

- А тут является из глухомани чистойшей прелести чистойшая страхида....

- Тильди!

- А то нет? Сама гримировалась...

Малена фыркнула. Да уж, как только лошади не разбежались от того чучела? А могли.

- И оказывается, что все зависит от нее. Потом снова от нее и опять от нее. Здорово, правда? Не верится? Вот и я тоже не верю.

- Но и такое тоже бывает?

- Я тебе фильм про Жанну д'Арк покажу. Поумнеешь.

- А кто это?

- А она тоже была уверена, что все от нее зависит. Сделала многое, а ее за это сожгли. Хочешь?

Малена не хотела. А потому Бариста Тальфера напоили снотворным, уложили спать и распорядились о похоронах. А сами отправились заниматься гардеробом.

Ибо - нечего тут.

И там - тоже нечего.

Рид, маркиз Торнейский.

Что другое, а свой рог староста Бурим из сотни бы узнал.

Уж и не надеялся.

Больше месяца прошло, как он увел людей из деревни, больше месяца они прячутся по распадкам и оврагам, пустуют дома и зарастают поля. А только нельзя иначе.

Живы будут - рыбой спасаться будут, корой, желудями. А степнякам попадутся - конец. Смерть ли, рабство, все одно плохо будет. Всем.

Деревенские это понимали, да и доходящие новости вызывали надежду на лучшее. А то ж!

Говорят, сам маркиз Торнейский здесь врага бьет! Да так, что только перья летят!

Говорят, заключил он договор с самим Восьмилапым, пообещав отдавать ему души степняков, и теперь тот каждую ночь душит окайнных.

Говорят...

Собственно, говорили-то степняки, которые отбились от отрядов и попадались в руки старосте и его людям. А чего ж не поговорить, когда тебя пятками в костер сунули?

Бурим не церемонился и партизанскую деятельность разворачивал как следует. На день пути лес прочесывал.

А нечего тут!

Пришли на нашу землю? Вот в нее и ляжете, нам удобрения нужны, и волки, опять же, не кормлены.

Рог Бурим сам отдал сыну, и уж не ожидал, что так получится.

Но и рог, и сигнал...

Сам он мальчика учил древней тревоге, все сам.

- ПОЖАР!!! ВРАГИ!!! ВРАГИ, ВСТАВАЙ, ВРАГИ!!!

ВСТАВАЙ, ВРАГИ! ГОРИМ! ПОЖАР! ГОРИМ!

Рог пел в Ухаровке, которую крестьяне хоть и забросили, а все ж приглядывали за родными домами и полями. Не ровен час огонь пойдет, или еще чего...

Что они смогут сделать против степняков?

Так это как поглядеть. Колодец отравить, так, к примеру. Кто хочет, тот найдет, что и как сделать. А тут вдруг - рог.

Повезло еще, что Бурим в тот день приходил в деревню. Риск, конечно, а только всего не учтешь, когда в спешке собираешься. То взять надо, это... вот и оказался староста Ухаровки совсем рядом, минут пять по лесу.

И как недавно, в крепости Ланрон на звук рога вышел сам комендант, так и Бурим решился.

Допускал он всякое, вплоть до того, что мальчика схватили и под пытками вырвали у него тайну. А что? Есть вещи, которых ни один человек не выдержит, куда уж Кариму?

Есть и те, кто не сказал ни слова под пытками, так и умер. Есть. Но рассчитывать на такое - не стоит. А потому Бурим пошел сам. Один.

Правда, сторожился он недолго, аккуратно пока не увидел родные аллодийские флаги и лица, не услышал родную речь.

- Наши!!!

Да и Карим себя прекрасно чувствовал, сидел в новенькой, по размеру подогнанной кольчуге на небольшом коньке, а рядом...

Торнейский?

Знамя - его. А шрамов у него вроде не было?

Гадать Бурим не стал, а вылез из канавы и затопал к дороге. Свои же...

Разочароваться ему не пришлось. Действительно - свои. Увидев отца, Карим так сиганул с лошади, что та едва на колени не упала.

- ТЯТЯ!!! ЖИВОЙ!!!

Что родители за детей переживают, оно понятно. А вот что дети за родителей?

Уж сколько и чего передумал Карим в крепости, не имея возможности узнать ничего... Ни о семье, ни о родных, ни о друзьях, ни о деревне - живы? Умерли? Попали в плен? Спаслись и схоронились? Страшное это гадание, и лучше б никому так не гадать. Никогда и ни о ком. Бурим подхватил сына на лету, ссадил руку о кольчужные кольца, но даже внимания не обратил.

- Сынок, живой...

И больше тут ничего не надо, только обнять, только чувствовать рядом с собой живое тепло и знать - сын. Родной, рядом...

Живой, спасибо вам, боги, вечное и незблемое спасибо!

- Гхм...

Бурим на минуту отвлекся от сына, и остолбенел. Рядом с ним стоял маркиз Торнейский. Кто-то другой бы растерялся, но армейская выучка сказала. Бурим вытянулся в струнку.

- Десятник 'Рысей' Бурим Сарей к службе готов!

Рид хлопнул его по плечу.

- Спасибо, старина, за сына.

- Моя честь и верность принадлежат Аллодии и королю!

Рид кивнул - и протянул мужчине свиток.

- Карима я забираю к себе, оруженосцем.

Бурим рот открыл.

- Ваше сиятельство... честь какая!

- Настоящим мужчиной парень вырос. Гордись собой, десятник. Твой род чести не уронил. А еще этим указом дарю тебе землю. И так, по мелочи...

Бурим вытянулся еще сильнее, хотя куда бы уж?

- Благодарю, ваше сиятельство!

- Степняков мы разбили, можете выбираться из схрона, соседей оповестите. Но по округе кто-то может еще мотаться, они бежали, что тараканы, - ухмыльнулся маркиз. - Так что осторожнее, без лука в лес по ягоды не ходите.

- Слушаюсь, ваше сиятельство!

... Отряд уже уехал, а староста так и стоял дурак дураком посреди деревни.

Потом уж догадался развернуть свиток и прочесть.

Награда от маркиза была королевской, иначе и не скажешь. Деревня Ухаровка приобретала статус 'вольного села'. То есть - господина над ними не будет. Только король, только ему налоги и платить, а не господину еще десятину, и законы соблюдать только королевские, и суда требовать, опять же... да много чего хорошего в таких селах.

Сам Карим получал дворянское достоинство. Правда, пока без титула, есть такое - безземельный дворянин, шевалье, потом уж, если заслужит, будет ему земля. А не заслужит - и поделом. Ну и маркиз брал его с собой.

А еще лежал приказ маркиза, с печатью и подписью, о выдаче старосте Буриму сотни золотых - на поправку разоренного и отравленного степняками. В Равеле и получить можно.

Стоит ли удивляться, что староста упал на колени и вознес благодарность небу.

За все. За маркиза Торнейского, за сына, за рыбную ловлю...

Этой зимой деревне голод не грозит. Сколько смогут, столько зерна и спасут, а так - деньги есть. Прикупим и зерна, и скота, и...

Спасены! Просто - спасены!

Мысль прикарманить деньги, сбежать из деревни, перебраться в город... ладно. Из песни слова не выкинешь, к Буриму она пришла, на целых три секунды. Посмотрела, подумала - и убралась восвояси. Не тот человек, чтобы искушению поддаваться, ох, не тот...

А раз так - и стараться нечего.

Бурим молился и радовался. А отряд его сиятельства маркиза двигался к Равелю.

Шарлиз Ролейнская.

Путешествовать сложно, даже если ты здорова. А уж если беременна...

Шарлиз все прокляла.

Ее мутило, голова кружилась, постоянно хотелось в туалет... с ума сойдешь! Если бы старухи не поили ее постоянно какими-то зельями, давно бы все поняли про беременность. Но и так...

Шарлиз спала постоянно. Целыми днями.

Просыпалась, ела, опять засыпала.

Планы у нее были простые. Равель - и домой. Под крыло к отцу, к маме... а уж они придумают и что делать с ребенком, и что делать с его наследством - это о Степи. Шарлиз расспрашивала старух, и вышло так, что ее ребенок, может, единственный, кто у кагана останется.

Остальные все в Степи.

Узнают о поражении, резня начнется, а такое дело начинают с чего?

Правильно, предыдущего кагана под корень изводят, с его семенем, чтобы и следа не осталось на земле. И Шарлиз бы тоже, окажись она в Степи.

Но кто бы каганом не стал - не удержится.

Хурмах малым не двадцать лет потратил, объединяя Степь, связывая рода в единое целое, сковывая где угрозами, где союзами, где золотом, где железом. И, как любой разумный каган, позаботился о соперниках. Извел всех, кто мог с ним сравняться.

Так что...

Резня, развал союзов, междоусобица, и лет за десять оно кланам надоест до слез. А вот ежели лет через десять - двенадцать явится наследник погибшего кагана...

Символ.

Знамя мира.

И ведь может сработать...

Шарлиз это отлично понимала, и не собиралась отдавать такой козырь в чужие руки. Отцу пригодится, а уж он для своей Лиз расстарается. За такой-то подарок?

Мужчины, драгоценности, балы...

Так, в приятных мечтах, Шарлиз и ехала в Равель. Она же хитрая, она все рассчитала, у нее все получится. Правда ведь?

Мария-Элена Домбрийская.

- Не поеду! Не хочу!!! Это все ты, дрянь!!!

Силанта визжала, что тот поросенок. Матильда смотрела с улыбкой.

Лорена взялась за виски. Крики дочери явно плохо действовали на ее барабанные перепонки.

Матушка Эралин поглядела на это, и поступила решительно. Шагнула вперед...

- Хлоп! Шлеп! Тресь!

Пощечины так и посыпались.

Силанта остолбенела. С ней никогда... никто... Да как же это!?

Не меньше остолбенела и Лорена.

- Пришла в себя, чадо грешное? - мягко поинтересовалась матушка. - Небось, как с мужиками валяться, так не возмущалась? А за грех - и расплата бывает.

- Да не было ничего!!! - взвыла Силанта.

- За ложь прочтешь двадцать раз молитву к Сестре Милосердной, - припечатала матушка. - Об облегчении тяжести ноши нашей. Лезь в карету...

Силанта поняла, что ее никто не поддержит, и смирилась. Полезла...

- Не волнуйся, сестренка, это только на полгода. А потом либо я замуж выйду, либо матушка, но мы тебя выпишем обратно. Там уж никому не будет дела до твоих блудней, - 'поддержала' ее Матильда.

- Чтоб ты сдохла!!! - выкрикнула плачущая Силанта.

- Лет в сто и от старости - обращайся, - Матильда и не подумала обижаться. На кого? Так и улыбалась бы, но ахнула сзади Ровена.

- Что случилось?

Вопрос был глупым.

Что?

А все!

Женщина стояла и держалась за живот. А под ней собиралась лужа воды...

- Ой, - очень умно выдала Ровена, и начала оседать на лестницу. Видимо, от испуга.

- Цыц! - рявкнула Матильда. - Дорак!!!

- Да, ваша светлость?

Капитан 'проводил' Силанту, оставаясь незамеченным. Не хотелось ему видаться с девушкой, вообще не хотелось. Но тут уж такое дело...

- Отнесите Ровену в мои покои и позовите к ней лекарей и повитух.

- К прислуге? - возмутилась Лорена.
Матильда пожала плечами.
- К компаньонке и подруге. Вопросы есть?
Вопросов не было. Дорак уже нес женщину вверх по лестнице, и кто-то кричал, призывая лекаря.
- Держись, Малечка. Нам придется побывать на родах.
- Зачем?
- А чтобы нам Ровену не угробили.

Первые роды прошли очень быстро.
Ребенок родился через шесть с половиной часов после начала родов, получил имя - Бернارد и фамилию - Сирт. Во всяком случае - пока.
Лежали у Ровены и другие документы, где она значилась вовсе даже Иллойдской, но про них девушки собирались молчать. Пока - молчать.
А на родах Матильда присутствовала не зря. И лекаря разогнала в грязных сапогах, и повитух заставила мыть руки, и все поверхности протерли со щелоком, и пеленки прокипятили и прогладили...
Микроб, конечно, тварь нежная, и от грязидохнет. Но вдруг какой останется?
- Тильди...
- Да, Малечка?
- Давай мы с тобой посмотрим в интернете про антибиотики, а?
- Малена, милая, там простого производства, кажется, и нет. Нужны наши промышленные мощности... ну хотя бы века девятнадцатого.
- Тильди, неужели мы ничего не придумаем?
Матильда только вздохнула.
Ладно, почему бы и не посмотреть? Про тот же пенициллин? Ведь был бы антибиотик - и Варсон мог бы выжить. И куча людей...
- Ладно. Посмотрим.
Малена улыбнулась своему отражению в зеркале. Сестренке.
- Спасибо, Тильди.
- Да не за что пока. Подумаем мы над антибиотиком, обещаю. А представляешь, если что получится?
- И что?
- На святость нарываешься, сестричка.
- То есть?
- Будешь святая Мария-Элена Лечительница, покровительница лекарей.
Малена представила себе эту перспективу - иконы с ее лицом, мощи, саркофаг - и содрогнулась.
- Умеешь же ты напугать!
- Умею, - довольно согласилась Матильда. - Кстати, а патентное бюро у вас есть?
Малена вздохнула.
- Нет.
- Плохо. Надо поговорить с Тальфером. Откроем. А то сопрут ценный продукт вместе с технологией производства - и спросить не с кого будет.
И поди, возрази. Ведь права на сто процентов!
- Может, и пусть? Это же на благо всех?
- Ладно. Подумаем, - согласилась Матильда. - Но сливочки снять хотелось бы. Это ж золотое дно.
- Если не сожгут.
- Почему?
- По твоим же собственным словам. Собираешься менять мир? Вспомни...
- Тьфу на тебя. Язва герцогская.
- Вся в тебя сестренка. Вся в тебя.
- И все равно - тьфу.
- Я тебя тоже люблю, сестричка.

- И я тебя.

Аланея, Аллодия.

В этот раз свидание проходило в маленьком домике на улице Могильщиков.

Ластара отослала Вереша (или думала, что отослала), и с чистой душой отдавалась любовным утехам. Это уже потом, когда они лежали разнеженные, с любовником, на ковре, после любовных утех - кстати, любимому очень нравилось именно в комнате колдуньи, так что хрустальный шар, умея он в самом деле показывать увиденное, смог бы прославиться не хуже порноканала.

- Ласти, к тебе скоро должен приехать принц.

Слова любимого Ластара сомнению не подвергала.

- Как скоро?

- Завтра, послезавтра...

Ластара кивнула.

- Я что-то должна ему сказать?

- Скажи, что ради него провела ритуал и получила более сильное снадобье.

- Ладно.

- Вот склянка.

Пузырек темного стекла отправился в стол, в верхний же ящик, а Ластара улыбнулась любовнику.

- Как скажешь, любимый.

Мужчина довольно кивнул.

- Отдашь ему склянку, скажешь, что трех капель в день достаточно.

- Твое слово - закон, - мурлыкнула Ластара.

- А теперь - иди ко мне. Если закон - то исполняй.

Ласти поклонилась.

Учитывая, что она была обнаженной, смотрелось это весьма провокационно.

- Как прикажет мой господин...

Господин смотрел с улыбкой, за которой были скрыты далеко не такие похотливые мысли. Нет, не такие...

Убил бы дуру, да нельзя, пока она еще полезна.

Расклад прост. Со дня на день прибывает Дилера Эларская. Ее должен встретить не принц, а уже король Найджел, это вскружит ему голову, заставит отказаться от невесты, спровоцирует скандал, а там...

Уже многое готово для переворота.

Пора прыгнуть. Остеон умрет - и через пару недель на троне будет новый король. И - нет. Не Найджел.

А Ластара...

Что ж, дней пять у нее еще есть, пусть умрет счастливой.

И мужчина снимает с пальца кольцо с рубином. Все же девчонка полезна, пусть остается в своих заблуждениях.

- Это не браслет. Пока, моя леди...

Надо видеть, с каким счастьем на лице женщина примеряет кольцо.

- Мой лорд...?

- Да. Думаю, через десять-двенадцать дней...

Женщина закрывает ему рот поцелуем. И не подозревает, о чем сейчас размышляет любовник.

Ах, какие ж вы, бабы, дуры, когда вам говорят волшебное слово 'женюсь'. Какие ж идиотки.

Нет бы подумать - почему именно вы, почему сейчас и здесь...

Женюсь.

У большинства женщин это слово прекрасно заменяет обезглавливание - все равно мозг потом не применяется. Никак.

Не зная об этих мыслях, Ластара изо всех сил старалась ублажить своего любовника. Вереш наблюдал за этим и мечтал его убить.

Все были при деле.

Матильда Домашкина.

Матильда даже не сразу поняла, где она открыла глаза.

А ничего так комнатка...

Светлые кремовые стены с фактурной штукатуркой вместо обоев, большая двухспальная кровать, шкаф, трюмо, кресло, стул и телевизор на кронштейнах, на стене. Все.

Мебель приятного золотисто-орехового цвета, на окнах занавески из полос зеленого и золотого шелка, на трюмо здоровущая ваза зеленого стекла, в ней роскошный букет белых роз.

Тяжелая люстра под бронзу и такое же бра.

На полу - паркет. Не ламинат, а именно паркет, такой, наборный, сразу видно - жутко дорогой.

Рядом с кроватью, на стуле, сложена вся одежда Матильды, а сама она лежит под одеялом в одном белье.

Вот так и проверяется правдивость бабушкиного утверждения.

Всегда надевай красивое белье, вдруг именно сегодня тебя собьет конем прекрасный принц. А ты ему что покажешь? Панталоны 'прощай, потенция'?

Матильда, кстати, плохого белья в гардеробе и не держала. Лучше два-три дорогих комплекта, чем десяток жутких тряпочек. Вот и сейчас на ней был вполне приличный серый гарнитур с кружевом и розовыми бантиками, не стыдно показать. Ни коню, ни принцу.

- Мы в гостях у Давида? - подала голос Малена.

- Подозреваю, что да.

- Проверим?

Организм давно требовал уединения и задумчивости, а потому Матильда кивнула. И поднялась с кровати... оххх!

На животе был весьма некрасивый кровоподтек. Ну, папаша!

А болело так, что девушки сразу поняли - зарядка отменяется. На неделю - точно.

Матильда открыла шкаф, и обнаружила там свою сумку. Кое-как выудила легкое платье, натянула его через голову и погляделась в зеркало.

Ну... что сказать?

Кто-то и с похмелья лучше выглядит. Определенно.

Под глазами круги, кожа серая, волосы висят паклей... картина 'графские развалины'.

- Почему графские? Герцогские!

- После развала уже не разобраться, чьи там обломки валяются.

С тем Матильда и вышла из комнаты.

Санузел отыскался сразу же, рядом со спальней. Там девушка и застряла минут на десять.

Сначала, собственно, узел, потом душевая комната рядом, оформленная в зеленоватых тонах, с роскошной душевой кабиной и всем необходимым для счастья...

Через десять минут Матильда уже чувствовала себя человеком. Правда, волосы были влажными и за шиворот попадали капли воды, но это уже детали.

Переживем.

И исследуем территорию.

А лучше...

Откуда-то потрясающе вкусно пахло омлетом. Вот на запах Матильда и отправилась.

Не прогадала. Давида Асатиани она нашла на кухне, в компании Беськи, которая нагло развалилась прямо на роскошном столе и подставляла мужчине пузо.

Чеши!

При виде такой откровенной наглости Матильда аж онемела. Вообще-то кошке было жестко запрещено валяться на столе, а тут такое раздолье?

- Хвост оторву, зараза наглая!!!

По счастью, вслух Матильда ничего не сказала, и управление перехватила Малена.

- Доброе утро, Давид.

Кухня была огромной, метров тридцать, наверное и разделена на две зоны, отделенные друг от друга барной стойкой. Никаких ступенек, никаких перепадов высоты. Теплый пол из какой-то плитки под камень, зона метров в пятнадцать отдана под столовую - и здесь вальяжно расположился здоровущий стол из ореха и резные стулья, явно из того же дерева. Это вам не ДВП.

Вторая часть кухни, отделенная стойкой, отдана под рабочую зону и набита под завязку кухонной техникой - от посудомойки до хлебопечки. Один холодильник выглядит так, что хоть быка запихивай.

Основные цвета - золотистый и темно-коричневый, кухня светлая, легкая, все на своем месте - кто бы ни занимался обстановкой - поработал он на совесть, одни занавески из плотного желтого шелка с кистями чего стоили.

Надо отдать должное господину Асатиани - он встал. Беська покосилась на Малену и недовольно мявкнула - это что такое? Ты чего тут нашему интиму мешаешь?

Герцогесса проигнорировала наглую кошатину.

- Доброе утро, Малена.

- Я правильно понимаю, что я у вас в гостях?

- Абсолютно. Тебе вчера стало плохо в машине, я вызвал врача, но тот сказал, что все в порядке, ты просто переволновалась.

- Да, наверное.

Давид чуть улыбнулся. Сегодня он выглядел совершенно несолидно, и... сексуально?

Да, наверное, это подходящее слово. Простые синие джинсы в потертостях не по воле дизайнера, а просто, они родные, домашние и в них уютно, простая белая футболка, обтягивающая мышцы и открывающая руки, растрепанные черные волосы, босые ноги...

- А он красивый, - подала голос Матильда. Но Малена и сама это видела.

- Я разговаривал с Антохой, у тебя неделя отпуска, ты лежишь дома, лечишься.

- Спасибо.

- Ходить можно везде, свою спальню и кабинет я запер. Не в том смысле, я тебе доверяю, но...

- Неприятно, когда кто-то чужой копается в твоих вещах.

Давид кивнул.

Малена не обиделась. Дай ей волю - она бы поступила так же. Ее дом - ее крепость, и раз уж ты сюда добровольно кого-то впускаешь - установи границы. Сразу. Чтобы не пришлось загонять в них гостя уже принудительно.

- Еда в холодильнике, готовить и убираться приходит Анна Ивановна, я ее предупредил по телефону, но сегодня она не придет. Она бывает по вторникам и пятницам. Да, вот этим компьютером можно пользоваться.

Малена покосилась на белоснежный агрегат с известной эмблемой на крышке.

- Спасибо...

- Никому не открывай, кроме меня, можешь всех выпроваживать сразу. Если что - звони.

Полежишь, отдохнешь, мелодрамы посмотришь...

Лицо Малены выразило такой откровенный ужас...

Целый день пялиться в телевизор?

Это жестоко!

Безусловно, есть люди, для которых это предел мечтаний, лежать, пялиться в телевизор, а еще рядом можно пиво поставить и рыбку соленую. И чипсы, и орешки, и... и вообще - зачем с кровати слазить? Своей жизнью жить?

Так чужая-то меньше болит.

Давид фыркнул.

- Я понял. Ты тоже трудоголик.

Малена не стала уточнять, кого еще господин Асатиани причислил к трудоголикам, она молча кивнула.

- Тогда... чем бы тебя занять... о! Придумал! Ты в Архикаде работаешь? Или в Свит хоуме?

Матильда кивнула. Малена об этих программах представления не имела, а вот Матильда интересовалась. Правда, на лицензионные версии денег не было, но с пиратскими версиями она повозилась. Можно и карандашом на бумаге рисовать, конечно, но в компьютере интереснее. Там и смоделировать можно, вон, даже Икея свою программу разработала.*

*- прошу не считать рекламой, что мне назвали, то я и перечислила. Прим. авт.

- Работаю.

- Отлично. Я сейчас сброшу проект дома, а с тебя по три-четыре варианта дизайна для каждой квартиры.

Матильда аж рот открыла.

- А сколько там квартир?

- Немного. Всего шестнадцать. Это элитный дом.

Матильда понимающе кивнула. Что ж, шестнадцать квартир - действительно немного. Но зачем?

- А зачем нужны мои рисунки?

- Почему бы не попробовать? Будем предлагать квартиру с проектом обстановки, - отмахнулся Давид.

- Нам нашли занятие, чтобы мы под ногами не путались, - прокомментировала Матильда.

- Это повод его отвергать?

- Нет. Я же тебе обещала показать разные стили, вот, посмотришь...

Малена улыбнулась.

- Спасибо.

Позавтракали Малена и Давид вместе. Как оказалось, господин Асатиани неплохо умеет готовить омлет с ветчиной, и так же неплохо умеет подкармливать кошек.

Мелкая серая зараза продавала и хвост, и уши, и душу за кусок ветчины. Еще и на хозяйку поглядывала, морят тут некоторые голодом бедных котят, пармской ветчинки не дают, спасибо, хоть кота себе понимающего нашла...

Надо бы оттаскать паршивку за шкуру, но у Малены рука не поднималась.

Потом Давид уехал, а Малена подумала пару минут, и позвонила Антону.

- Да?

- Антон Владимирович...

- Малена?

- Д-да...

- Ты себя как чувствуешь? Не тошнит, голова не кружится?

- Нет. Спасибо вам огромное, Антон Владимирович! Если бы не вы, мне бы вчера очень плохо пришлось.

На том конце радиоволны (с обычными телефонами все понятно, там провод, а вот что у сотовых?) немного помолчали.

- Не стоит, Малена. Так бы любой нормальный человек поступил на моем месте.

- Это мне решать, - отозвалась Малена. - Еще раз - спасибо. Я вам очень обязана, возможно, жизнью, а здоровьем - точно.

- У тебя неделя отпуска. Так и быть - больничный можешь не предъявлять, зарплату я сохранию.

Давно у тебя такие терки с предками?

- Либо пятнадцать лет - либо месяц, - как лучше?

- Не понял?

- Я отца видела в последний раз в возрасте двух лет. Сами понимаете, ни о каких родственных чувствах там речь не идет. Около полугода тому умерла моя бабушка, мой единственный родной человек, и вот - объявились на наследство.

- Угу, понятно.

- А в борьбе за деньги все средства хороши.

- Никто и не спорит, - согласился Антон. - Все, отдыхай неделю, и на работу в понедельник.

- Хорошо. Спасибо, Антон Владимирович.

- Пока.

- До свидания.

Телефон пискнул и умолк. Малена погрозила Бесье пальцем.

- Учти, поросюшка плюшевая, мы тут не навечно. Советую не привыкать к ветчине, а то жить грустно будет.

Кошма мурлыкнула в ответ. В зеленых глазах читалась искренняя уверенность в своей неотразимости. Это вас, дам-с, можно менять по десять раз на дню. А нас, кошек, любить надо. Уважать и обожать. Так что вы, мадемуазель, не знаю, а я тут решила навечно поселиться.

Малена только вздохнула. Родная кошка не уважает...

И позвонила Сергею.

Сообщила, что прийти во вторник точно не сможет, вчера так удачно упала, что до сих пор двигается с трудом, даже больничный взяла. Нет-нет, привозить ничего не надо, у нее все есть. И наверное, в четверг или в пятницу они встретятся, она уже должна себя получше себя почувствовать. Она очень постарается.

Форс-мажор, это бывает.

Сергей согласился, и отключился.

Матильда поглядела на компьютер и потеряла руки.

- Ну что, Малечка, поработаем?

- Обязательно. А фильмы какие-нибудь посмотрим?

- Обязательно. И то, и другое. Кстати, а готовить ты умеешь?

- Как и любая монастырская воспитанница. Не просто ж так мы в монастыре жили. И готовить приходилось, и на кухне надзирать, и на зиму запасы делать... да много всего. В своем хозяйстве все знания пригодятся.

- Угу. Кстати, мы кухарку у вас в поместье не уволили...

- Напишем господину Сельвилю. О том, что я стала признанной наследницей, ну и выгоним эту дрянь к шервулям, - согласилась Малена. А нечего снотворное подсыпать, вот нечего!

Когда в Донэре царила Лорена, Матильда с Маленой там сделать ничего не могли. Она - вдовствующая герцогиня, Малена - наследница с непонятным местом в мире. Вроде бы да, а вроде бы и поспорить можно. А сейчас все четко. Так что...

Долой предателей!

Почистить конюшню надо до того, как в стойло встанет лошадь.

- А зачем нам готовить?

- В качестве ответной любезности. Давай поглядим, что в холодильнике?

В холодильнике мышь бы не повесилась. Места не хватит.

Полки были забиты, но своеобразно. Там было несколько готовых блюд из разряда - разогреть и кушать, вроде тушеного мяса, каких-то овощей, и непонятных фунтиков вроде голубцов, как оказалось - с тем же мясом. И куча полуфабрикатов.

Те же йогурты, разная молочная продукция, какие-то морепродукты...

Матильда задумалась.

- А что мы можем приготовить?

- Я бы сказала иначе. Надо что-то такое, что точно будет съедено.

- А вкусов Давида мы не знаем...

- А если что-то из молока? Его тут литра три?

- А есть ягоды? Я знаю рецепт домашнего мороженого.

Малена покачала головой.

- Не стоит, Тильда. Даже в качестве благодарности пока не стоит. Глупо получится, вкусов-то его мы не знаем, ну и влетим... либо Давид обидится, либо будет давиться из вежливости, либо мы обидимся... нет, не надо.

- Ну и ладно. Пошли, поработаем?

- Пошли...

До конца дня девушки посмотрели 'Гусарскую балладу', и сделали проекты на две квартиры.

Правда, по три штуки на каждую, в классическом стиле, в стиле 'Модерн' и в стиле 'Лофт'. Мало ли у кого и какие вкусы?

Но квартиры ей понравились.

Все с большими комнатами, с просторными коридорами - хоть на велосипеде гоняй, с кухнями малым не по двадцать метров, с кладовыми и встроенными шкафами. Очень удобно.

Давид пришел поздно вечером, усталый и чем-то недовольный.

Малена к нему лезть не стала, поглядела на него, и пошла ставить чайник. К моменту появления Давида на кухне, его ждала большая чашка крепкого черного чая и вазочка с медом, а Малена стояла у холодильника.

- Что разогреть?

- Давай мясо.

- Овощи?

- Там фасоль тушеная есть.

В век микроволновок проблема решилась мгновенно, и Матильда засуетилась на кухне. Давид грел руки о чашку с чаем, отпивая его маленькими глотками, и думал, что все не так плохо. По крайней мере, у него не трещат над ухом бешеной сорокой. Да и чай заварен как следует - крепкий, не водичка подкрашенная, которую сейчас пьет большинство баб. И не зеленый (тьфу!) 'чай'. Его Давид вообще не переносил, считая профанацией.

Салфетки, столовые приборы, вода, хлеб, солонка и перечница - Малена ловко сервировала стол, потом пискнула микроволновка - и Давид жадно втянул ноздрями запах мяса.

Малена молчала, пока он не поел, потом достала из холодильника пирожки с сыром и зеленью - хачапури? Подогрела их, и только через полчаса Давид соизволил отвалиться от стола.

- Да, мужчин прокормить сложно, - прокомментировала Матильда.

- Зато когда они сытые и довольные, с ними намного легче работать, - улыбнулась в ответ Малена.

И принялась показывать Давиду, что они с Матильдой сделали за этот день.

Давид смотрел, задавал вопросы, как-то незаметно оказалось, что уже вечер, и пора идти спать...

Малена извинилась, и хотела уйти.

- Время детское? - удивился Давид.

Девушка потупилась.

- Я понимаю. Но живот болит, и в сон клонит...

Последствия 'боевой травмы' прокатили 'на ура'. Давид тут же проникся и закивал, мол я все понимаю.

- Я скину себе на флешку?

- Конечно. Я ведь для тебя и работала. Спокойной ночи. Беся, ты со мной?

Кошка всем видом показывала, что на коленях у господин Асатиани ей всяко лучше. Малена развела руками.

- Прости, но эта хвостатая нахалка выбирает тебя.

- Она же девочка, так что неудивительно. Спокойной ночи.

Мария-Элена Домбрийская.

Победа!

ПОБЕДА!!!

О победе говорили, кричали, пели на каждом углу. Только вчера прилетел голубь из Равеля.

Маркиз Торнейский разбил степняков и возвращается домой.

С невестой?

Вроде как ехал за невестой, а степняков все равно разбил.

Эту вести в особняк Домбрийских принес лично Лоран Рисойский. По случаю праздника он был под 'мухой'. То есть - под наркотой.

Девушки смотрели на него с опаской. Связываться с наркоманом? Пусть и в самой легкой форме, пусть у него пока нет зависимости... тут главное слово какое?

Пока.

Матильда душевно просветила подругу по этому вопросу. СМИ - штука продажная, за что заплатят, то и запоят. То наркотики вредны, то оказывается, что к 'травке' даже привыкания не бывает, то какая-то там пакость стимулирует умственные способности, то энергетики сажают сердце - чего только не читаешься.

Бабушка Майя, а вслед за ней и Матильда, имели по этому вопросу свое четкое мнение.

Наркота, в любом роде, в любом виде - зло. И тут не может быть никаких оправданий.

Более того, если парни, принимающие наркотики - это зло меньшее, у них хвостатики по некоторым данным обновляются чуть ли не раз в месяц (и то иногда рождаются уроды), то женщины...

Девчонкам, по мнению бабушки Майи, до рождения двух-трех детей вообще нельзя было пить, курить и уж тем более колоться и нюхать. Что там с телегонией - это пусть ученые разбираются, а вот то, что нездоровый образ жизни женщины отражается на ее детях - факт.

И самое поганое то, что за бабскую дурь (я взрослая, я не хуже других, все у меня обойдется, да что это старичье понимать может?) расплачиваются дети. И плачут потом бывшие 'погульбушки', да поздно. Пролитое не поднимешь.

Так что Матильда четко знала свою меру вина - на всякий случай, но не пила. И не курила.

А к тем, кто употребляет наркотики, относилась с жалостью. Это каким же дураком надо быть, чтобы себя убивать, да еще деньги за это платить?

И с опасением.

Это ведь уже не человек, это чудовище.

Смешно звучит?

Но каждый человек состоит не из лепестков роз. В душе каждого из нас обитает нечто такое, что лучше не показывать другим людям. У кого-то там безобидное и травоядное, олень или лань, а у кого-то...

Как часто нам хочется убить?

Как часто сжимаются кулаки, и глаза застилает кровавой пеленой? И нечто страшное шепчет в ухо - ты ведь справишься, и обставить все это можно, и ничего тебе за это не будет... только обычно людей сдерживает страх.

Перед законом, богом, наказанием... да много перед чем. А наркотик снимает все ограничения. И чудовище вырывается на свободу.

Это страшно.

В Донэре Лоран был ограничен в своих развлечениях, а вот в столице пошел во все тяжкие.

Малена не дает?

Найдем другую! Других! И по притонам походим, и по борделям, и просто - по служанкам.

Казалось бы, надо Лорану плюнуть на все и сосредоточиться на завоевании Марии-Элены, а он во все тяжкие? Сначала бы в брак, а уж потом по бабам?

Лоран считал, что эти два пути вполне можно совместить. А кальян... а что - травка?

Расслабиться, снять напряжение, поднять потенцию, и все в таком духе. Кто хочет - тот найдет себе оправдание, причем моментально.

Глупо?

Да ничуть! Рисойские всегда потакали своим прихотям и страстям, не слишком заботясь о последствиях. Таков был отец Лорана и Лорены, их дед, возможно и прадеды, такой же выросла и Силанта. Захочу?

Схвачу!

А уж чем это грозит, что в результате получится, как жить дальше... пусть лошадь думает, у нее голова большая. А Рисойские - люди страстные.

Матильда выразилась по этому поводу немного иначе, намекнув какой конкретно орган отвечает за их страстность. Не голова. И мозга в этом органе нет, даже костного.

Лоран был счастлив, радостен, и уже отметил победу. Это было видно по зрачкам, по чуточку неясной речи, по походке... он не шатался и не цеплял углы, но обычно владел своим телом намного лучше. Был грациознее, что ли...

А сейчас в его движениях появилась расхлябанность, которой раньше не было.

- Победа? Ура! - отреагировала Малена, и поглядела на Аманду. - Что там положено делать?

- Подобающе украсить дом и ограду, - отработовала Аманда. - С вашего разрешения...

Малена разрешила.

Лоран поглядел на племянницу.

- Готовься, детка. Скоро будут приемы при дворе, балы...

- Надо пополнить запасы грима, - тут же отреагировала Матильда. Малена пряталась.

Лоран ухмыльнулся.

- Не хочешь под принца лечь.

- Нет. Не хочу.

Лоран поднялся из кресла, в которое уселся, подошел к Марии-Элене и наклонился так близко, что она почувствовала характерный запах. Увы - не алкоголя.

- А под меня?

Момент качать права был неподходящий. И все же герцогесса улыбнулась.

- С королевского соизволения, дядюшка. Сами понимаете, вас на виселицу, меня в монастырь...

Этого Лорану не хотелось.

- Ладно. Подождем...

Он откланялся и вышел.

- М-да. Хреново, - прокомментировала Матильда.

- Тильда, а ведь он продолжит вот это, - Малена вообще было на грани истерики.

- Стопроцентно.

- И что делать?
- Что у нас сегодня по плану? Только портные? Плевать. Поехали...
- Куда?
- За травами, сестренка. За травами, настоями и прочим. Знаешь, я о здоровье твоего дядюшки заботиться не обязана.
- Матильда, ты предлагаешь...
- Не буду я его травить, успокойся.
- Фууу...
- Пока. А потом - как сложится. Нам надо что-то... скажи, что у вас есть от абстиненции?

Малена и слова-то такого не знала.

- Это что?

Матильда объяснила. Герцогесса задумалась.

- Я сомневаюсь...
- Я тоже, - честно призналась Матильда, - но попробовать надо. Хоть поищем.
- А если уж до конца честно?
- Не хочу я здесь оставаться. Здесь и сейчас мне страшновато... если полезет.
- Ты с ним не справишься?
- Справлюсь. Но придется его или убить, или покалечить - нам такое ни к чему.
- Нет. Ни к чему. Пусть успокоится, уснет...
- Рано или поздно нам придется столкнуться, но не сейчас. Нет, не сейчас. Не ко времени.

Матильда даже не сомневалась в себе. Если что - жив Рисойский останется, но сильно об этом пожалеет. И нет, никакие угрызения совести ее не мучили. Можно пожалеть тигра в зоопарке и за решеткой, но когда он на свободе, в джунглях и твердо намеревается поужинать вашей печенкой... сами его жалейте.

Ваша печенка - ваш выбор.

Как экипаж Малены занесло на улицу Могильщиков - она сама не поняла.

Там поворот, тут поворот... она и не поняла сначала, где находится. Мало ли в городе таких лавок? Она уже штук шесть объехала, кстати, много полезного прикупила, вплоть до настойки сенны, и сложила пузырьки в маленькую сумочку на запястье. Дома и рассортирует, и подумает, что на ком применять.

Она просто приказала кучеру останавливаться у всех лавок с травами, их легко было узнать по пучку травы, подвешенному над входом. Сама заходила в лавки, разговаривала, кстати, большинство травников и травниц честно признавались, что такого средства нет. Можно усыпить, можно дать что-то прочищающее, но лучше от такого человека бежать бегом. Раз уж начал...

Нет, не остановится. И не спасешь его, только себя погубишь.

- Ваша светлость, еще одна.
- Это мы где сейчас? - выглянула в окошко Мария-Элена.
- На улице Могильщиков.
- Малечка, а это не то, куда нас посылали? - охнула Матильда. Вот ведь занесло...
- А куда нас посылали?
- Ну, Тальфер же!

Герцогесса и правда не сразу поняла, о чем идет речь, и только потом сообразила, принялась вглядываться. Дом как дом, ничего особенного. Но...

- Дверное кольцо выполнено в виде паутины, - шепнула Малена, уступая управление Матильде.

- И что?
- Знак Восьмипапого.
- Надпись над дверью - 'Ведьма здесь'?
- Примерно так, - согласилась герцогесса.
- М-да... Ладно, раз уж мы тут, посмотрим, что там за ведьма.
- Как- посмотрим?
- В стиле 'бешеный Карлсон'.
- Это как?

- Увидишь...

Матильда, хитро улыбнувшись, выпрыгнула из кареты и заколотила в дверь кольцом. Дверь медленно скрипнула и отворилась.

На порог вылез слуга самого простецкого вида. Матильда прищурилась.

- Любезнейший, здесь ли живет некая Лэ Стиорта?

- Да, ваша... светлость, - взгляд слуги остановился на гербе.

- Мне рекомендовали ее, как хорошую травницу. Ваша госпожа сейчас дома?

Вереш, а это был именно он, заколебался. Но упускать такую добычу? Молоденькая девчонка, в роскошной карете, герцогесса...

Справится Ластара, и не таких обламывали.

- Да, она у себя. Вы позволите доложить о вас?

Матильда даже не сомневалась, что хозяйка уже в курсе. Работа у нее такая, выглядывать и высматривать.

- Вы предлагаете мне ждать в дверях, как простолюдинке?

Вереш понял, что перегнул палку, и тут же поклонился.

- Нет, госпожа. Простите...

Ремесло ведьмы - оно такое, надо быть готовой к неожиданностям. Ластара наверняка уже успела загримироваться, и ждала клиентку. Так что слуга склонился в низком поклоне.

- Прошу вас, ваша светлость.

Матильда храбро вступила в полутемный коридор. Эх, фонарик бы сейчас.

Коридор был выполнен в лучших традициях 'ля ведьмарис'. То бишь - святой инквизиции на вас, идиоток нету. Чего-то непонятное свисает с потолка, стены занавешены мрачными тряпками, освещенность - только что нос не расшибить...

Малена пискнула и спряталась. Матильда весело комментировала все, что попадалось на пути, разве что не в полный голос, а для сестры.

- Паутина халтурная, из ниток. Стирать пора.

- Тряпки не шевелятся, со сквознячком было бы авантажнее.

- А почему ни одной крысы не бегает? Чтобы посетители не убежали еще быстрее?

Малена постепенно начала хихикать, а там и сама принялась смотреть более критически.

Подумаешь, ужастики? Это здесь и сейчас страшно, а она на 'бустере' каталась. Вот если туда местную ведьму посадить, это как?

Сама хозяйка обнаружилась в дальней комнате. Вся в черном, вся такая трагично-готичная...

Наверное, предполагалось, что ее будут бояться, но Матильда и не такого по ужасикам навидалась.

- Недорабатываете, сударыня?

- П-простите?

Вот с таким подходом Ластара сталкивалась впервые. И растерялась. Ненадолго, но нахалке этого хватило, чтобы отыграть пару позиций.

- Половицы не скрипят, тревожных сквозняков нет, двери нигде не хлопают, а паутину вообще постирать пора.

- П-постирать?

- А что? Вы ее не сами плели? Ну, новую закажите, а то пыли сыплется - ведро с кисточкой. Не прочихаешься потом.

Ластара опомнилась. Положила руки на шар...

- Что привело вас ко мне, госпожа?

- А вы не догадываетесь?

В том-то и дело, что не догадывалась. Обычно ее предупреждали о визитах, вот принц, к примеру, собирался заехать сегодня вечером, она знала об этом от любимого. Но может и не приехать, победа все-таки, отметить надо... хотя бы начать. Тогда приедет завтра.

- Женщин ведут ко мне разные дороги, но одна и та же причина. Любовь...

- Отлично сказано, - одобрила Матильда. - Кстати - у вас парик съехал.

- У меня нет парика.

- И грим размазался. Одна бровь выше другой, и заметно.

Ластара дернулась.

- Вы кто такая?

- Да ехала я тут, мимо, думала, найду специалистку, а вместо этого дешевый какой-то антураж, свечи эти дурацкие.... Лэ Стиорта? А на самом деле как?

- Это и есть мое имя.

- Госпожа Стиорта, давайте, правьте грим, включайте свет, а потом возвращайтесь. Поговорим серьезно. Мне от вас дело нужно, а не дешевые завывания.

- Да что вы себе позволяете?! Я сейчас...

- Стражу кликнете? А может, вместе покричим?

Ластара откровенно растерялась. Она бы покричала, но... не с руки. Да что происходит-то? А все просто.

Как разрушить цыганский гипноз?

Сойдет что угодно, от ругани, до нахальства. Можно начать орать и материться, можно предложить цыганке самой погадать, можно... да много чего можно. Вот Матильда и перла буром. Или дуром, невелика разница. Против гипноза - только агрессия и политика несогласательства. Наезд и напор.

- Лэ, или как вас там, давайте говорить серьезно. Мне не нужны эти спектакли. Я хочу разговаривать с травницей, а не с балаганной актрисой.

Вот слово 'травница' и успокоило Ластару. Все понятно, все в порядке. Просто о ней сказали, как о травнице, а не о гадалке, ну и результат...

- Хорошо. Что вам угодно?

- Окна откройте?

Ластара щелкнула пальцами. Шторы эффектно поползли в разные стороны, Матильда покачала головой.

- Госпожа Лэ, позовите сюда вашего слугу?

Ластара скрипнула зубами, но хлопнула в ладоши. Вереш вошел почти мгновенно. Матильда уставилась на него тяжелым взглядом.

- Мне не нужны свидетели разговора. Поэтому вы сейчас пойдете и сядете в мою карету, из окна мне все видно. И не вернетесь, пока я не выйду.

Вереш прищурился.

- Ваша светлость, мы люди маленькие...

- И гордость у вас тоже есть. А еще - уши и язык. За гордость и тайну - отдельная доплата.

Вопросы будут?

Вопросов не осталось. Дело-то житейское, бывает у баб. Может, нагуляла, и не хочет огласки.

Вереш бросил взгляд на Ластару, та кивнула, и слуга вышел. Матильда видела, как он подошел к карете, как сел внутрь.

- Отлично. А теперь поговорим серьезно. Один мой знакомый подсел на травку.

Ластара поглядела удивленным взором. Матильда исправилась.

- Мой знакомый начал курить травку, и я боюсь, что дальше будет только хуже.

Ластара не боялась, она знала, что дальше будет хуже.

- Госпожа?

- Мне нужно средство от этой зависимости. Можете вы что-то посоветовать?

Ластара медленно покачала головой.

- Так сразу... надо подумать.

Матильда выложила на стол большую золотую монету.

- Мне действительно нужно.

Ластара прищурилась.

- Ладно. Я сейчас вернусь, подождите пару минут, ваша светлость.

И вышла из комнаты.

Матильда фыркнула.

- Зуб даю, вручит или снотворное, или слабительное.

- Или смесь.

- Ага...

Матильда, оставшись одна, не ждала милостей от природы, она обшаривала ящики стола Ластары. А что? Вдруг тут в каждом ящике по компромату? С ч

у

моданом?

Но далеко она влезть не успела, повезло ей уже с верхним ящиком.

- Оба-на!

Кольцо с рубином выглядело безумно дорогим. Даже если рубин 'технический', то есть с трещинами или вкраплениями, он все равно здоровущий. Всю фалангу пальца закроет. Явно с мужской руки...

Матильде безумно захотелось сунуть его в карман. Но - нельзя. Это уже самоподстава.

А что тут за пузырек?

Хм-м...

Матильда поглядела его на просвет. Нет, не понять. Быстро подковырнула пробку, открыла, понюхала...

Не понять.

А по виду - обычный пузырек, она сама таких три штуки купила, самая простая форма. Самый ходовой размер, аптекари такие десятками заказывают...

В коридоре послышались шаги.

Руки действовали быстрее головы, Матильда вытащила из сумочки пузырек с настойкой сенны, на вид - один в один, сунула его в стол, а тот, что лежал у Ластары сунула в сумку. И прыгнула обратно.

Ластара вошла в комнату с улыбкой на лице.

- Вот, ваша светлость.

Пузырек у нее в руке был точно таким же. Матильда взяла его, поглядела на просвет.

- Что это и как употреблять?

- Настой коры дерева хон, госпожа. По три капли в еду каждый день.

- Раз в день?

- Лучше два, ваша светлость. И ваш любимый избавится от своей зависимости.

На самом деле в пузырьке был разведенный настоем мяты куриный помет. И поделом стервозе... уж очень Ластаре хотелось насолить наглой девке.

- Сколько я вам должна?

- Еще три золотых, ваша светлость.

Матильда выложила их, не моргнув глазом.

- Благодарю. Если лекарство поможет - приеду за добавкой.

- Обязательно поможет, ваша светлость, даже не сомневайтесь.

Матильда ответила улыбкой.

Ага, поможет. И мы все в это дружно верим. Интересно только, что я у тебя сперла?

Ластара лично проводила герцогессу до кареты. Вереш отправился в дом - и едва не получил по голове стеклянным шаром. Хорошо хоть поймать успел.

Следом полетел паук.

- Стерва!!! Дрянь!!! Сучка герцогская!!!

Ластара бесилась минут двадцать. Вереш насмешливо смотрел на эту картину. Ничего, Ласти полезно иногда приложиться носом об забор. А то возгордилась... знатной дамой она станет.

Грим подправь. И парик - тоже. А потом в высшее общество лезь. Это тебе не купчих морочить, идиотка.

Наконец Ластара стала успокаиваться. Вереш обнял подругу, погладил по волосам.

- Ничего, ты с ней сторицей расквиталась.

Ластара ядовито улыбнулась, при мысли о 'настоящем дереве хон'.

- И поделом этой суке!

- Ага, - поддакнул Вереш, искренне сомневаясь, что лекарство используют по назначению. Но вдруг?

Ладно, деньги они получили, чего еще надо? Работа ведьмы - она нервная, всякие клиентки бывают. Надо приспособливаться.

- Как ты думаешь, что мы сперли?

- Не знаю. Но подозреваю что-то интересное, - задумчиво отозвалась Матильда. - Малечка, это все паршиво выглядит.

- Почему?

- Ты колечко видела?

- Да.

- Опиши мне его.

- Ну... рубин, большой, зажат в когтистых лапах, делался явно под мужскую руку...

- Надо приехать домой и нарисовать это кольцо. Оно оригинальное, - Матильда пребывала в растерянности. - Не знаю я, что делать. И жить охота, и подставляться неохота...

- В чем мы подставились?

- Да ни в чем. Сейчас еще несколько лавок объедем, так что все понятно, ехали, случайно завернули, так же случайно зашли к травнице... вот этот антураж - тоже понятно. Скажи человеку - ты лопух к ране приложи, так ведь не подействует, а если ему наплести сорок бочек с верхом, мол, собрано на растущую луну, в дальнем лесу, где видели лису - так влет пойдет.

- Тогда что тебя нервирует? Кольцо? Но девушкам могут делать и более дорогие подарки. Особенно если девушки красивы и доступны.

- Не знаю. Попой чувствую - где-то крыса подохла, а вот где... Нет, не знаю.

- Может, и нет ее? Крысы?

Матильда пожала плечами.

Она не знала, но...

Бабушка рассказывала. Бывает у человека такое, хоть режьте, хоть стреляйте, но туда он не пойдет! Здесь убивайте, сразу!

К примеру, познакомишься ты с человеком, и совершенно ведь замечательный человек, добрый, улыбчивый, хороший... а ты четко понимаешь, что надо рвать когти. И рвешь. А потом узнаешь мимоходом, как он кого-то подставил, да по-крупному.

Или тебе говорят - дело верное, да ты что, да там уже сто человек обогатились, вон их стоянка для мерседесов, а тебе не хочется туда деньги вкладывать. Ну и не вкладываешь. И остаешься при своих, в отличие от других 'любителей халявы'. Те остаются - без своих.

Или надо куда-то идти, а ты понимаешь, что нельзя. Даже не так - НЕЛЬЗЯ! А потом там либо мина заложена, либо крыша готова обрушиться... не суть важно что, но накрывает того, кто не почуял. А ты выживаешь за счет этой счастливой 'чуйки'.

В военное время такого больше было. Ну так когда речь о своей жизни, интуиция обостряется. А когда о деньгах, о любви - это ведь не смертельно. Можно и прозевать. Но иногда, если тебя от чего-то отворачивает, стоит прислушаться к своей интуиции. И не лезть. Ради своего же здоровья - не лезть.

- Тальферу расскажем? - тихо спросила Малена.

- Нет. Никогда.

Матильда была категорична. Они действительно случайно оказались на этой улице, случайно поменяли этот пузырек... ладно, не станем себе врать.

Была вероятность, она осуществилась, девушки вполне допускали, что встретятся с этой Лэ Стиорта. Не ехали целенаправленно, но круги по городу наматывали.

Она целенаправленно выводила 'псевдоведьму' из себя, специально шарила по ящикам стола, вот подмена пузырька - это импровизация, но - вдруг?

Сейчас флакончик охлаждал карман. Он согрелся от тепла человеческого тела, но девушка все равно ощущала холод. Наверное, это нервное.

Мысли отдать его Тальферу у девушки и не возникало. Но как бы самой проверить, что в нем?

- Ваша светлость, еще одна лавка...

Малена кивнула и полезла из кареты.

Еще - так еще. Дело нужное.

Домой она вернулась ближе к вечеру, когда все уже поужинали, и отправилась на кухню, где и застала эпическую сцену.

Кухарка ругалась на чем свет стоит.

Причина была печальна - крыса.

Очень умные, пролазливые, верткие и гадкие твари. И не стоит путать домовых пасюков с крысами из вивария, симпатичными и пушистенькими. Дикий волк - и собака, все же разные животные.

Крыса была наглой и пакостной, ничего не боялась и прогрызла дорогу в кладовку. Выловить ее не получалось даже у кошек. Кстати - не всякий кошка справится с крысой.

Матильда даже не раздумывала.

На ловца и зверь бежит?

- Давайте попробуем приманку, - предложила она.

Сказано - сделано, она осторожно проделала дырку в куске сыра, капнула в нее пару капель из неизвестного пузырька, потом заровняла дырку. Сыр тут был мягкий, хоть ложкой ешь.

Потом сыр был оставлен в кладовке, а коты изгнаны на ночь из кухни. Утром служанка обещала сказать - действовало ли на вредную тварь.

Мария-Элена распорядилась принести ей перекусить, и отправилась спать.

Лоран после кальяна тоже отключился, так что никто девушку не беспокоил. Сон укрыл герцогессу, словно теплое уютное одеяло.

Матильда Домашкина.

Что может делать домработница?

Убирать, стирать готовить... стучать. Последнее - однозначно.

Судя по взгляду, которым одарила Матильду Анна Ивановна, общего языка они не найдут.

Домработница оказалась теткой лет пятидесяти пяти, невысокой и полненькой, с натруженными руками и крашеными в рыжий цвет волосами. Явно седая, но подкрашивается.

- Доброе утро.

Вежливость по отношению к гостям хозяина присутствует. Но не уважение.

- Доброе утро, - отозвалась Матильда.

Давид улыбнулся, стоя на пороге.

- Анна Ивановна, это Малена, Малена, это Анна Ивановна. Анна Ивановна, Малена - моя гостья, отнеситесь к ней с уважением.

И удрал на работу. Ну, хорошо хоть соизволил дожидаться и лично представить.

Дверь захлопнулась, а домработница уставилась на Малену взглядом голодного василиска.

Одобрения не заслужили ни платье Малены - простенькое, но вполне приличное, подол чуть пониже колен, ни кошка на руках.

- Вам помощь нужна, Малена... эээ...?

- Германовна, - безмятежно отозвалась Мария-Элена. Уж что-что, а разговоры с прислугой ей были привычны и понятны. - Малена Германовна.

Пауза затянулась.

- Очень приятно, - выдавила домработница под спокойным взглядом.

- Я тоже рада нашему знакомству, - согласилась Малена. - Анна Ивановна, занимайтесь своими делами, а если мне что-то понадобится, я надеюсь, вы не откажете мне в помощи?

По сути вопрос. По смыслу - вежливый приказ. Домработница кивнула без особого энтузиазма.

- Не откажу, Малена Германовна.

- Благодарю.

И Малена удалилась в свою комнату.

Вчера она работала на кухне, но какая разница? Можно и в комнате прекрасно поработать, чтобы не мешать Анне Ивановне с уборкой. На очереди была большая пятикомнатная квартира.

Легко ли подобрать для нее обстановку?

Вроде бы да. Но ведь к делу подойти хочется с фантазией...

Анна Ивановна постучала в дверь, когда Матильда как раз доделывала спальню - ради интереса в японском стиле. А вдруг кому понравится?

Матильда тут же передала управление сестре, и герцогесса отозвалась:

- Войдите.

Анна Ивановна воздвиглась на пороге, словно фрекен Бок, с пылесосом наперевес. Не хватало кошки, но Бесье пылесос не понравился.

Она мявкнула и распушилась, показывая, что это ее хозяйка и ее территория. И маленькая киса будет защищаться, вот!

Малена усмехнулась и погладила кошку по загривку.

- Спокойно, Беся.
- У вас обратиться можно, Малена Германовна? Или вы пока заняты?
- Ничего страшного, работать я могу в любом месте. В гостиной уже убрано?
- Да.
- Тогда мы перейдем туда.

Малена подхватила ноутбук и вышла из комнаты. Беска задрала хвост и последовала за ней. Мы не сдаем свою территорию, мы осваиваем новую, вот! И пылесоса я не боюсь! Ни капельки! Домработница проводила девушку нечитаемым взглядом, и загремела пылесосом. Знаем мы таких гостей... ходят тут всякие, а потом серебряных ложек недосчитываешься. И вилок тоже!

Кто-то думал, что этим и ограничится?

Конечно, нет.

Главная обязанность любого холуя - стучать. Стучать везде, стучать всегда... кому? Это вопрос. Тому, кто платит.

В данном случае зарплату платил Давид Асатиани, а о бонусах заботилась его мать. Видимо поэтому вскоре после перехода Малены в гостиную и раздался звонок в дверь.

София Асатиани явилась по душу очередной нахалки, которая посмела претендовать на место в жизни ее сыночка.

Малена дверь не открыла бы. Но Анна Ивановна была другого мнения.

- Добрый день, София Рустамовна.

- Здравствуйте, Анна Ивановна. Как тут дела? Как мой сын поживает?

- Влипши, - обреченно прокомментировала Матильда.

- Спокойно, - Малена цыкнула на растерявшуюся подругу. - Передавай управление.

- Держись, я с тобой.

В коридоре что-то говорили, но Малена уже не слушала. Она взглянула в зеркало, удачно висящее на стене, поправила волосы, одернула подол - и когда в комнату вошла женщина, вежливо улыбнулась, вставая с дивана.

- Добрый день.

София Асатиани была красива. Говорят - восточные женщины стареют рано? Ну так ей забыли об этом доложить. Она была достаточно полной, но не как квашня, а скорее, царственной полнотой, когда женщина увеличивается в объемах пропорционально, не расплываясь в разные стороны. И несла себя королевой.

Она подавляла. Заставляла почувствовать себя мелкой и ничтожной, устыдиться...

Любую другую. Но не Марию-Элену Домбрийскую.

Царственную осанку герцогесса умела держать ничуть не хуже. И на лице ее была доброжелательная улыбка, без каких-либо эмоций.

Да, здравствуйте. И - все. Я не проявляю любопытства, я жду, пока вы сообщите мне о цели своего визита. Я тут на законных правах и не питаю дурных намерений.

Точка.

Грузинка словно на стену налетела. Но - не сдалась.

Оглядела с ног до головы девушку, но не нашла к чему придраться. Простое платье из светло-зеленого хлопка было надето не для соблазнения, ворот под горло, рукава чуть выше локтя, подол ниже колен. Чуть приталенное, но вовсе не обтягивающее, просто удобное платье. Светлые волосы стянуты в хвост, чтобы не лезли в глаза, босые ноги - про тапочки Давид просто забыл.

- Ну, день добрый. Будем знакомы, я - София Асатиани.

- Рада знакомству, София Рустамовна. Мое имя, - и едва не сказала Мария-Элена Домбрийская.

- Малена. Теперь я вижу, от кого Давид унаследовал свое обаяние.

- Малена? - недовольно переспросила женщина, не собираясь поддаваться на комплименты.

- Малена Германовна, к вашим услугам, - охотно подтвердила Мария-Элена.

- Что-то Давид мне о тебе ничего не говорил, - нахмурилась женщина.

И стопроцентно соврала. Герцогесса это почувствовала, но спорить не стала. А вместо этого развела руками.

- Почему-то мужчины очень не любят рассказывать о своих благородных поступках.

- Благородных?

София была искренне удивлена. Она привыкла к другой реакции на свое появление, на свои слова, но вот, стоит ведь девушка, и улыбается, и руками не суетится, и услужливости не проявляет... просто стоит потому, что стоит старшая по возрасту.

Она просто вежлива, - внезапно осознала София. - Она не заискивает, ничего не добивается, не старается выставить себя в лучшем свете, она просто вежлива - и все. Но почему? Кто она такая?

Давид рассказывал о своей новой подруге, и, казалось бы, все закономерно. Завел девушку, поселил у себя, девушка из бедной семьи, значит, должна вцепиться в Давидика всеми лапами. Как это сделать?

Да расстелиться ковриком перед его родными и перед ним самим. И почему тут ничего подобного не наблюдается?

Когнитивный диссонанс. Иначе и не скажешь, хоть и язык сломаешь о дурацкое определение Леона Фестингера. Нет бы попроще - противоречивость ситуации!

А что там за благородный поступок?

София присела в удобное кресло, бросив взгляд на ноутбук. Интересно, что там такое?

Квартиры, комнаты... опять - нестыковка. Ладно бы - 'Космополитен'. Двести пять советов по привлечению и удержанию мужчины, тысяча и один способ секса, на худой конец - как избавиться от морщин. Но квартиры?

Этот вопрос мы еще разъясним.

- Присаживайся, Малена. И какой же благородный поступок совершил мой сын?

Мария-Элена опустилась в соседнее кресло. Так же спокойно. Спина прямая, осанка безупречна, руки на коленях, как приучили в монастыре.

Ах, как же много потеряли женщины, забыв об осанке. И идут, сутулятся, словно им на плечи ноша давит, к земле пригибает... а ты расправь плечи? Вдруг тогда и отношение к тебе поменяется?

- Он спас меня от хулиганов.

- Вот как?

Малена улыбнулась и промолчала. Софию это не удовлетворило, и дама пошла в атаку.

- И откуда же взялись хулиганы?

- К сожалению, я живу не в самом лучшем районе нашего города. Иногда случаются коллизии.

Следующие полтора часа прошли под знаком ужа на сковородке.

Нет такого в астрологии? А в жизни - есть.

Матильда искренне восхищалась своей сестренкой. Малена была спокойна, словно удав, безразлична и любезна. Она вежливо отвечала на вопросы, подчеркивая, что Давид очень помог ей, но ни разу не проговорила о происхождении хулиганов, или о причине их визита.

Вежливо обошла вопрос: какие отношения связывают их с Давидом, заверила, что только дружеские, и вообще, к господину Асатиани она питает самое искреннее расположение, озвучила общепринятую версию о своей семье - мать бросила, отец уехал, бабушка умерла.

Да, и так бывает, что кошка - единственная родная душа.

А иногда бывает и так, что лучше хорошая кошка, чем плохая родня.

Матильда давно бы вспылила, разоралась, нахамила... да что угодно! Лишь бы не терпеть эту пытку. Малена 'держала лицо'.

Мило улыбалась, не повышала голос, ни на минуту не расслаблялась...

Умеете ли вы готовить? Да, но не блюда грузинской кухни.

Что вы думаете о семье? Это сложная и длительная тема. Могу только сказать, что Давиду с семьей повезло. Мне не повезло, ну что ж поделаешь. Идеала в жизни не доищешься.

София Асатиани утомилась первой. Предложила выпить чая, посмотрела на то, как девушка разливала его по чашкам, как держит себя за столом...

- Давид уже пригласил тебя на мой день рождения?

- Нет, София Рустамовна.

- Тогда я приглашаю. Приходи, хоть вместе с ним, хоть самостоятельно. Вот...

На визитке было написано несколько слов бисерным почерком, и золотая коробочка отправилась в бешено дорогую сумку.

- Сколько ты собираешься прожить у Давида?

Малена развела руками.

Я и рада бы домой, да не пускают. Но вслух такого не скажешь...

- Надеюсь, что вскоре смогу съехать к себе домой. Мы с кошкой привыкли к самостоятельности.

Кошка всем видом показывала, что к пармской ветчине она тоже не прочь привыкнуть, но кто ж слушает маленьких и пушистых? Кругом одни черные и чешуйчатые ползают...

София улыбнулась, глядя на Бесю. История знакомства кошки и девушки ей уже была известна, и одобрена. Это мужчинам можно все крушить. А если женщина не чувствует жалости к маленьким и беззащитным... кому нужна такая женщина?

И вообще, в хорошем доме должны быть и кошка и собака. Кошка в доме, собака во дворе, так и от предков повелось.

- Что ж. Жду тебя в воскресенье, в два часа. До свидания.

Дверь захлопнулась за гостьей. Малена допила чай под любопытствующим взглядом Анны Ивановны, мило поблагодарила - и проследовала к себе в комнату.

Спасибо тебе, неизвестный дизайнер!!!

Гостевая комната была оборудована замком изнутри, так что Малена задвинула его - и упала на кровать. Тушкой, плашмя, где стояла. Живот болел, голова разламывалась...

- Это было посильней, чем 'Фауст', Гёте, - подала голос Матильда, которая последний час вообще молчала. Понимала, что не стоит отвлекать подругу.

Войны? Схватки? Поединки?

Ага, не сталкивались вы с любящей мамочкой великовозрастного сыночка. Тут-то вам бы и песец пришел. Белый, пушистый, хвостатый и кусачий. Это вам не с гвардейцами кардинала дуэлировать, тут все по-взрослому.

- Я чуть не сдохла, - честно призналась герцогесса, отбрасывая в сторону все хорошее воспитание. - В Департаменте Дознания бы этой мадам работать...

- Но ты ее сделала.

- Но чуть не сдохла.

- Зато как ты ее...

Матильда довольно рассмеялась, вспоминая одну из сцен.

- Вы предпочитаете ходить босиком?

- Да, здесь тепло, а ходить босиком полезно для здоровья.

- Хм-м... я смотрю, вы заботитесь о своем здоровье?

- Как любая нормальная женщина и будущая мать.

Тетку аж перекосило.

Да, везет им на 'боевых мамаш'. То Ирина Петровна атакует, то София Рустамовна... что их объединяет?

Да одно и то же!

Священное мнение, что выбрать невесту сыну должны - они! Чтобы его никто не отвлекал от самой важной задачи в жизни - любить мать!

И обоим почему-то не нравится Малена. И почему бы так?

- Вы знаете, Давид давно дружит с Анжеликой, дочкой наших друзей.

- Да, она такая милая девушка! Такая красавица! И так хорошо воспитана! Мужчине, которого она выберет, очень повезет.

- Вы знакомы?

- Давид нас познакомил. Очаровательная юная леди, иначе и не скажешь.

- Грхм!

Там Анжелика, тут Иришка, или кто там... Эх, тяжело жить на белом свете без приданого и влиятельной родни. Ну и пусть!

Проживем, никуда не денемся!

Лишь бы дамы не спелись и не решили организовать антималеновскую коалицию. А то родной папаша счастьем покажется. Куда там бедолажному бывшему зеку до двух дам из 'высшего света'? Сожрут и фамилии не спросят.

- Малечка... у нас проблема.

- Какая?

- А что ей дарить? - в ужасе прошептала Матильда. - Ты же понимаешь...

- Восьмилапый! - ругнулась девушка.

А ведь и правда - как быть?

Абы что не подаришь, своими руками до выходных уже точно ничего сделать не успеешь, а дарить надо. Цветочки? Ха!

Пирожок испечь? Трижды ха.

А где можно взять оригинальный и недорогой подарок? Да еще за такое короткое время?

Матильда всерьез задумалась. А потом сообразила.

- Малечка, завтра мы идем за подарком.

- А денег у нас хватит?

- Должно хватить. Разберемся.

- Надо только у Давида спросить, что любит его мама.

- Малечка, какая ж ты умная...

Малена улыбнулась. Как приятно, когда тебя ценят. Когда у тебя есть близкий человек, и он не предаст, не соврет, не станет подставлять тебя, предавать, использовать в своих целях... это не просто счастье.

Это - больше, чем счастье.

Давид пришел сегодня чуть пораньше, часов в шесть.

Анна Ивановна уже ушла, и Малена захопотала на кухне. Давид быстро поел, бросил взгляд на Малену. Явно чего-то ждал.

- Вот зараза! На две стороны стучит, - прокомментировала ситуацию Матильда.

- К тебе сегодня приезжала София Рустамовна.

Давид кивнул.

- Тебя тут не съели?

- Понадкусывали, - улыбнулась Малена. - Не сильно. Она очень милая дама, я бы на ее месте тоже беспокоилась. Мало ли, что там сынок в дом притащил. Или кого?

- Мяу, - авторитетно подтвердила Беська.

- И все?

- Еще она меня пригласила на день рождения. В воскресенье.

Давид вздохнул.

- А ты сможешь идти?

После сегодняшних усилий живот болел немилосердно. Малена непроизвольно коснулась синяка.

- Думаю, смогу.

- Может, лучше полежишь?

- Этого София Рустамовна мне не простит никогда.

Давид задумчиво кивнул. Свою мать он знал.

- Давид, а что ей нравится? Что ей можно подарить?

- Ну... меха она любит. Драгоценности не очень, почти их не носит...

- Очень содержательно, - прокомментировала Матильда. - Так и представляю, дарим мы ей, это, норковую шубу... а еще лучше - соболю. С царского, значит, плеча. Чего мелочиться?

- Будь мы в Алане, я могла бы...

- Увы. Хорошо хоть мы общаемся, а вот деньги из одного мира в другой не перекинешь.

Расспрашивай дальше, может, еще чего интересного узнаем?

Малена так и поступила.

Увы, Давид не принадлежал к тем редким мужчинам, которые знают о женщинах - все. Во что они одеваются, что любят, что хотят получить ко дню рождения...

Давид таким не был. Но свои достоинства у него тоже были. Во всяком случае вечер для Малены закончился просмотром комедии.

Совершенно неожиданной. Американской, сороковых еще годов.

Давид сам предложил посмотреть после ужина. Телевизор он не уважал, новости смотрел в интернете, но домашний кинотеатр поставил роскошный - в полстены. И запустил на нем 'Серенаду солнечной долины'.

Ту самую, с Гленом Миллером.

Оказалось, что Давиду нравятся еще те, старые комедии. С Мерлин Монро и Соней Хени, Вивьен Ли и Элизабет Тейлор, Джеральдин Пейдж и Натали Вуд, еще черно-белые, но всегда музыкальные и оптимистичные. Как он объяснил - идеальный вариант, чтобы расслабиться.

Малена смеялась от души.

Матильда, хоть и смотрела эту комедию, молчала, чтобы не портить сестре удовольствие. А что?

Хорошие фильмы, уютные, теплые, без пошлости и шуток 'ниже пояса', с хорошим концом, отличной актерской игрой и прекрасной музыкой. Что есть - то есть.

Жаль, что найти их - сложнее, чем коды от президентского ядерного чемоданчика. Не кассовые фильмы.

А зря.

Матильда принципиально была за показ вот таких, старых фильмов, снятых в те годы. Знаете ли, великая депрессия, потом вторая мировая война... может, Америку она и меньше затронула, но в таких условиях снимать комедии?

Это надо обладать совершенно особенным складом характера. И силой духа.

И душу вкладывать в свои фильмы. А не подсчитывать, сколько тебе за них заплатят. Матильда давно заметила, а сейчас и сестре шепнула.

У актеров в старых фильмах живые глаза. Искренние, настоящие, в которых отражаются все эмоции. Они живут в своей роли.

У актеров в современных фильмах таких глаз нет. Они плачут, кричат, они... играют. И этим словом все сказано. Они отлично играют там. Но не живут. А игра - это все же суррогат. Много ее не съешь, надоест.

Достаточно рано девушки попрощались, пожелали хозяину дома спокойной ночи, и отправились в постель. Внимательного взгляда Давида Малена не заметила.

Господин Асатиани не подозревал неладного - мало ли кто сова, а кто жаворонок. Просто сам факт столкновения с его матерью... как-то незаметно он понял, что Малена - девушка незаурядная. Только пока не знал, что делать с этим пониманием.

Аланея, Аллодия.

Улица Могильщиков полностью соответствовала своему названию, разве что похорон не хватало. А вечером она была особенно хороша. Мрачная, темная, с тенями от деревьев, которые придавали сейчас мостовой и домам совершенно демонический вид. Поневоле мороз побежит по коже, даже у более храброго человека.

Найджел не без трепета коснулся дверной ручки. Дверь отворилась с гадким скрипом, и его высочество шагнул внутрь.

Тот же коридор, та же паутина, тот же гадкий сквознячок, вызывающий безотчетную дрожь, скрип половиц под ногами и та же ведьма в конце пути.

- Лэ Стиорта...

- Ваше высочество, - глаза ведьмы были особенно черными, а в ушах у нее покачивались сережки в виде серебряных пауков. Найджела аж передернуло от этого сочетания, но мужчина нашел в себе силы высказать претензии.

- Твое снадобье не действует.

На губах ведьмы появилась вовсе уж запредельная улыбка.

- Нет? Что ж, я дам тебе другое.

- Другое?

- Десяти дней хватит. Подливай по три капли каждый день...

Лэ накрыла ладонями шар. Под ее руками он вспыхнул в несколько раз сильнее, а когда потух, на столе перед ведьмой стоял маленький пузырек с зельем.

Найджел поежился.

- Ты...

- Можешь не оставлять мне денег. ЕМУ деньги не нужны.

Голос проникал в каждую клеточку тела Найджела, обволакивал сладковатым липким безумием, завораживал... чтобы стряхнуть наваждение, принц схватил со стола яд, дернулся... что отдать взамен? Если деньги не нужны... она сказала, что деньги не нужны...

Стащил с пальца один из перстней, даже не поглядев - который, развернулся и вышел вон.

Только дверь хлопнула.

Лэ рассмеялась. Уже не inferнальным, а вполне человеческим смехом.

- Идиот... какой же идиот.

Дверь хлопнула второй раз.

- Уехал, - доложил Вереш. - Ласти, что теперь?

- Скажу господину, что его поручение выполнено.

- И?

Ластара поглядела рассеянным взглядом. Действительно, что - и? Все...

- Знаешь, Вешик, мне будет этого не хватать. Этого дома, этой улицы, наших с тобой проделок...

- На что ты рассчитываешь? - не сдержался Вереш. - Что он на тебе женится?

Взгляд черных глаз заledenел.

- У тебя есть сомнения?

- Нет у меня сомнений, - огрызнулся Вереш. - Знаешь, что с тобой сделают? Да пришибут в темном углу, идиотка!

И уже договаривая эти слова, он понимал - ошибка, ошибка... Ласти никогда не простит, и не поймет, и...

- Спасибо, что обо мне заботишься... Вешик.

Голос Ластары был ледяным. И глаза, и выражение лица. Как-то сразу стало ясно, что нет - не достучаться. Не докричаться, не услышат просто. Стена. Вереш провел руками по лицу. Потом подошел к окну и решительно раздвинул шторы. В комнату хлынул неяркий вечерний свет.

- Пиши.

- Что?

- Все пиши, дура. Где вы познакомились, как начали спать вместе, как он тебя втянул в заговор...

Такого Ластара не ожидала. Растерялась, даже головой помотала. И треснул ледяной барьер, отделивший ее от друга. Мысленно она уже была там, в особняке аристократа, хозяйкой... и вдруг - такая неожиданность? Но зачем?

- Ты с ума сошел? Что за бред?

Вереш Трипс рассмеялся неприятным хриловатым смехом.

- Я? Ласти, ты ловишь луну в луже, но ты потонешь! Пойми, ты - опасный свидетель. А женятся такие только на своих, на аристократах.

- Я ничем не хуже.

- У них есть то, чего никогда не будет у тебя. Деньги. Титул. Земли. Связи. Власть... еще добавить?

Ластара скривила губы. Все же Вереш знал ее с детства, и знал, за какие ниточки потянуть.

- Вешик, ты специально?

Трипс покачал головой.

- Нет, Ласти. И я тебе здоровьем матери клянусь - если ты выйдешь за этого ублюдка замуж, я верну тебе листки.

Ластара прищурилась. Такими словами Вешик не бросался.

- Если?

- А если нет, я хотя бы смогу отомстить за тебя. Пиши, Ласти. Пиши...

- А если я...

Вереш смотрел решительно.

- А если ты меня не слушаешь - я тебе нос сломаю. Как ты думаешь, любовник оценит?

Угроза была нешуточной. Вереш мог так и поступить, а как она покажется любимому в таком виде? Да и потом...

Нельзя сказать, что он убедил Ластару, влюбленная женщина вообще не поддается доводам рассудка. Но что-то дошло и до затуманенного блестящими перспективами мозга. И Ластара послушно взяла перо и пергамент.

Вереш выдохнул.

Ну, хоть так.

Он постарается вытащить Ласти из любой тюрьмы, он все для нее сделает, но если у него в руках будет хоть какой-то рычаг воздействия, ему будет намного легче жить.

Исписанный лист отправился в конверт. Туда же полетели два кольца - принца и возлюбленного, и Ластара с улыбкой вручила его Верешу.

- И только попробуй открыть раньше времени. Или не вернуть.

- Ох, Ласти. Хоть бы все обошлось.

Женщина смягчилась. Ясно же, любовник за нее переживает. Друг, любовник, только вот не любимый, увы. Ни разу не любимый.

- Все будет хорошо, Вешик. Обещаю тебе. Все со мной будет хорошо.

И вдруг передернулась, словно кто-то внезапно толкнул ее. Такой неприятный сквознячок пробежал по коже... брррр.

- Что, Ласти?

- Да ничего. Сквозняк, наверное...

Матильда Домашкина.

Что можно подарить женщине, у которой есть все?

Цветы, меха и ювелирку не предлагать, у вас бюджет не резиновый. Но что тогда-то? Матильда и Малена думали над этим целый день, а потом нашли 'Соломоново' решение. Они попросили Давида - нет, не о помощи. Они попросили Давида показать им, где будет проходить вечеринка. Просила, разумеется, Малена. Давид легко повелся на это и вывел на комп фотографии с прошлого дня рождения матери. Девушки поглядели и поняли, что у них серьезные проблемы. Даже не так.

Серьезные Проблемы.

Можно сколько угодно кричать о своей прекрасной душе и благородном происхождении, но знаете, заплатки на штанах - они уважению не способствуют. Вот ни разу. У Матильды просто не было ничего подходящего. И смейтесь, сколько хотите, но даже Золушка явилась на бал лишь после апгрейда от феи-крестной. А до той поры сидела в кустах и не выпалась.

Понимала, что ее там же и закопают - под окнами дворца. Да, встречают по одежке...

Ладно. Ноги сами сделаем, кожа пока в килограммах косметики не нуждается, волосы можно попросить уложить Наташу - соседку из второго подъезда, она не откажет, и сделает не хуже, чем в элитной парикмахерской. Просто ее в салоны не берут. В ней веса больше центнера, а еще она курит, матерится и стрижется под мужика. При этом упорно нося балахоны 'на слона'. Ну нравится человеку так! Правда, это решительно не нравится ее начальству, но руки у нее и правда золотые!

Одежда и обувь. Ладно, комиссионки нас и в этом случае выручат.

Но - подарок. Остается самое главное, и тут уж ничего не поделаешь, дарить на день рождения горшок без меда, подражая Винни-Пуху, это как-то не комильфо.

А что тогда подарить?

Матильда и Малена в отсутствие Давида раз двадцать проглядели все фотографии, разыскивая среди деталей того самого дьявола. Ну должен же он где-то быть! Обязан!

И наконец им улыбнулась удача. Осталось дожидаться Давида, расспросить его подробнее - и порадоваться за свою сообразительность.

- Добрый день, Малена.

- Здравствуйте, Ольга Викторовна.

- С вами все в порядке? А то молодой человек поет, а вас нет...

- Все в порядке, Ольга Викторовна. Просто я неудачно упала, и лежу сейчас с синяком. Вот, не хотела людей пугать - и не пришла.

- А я вас хотела обрадовать.

- Чем? - вспыхнула Малена.

- Я нашла ювелира, который делал ваш медальон.

- Ю-ве-ли-ра? А разве он... как бы это сказать? Это же не Эрмитажное украшение из каталогов... Получилось коряво, но собеседница поняла, о чем говорила Малена.

- Малена, - тихо рассмеялась Ольга Викторовна, - по тем временам это была очень дорогая вещь. Он и сейчас дорог, но тогда... поверьте, мне это стоило немалого труда, но я нашла и ювелира, и его потомка.

- Потомка?

- Да. Игорь Петрович Суворин и сейчас проживает в нашем городе, и является потомком Марка Соломоновича Вейде, который и сделал ваш медальон. Прямым потомком.

- По женской линии?

- Нет.

- А фамилия...

- Пятый пункт, Малена. Пятый пункт, его дед просто побеспокоился о сыне и взял фамилию жены. Потому и найти его было сложно.*

*- в советское время - национальность, пятый пункт в анкете. Который закрывал дорогу многим талантливым людям с неподходящими корнями, прим. авт.

- Да уж. Где Вейде и где Суворин.

Ольга Викторовна фыркнула на том конце провода.

- Малена, я к нему завтра еду. Если что узнаю - расскажу.

Малена едва не напросилась в компанию. Остановили два соображения - и живот болит, и синяк показывать придется. Одно дело, если на лице, тут всем и все понятно. А если на животе? всю историю его получения рассказывать?

Неохота. Так что Матильда поблагодарила, и попрощалась.

Вот так. У человека - интерес в жизни, у Малены - история ее семьи. А ведь правда интересно...

Только вот ни Ольга Викторовна, ни Матильда не знали, что историей заинтересовались не только они. Да и знали бы...

Их больше интересовали старые времена. А вот тех, кто интересовался - недавние события. К примеру, почему у Малены нет родителей, что у нее за семья, какие скелеты водятся в ее шкафах?

И ведь водятся! Не поспоришь!

Мария-Элена Домбрийская.

Крыса сдохла. Отведала 'заряженного' сыра и приказала долго жить там же, у куска. Даже далеко не убежала, хотя твари эти устойчивые.

Вот в чем Матильда не сомневалась, так это в результате. Сделали девушки благодеяние, подменили яд на слабительное. Нести какого-то бедолагу будет от всей души, но помереть - не помрет, пусть наследники и не дожидаются. Или кто там у него такой любящий?

А, неважно. Можно себе в актив доброе дело записывать, ведь не ради травли крыс держала ведьма яд у себя в столе.

Девушки себя похвалили - и выкинули все это из головы. Намного больше их занимал Лоран.

Рисойский как с цепи сорвался, прямо хоть реально на нем настой коры дерева хон, или как его там - используй. Появляется под утро, лезет к Матильде, прямо-таки беззастенчиво называет при всех невестой, и глаза у него...

Наркоманов боялись обе девушки.

Нет, не так. Не боялись. Справедливо опасались, понимая, что это - не человек. Это чудовище в поисках дозы. И ради наркотика он что хочешь сделает... но что с ним такое? С чего вдруг таким излещества?

Матильда уже едва успевала удерживать Ардонских, объясняя, что скоро, уже вот-вот, и придет Лорану большой полярный лис, а пока лучше не нарываться. Помогало то, что граф Астон был человеком разумным, а Динон во всем слушался папу. Но сколько им еще удастся продержаться?

Просветил Малену Дорак Сетон, после избавления от угрозы женитьбы, проникшийся к Малене самыми добрыми чувствами.

- Я, ваша светлость, вашего дядюшку видел в 'Ночи экстаза', уж простите...

Что такое ночь экстаза - объяснять не стоило. А вот что это в Алане? Оказалось - дядюшку Лорана каким-то ветром занесло в портовую забегаловку. А там он попробовал более тяжелые наркотики, вот и весь ответ. Что уж ему там подмешали в кальян - гашиш, опиум... вот честно, Матильде было наплевать. Малене тоже. А вот результат...

- Писец, - резюмировала Матильда уже для подруги, расспросив и отпустив Дорака. - Мы попали.

- Почему?

- Потому что от наркоты не дохнут сразу. От синтетики - у нас были бы шансы, а естественные наркотики - до десяти лет. Он все равно помрет, но до того нагадит по полной программе.

Сейчас он употребляет, я так понимаю, каннабиноиды, только перешел с легких на тяжелые, а если добавит еще опиаты или галлюциногены, или ту же коку... знать бы, есть ли она здесь...

ладно. Это чего хорошего не доищешься, а вот пакостей - запросто. Примем, что есть. И писец Лоранову головному мозгу.

- Он же вроде не...

- В Донэре там и не разгуляешься. Пока довезут, пока доедут. Вот и не сторчался. А здесь-то столица, ты только плати...

- Но Лоран ведь мог и раньше... сторчатся? Почему нет?

Матильда прикинула возможные причины. Думать пришлось недолго.

- Сколько этот гаврик сидит в Донэре вместе с твоей мачехой?

- Да почти со свадьбы.... Ой!

- Вот. Своих денег нет, в столице скандал, твой отец тоже вряд ли родственника сильно спонсировал, хорошо хоть не гнал. А сейчас он у себя в руках деньги и власть почувствовал, вот и развернулся во всю мощь. Лорена за него, ты тоже не отбиваешься - гуляй, рванина!

Мария-Элена засопела, как обиженный ежик

- И что ты предлагаешь сделать?

Матильда вздохнула.

- Убить не предлагаю. Хотя все равно этим кончится. Лорана уже не спасти.

- Ты бы смогла его убить?

- Почему бы нет? Яд у нас уже есть.

- Тильда!

- Успокойся, Малена, обойдемся без этого греха на душе. Сделаем все проще и элегантнее.

- Как?

- Спровоцируем твоего дядюшку в психушку. Есть здесь такие?

- Нет.

- А что есть?

- Богадельни. Туда можно поместить родственника, и если будешь платить, то хоть навеки.

- Для этого нужно - что?

- Деньги. Ну и свидетели неадекватности поведения, как-то так.

- Угу. Если Рисойский с голым задом будет прыгать по площади, а потом залезет на памятник и наложит там кучу, это подойдет?

- Матильда, а ты так сможешь?

- Нет. Но Лоран - сможет. Передавай мне управление, мы идем беседовать с дядюшкой.

Так Малена и сделала, искренне рассчитывая на Матильду. А Матильда, в свою очередь, рассчитывала на купленный еще в Винеле гербарий. Вы не знаете, как действует на организм человека акация? Можно обыкновенная? А мухоморчики?

А кактус с красивым названием лофофора Уильямса (мир праху твоему, о Кастанеда)? Пейот даже в Америке культивировать запретили, а здесь он есть! Матильда сама покупала!

Правда - горюйте, дорогие наркоманы, горюйте, если лофофора выросла не в Мексике, то фиг вы из нее добудете, а не наркотики. Хоть как извратитесь, но будет вам ночь экстаза - на унитазе. Так что ценное растение Матильда на дядюшку переводить не будет. Перебьется, паразит. А вот акацию и мухоморы...*

*- будете смеяться, но акация, мимоза, ландыш и куча других растений, которые мы каждый день видим, содержат наркотические вещества. Кому интересно - погуглите СанПиН 2.3.2.2567-09 'Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов', найдите там список на триста растений и порауйтесь за наших наркоманов - они могут тупо пройти по лесу с газонокосилкой и кайфовать. Прим. авт.

Лорана Матильда нашла как раз в столовой - и атаковала. Пока он там один! Ура!

- Дядюшка, так дело не пойдет.

- Да? - искренне удивился Лоран. - А в чем, собственно, проблема?

- Не знаю, как вас, а меня не устраивает муж, который проводит все ночи вне дома.

- Мы ведь еще не женаты.

- И не поженимся?

- Хоть завтра, - выпятил грудь Лоран. А хорош, паразит. Не отнять! Даже жалко такого... ладно, он бы нас не пожалел, соберись, Тильда!

- За разрешением - к королю. А до той поры... может, вам начать сидеть по ночам дома? Мало ли где вас увидят? Мало ли что подумают и донесут?

Идея была здоровой. Только вот где альтернатива? Да и от наркоты отказываться не хотелось... Матильда 'давила', Лоран изворачивался, и в итоге дядюшка с племянницей пришли к соглашению, что он себе оборудует подобие мужского клуба - здесь. Приглашать никого не будет, ладно уж, но курительную устроит. Матильда поломалась для приличия еще с полчаса, и согласилась. Приказала Аманде выделить деньги и радостно потеряла ручки. Все, Лоран, ты попал.

Подсыпать тебе мухоморчиков - и выпустить на улицу. И точка.

Пара дней, больше тебе не понадобится, чтобы оборудовать курительную комнату на дому, доставить наркотики из притона, ну и покурить первый раз. А потом...

А потом - суп с котом. То есть - с Рисойским.

Матильда Домашкина.

Живот практически не болел. Жизнь вообще была неплохой штукой.

Давида она расспросила, вежливо и аккуратно, и в четверг удрала из дома. К дяде Вите.

Кто такой дядя Витя?

Это отдельная песня. Лесник он. И какой!

Хоть и трудна жизнь двух женщин, у одной из которых три ребенка, а у второй одна, но внучка, а детей-то побаловать хочется. К примеру, вывезти в лес на шашлыки. К речке, чтобы мелочь побесилась, костер разжечь, картошку испечь...

Вот к костру и выбрал дядя Витя. И сильно заругался, чтобы не спалили лес. А потом присел к костру, поболтал с бабушкой Майей, с тетей Варей, ну и постепенно - сдружились. Не пьяные ж гопники в лес приехали, а женщины с детьми, различать надо. Рассказывать о дяде Вите можно было многое, но Малену интересовали две вещи. Первая - пасека. Дядя Витя был пчеловодом, за медом к нему ехали со всей области, и мед у него был самый дикий - пасека-то в лесу. От белого до черного. Как хороший хозяин, он не разводил полезный продукт и не прикармливал пчел сахаром, что по нынешним временам было дивом дивным.

А еще он был вдохновенным резчиком по дереву. Не для заработка, а так, для души. Плотничал, вырезал резьбу, делал из корней причудливые фигурки... получалось - шикарно. Только добираться к нему было малым не шестьдесят километров, так что Матильда ушла с утра, оделась поудобнее, прихватила с собой рюкзак, бутерброды, бутылку с водой - и отправилась на автовокзал.

Тоже... беда на колесах.

Вы не ездили по деревням на рейсовом автобусе? Нет?

Чтоб вам, товарищи из Минтранса, только этими автобусами на работу и ездить! Да каждый день, четыре раза в день! Знаете, как здорово, когда автобус идет с периодичностью раз в два часа, да еще не доезжает до конечного пункта на шесть километров, да еще это не симпатиченький новенький автобус, а желтое угрибище, которое Сталина помнит. Чихает, чадит, воняет и едет со скоростью двадцать километров в час?

Не знаете.

И хорошо Матильде, она молодая, здоровая, полная сил. А бабушке за семьдесят? То-то она побеждает за автобусом! То-то подождет его два часа на остановке, а потом еще узнает, что из шести рейсов два отменили - сломался, гад! А если плохо человеку станет? При отсутствии медпунктов в деревнях? На машине везти? А у всех ли она есть?

А потом визг - деревни вымирают.

А чего ж не вымирать, когда не доедешь, не уедешь... зимой-то вообще весело будет. Когда у нас не дороги, а направления. Хорошо еще, где пансионат какой завелся, а так... к дяде Вите вообще весной-осенью попасть сложно, мост старый, деревянный, так его смывает с периодичностью раз в год. Ворчала Матильда чисто по привычке, шагая по дороге и пожевывая клевер. Пока его тоже в наркотические не внесли. Вкусно, кстати. Рвете клевер, выщипываете из него розовенькие трубочки и пожевываете их. Сладко, хотя и недолго. Только глотать не надо, пожевали и плюнули.

Между прочим - пыльца в натуральном виде. Вкусно и полезно.

Для Малены такое времяпрепровождение вообще было в новинку, и она восторгалась всем увиденным. А еще думала о Давиде.

Да... проблема.

Нельзя сказать, что они стали сильно ближе за прошедшие несколько дней. Давид не пытался сблизиться, Малена держала дистанцию. Но... им было уютно друг рядом с другом. Уютно молчать, уютно смотреть фильмы, уютно спорить и вместе радоваться. Им было хорошо вдвоем. Но любила-то Малена Антона!

Или нет?

Матильда как раз и занималась психоанализом для любимой сестренки, пытаясь чуть-чуть проветрить Марии-Элене мозги. Мало ли кто красивый. Мало ли у кого мышцы? А любишь-то ты его - почему? Или за что? И точно - любишь?

Мария-Элена послушно раскладывала свои чувства по полочкам. Помогало плохо, но пока девушки сходились на том, что Давид как-то... с ним спокойно. С Антоном - это сплав по горной речке на бревне. Эпические подвиги и острые ощущения. А в жизни-то не это надо. Подвигал - положи на место и займись уборкой. В жизни нужны уют и спокойствие, а их-то от Антона было и не дожидаться. Жаль, только легче от осознания этого факта никому не делалось.

А в остальном все сложилось весьма удачно.

И дядя Витя был дома, и просьбу Матильды он выслушал, не моргнув глазом, и хитро улыбнулся.

- А я и не знал, кому эту фиговину сплавить. Вовремя ты появилась.

'Фиговину' Малена оценила. И даже оплатила, хотя и отбивался старый знакомый что есть сил, но девушки оказались упрямее.

Матильда пообещала, если дядя Витя от денег откажется, она ему сейчас сюда такси вызовет и ящик горького шоколада привезет. Такой вот парадокс.

Хмельного - никакого - дядя Витя не любил, но к горькому шоколаду относился нежно и трепетно, особенно если шоколад - ручной работы. Матильда это знала и несколько тяжеленьких плиток с собой захватила. С добавками - с перцем, с корицей, с имбирем - на вкус и цвет.

Шоколадки рюкзак покинули, но легче он не стал, отнюдь.

Дотащить до города - пупок треснет. Но повезло и в третий раз. Дядя Витя как раз собирался в деревню на старом мотоцикле. Так что до автобусной остановки доехали в лучшем виде. И даже автобуса дождались. А уж в городе Матильда плюнула на расходы, да и наняла такси.

Нечего! Ей еще рожать! И вообще, женщинам больше пяти килограмм поднимать нельзя... мужчины, вы слышали?

А дома уже был Давид.

Выражение его лица надо было видеть.

Усталая, запыленная и довольная девушка, с большим рюкзаком и широкой улыбкой. Причем рюкзак она тащит, пытая от натуги.

- Малена, а чем ты занималась? - решился спросить господин Асатиани.

- За подарком ездила. Для твоей мамы, - охотно ответила Малена.

- Покажешь? - заинтересовался Давид.

- А ты точно не выдашь моего секрета? - Малена хитро прищурилась. Давид покачал головой.

- Мамой клянусь!

И молодые люди весело расхохотались.

Подарок произвел впечатление.

- Это у нас такое делают? - не поверил Давид.

- У нас и не такое делают, - ухмыльнулась уже Матильда. - Надо только знать куда ехать и к кому. Как ты думаешь - понравится?

- Уверен, - кивнул Давид. Матильда перевела дух.

- А это - тебе, в благодарность за гостеприимство.

'Это' оказалось литровой банкой с черным, почти непрозрачным медом. Давид, недолго думая, снял пальцем мед с крышки, облизнул и блаженно зажмурил глаза.

- Божественно. Это какой мед?

- Падевый. Я правда, не знаю, что там за сорта деревьев были, но - вот.

Запах меда распространился по квартире. Даже Беся мяукнула. Не колбаса, конечно, но вдруг кошечке тоже понравится? Вкусно же пахнет.

- И откуда это?

- Тебе все секреты выдай, - улыбнулась Малена.

- Не все. Но всё-таки?

- Расскажу, - не стала скрывать Малена. - После ужина.

А что? Если к дяде Вите хорошую дорогу сделают, уже большое дело получится. А если он в моду войдет, к нему и трассу проложат. Чего уж там - заслужил.

Аланея, Аллодия.

Ластара не шла на свидание - летела.

Даже Вешик, дурачок, не испортил ей замечательного настроения. Что он может понять?

Все замечательно складывается.

Она любит, ее любят, господин сделал ей предложение.... Кольцо пришлось Вешику отдать, но это ненадолго, заберет после свидания. Про которое она даже Верешу не сказала.

Господин прислал мальчишку с письмом, и Ластара полетела, счастливая.

Наконец-то...

Вот и знакомый домик, калитка открывается, не скрипнув, слуга провожает молодую женщину нечитаемым взглядом, но Ласти не обращает на это внимания. Она пролетает через двор и бросается на шею любимому человеку.

- Мой господин!

- Моя Лэ...

Поры в страсти кружит их, срывает одежду, сбивает дыхание, и вместо каких-то ненужных слов из груди рвутся только стоны радости.

Уже потом, когда они лежат рядом, Ластара водит пальчиком по груди господина.

- Лэ, почему ты не носишь мое кольцо?

Ластара вспыхивает от радости. Он заметил. И сказал...

- Мне пока не по статусу, любимый мой.

- Ну, это пока. Но ты его обязательно надень, когда я тебя буду представлять ко двору, не потеряй...

Её! Ко двору!

- Что ты! Перстень у меня в ящике стола, под замком.

- Тогда осталось немного подождать. Пока Остеон не... вылечится окончательно.

Ластара вспоминает о делах. О Найджеле.

- Он приходил, любовь моя.

- Принц?

- Да.

- Ты отдала ему мой яд?

- Да.

Лицо мужчины не меняет своего выражения. Оно по-прежнему приятное, внимательное, заботливое, только что-то появляется в серых глазах... отблеск злости? Удовлетворения?

Ласти не успевает этого понять.

- Тогда ты мне больше не нужна.

Единственное, что успевает увидеть Ластара - это отблеск стали. А потом срывается в непроглядный мрак...

Господин с брезгливостью смотрит на тело любовницы.

Удар был нанесен один, но точный, стилет вошел, куда и направляла его умелая рука, - в ямочку на шее. Если ударить правильно, а стилет будет достаточно длинным, это мгновенная остановка сердца.*

*- повреждается блуждающий нерв, прим. авт.

Что ж, он был милосерден к любовнице, все же пользу она принесла. А в остальном...

Скоро приезжает Дилера Эларская. Она вполне подойдет в качестве жены нового короля. Остеон умирает, Найджел сам его убьет, симптомы отравления будут видны всем и каждому, Ластара выполнила свою задачу.

Теперь она не полезна, а даже вредна.

Где она сказала, лежит перстень?

- Сарет!

Сарет Корм не заставил себя ждать. Аристократ, не стесняясь своей наготы, встал, пихнул ногой тело любовницы.

- Избавься от этой падали. И сегодня ночью ты сходишь на улицу Могильщиков. У этой сучки в столе мое кольцо, надо его забрать.

- Слушаюсь, господин.

В руки Сарета падает кошелек с золотом.

- Будь осторожен.

- Да, господин.

Аристократ провожает слугу таким же взглядом, каким он смотрел на Ластару перед ее смертью. Жаль, конечно, хорошие слуги сейчас на вес золота, но придется. Рано или поздно придется. Жаль.

Аллодия, Равель.

Как встречают победителей?

Это сильно зависит от бюджета. Но Равель на войну, считай, и не потратился, только на укрепления, а это дело хорошее, нужное и важное. Так что Симон был щедр.

Да и люди не поскупились.

Под ноги коням летели цветы и ленты, люди кричали приветствия, плакали, показывали детям маркиза... Рид ехал и улыбался.

Никто не знал, что маркизу хочется закрыться одному и напиться от души.

Семьдесят человек из пяти сотен. Всего семьдесят человек. Ушел Стивен Варраст, в последней атаке погиб Ланс Даран. Война унесла Хенрика Эльтца, Аллеса Рангора, Джока

Граса...перечислять можно долго и упорно. А он - он отвечает за каждого. Страшно это и очень больно.

Хотя сейчас Риду становилось чуть полегче.

Если бы они не пошли, не полегли там, люди не ликовали бы здесь и сейчас. Стояли бы под стенами степняки, погибали бы люди, которые никогда и меча в руках не держали, гибли бы женщины и дети... Они все сделали правильно. Но вдруг можно было победить меньшими силами? Вдруг Рид мог кого-то спасти?

Артан обещал приехать позднее, он направился к Дорану. Степняков там не будет, конечно, но гарнизон надо оставить. Знак доверия Остеона Артан маркизу показал, даже отдать предлагал, но Рид махнул рукой. Что-то ему подсказывало, что его и так послушают.

А пока - придержи коня, маркиз, чтобы тот не встал на дыбы перед 'ликующими толпами', маши рукой и улыбайся. И принимай благодарность от Симона, который при всех становится перед тобой на колени, в знак того, что его жизнь отныне принадлежит тебе, ты ведь его спас...

Что-то говори, и снова - улыбайся. Хорошо хоть пир отложили на пару дней. Симон так и объявил, что победителям надо отдохнуть, а вот для народа сегодня и вино выкатят, и несколько бычьих туш зажарят... Ура!

Народ ответил радостными воплями и здравницами. А Симон проводил Рида в свой дом. Туда же отправилась и Шарлиз Ролейнская со свитой.

И в очередной раз Симон доказал, что он человек умный. Он лично пошел показывать маркизу его покой, потом организовал тихий, почти семейный ужин, а потом как-то ненавязчиво утянул Рида в каминную. Где и разлил по бокалам густое, почти черное вино.

- Малым не сто лет выдержки. Давай, что ли, Рид. За тех, кто не увидел победы. Пусть Брат и Сестра примут их души и проведут по солнечному лучу.

Вино было густым и крепким, огонь плясал по дровам, а Симон внимательно слушал. И Рид рассказывал.

О том, как принимал решения, как понимал, что погибнут люди, как прорывался из окружения, как шел штурмовать Доран, как отбивался от степняков, как оставлял друзей и шел на Ланрон... Он никогда этого никому не расскажет. Но здесь и сейчас...

Он с радостью выпил бы со своими людьми, но тех разобрали по домам, даже за гвардейцев едва не передрались. За них можно быть спокойным. А ему было паршиво. Накатывал отходняк.

Напиться и выговориться - это не метод?

Ну и наплевать! Зато на душе сразу легче. Рид говорил, Симон слушал, и когда маркиз допился до беспамятства, только сочувственно покачал головой. Какое уж тут осуждение?

Перенести на кушетку, укрыть потеплее и пусть спит прямо здесь. Да, и сапоги снять.

Торнейский еще придет в себя. Ему просто очень серьезно досталось. Пусть отдохнет.

Сон лечит. Это Симон точно знал. Пусть маркиз отдохнет.

Аллодия, Аланея.

На улицу Могильщиков Сарет шел, особо и не скрываясь. А чего - или кого ему бояться?

Господин сказал, там никого не будет.

Сказалась бабская привычка не говорить одному любовнику о другом. Ластара молчала про Вереша, прекрасно понимая - делить любовницу, к примеру, с принцем, господину еще возможно. А с обычным парнем из соседнего дома?

Да никогда.

Потому Ластара и помалкивала, и не рассказывала про Вереша, и говорила, что просто нанимает слуг на конкретную работу, а постоянных не держит. Да Вереш и не был слугой.

Другом, компаньоном - да, но не слугой.

Сарет и не знал. И его господин не знал.

А Вереш был дома. И ждал свою подругу.

Когда кто-то взойшел на крыльцо, он не удивился. И даже хотел открыть дверь, как мужчина постучится, но тот не стучал. Достал из кармана связку ключей... ключей Ласти!

Вереш сразу это понял. Никому другому они ключи не давали, это их дом, их сердце, их дело.

Но - вот? Кто-то явился? Кто-то чужой, посторонний...

И идет он спокойно, а это может значить лишь одно - Ласти ничего не сказала. Значит...

Либо она в плену, либо... мертва.

Сердце пропустило удар.

Ах, Ласти, Ласти! Предупреждал же дурочку! Но предаваться отчаянию было некогда. Враг уже двигался по коридору. И тут Вереша такое бешенство взяло!

Ах ты, сука!!!

Ну хоть одного, но я удавлю!!!

Сарет как раз двигался по коридору, испытывая весьма неприятные чувства. Хорошо Вереш с Ластарой поработали над декорациями, это Матильде после 'пещеры ужасов' и голливудских фильмов вольно было смеяться, а местным было реально страшно. Даже Сарету, который ничего не боялся.

И зря.

Не бывает коридора без дверей.

Вереш выскользнул, словно тень, он-то знал и где половицы скрипят, и как плотно придержать, и вышел как раз за спиной Сарета. Благо, слуга шел медленно, осторожно нащупывая путь и отводя паутину.

Удавка плотно легла ему на горло.

Сарет попробовал опрокинуться назад, просунуть под нее пальцы, но Вереш тоже был не лыком шит. Удавка была перекручена так, что опрокидывайся, не опрокидывайся... они просто упали вместе. А поскольку Вереш все плотнее затягивал удавку, а Сарет активно сопротивлялся, кислород у слуги закончился быстро...

Сарет Корм потерял сознание.

Не навсегда, увы. Он пришел в себя буквально через десять минут, оттого, что ему в лицо выплеснули малым не чайник с кипятком.

Вскрикнул, дернулся, но Вереш вязал на совесть. Это вам не дешевые фильмы, в которых герой то перетирает веревку, то перегрызает, если от таких вязок не освободить - до смерти долежишь, как ни дергайся. Корм запаниковал, но тут прозвучал простой вопрос:

- Ты сюда тоже грабить полез?

Сарет мгновенно успокоился.

Ах, так он ночного вора спугнул? А, ну дело житейское.

- Нет, я за перстнем. В верхнем ящике стола, отдай мне, а остальное твое. Еще и доплатить могу, если что.

Вереш прищурился.

- Тебя хозяйка, что ли, прислала? За колечком?

Чего ему стоила и невозмутимость, и этот тон - знал только он сам. Но что-то подсказывало ему, что пытки этот хищник выдержит. Еще и орать начнет, а привлекать внимания никак нельзя, нет...

Сарет хмыкнул.

- Хозяин.

- Тут же вроде баба была?

- Да сплыла.

- Сдохла, что ли? - порадовался Вереш. - Можно брать, что захочу?

Сарет кивнул.

- Бери. Сам тело в море кинул, так что никто возражать не будет.

Надо бы расспросить как, что, но силы у Вереша кончились.

- Никто?

Сарет почувствовал неладное, уже открыл рот, закричать, поднять тревогу, да что угодно... не успел.

По иронии судьбы, Вереш ударил так же, как и любовник - несчастную Ластару. Под кадык, в ямочку между ключицами. Очень уж удобно - сверху вниз.

Сарет и дернуться не успел - и обмяк.

Вереш плюнул на него сверху. А потом упал на колени - и разрыдался.

Ласти, ах, дурочка, как же ты так? Ласти... предупреждал, говорил, уговаривал, умолял...

Ласти...

Подожди! Я еще отомщу за тебя!

Вереш отлично понимал, что это - исполнитель. А вот заказчик...

Вот до кого он доберется! Только не сам, нет, не сам. А вот кто?

Это следовало хорошенько обдумать.

Не прошло и часа, как на улице Могильщиков закричали. Вереш, не желая возиться, просто поджег дом, и тот полыхнул от подвала до чердака. Масла Трипсу жалко не было, дома - тоже. Ластары нет.

Да гори оно все гаром! Пропади пожаром!

Самое важное - письмо, перстни, деньги, он все забрал с собой. А остальное... нужно ли оно ему?

Нет. Только Ластара, а ее нет. И уже не будет. Вереш это сразу понял, тот подонок не лгал. И тянет в груди ледяная пустота вместо сердца.

Ласти, любимая...

Я отплачу за тебя, обещаю.

Аллодия, Равель.

Похмелья у Рида считай, и не было. Вино оказалось на редкость хорошим. Так что к завтраку маркиз вышел довольным и счастливым. Симон тоже был вполне доволен и болтал обо всем на свете.

- Скажите, маркиз, а ваша невеста...?

- Шарлиз Ролейнская отправится обратно к отцу.

Симон сочувственно покивал.

- Да, ее плен у степняков... печально, очень печально.

Рид кивнул, занятый разделкой яичницы.

- Представляю, что ждет несчастного ребенка.

- Ребенка? - подавился колбасой Рид.

Симон подавился в ответ.

- Маркиз, вы не...

- Она - беременна?

- Д-да...

- Восьмилапый!!!

Рид ругался долго и изобретательно. А потом махнул рукой и решил посоветоваться.

- Если она беременна, то только от кагана.

Настала очередь Симона ругаться. Теперь об отъезде Шарлиз и речи не было. Но... что с ней делать-то?

Жениться?

Маркиз на такое пойти не мог. Просто физически не мог. Знаете, интересы государства - они, конечно, да, первичны, но вы сами-то хотели бы жениться на бабе, к которой и пальцем прикоснуться не можете? Своих детей вам не хочется? Любящую жену, уютный дом...

От Шарлиз он этого точно не дожидается.

И что теперь делать? Делать-то что?

Доставить ее силком в Аланею? Тоже можно. Пусть потом брату претензии высказывает. А уж там ей мужа подобрать несложно.

Такие ресурсы, как сын кагана, возможно, единственный оставшийся, не стоит упускать из рук. Тем более, в пользу Самдия. И так он слишком умный.

- Боги, как я ненавижу эти интриги! - признался Рид.

Симон развел руками. Мол, и рад бы посочувствовать, но самому не лучше. Рид с отвращением поглядел на каравай хлеба, словно тот был во всем виноват, и поднялся.

- Составите мне компанию, Симон? Мне надо поговорить с Шарлиз.

Разумеется, Симон согласился.

Шарлиз не ждала визита. Но оправилась от удивления быстро.

- Что вам угодно, господа?

- Ваш ребенок - от Хурмаха? - не стал тянуть кота за хвост Рид.

И по исказившемуся лицу, по метнувшемуся в глазах страху, по тому, как рука прикрыла живот, уже понял - правда. И не нуждался в ответе.

- Вы не собирались об этом говорить, госпожа? - посочувствовал Симон. - Сколько вам пришлось пережить...

- Да. Золотом осыпали, людей дали, телохранителей назначили... несчастная так страдала, - саркастически хмыкнул Рид.

- В любой момент могли убить. И наверняка, Хурмах добивался своего силой, - Симон и Рид не сговаривались, но роли 'доброго' и 'злого' следователей поделили не глядя. И Шарлиз не выдержала.

- Да вы! ДА ВЫ!!!

Истерика развернулась так, что всем страшно стало.

Из нее Рид узнал, что все кругом сволочи. Что Хурмах тоже был гадом, хорошо хоть сдох вовремя. Что сам он, Торнейский, негодяй, и вообще, пренебрегать бедной девушкой - жестоко, что телохранители сволочи, и Шарлиз их боится, что...

Короче, кругом враги, а я одна, как роза.

Ну и что оставалось Риду?

Только одно. Поместить Шарлиз под домашний арест, а всех ее слуг и телохранителей - уже не под домашний. И допросить.

Результаты не порадовали.

Да, Шарлиз носила ребенка кагана. И по законам Аллодии и Саларина она была его законной вдовой. Но в то же время - подданной Саларина, а значит, могла уехать в любой момент.

Пришлет Самдий ноту протеста и все. Хана международным отношениям. А еще одной войны Аллодия не выдержит, не сейчас. Хотя... выдержит. Но голод точно будет.

Вывод прост.

Берем Шарлиз в столицу, срочно выдаем замуж, а дальше будет видно. Главное, что она станет собственностью Аллодии, и Остеон сможет распоряжаться ее судьбой, равно как и ее муж.

Не хочет замуж?

Это ее проблемы.

Просто сейчас и жениться-то на ней нельзя Рид это только потом сообразил. Если сейчас на ней женится, к примеру, маркиз Торнейский, то ее ребенок станет следующим маркизом. А не сыном кагана, такая вот хитрушка в законах.

Надо подождать до родов, а уж потом жениться, чтобы оставить и Шарлиз, и ее ребенка на территории страны. А до той поры еще поди, отбейся.

Так что к вечеру Рид стал обладателем всех документов, подтверждающих законное рождение ребенка кагана, степняки переселились на жительство в крепость к Симону, а Шарлиз погрузили на корабль. Пусть орет, сколько пожелает, по морю добираться до столицы быстрее всего. Завтра же отправимся. Празднования отменялись, для Рида - так точно.

Аланея, Аллодия.

Дилера со смешанными чувствами смотрела на Аланею.

Она может стать королевой.

Она может стать самой несчастной королевой в истории.

И что делать?

Только одно. Ждать.

Дилера не знала, что, получив сигнал от береговых крепостей о подходе флотилии с невестой,

Найджел выругался в три этажа с чердачком и направился напрямик к Тальферу.

Барист встретил его поклоном и улыбкой.

- Ваше высочество?

- Дилера прибывает, - мрачно сообщил Найджел.

- О, ваше высочество...

Радость сменилась сочувствием. Найджел и сам себе бы посочувствовал, да вот беда - не поможет.

- Значит так. Мне нужны деньги.

- Разумеется, ваше величество.

- Праздник я сам организую. И жениха я для этой страшили уже подобрал.

- Разрешено ли мне будет узнать...

- Да разрешено, конечно, - отмахнулся Найджел. - Это виконт Трион.

Барист вспомнил серьезного светловолосого мужчину, и невольно кивнул. Подходящий выбор.

Красив, умен, лихой бретер, пользуется успехом у дам, и в то же время неглуп. В отца пошел. В свои двадцать пять лет еще не женат, так что можно выдать за него принцессу.

Оххх...

- Ваше высочество, а его отец согласится?

Вопрос был не просто так. Все же граф Трион руководит департаментом Дознания, и без его ведома...

- Куда он денется. Значит так, мне нужны деньги, остальное я сам организую.

Барист поклонился и принялся выписывать распоряжения.

Деньги?

Да хоть что! Главное, что его величество чувствует себя намного лучше, словно... словно

Найджел его травить перестал? Но ведь приходит каждый день, раньше хоть немного, но состояние короля ухудшалось, а сейчас такого нет. Яд, что ли, выдохся?

И такое, в принципе, бывает.

Найджел уже ушел, когда Барист вспомнил еще кое-что. И тихо застонал.

Запавшие глаза друга.

Покрытые коростой губы, шепчущие страшные слова.

Тарейнский. Трион.

А если предатель не Тарейнский, а Трион?

Если Варс пытался предупредить?

Барист закрыл лицо руками и застонал уже в голос.

Если, если...

Боги милосердные, да помогите же мне! Хоть знак подайте какой!!! Ну хоть как-то помогите!!!

Дилера всего этого не знала и даже не подозревала. Зато она видела роскошную встречу. И кланяющегося ей златокудрого красавца с очаровательной улыбкой.

И сердце девушки таяло, словно лед на весеннем солнышке. И бились в нем глупые, девичьи надежды, словно голуби в клетке.

А вдруг...?

Может быть...?

Должен же кто-то и душу ценить, а не только тело! Правда? Ведь правда же?

В столице разворачивались празднества в честь ее высочества, и на этом фоне почти незамеченным прошло сообщение о победе.

Маркиз Торнейский разбил степняков и ехал домой.

Его величество был искренне рад. Барист впервые за столько времени перевел дух.

А Найджел...

На следующий день он подлил отцу не три капли, а девять.

Матильда Домашкина.

Время бежало быстро.

Вот уже и воскресенье. С утра Матильда удрала в парикмахерскую, и вышла оттуда счастливой. Прислушавшись к ее словам, тетя Наташа соорудила ей максимально простую прическу, модную в любые времена. Узел-ракушка и пара завитых прядей, которые словно случайно выскользнули на плечи. Получилось красиво.

Потом настал черед наряда. Костюм-двоечка, единственное, что подходило, но за ним Матильде пришлось забежать домой. И разумеется, там она наткнулась на тетю Пашу.

- Явилась!

Бабища аж шипела. И ведь не докажешь такой, что сами виноваты. Никогда не докажешь.

Матильда порывалась послать ее по кочкам, но Малена тут же перехватила управление.

- Надеюсь, вашего сына уже выпустили?

- НЕТ!!! И не собираются!!!

Из воплей озверевшей бабы Матильда поняла, что Давид и Антон разозлились очень качественно. А когда у людей есть деньги и связи, то и злятся они не просто так. И не двери ногами пинают в припадке ярости, как в кино.

Германа и Петюню сажали всерьез. Шили им организацию ОПГ, с попыткой отнять квартиру у Малены, с избиением, нанесением тяжких телесных, кажется, еще и с ограблением...

И поди, докажи, что это не так?

Матильда аж рот открыла. Хотя... а она возражала?

Ни разу! Ни на минуту! Знаете - а поделом! Она не просила отжимать у нее квартиру, нападать, бить, ругаться, подавать в суд... они первые начали. А что им в ответку прилетело...

Странные люди, а? Вот читают они в Библии, или там, в Коране, что за грехи следует наказание. И совершенно к себе этого не применяют. А за что их наказывать? Они же хорошие...

Параша с апломбом требовала, чтобы Матильда исправилась, покалась и быстренько забрала заявление из полиции. И вообще - свободу попугаям и денюжку на корм.

Матильда решительно отказывалась. И ругаться бы им долго, не появившись на арене третье лицо.

Тетя Варя то ли в окно Матильду выглядывала, то ли просто на вопли вылезла. Но атаковала со всей мощью бывалой комсомольской активистки.

- Это что такое творится! Парашка, да тебя саму сажать пора! Я щас в полицию позвоню, скажу, что ты девчонку шантажируешь...

- А мы и подтвердим, - Мария Михайловна была как всегда, на боевом посту. И улыбалась, что та гадюка - ласково так, нежно, по-доброму. - Звони, Варя, камеры, небось, все пишут...

- Я... - тетя Параша впервые растерялась. Забыла она про камеры, просто - забыла! Дело житейское, бывает... привыкла орать и нахрапом давить, вот и не подумала.

- Говоришь, заявление забрать? А то жизни не дашь? Из дома выживешь... какие угрозы-то хорошие, - тетя Варя потеряла руки.

Малена поглядела на бабок, которые сейчас сильно напоминали стаю пираний, и молча нырнула в подъезд. Здесь и без нее справятся. Точно.

Половину второго Малена садилась в джип Давида.

Костюм-двоечка (платье и длинный, ниже середины бедра, пиджак) цвета голубиноного крыла делал глаза Матильды темно-синими, загадочными, словно грозное море. Медальон она в этот раз надела поверх платья - фасон позволял и даже требовал. Гладкий материал без вышивки и украшений, просто намекал, что сюда нужны драгоценности. Малена и решилась.

А что?

Скромно и со вкусом. А как были одеты люди на прошлом дне рождения, она посмотрела. Белой вороной выглядеть не будет. И вообще, сейчас два часа дня. Кой дурак надевает бриллианты в это время? Вот вечером, при свечах - дело другое, а сейчас роскошные драгоценности просто неуместны.

Коробку с подарком мужественно потащил Давид. Свой подарок у него тоже был, флакон дорогих духов, сделанных на заказ в Париже. Когда Малена узнала цену, она только головой покачала. Ей на этот флакон было бы три года работать, не есть, не пить, а только копить. Господа Асатиани встречали гостей внутри дома. Так что Малена оценила и здоровущий парк, и роскошный дом... ну, вертела она головой по сторонам! И что? Интересно же!

Донэр, конечно, на порядок круче, да и городской дом Домбрийских побольше будет, но для этого места, времени и состояния - очень даже. И со вкусом.

Никакой 'цыганщины', никакой восточной аляпистости, которой так часто грешат нувориши. Серый камень, алая черепица, очень простая постройка...

Зато внутри есть где развернуться. И гостей уже хватает... бррр.

Малене показалось, что ее шильями потыкали. Матильда даже и не вылезала, отдавая контроль над телом подруге. Герцогессе все же привычнее подобное общество, а вот Матильда...

М-да.

Есть светское воспитание, а есть советское. По первому шаблону с гадюкой надо расцеловаться, по второму - треснуть палкой. И увы. У Марии-Элены был как раз первый вариант, а у Матильды - второй. Так что - не лезем. И еще раз НЕ ЛЕЗЕМ!!!

Давид тем временем подвел Малену к своим родителям.

- Мой отец. Эдуард Давидович. Моя мать, София Рустамовна. Моя девушка. Малена Германовна.

На миг воцарилась тишина. Потом взгляд Эдуарда Давидовича обежал Малену с ног до головы. От аккуратно уложенных волос до простых туфель, словно просканировал, и вынес свое авторитетное суждение.

'Дешевка'

Матильда точно бы вспылила. Малена улыбалась, как ни в чем не бывало, все той же равнодушной улыбкой светского человека, которого по шесть раз на дню кому-то представляют, и ему уже так надоели и эти вечера, и эти церемонии...

Пфе...

- Рада знакомству.

Голос у девушки тоже был холодный, равнодушный и самую чуточку снисходительный. Ровно настолько, чтобы господа Асатиани почувствовали себя неудобно, но совершенно недостаточно для обиды. Ах, эти интонации.

Сколько можно передать с помощью слов - и сколько с помощью модуляций голоса?

Невообразимая палитра оттенков и смыслов. К сожалению, уроков логики и риторики в школах не вводят. Противогаз во взрослой жизни научиться надевать или там, закон Божий почитать - важнее, кто бы спорил. Это ж каждый день надо, а с людьми общаться - не надо.

- Мы уже знакомы, - София Рустамовна не растерялась. - Я рада, Малена, что вы приняли мое приглашение.

- Ваше приглашение - большая честь для меня, София Рустамовна.

Вежливость и снова вежливость.

- О, а это мне?

Давид покачал головой.

- Мам, мой подарок - вот. А это подарок Малены.

София Рустамовна вытащила духи и ахнула.

- Давидик! Боже мой! Это же мои любимые духи, но как ты уговорил Анри? Он же безумно капризен!

Давид развел руками. Мол, кто захочет, тот любого уговорит. Вопрос цены.

София нарочито долго восхищалась подарком сына. Потом посмотрела на Малену.

Занервничала?

Да нет. Стоит, разглядывает картину над камином. Кстати - очень неплохой Констэбль.

- Малена, вам нравятся английские художники?

- Да, София Рустамовна. Это ведь 'Земля Констэбля'? Он потрясающе выразителен...

И нет в этом ничего странного. Просто Малена посмотрев фотографии, расспросила Давида. И поинтересовалась основными художниками. Интернет в помощь.

Женщина кивнула.

И приступила к подарку Малены. Медленно собираясь сейчас оттоптаться на девушке за все и сразу. Эдуард Давидович внимательно смотрел на Малену.

- Вы знаете английских художников?

Малена, понимая, что проколется в три минуты, покачала головой.

- Нет, Эдуард Давидович.

- А откуда...?

Ответом была улыбка. Легкая, без заигрывания, просто - как приятному человеку, с которым ничего не связывает.

- Когда мне нравится чья-либо картина, я смотрю информацию о художнике. И только. А Констебль... у меня хорошая зрительная память. Понравился один его рисунок, и я проглядела остальные. Он очень талантлив.

Объяснение было понятным.

К примеру, сколько человек видели картину, где одна девушка, в бело-голубом, сидит на черной лошади, а вторая, девочка в розовом, смотрит на нее с веранды?

Много.

А кто расскажет о Брюллове? О том, что картина 'Всадница' написана в 1832 году, перечислит остальные полотна Карла Павловича? Далеко не все. И о творческом пути Брюллова побеседуем заодно. Нет? Вот и не стройте из себя знатоков, глупо выглядеть будете.

Коробка поддалась наконец усилиям дамы. Но вместо ожидаемого возмущения....

- Какая прелесть!

И было от чего ахнуть.

Небольшая, сантиметров двадцать высотой, и сантиметров сорок в длину, композиция из дерева отличалась необыкновенной живостью. Барсук-медоед подкрадывался к улью, на крыше которого сидела птичка-медуказчик.

Темное, почти черное дерево 'барсука', белая спинка и часть головы, аккуратная, чуть более светлая хижина улья, рыжая, вырезанная из другого корешка птичка...

Выполнено было все изящно и аккуратно, так, что были видны и когти, и глазки, и даже зубы в пасти. И все покрыто лаком для сохранности дерева.

Удивительно?

Ничего удивительного, это - Лес. Тот, кто умеет ходить по лесу, умеет видеть его красоту, умеет показать ее другим, уже богат. В лесу можно найти что угодно, от сброшенных рогов до самых причудливых корней, надо только суметь увидеть.

- Какое чудо!

- Вы позволите?

Малена потянула за птичку-медуказчика. Крышка улья легко снялась, и в ней обнаружилась баночка с медом. Небольшая, но запах...

- Какое чудо!!! Малена, но это же безумно дорого?

- Радость не может быть дорогой, София Рустамовна. Если мой подарок принес вам хотя бы минуту радости - он уже многократно окупил себя.

Принес. Это было видно и по горящим глазам, и по улыбке...

- Я даже знаю, куда его поставить.

Малена тоже знала. Скорее всего, в бильярдную. Там все выполнено из дерева, и деревянная скульптура отлично впишется. Нет, не зря она проглядывала фотографии. Операция 'Подарок' прошла успешно.

Ссылка на медоеда: <https://jizne.ru/wp-content/uploads/2018/09/849cb6b73784c2baaadce9e8a9d3acfb.jpg>

Обязательная часть была выполнена, теперь начинался второй акт Марлезонского балета.

Может быть, даже более противный.

- И чего так выделяться? - задумалась Матильда.

- Нувориши, - фыркнула Малена. - Нахватались по вершкам, а что там еще и корешки должны быть - нет, не понимают.

Герцогессе было виднее. А Матильда век бы сюда не пришла. Вот.
Не успела она отойти от родителей, как ее атаковали дети. Хотя дети - название весьма условное, что для Мананы, что для Нателлы.
- Малена, рада вас видеть, - улыбнулась Манана.
- И я рада нашей встрече...
Разговоры, разговоры....
Матильда и половины не вела никогда.
Обсудили погоду, природу, медоеда в частности и фигурки из дерева в целом, дамы интересовались, откуда взялась эта прелесть, Малена не стала скрывать. А зачем?
Дяде Вите - польза, а она все равно не собирается продлевать знакомство больше необходимого. Только надо предупредить, чтобы спиртного не везли - обратно тащить придется.
К светской беседе подключались другие дамы, кто-то уходил, мелькнула Анжелика.
А вот и Антон. С мамочкой, разумеется. И какие же выразительные глаза у Ирины Петровны! Большие такие, круглые, особенно когда она понимает, что Малена находится здесь по праву, как спутница Давида Асатиани...
Антон подходит поздороваться.
Да, добрый день, в понедельник на работу, разумеется. И Малене было приятно. И вопрос, и забота, и то, что Антон спас ее...
Может быть, это нерационально, но...
Додумать девушка не успела.
Юлия Павловна появилась словно из ниоткуда.
Поздравила, улыбнулась, потом увидела Малену - и скорчила рожицу.
- Фу! София Рустамовна, это вообще за гранью добра и зла. Принимать такое в своем доме...
Давид, я понимаю, что поразвлекься всем охота, но тащить маргинальную девицу к матери? На день рождения?
Все замерли.
- Извольте объясниться, - ледяным тоном произнесла госпожа Асатиани.
Юля развела руками.
- Ну, я вот про это... когда отец уголовник, а мать бомжиха...
Малена побледнела. Но пока молчала.
В таких поединках иначе нельзя. Начнешь кричать, оправдываться, отрицать - будет только хуже. Нужен один удар - решительный.
А пока противоположная сторона орет - не становись с ними на одну доску. Чего глупее - кричать, что мои родители не такие, или они меня не воспитывали... может, еще и сразу всем сознаться? И мишень на грудь повесила.
Матильда даже не вылезала. Это был не ее бой, она просто не справится, не сможет. А Малена выпрямилась, расправила плечи... и повеяло чем-то таким на присутствующих здесь людей.
Порода.
С кости и крови, Домбрийские, герцоги и дворяне, гордость и честь. Это - не сыграешь. Таким можно себя только ощутить, впрочем, не стоит думать, что это дано только дворянам.
Достаточно не знать за собой подлых поступков - и можешь смело расправлять плечи. Ты уже не опозорил звание человека.
Но здесь и сейчас Малена словно закаменела.
И краем глаза подмечала все происходящее.
Вот, к ней пробивается Давид. Вот делает шаг вперед Нателла, вот остается на месте Манана, они не поддерживают, но и не отвергают, а вот Антон смущается, мать тянет его назад - и он подчиняется. Я не с ней. Она - не со мной. И вообще, я не при чем.
И словно туго натянутая струна рвется, хлеща по сердцу, вырывая из него кровавые клочья, уничтожая робкий росток любви с корнем.
Герцогесса Домбрийская многое сможет простить мужчине. Но вот этот шаг назад...
Ее мужчина не должен от нее отказываться, ни в какой ситуации, хоть тут небо падай. А тот, кто отказался...
Она не местный пророк, чтобы принимать всех сомневающихся, она - Домбрийская.

Слышатся шаги, гости раздаются в стороны, словно боясь коснуться чего-то гадкого - и почти напротив Малены выталкивают Марию Домашкину. А за ней видно лицо Дианы - довольное, торжествующее, видна Анжелика - эта тоже все знала, на морде написано, знала.

- Суки!!! - выдыхает Матильда.

Но не вслух. Телом сейчас управляет Мария-Элена Домбрийская. И именно она ждет.

Мария Домашкина оглядывается. Выглядит она ничуть не лучше, чем в тот раз. А запах...

Сногшибательно? Да, как-то так. Вонь пота, немытого тела, грязных вещей, дешевого дезодоранта и таких же дешевых, помоечных духов. А что? Она ж надушилась?

Почти Шанель. И вещи почти от Версаче.

- Дочка! - Мария Домашкина определяется и топает к Матильде. - Что ж ты с отцом-то так? Не по-людски получается, зачем его сажать-то? Ну подумаешь, погорячился...

Отсутствие зубов у нее во рту смотрится омерзительно. Матильда давно бы ударила.

Но и Мария-Элена ловит себя на мысли, что с радостью отдала бы приказ о повешении. На плечо ей опускается ладонь Давида Асатиани.

- Кто пустил сюда эту грязь?

Здесь и сейчас, ваша светлость. Вам выбирать...

Малена выпрямляется еще сильнее, хотя казалось бы, куда уж.

- Господин Асатиани, эта женщина когда-то дала мне жизнь. Ради уважения ко мне, если вы его испытываете, не унижайте ее еще больше, чем это сделали ваши подруги.

Раздается громкий выдох.

Да, такого местное общество еще не видело. А герцогесса улыбается, печально и понимающе.

- Мы все делаем свой выбор. Выбором моей матери было дать мне жизнь. Связаться с уголовником, уехать за ним, превратиться в... да, превратиться. Моим выбором было учиться, работать, стараться вести достойную жизнь. А выбором нескольких присутствующих здесь дам было потерять человеческое достоинство в попытке отобрать его у других. Не так ли, сударыни?

Взгляд Малены находит последовательно Юлию, Диану, Анжелику...

И те не выдерживают. Краснеют, смущаются... они не привыкли играть в эти игры. Вот склоки, слезы, вопль базарной торговки, а потом и сплетни по углам - это привычно. Это понятно, это даже как-то правильно в их глазах. Но - так?

Теперь с отвращением смотрят уже и на них.

- Дочка? - не понимает ничего Мария Домашкина.

- С вашего позволения, господа, я завершаю эту безобразную сцену, - Малена хотела взять мамашу да хоть за шкирятник и уйти, но судьба распорядилась иначе.

В тишине раздаются торжественные аплодисменты.

Люди расступаются, и Малена видит приближающуюся к ней женщину.

- Ольга Викторовна?

- Добрый вечер, Малена.

Дама-историк, как всегда, очаровательна, ухожена, а на стоимость ее костюмчика можно и половину архива области выкупить. Следом за ней двигается дама неопределенного возраста в простом платье. Униформе?

Да...

- Нина, позаботьтесь об этой женщине, - кивок в сторону окончательно растерявшейся Марии Домашкиной. Та уже поняла, что все идет не так, неправильно, но сообразить ничего не успевает. Служанка - или кто она? - подцепляет женщину под руку.

- Пойдем.

- А...

- Мы пока побудем тут, неподалеку. В комнате для отдыха.

- А я... как же...

- Пойдемте. Я вас чаем напою, с пирожными...

- Но...

Возражений не предусматривается. Мария Домашкина просто растерялась, потому и уступила поле битвы без боя. А Ольга Викторовна улыбается Матильде.

- Малена, милая, вы не отвечаете за выбор вашей матери. Зато вы настоящая внучка своего прадеда. Он мог бы вами гордиться.

- Моего прадеда?

- Купца Ивана Ильича Булочникова, известной в нашем городе исторической личности.

По зале в который раз пролетает вздох.

Ольга Викторовна разводит руками.

- Я недавно побеседовала с ювелиром, потом полезла еще раз в архивы - и картина сложилась.

Итак, купец Булочников, весьма неоднозначная историческая личность. Откуда он попал в бордель так и не ясно, но дело поставил на широкую ногу. И быстро разбогател. Пошел в гору настолько, что смог жениться на дворянке из старинного рода Вольских. Правда, фамилию жены не взял, подчеркивая, что гордится своими корнями. Уж какой есть... В архивах сохранились записи о булочниковских кутежах... простите, немного увлеклась. Для нас намного интереснее 1917 год.

Ушки торчком поставили все.

- Итак, революция. Семья Булочникова уезжает за границу, но глава семейства остается здесь.

Почему?

- У него болела внучка, - ответила Нателла, и даже улыбнулась, как примерная девочка-отличница. Ольга Викторовна наградила ее поощрительной улыбкой.

- Именно. Девочка подхватила тиф, и неясно было, выживет она или нет. Везти ее в таком состоянии было убийством, оставаться с ней - самоубийством. Иван Ильич выбирает второе. Но его дом громит революционно настроенная толпа. Иван Ильич перебирается к любовнице. Анне Домашкиной.

- Откуда это известно? - Малена спрашивала спокойно, но никого это кажущееся спокойствие не обманывало.

- Потомки Ивана Ильича живут во Франции. Я летала туда на днях, уточняла подробности. И заодно купила вам подарок, дорогая София.

Ответом Ольге Викторовне была гримаса, отдаленно напоминающая улыбку.

- А еще провела анализ, Малена. Вы с семьей Булонье несомненно родственники.

Единственное, на что хватило Малены, это спросить:

- Они перевели свою фамилию на французский?

- Да. Так вот, наша история уносит нас в те далекие времена, когда Иван Ильич Булочников остался со своей внучкой. По странному совпадению, малышку звали Ирина Ивановна. Правда, не Булочникова, мужа младшей дочери Булочникова звали Иван Московин, он был дальним родственником... да-да, любовницы самого Ивана Булочникова. Семья Московиных жила неподалеку, дети - такие дети, они играли вместе, потом девочка и мальчик полюбили друг друга. Потом Ивана отправили на русско-японскую войну. Там он и полег, но дочка у него осталась. Ирина Ивановна. Умерла младшая дочь Булочникова, у нее от страшного известия случился выкидыш, ну и... сейчас не всех спасают, а уж тогда-то... сепсис, лихорадка. Иришку Булочников безумно любил и носил на руках. Потому и остался с малышкой. Остался в доме любовницы.

- И его никто не узнал? - удивилась Манана.

- Узнали. Есть письмо от Анны Домашкиной.

- Письмо? - не удержалась Малена.

- Да. у меня есть ксерокопия, к сожалению, я не взяла ее с собой. Иван Ильич, предчувствуя, что долго ему прятаться не удастся, пишет, что Анна возьмет его внучку, уедет из этих мест, а он - будет так, как решит судьба. Ирина Ивановна Московина стала Ириной Ивановной Домашкиной, а потом вышла замуж. Ее муж, также Иван, взял фамилию жены. Кто он был, откуда - я не раскапывала, но подозреваю, что абы за кого Ирина Булочникова замуж не вышла бы. У них родился мальчик, который и женился, Малена, на вашей прабабушке. Алексей Домашкин. От него родилась Майя Алексеевна Домашкина, а по сути - Булочникова. В зале повисло молчание. И опять герцогесса опомнилась первой.

- Что стало с моим прадедом?

Ольга Викторовна смутилась и отвела глаза.

- Вы ведь знаете, правда?

- Знаю. Анна Домашкина знала, куда писать, и чудом передала письмо. Его убили, требуя выдать те самые богатства.

Малена подняла руку ко рту.

Она не знала прадеда, она только слышала о нем. Но видела, как наяву. И крестьянскую избу, и сидящего мужчину, и людей, которые подходят к нему:

- Куда деньги спрятал, контра?

И спокойный ответ прадеда:

- Вам не найти.

- Его пытали?

- Нет. Анна писала, что он оказал сопротивление, убил одного из противников, ну и... при попытке к бегству.

Малена кивнула.

Почему-то так было легче. И тверди себе, сколько хочешь, что это не твои прямые предки, а Матильды... больно было обеим девушкам. Почему?

Неизвестно.

Малена даже не поняла, что из уголка ее глаза скатилась крохотная слезинка. Капнула - и впилась в плотную ткань платья.

- Спасибо вам. Спасибо.

- Разве за такое благодарят, Малена? Простите, что вынесла ваши тайны на всеобщее обозрение, но это не только моя вина.

- Стоит ли извиняться за такое, Ольга Викторовна? - вернула улыбку герцогесса. - Вы дали мне возможность обрести род.

Ольга Викторовна улыбнулась.

- Малена, я дам вам адреса и телефоны ваших дальних кузенов. Полагаю, вам найдется, о чем с ними поговорить.

- Жаль, бабушка не дожила. Не узнала. Вот уж кто был бы счастлив.

Спазм стиснул горло. Давид, понимая, что стойкость девушки исчерпана, крепко обнял ее за плечи.

- Дамы и господа, простите нас. Моей невесте сегодня и так тяжело пришлось.

И быстро вывел Малену из комнаты.

Ольга Викторовна улыбнулась.

Кажется, сегодня она сделала доброе дело? Она нашла отца Анжелики и улыбнулась мужчине персонально, отсалютовав ему бокалом. Намек был понят.

Как приятно, когда мерзавкам прилетает сразу же за их дела. Это Малене было плохо, и она не обратила внимания на слова Давида, а вот все остальные...

О, вот и София Рустамовна крадется.

- Олечка, неужели это правда? В это трудно поверить.

- Сонечка, у меня есть все бумаги. У Матильды остался медальон с прядью волос... кстати, он сейчас был на ней.

- Да, я заметила, старинная вещь.

- Он переходил в семье девушки из поколения в поколение. Но у нее не было возможности раскопать все то, что узнала я.

- А откуда вы знакомы?

- Я знаю эту семью с давних времен. Майя Домашкина была достойным человеком. А вот дочь... видимо - сбой генов.

- Что, простите?

- Говорят, раз в сто лет в каждом роду рождается человек, который собирает в себя все пороки семейства. То есть от бабушки-картежницы, отца-гуляки, деда-пьяницы... понимаете? Мария Домашкина оказалась именно такой. Природа отдохнула. Хорошо хоть у нее хватило ума доверить дочь тому, кто смог воспитать девочку достойно.

- О, да. Потрясающее самообладание. И воспитание.

- Я была уверена, что вы оцените. А документы я в ближайшее время отдам Малене. Не думаю, что ей перепадут какие-то деньги, но такие девушки сами по себе редки, словно бриллианты.

- Да, - София Рустамовна даже поежилась. - Даже не представляю, что бы я сделала на ее месте. Наверное, ударила бы в слезы...

- А я хорошо представляю, что сделала бы с подлыми девками, которые копались в прошлом порядочной девушки с желанием измазать ее грязью.

Голос Ольги Викторовны окреп, прозвенел сталью. И муж положил ладонь на ее локоть.

- Олечка, не переживай. Думаю, эти особы сами себя наказали.

- А ты представь, какое это наказание для их родителей - вырастить подобных мерзавок? Вот уж воистину - кровь сказывается, и сразу видно, кто правнучка графини, хоть и обедневшей, а кто правнучка свинарки.

Намек был понят. На трех девушек в гостиной стало меньше, и насколько понимала Ольга Викторовна, эти дамы надолго испортили себе репутацию. И все равно - дряни.

Поделом. Вот уж воистину - стервы, аккуратно по словарю Даля, в изначальном смысле. Куча падали у дороги.

Малена рыдала в четыре ручья. И сама не знала, кого оплакивает.

Прапрадеда? Прабабку? Маленькую девочку, которая заболела тифом? Купца, который кутил и гулял, построил роскошный особняк и ворочал миллионами, а потом бросил все и остался здесь, на смерть, с маленькой девочкой?

Бабушку, которая так ничего и не узнала?

Свою влюбленность в Антона, которая приказала сегодня долго жить?

Подругу, которая...

- Тильда?

- Я здесь, Малечка. Я с тобой. Спасибо тебе, родная...

И слезы хлынули еще сильнее. Уже от обеих девушек.

Давид почти силком втянул Малену в одну из комнат и толкнул на диван.

- Сядь, успокойся...

Ага, с тем же успехом можно было затыкать салфеточкой Ниагарский водопад. Мужчина понял, что увещевания бесполезны, плюнул, да и присел рядом, обняв Малену за плечи. Погладил по волосам.

- Все будет хорошо, Малена. Я тебе обещаю, все будет хорошо.

Дверь не скрипнула, в этом доме их отлично смазывали.

- Я тут принесла кое-что...

Нателла несла поднос, на котором была миска с ледяными кубиками, графин с водой и стакан.

Ну и так, по мелочи. Салфетки, влажное полотенце, валерьянка...

- Малечка, вот, попей воды.

- Б-благод-дарю...

Малена чувствовала себя отвратительно, руки дрожали, а зубы стучали о край стакана. Пошел 'адрениновый откат', и девушку затрясло. Давид стянул плед с кресла и укутал ее.

- Вот так, пей медленными глотками.

- Я в поряд-дке, - прозаикалась Малена. Странно, но ей не поверили. Впрочем, герцогесса постепенно приходила в себя.

- Мне надо извиниться перед вашими родителями за эту безобразную сцену.

- Ты в ней не виновата. А если кому и надо извиняться - так это Анжелке. Вот гадкая тварь, - сморщила нос Нателла. - Дэйви на ней не женится, надеюсь, и поделом стервозе.

- Дэйви? - выцепила Малена.

Давид потупился.

- Так меня называют в кругу семьи.

- Мне нравится. Намного лучше звучит, чем Додик.

А Антон отвернулся. Ну и наплевать на него. Герцогесса Домбрийская не унижится до влюбленности в труса.

А все равно больно. И Малена знала, что болеть будет еще долго.

- Вот и чудненько. Ты считай, почти член семьи...

Малена открыла и глаза и рот. И чудом не уронила стакан.

- Я?!

Нателла поглядела на брата.

- Эммм... Малена, а ничего, что Давид при всех назвал тебя своей невестой?

Ответом брату и сестре было выражение самого искреннего изумления. Кем, простите, назвал?

А ее спросить никто не хочет?

Нателла поняла, что где-то ошиблась, кашлянула и поднялась.

- Извините. Я сейчас вернусь.

Дверь и в этот раз не скрипнула. Малена поглядела на Давида.

- Я что-то пропустила?

Редкое зрелище - смущенный господин Асатиани. У него даже уши покраснели.

- Я... ты выйдешь за меня замуж?

Малена даже головой помотала.

- Давид, ты с ума сошел? Ну кто ты, а кто я?

- Кто ты - весь город завтра знать будет.

Малена хмыкнула.

- И что это дает? Я все равно тебе не пара.

- И почему это звучит так - я тебе не пара, ты ниже меня? - разозлился Давид.

- Потому что мне не нужна любовь из жалости и предложение из милости.

- Что?! Малена, ты дура? Я в тебя, наверное, влюбился еще тогда, после аттракционов... а может, и раньше.

Малена поглядела в черные глаза. Поняла, что ей говорят абсолютную правду. И вздохнула.

- Наверное, дура. Но счастливая...

Давид притянул девушку к себе поближе - и поцеловал, не обращая внимания ни на красные глаза, ни на размазанную косметику. И...

- Везет же некоторым. А я с Лораном целовалась в качестве первого опыта...

Матильда и поручик Ржевский обладали одним общим качеством. Они решительно опопшляли любой торжественный момент.

Увы, нормально выяснить отношения молодым людям не дали.

- Дэйви, я так за вас рада! Это лучший подарок, который ты мог мне сделать на день рождения!

София Рустамовна просто лучилась счастьем, словно обогащенный уран - изотопами. Эдуард Давидович тоже улыбался.

- Что ж, сын. Хороший выбор. Достойный.

Давид кивнул.

- Я знал, что вы одобрите.

Малена кашлянула.

- Простите...

Ответом были три темных восточных взгляда.

- Давайте обговорим этот вопрос, когда все мы придем в себя? Скажите, а где сейчас моя мать?

- В комнате для гостей, - пожала плечами София Рустамовна.

Малена поднялась. Да уж, этот день еще не закончился.

- С вашего позволения, мне надо поставить точку в этой истории. Где находится комната для гостей?

- Прямо по коридору, до конца, потом налево и вниз. Вторая комната от лестницы по левой стороне.

- Благодарю вас.

Трое Асатиани пронаблюдали, как Малена выходит из комнаты.

Плечи расправлены, голова высокого поднята, и не скажешь, что несколько минут назад девушка была чуть ли не в истерике. И неудивительно.

Монастырское воспитание - оно такое. Если не ломает, то научит всегда и везде держать лицо.

Привитое кровью и болью самообладание наложилось на кровь Домбрийских - и получилась адская смесь.

- Ты всерьез со свадьбой? - уточнил Эдуард у сына.

Давид набычился.

- А что - похоже на шутку?

- Очень своеобразная девушка. Очень...

- Папа хочет сказать, что такую упускать никак нельзя, - пояснила София Рустамовна.

- Вы не против?

Эдуард покачал головой.

- Мне хотелось бы, чтобы вы с Анжелкой. Но знаешь... бабка ее потрясюще воспитала. Это дороже денег.

Давид сверкнул глазами.

- Да уж надеюсь. И насчет Анжелки...

- Я поговорю. А откуда твоя Малена знакома с Огурцовой?

Давид только плечами пожал.

- Не знаю. Она мне не докладывала.

Эдуард вздохнул.

- Иди, догоняй свою невесту. А то уедет одна, насколько я понимаю?

Давид кивнул и быстро вышел из комнаты.

'Любящую мамочку' Малена нашла в гостевой комнате. Мария Домашкина сидела в шикарном кресле и что-то жевала, обсыпая подбородки и юбку крошками.

Малену она заметила не сразу, и это дало герцогессе пару минут, пообщаться с сестрой.

- Ее надо напугать, - шепнула Матильда.

- Чем?

- Слушай внимательно...

План был изложен меньше, чем за минуту, и Мария-Элена решила его принять. Все равно ничего лучше девушки за такой короткий срок не придумают.

Наконец Мария Домашкина оторвалась от блюда и соизволила обратить внимание на дочь.

- Матильда?

Мария-Элена улыбнулась матушке, улыбочкой герцогессы Домбрийской. Ледяной, надменной, холодной.

- Я надеюсь, маменька, вы наелись?

- Эммм... да.

- Вот и отлично. В тюрьме вас так не покормят, будет, что вспомнить.

- В тюрьме?! За что меня в тюрьму?!

Удивление было искренним. Действительно, а за что ее обижать, такую хорошую? Ее любить надо. И кормить плюшками...

Малена развела руками.

- За хулиганство, нарушение границ частной собственности, за воровство...

- КАКОЕ ВОРОВСТВО?!

- Не знаю. У хозяйки браслет пропал, - Малена улыбалась по-прежнему. - А на что вы рассчитывали, вламываясь к таким людям, как Асатиани, и устраивая при всех безобразную сцену? Да они вас посадят только из принципа.

- Это дело чести, - поддержал Давид. - Будете с муженьком с зоны на зону письма слать.

- Я... я не могу! У меня дети...

- А детей в детский дом, - Давид понял, что задумала Малена и помогал ей 'додавливать' матушку. Сдалась ему такая теща во всех разрезах!

Малена положила руку ему на локоть.

- Да, Мария Ивановна. А вы как хотели? Что вам пообещали?

Спустя пять минут Мария Домашкина 'раскололась' от головы до задницы.

Нашли ее Юлия и Диана. Откуда? Антон же продолжал спать с Юлией, вот она и посмотрела список звонков, а там и узнала о состоявшейся драке, съездила к Матильде на дом, поговорила с тетей Пашей...

И выслала Марии Домашкиной билет на самолет, чтобы та не опоздала к нужному моменту. И денег. Да, и Диана подключилась. Диана искренне считала, что Малена увела у нее Давида, и мстила.

Анжелика?

Ее просто попросили провести даму внутрь. А кто это... ей сказали, что Малене от этого будет плохо, ну и все. Девушке хватило.

Малена только вздохнула.

Давид последние пять минут выражался только по-грузински. Во всяком случае, Малена поняла что-то вроде 'шэни дэда...' а Матильда наотрез отказалась переводить.

М-да...

- Международного террориста милая девочка тоже бы внутрь провела? Даже не спросив, что это за милый человек? - поинтересовалась Малена.

Давид выругался еще раз, повитиеватее.

Часовой разговор кончился более-менее адекватно.

Мария Домашкина, счастливая, что ее не посадят, собиралась домой. О старшей дочке она обещала забыть и ни на какие обещания 'великой халавы' не вестись. Ибо - себе дорожке выйдет. Муж?

Спасибо, что хоть саму не посадили. В крайнем случае, будет передачи на зону слать, дело привычное, не в первый раз. А Малена и Давид поехали домой.

Поговорить они решились только дома.

Давид сбросил ботинки, как был, прошел в ванную и засунул голову под кран с ледяной водой.

- Уффф...

Малена бы с радостью последовала его примеру. Голова, казалось, сейчас взорвется.

- Ты за меня выйдешь замуж?

Спрашивал Давид вполне серьезно. И заслуживал серьезного ответа.

- А ты уверен, что хочешь на мне жениться? Я ведь тебе правда не пара. Я небогата, а мои родители... ты сам все видел.

- Видел. Оценил. И повторяю еще раз - выходи за меня замуж.

Малена вздохнула.

- Тогда у меня будет одно условие.

- Какое?

- Брачный контракт, который мы подпишем до свадьбы. Или я не согласна.

- И что в нем будет прописано? - поинтересовался Давид.

- Что я не претендую ни на что. Все, принадлежащее тебе, или полученное от родителей, так тебе и остается. Мне не нужны деньги Асатиани. И так хватит грязи... лучше бы ты женился на Анжелике. Она тебе по статусу подходит.

Полотенце полетело в стену, на штукатурке остался влажный след.

- Подходит? Малена, ... и ...!!! Подходит?! Вот эта идиотка? Которой слово скажи...

- Она знала этих девушек. Она доверилась подругам, но ты-то ее перевоспитать сможешь.

- Завистливые ..., - огрызнулся Давид, не настроенный прощать и возлюбить. - Заело их, видишь ли!

- Они считали, что я тебе не пара.

- Ага. Что мои деньги лучше будут смотреться в их лапках...

- Ну-у...

Малена отвела глаза. И так было все ясно, в общем-то. Только...

- Ты ему расскажешь о нас? - поинтересовалась Матильда.

- Нет. Пока он такого доверия не заслужил.

- А как тогда?

- Пока - так, а дальше посмотрим.

- Давид... ты повел себя, как благородный человек, и я хочу попросить тебя еще об одном.

- О чем?

- Три месяца.

- То есть?

- Если через три месяца ты повторишь свое предложение, мы пойдем и подадим заявление.

Давид поглядел на девушку. Та была настроена крайне серьезно, явно ее с этого не свернешь.

- Ладно. Но у меня условие.

- Какое?

- Жить мы будем вместе.

Малена покраснела. Жить - это ведь по-разному. Давид понял, и покачал головой.

- Нет. Если ты меня сама не попросишь, то нет. Но жить мы будем вместе, в одной квартире, и это не обсуждается.

Малена подумала пару минут.

- Соглашайся. Но работу оставь, - шепнула Матильда.

На том и порешили.

Три месяца молодые люди живут вместе, приглядываются друг к другу, и если посчитают, что решение было ошибочным, свобода - в любой момент вас встретит радостно у входа.

Работу пока решили оставить, но Давид обговорил, что Малена рано или поздно устроится в другое место. Если найдет подходящее.

Девушка не возражала.

Видеть Антона не хотелось. Гадко было на душе... когда наделяешь мужчину чертами прекрасного принца, а он оказывается самым настоящим жабом - вот тогда женщина становится ведьмой, а жаба летит в зелье. Неважно, что сама дура. Просто очень обидно...

Вечером девушки лежали в кровати и чесали Беську. Подводили итоги.

- Малечка, а ты бы хотела замуж за Давида?

Матильда уточняла на полном серьезе. Все же сестренка... и с их связью неясно что, обстоятельства таковы, что надо семь раз отмерить и только раз отвесить. С точностью до тысячных.

При прочих равных, лучше уж Давид - его представления о месте женщины в мире достаточно близки к представлениям Малены. Антон себя сегодня дискредитировал окончательно, в глазах обеих девушек, так что решено было искать работу и увольняться. Нечего себе душу травить.

- Не знаю. Наверное, да. С ним спокойно.

Матильда понимающе кивнула. Да, именно так. Спокойно. То, чего у Малены никогда не было в ее жизни. А любовь?

Придет и любовь, если она не ошибается в Давиде.

- Тогда будем жениться, если что.

- Матильда, а ты не против?

- Я не могу сказать, что я люблю Давида. Но я вообще никого не люблю, а значит это неплохой вариант - для тебя. Он не производит впечатления подонка. И тебя не обидит.

- А ты?

- Малечка, милая, вот добежим до барьера, тогда и решим, как через него прыгать. А пока - наслаждайся жизнью?

Малена была согласна. Ничего лучше они все равно придумать пока не могли.

- И вообще, хоть в одном-то мире мы можем быть счастливы?

Малена вздрогнула.

- Да... Лоран. И король...

- Ничего, прорвемся! И не таких в клочья рвали!

С этим напутствием девушки и уснули.

Аланея, Аллодия.

- Иногда не надо быть пророком, хватит и элементарной арифметики, - решила Матильда на следующий день.

- Очень полезная наука, - согласилась Малена.

Они втихаря инспектировали 'курительную комнату' Лорана. До госнаркконтроля им было далеко, но найти травку и смесь для кальяна...

Не прошло и двух часов, как куча разной дряни была измельчена в порошок нужной структуры и добавлена в уже имеющуюся курительную смесь, а девушки довольно потеряли ручки.

Если и не подохнет, то очень об этом пожалеет, так-то.

И почему им не было жалко Лорана? Вообще?

Лорена не показывалась из своих комнат. Как-то она поутихла последнее время, видимо, плюх от судьбы оказалось слишком много.

Переломы, лечение, Силанта, теперь еще Ардонские, признание Марии-Элены наследницей - тут кого хочешь кондрашка навестит.

Лорена просто сломалась. Ее движущей силой был Лоран, а ему сейчас хотелось двигаться только в направлении опиумной курительной. Рисойские расслабились, потеряли хватку, да и была ли та хватка? Или так только казалось маленькой девочке?

Подложить сестру под старика - много ума не надо, сидеть безвылазно в глуши - тоже. А тут в гавань не просто акула заплывала, а целый мегалодон.

- Скромные мы с тобой, - Мария-Элена отлично слышала рассуждения сестры. Та их и не скрывала.

- Да не в скромности дело, - отмахнулась Матильда. - А в том, что нас двое. В моем мире никто и представить себе не может, что такое аристократия. А в твоём слыхом не слышали о

коммунизме. Потому и побеждаем. Мы делаем то, чего от нас не ждут, мы страшны своей непредсказуемостью.

- Ага, судя по вашей истории, вы, русские, всегда так поступали.

- Потому и выжили.

Мария-Элена с сомнением оглядела запасы травы.

- Н-ну...

- Доверься мне - и пошли строить баррикады.

Девушки угадали с точностью до ста процентов.

Уже этим вечером Лоран решил опробовать 'курительную комнату'.

И...

Уж как там действовала 'адская смесь', что ему пригрезилось, кого он увидел?

Сие науке неизвестно. Но буйствовал достойный человек так, что вшестером едва скрутили.

Астон Ардонский, по договоренности с Марией-Эленой, вызвал стражу, и передал им с рук на руки Лорана, даже не пытаясь замять дело. Наоборот! Раззвонить на всю столицу!

Вот как такому доверять девицу дворянских кровей?

Ему таракана на ответственное хранение в коробочке - и то не доверишь, или потеряет, или раздавит. А уж чего там бедное насекомое насмотрится...

Что дало по мозгам Лорану - неизвестно. То ли мухоморы, то ли акация, то ли в последний миг добавленный от доброты душевной пейот, то ли сочетание хорошее получилось, и растения усилили друг друга - неясно. Но вечером по замку разнеслись вопли дикого буйвола, которого попытался изнасиловать крокодил.

Рисойкий орал.

Вдохновенно верещал!

Сорвал с себя одежду, попытался залезть на люстру (все же пейот?) потом нагадил на обеденном столе (поменять, а старый поставить в покоях Лорены), пытался то ли соблазнить стражников, то ли соблазниться сам...

Потом вообразил, что он стеклянный, потом решил, что не стеклянный, а бриллиантовый, и вообще - звездюк, а значит, должен жить на небе и полет на крышу...

На этой стадии его, к сожалению, и остановили.

Мария-Элена в развлечении участия не принимала. Во-первых, опасно, во-вторых, здоровье не позволяет. То есть - спать надо ложиться вовремя, такое ограничение. А потому девушка ахнула, услышав первый же вопль, упала в обморок аккурат на руки капитану Сетону, а потом делегировала ему свои полномочия. И присовокупила, что сильно о дядюшке горевать не станет.

Дорак Сетон, конечно, грустил о Рисойском, который его когда-то выручил, но своя шкура ближе к телу. А Лоран...

Все равно это уже прост о придаток к кальяну.

Так что стража, стража и снова стража.

Буйствовал Рисойский два дня, и еще столько же лежал в 'ломке'. Мария-Элена вздохнула - и написала Тальферу.

Барист примчался тотчас же.

- Малена...

- Барист.

Глаза в глаза - и люди понимают, они все равно друзья. Пусть один из них - прожженный всеми юридическими огнями королевский стряпчий, а вторая юная герцогесса, но они все равно друзья. И в тяжелую минуту протянут друг другу руки.

Может, они не станут ходить в гости друг к другу и встречаться по воскресеньям в церкви.

Может, Мария-Элена не станет дружить с Жанеттой Тальфер. Но в трудную минуту она всегда подставит плечо. И никак иначе.

И будет ждать того же от Бариста. И получит помощь и поддержку.

- Твой дядюшка доигрался?

- Да.

- Что требуется от меня?

Мария-Элена потупилась.

- Ну... ты же знаком с архоном Аллодии?

- Да, Реонар Аллийский мой друг...

- Устрой мне аудиенцию?

Барист задумался.

- Малена, это не так просто.

- А если я пожертвую на храм?

- Много?

- А сколько надо, чтобы меня выслушали и помогли?

Барист прикинул и назвал сумму.

Мария-Элена решила, что Лоран ей просто так обходится дороже. И согласилась.

- Хочешь избавиться от дядюшки?

- Ага. Радикально.

И сложно было упрекать девушку за эти 'крамольные' мысли. Как аукнется, так и откликнется.

Барист Тальфер слов на ветер не бросал, а потому на следующий день Мария-Элена входила в особняк архона.

- М-да. Обет нестяжательства тут явно не давали, - прокомментировала Матильда.

И было чего ехидничать.

Роскошная отделка стен, шикарные портьеры, ковры, резьба по дереву... в королевском дворце и то было меньше роскоши.

А чего стоили фрески на потолке?

А еще...

Кошки.

Они были повсюду.

Они мурчали, они провожали гостью надменными взглядами, они с королевской важностью фланировали по коридорам...

- Смотри! Почти Беська! - обрадовалась Малена.

И попробовала подойти к одной из кошек.

Серенькой, зеленоглазой, с острой умной мордочкой... как знакомятся с кошками?

Надо подойти. Потом протянуть руку, чтобы ее высочество обнюхала ваши пальцы, а уж потом, если она решит, что вам можно доверять - попробовать ее погладить. Так Малена и поступила.

Опустилась на одно колено, протянула руку, и кошка милостиво приняла ее. Подумала пару минут, а потом врубилась головой в ладонь. Малена рассмеялась и принялась чесать котейку под подбородочком.

Идиллия.

- Я вижу, вы понравились Марии?

Мария-Элена даже не сразу сообразила, о чем речь. А потом поняла, и улыбнулась.

- Так мы еще и тезки? Поверьте, симпатия взаимна.

Сегодня она была в 'промежуточном' облике. Сильно страховидлу из себя делать не стоило, но волосы она зачесала нарочито гладко, и платье выбрала попроще, а сверху накинула серую шаль. Если что - снимет, а пока - серенькие мы, скромненькие, незаметные...

Ага, волки.

Или вот такие милые киски.

Ай!

Кошка, поняв, что чесалка отвлеклась, не долго думая, цапнула герцогессу за палец - и опять подставила подбородок.

- Ах ты свинюшка, - возмутилась Мария-Элена и в качестве страшной мести сгребла пушистину в охапку. Сиди теперь на руках, вот!

Кошка не возражала. Архон - тоже.

Реонар Аллийский оказался симпатичным моложавым мужчиной лет шестидесяти. Невысокий, седоволосый, кареглазый, из тех мужчин, которым женщины до смерти глазки строят - непринципиально, чьей смерти. Они того стоят.

Сколько же в нем было жизни! Сколько огня!

- Читай он проповеди среди каннибалов - к концу лекции получил бы убежденных вегетарианцев, - припечатала Матильда. И Мария-Элена была с ней согласна.

- Тильди?

- Да?

- Поговоришь с ним?

- А сама?

- Архон... я не могу. Это просто вбито...

Матильда поняла подругу. Когда ты воспитываешься в монастыре, в тебя каленым железом впечатывают уважение к церковным иерархам, иначе там не выживешь. Но сейчас им надо торговаться и договариваться, а если Малена будет смущаться - как это сделать?

Никак.

А вот Матильда может, ей на все чихать, кроме потрясающего обаяния этого человека. А потому...

- Благословите, отче.

- Да пребудет в твоей душе мир, дочь моя.

- Извините, что колени не преклоняю, - внезапно глаза герцогессы заискрились смехом, - подозреваю, что моя тезка мне этого не простит.

- Если вы их преклонили перед моей кошкой, значит и ее хозяина уважаете не меньше, не так ли? - поддел архон.

- Даже больше. Кошка свидетель, - подтвердила Матильда, широко улыбаясь.

А архон подумал, что Тальфер не ошибся в очередной раз, аттестовав эту девочку, как интересного человека с большим потенциалом. Она определенно стоит беседы.

- Что привело вас ко мне, дитя мое?

- Эмм... отче... простите, вы знаете, что мой отец умер... ох, как-то нескладно звучит, вы не находите? - искренне расстроилась Матильда. Реонар Аллийский пожал плечами.

- Я в курсе обстоятельства герцога Томора Домбрийского.

- Подозреваю, не всех. Вы позволите мне называть вещи своими именами?

- О, пощадите мой слух?

- Ну... я обещаю не называть кошку - собакой, даже если об нее споткнусь, - поддразнила Матильда. Через пару минут смысл анекдота дошел до архона - и тот рассмеялся.

- Да... когда споткнешься - это сложно. Что ж, я вас слушаю, герцогесса.

- Так вот, герцог Домбрийский помер. Мне в наследство он оставил монастырское воспитание, отправив туда ребенка сразу после второй свадьбы, а также хорошее приданое, ну и мачеху с ее присными. То есть - дочерью и братом.

- Да, я слышан о судьбе несчастной Силанты Колойской, - подтвердил архон. Матушка Эралин ему мозг выгрызла, хотя и не знала этого выражения. Требовала помочь ее 'деточке', хотя по первому впечатлению, деточка и сама кому хочешь могла помочь. Или добить.

- А о судьбе того несчастного, которого она пыталась соблазнить? - поинтересовалась Матильда.

- Мы беднягу потом три дня в чувство привести не могли.

- Неужели это было так страшно? - против воли заинтересовался архон.

- Не то слово. У бедняги аллергия на ароматические свечи. Он чуть не задохнулся и чудом остался в живых. Поэтому Силанту я отправила подальше, чтобы она никого больше насмерть не уходила ради своих непристойных желаний. И остались у меня мачеха и ее брат.

- И кто же доставляет вам больше хлопот?

- Мачеха мне хлопот вовсе не доставляет. Волей небес я ее люблю, как родную, - возвела глаза к небу Матильда. - Останься мой отец в живых - он получил бы мою любовь в той же мере.

Архон фыркнул, поняв намек. Да, сплывили девчонку в монастырь, пытались отнять наследство, конечно - любит! Вот что потяжелее подберет - и выразит всю свою любовь в полной мере.

- К тому же, Брат и Сестра были жестоки в последнее время, моя мачеха сильно заболела. А вот ее брат... это ужасно!

Всхлип был вполне артистическим, но слезинку выдавить не удалось. Хотя ты луком запасайся, так ведь запах учуют.

- Что именно ужасно?

- Начнем с того, что он решил на мне жениться. Не ради любви, ему просто хотелось получить мое наследство. Но это-то я пережила бы.

Архон задался вопросом - пережил бы это Лоран Рисойский - или нет, но решил не уточнять.

Ответ он уже знал.

- А что не так?

- Он пристрастился к наркотикам.

- К чему, простите?

Матильда вздохнула, набрала воздуха в грудь - и от всей широкой души вывалила бедному архону на уши все то, что двадцать первый век вдалбливал своим детям. Каждый день по несколько раз в день.

Про наркотики, эффекты, последствия, результаты и даже методики борьбы. Закончив простым и понятным:

- ...я не считаю себя лучше других, но умоляю вас о помощи. Я дам деньги на доброе дело. Я прошу храм в вашем лице открыть в столице, а со временем и в других городах лечебницы и приюты для тех, кто пострадал от этой напасти и проклиная негодяев, которые травят людей. Я дам денег, я помогу всем, чем смогу... это ведь ваша паства!

Архон слушал и думал.

- Это действительно так серьезно?

- Мой капитан стражи упоминал заведение с названием 'Ночь экстаза'. Проведите эксперимент. Возьмите оттуда людей, там наверняка будут как завсегдатаи, так и новички, возьмите его владельцев, рассадите по кельям в монастыре, посмотрите, что с ними будет. Вы сами увидите подтверждение моим словам. А что до его владельцев... советую провести на них опыт. Пусть курят каждый день, по три-четыре раза в день. Вы сами увидите результат.

Архон задумался еще серьезнее. Вот ведь...

К обычной девчонке он так бы не прислушался, но тут герцогесса Домбрийская. И Тальфер рекомендовал. И... если она говорит правду, то здесь и сейчас они смогут отрубить голову ядовитой гадине и поджарить ее хвост. А вот потом... Да и проверить можно.

- Я сегодня же прикажу так сделать. Вы пришли только за этим?

- Практически. Дело в том, что 'Ночь экстаза' посещал и мой дядюшка. Лоран Рисойский.

- Вот как?

- Я хотела просить, чтобы его отвезли в один из отдаленных монастырей и занялись его здоровьем. Возможно, вдали от этого, он поправится. Я оплачу его лечение.

- А есть ли возможность вылечиться от этой напасти?

Матильда и архон давно уже отбросили титулы и общались просто как двое обычных людей - не до титулов тут. Такое проглядеть...

Лекцию про абстиненцию и прочие радости жизни архон прослушал не менее внимательно.

- Значит, не до конца.

- И не стоит забывать про больных детей...

- М-да. Что ж, Мария-Элена, я услышал вас. Обещаю, сегодня же ваш дядюшка отправится на излечение, а с притоном я поступлю... решительно.

И Матильда даже не сомневалась. Архон был откровенно похож на кошку. Милый, добрый, пушистый... только не стоит забывать, что кошки еще хищники, охотники и шикарно давят крыс. Реонару Аллийскому предоставили возможность придавить одну из самых жирных крыс в мире. Ну как тут не воспользоваться?

- Малечка, нас можно поздравить?

- Да, пожалуй. Два-ноль в нашу пользу?

- Ага, - Матильда улыбнулась. Подруга нахваталась от нее, а она... а что тут скрывать? Обе они нахватались друг от друга. - Минус Силанта и Лоран.

- Осталась еще Лорена.

- Пока осталась.

- Мы ее убьем?

- Малечка, ну ты и кровожадина! Не будем мы ее убивать, пусть лечится. Врачи за наши деньги ее угробят куда качественнее.

Малена фыркнула. Она бы и сама поучаствовала, но куда ей против медиков? И правда, пусть Лорена помучается.

- Ладно. Пусть поживет. Недолго.

- Пусть помучается.

Девушки ехали домой в самом приподнятом настроении. А дома их ждал неприятный сюрприз. Письмо от его высочества Найджела. Конверт, запечатанный алым сургучом, с тяжелой печатью (такая блямба!) привез личный курьер его величества. И ждал ответа.

А как иначе?

Принц желал видеть милейшую герцогессу Домбрийскую при дворе, на празднике цветов, завтра же, и познакомить с Дилерой Эларской, своей невестой.

- Твою дивизию, - ругнулась Матильда. - А где приглашение?

Приглашение обнаружилось в том же конверте. На одного человека.

- Ну нет, так дело не пойдет...

- Матильда?

- Малечка, бери перо, мы пишем в ответ.

- Что пишем?

- Принцу. Послание от запорожцев.

- Это к-как?

Малена своей подруге верила, но светские навыки Матильды иногда (в 99 случаях из 100) оставляли желать лучшего. Она сейчас такого напишет, что ее королевская гвардия арестовывать придет...

- Будем рассчитывать с Ардонскими. Пусть приглашает всех.

- Матильда, это - принц.

- И что? Сдалось оно нам триста лет. Наши права подтверждены, все...

- Как подтвердили, так и назад отыграют.

- Все равно. Малечка, это сделать надо. Зови сюда графа Ардонского, будем писать коллективно.

Малена вздохнула - и согласилась. Граф ведь ей тоже сильно помог... долги отдавать надо.

Астон Ардонский некоторое время сомневался, но письмо написать помог.

Мария-Элена Домбрийская благодарила принца за любезность. Преклонялась перед его добротой и милосердием. Не сомневалась, что праздник цветов получится шикарным - а каким он еще может получиться у такого человека?

И сетовала, что недавние события сильно подорвали ее здоровье.

Дядюшка, который сошел с ума, матушка, которая заболела и оставила ее без своего чуткого руководства, сестра, которая вынуждена была уехать в монастырь...

Ваше высочество, нельзя ли мне взять с собой людей, которые поддержат меня в любой ситуации? К примеру, если я начну падать в обморок? Или если от меня лошади будут шарахаться? Кто-то же должен зверюшек успокаивать?

Не напрямую, намеками, но смысл был именно таков.

Граф добавил изысканных оборотов, Матильда щедро поделилась иронией и юмором - и письмо улетело к адресату с тем же гонцом.

На четвертых - Даранель еще маленькая. Вот, на следующий год...

Второе письмо от принца прилетело через два часа. С тем же гонцом. И, отсеивая все красоты, содержало коротенькую фразу: 'Ну вы, мадам, и нахалка!'

И приглашение - еще на четверых человек, которое тут же и было вручено графу Ардонскому для передачи супруге. А вы, господин граф, не разлетайтесь, нам еще благодарственный ответ писать.

О, где ты, милый интернет, с фразами и шаблонами на любой вкус, цвет и интеллект? Скачать бы оттуда письмецо с благодарностями, страниц так на сорок...

Ладно-ладно. Ей это писать - а Найджелу читать! И поделом!

Элинор Ардонская была счастлива.

Матильда тоже была счастлива, но в другом смысле. Ей предстояло позориться теперь на весь дворец. Но...

Разведка донесла, что Дилера Эларская выглядит чуть лучше крокодила. В присутствии придворных красоток ей некомфортно, а вот рядом с Марией-Эленой...

Замечательно!

То над одним страхозавром смеялись, теперь над двумя будут. Какой милый и любезный человек его высочество. Как говорят мудрые люди - шоб ему повылазило.

А что, куда...

Что надо и куда получится! Заслужил.

За образец в этот раз взяли одну из Матильдиных учительниц - Светлану Ивановну. За образину. Милейшего человека. Но внешность...

Пучок на затылке из разряда 'фигушка', платье горчичного цвета, сверху серая шаль, волосы зализать наглухо, на веки розовый, на щеки серый, растушевать...

А чтобы напомнить всем, что тут вообще-то герцогесса ходит - надеть фамильные драгоценности Домбрийских. Варварское кольцо с изумрудами и такие же серьги. И перстень. Камни в них можно было свободно использовать вместо кастета. Самый маленький изумруд размером с ноготь. На Лорене они смотрелись намного лучше, а вот мама предпочитала сапфиры или рубины. Малене же все было к лицу, что ни надень, но изуродовать она себя постаралась на славу.

Зато на Астеле отыгралась.

Одетая в нежно-розовое платье девушка была очаровательна. Малена от всей души добавила ей к наряду нитку жемчуга, не из фамильных, но достаточно дорогую, и пару сережек.

Ардонские заслуживали большего. Они поставили на нее, встали на ее сторону, потратили деньги, силы, время, не зная, получают ли что-то взамен... неблагодарность не входила в список недостатков ни у Малены, ни у Матильды.

- И учти, ты под моим покровительством, - Матильда еще раз поправила на Астеле белое кружево шали. Крючком связать - считанные дни, но здесь это дорого. Ткать тут могут, а вот вязание не в авторитете. - Я могу выглядеть, как кошмар любого мужчины, но я герцогесса Домбрийская. И вступлюсь за тебя в любой момент.

- Спасибо... кузина? - закинул удочку Динон.

Матильда замерла на минуту, а потом улыбнулась и поцеловала парня в щеку.

- Мы не родные по крови, но я стала считать вас близкими людьми. И еще раз повторюсь - мой дом - ваш дом, а ваши враги - мои враги.

Динон улыбнулся в ответ и поцеловал женщину руку.

Он не хотел жениться на Марии-Элене Домбрийской, слишком это опасное занятие. Но стать ее другом?

О, да. Безусловно.

И получил одобряющий кивок от отца.

В добрый путь, сынок. В добрый путь.

- Малечка, а как мы сможем побывать на балу? Максимум в девять нам надо будет уснуть здесь, чтобы проснуться там?

- Ничего страшного, Тильда. У нас все обстоит немного иначе, чем у вас. Мы успеем.

- Это как? Я на ваших балах не бывала...

- Иногда люди могут праздновать до рассвета, но это редкость. Адарон и архоны очень не одобряют таких увеселений.

- Балов?

- Любых праздников. Проводить можно что угодно, но лучше - до заката.

- Почему?

- Потому что ночь - время Восьмилапого.

- И что?

- А что хорошего может произойти под Его взглядом? Подлость, разврат, убийство, пьянство...

- Интересное сочетание. Но я поняла суть. И как у вас устраивают балы, Малечка?

- Балы начинаются примерно в три-четыре часа дня и длятся до заката. Солнце заходит - Боги уходят, а вот Восьмилапый просыпается. Так что время у нас будет.

- Это радует.

Матильда действительно была довольна. Получается, они ничем не рисковали, оставаясь на балу. Девушке это понравилось намного больше, чем идиотские привычки родного мира. Что за глупость - гулять до утра, а днем отсыпаться? Или жечь свечу с двух сторон, гуляя сутками? Кстати, насчет взгляда Восьмилапого - ведь в точку попали в этом мире. Сколько не читала про светское общество, но в чем их никак нельзя было упрекнуть, так это в доброте, порядочности,

благочестии. Такой гадюшник, что змеи плачут и приползают опыт перенять у светских дам. Недаром же Викторианская эпоха во всем мире известна как синоним ханжества. Интересно, кто эту глупость с ночными гулянками ввел в моду? Англичане? Французы? Испанцы? Итальянцы?

За давностью времен уже и не разберешься. Хотя у нас тоже дури хватало. Чего только стоила привычка пудриться - мукой, а укладывать волосы водой с сахаром. Счастье мышей и насекомых, иначе не скажешь.

Здесь же...

На закате проводились богослужения. И считалось хорошим тоном с бала заехать помолиться. Как бы, очиститься от грехов, которые на совершал. А там...

Можно ехать гулять дальше.

Можно ехать домой спать.

Мария-Элена склонялась ко второму варианту, а вот Ардонских она отправит с визитами. Им это нужно, им еще Астелу замуж выдавать, Динону невесту с приданым приглядывать, для Даранель крючок закидывать.

- Что ж, в добрый путь.

- В добрый путь, - согласилась Матильда, еще раз посмотрелась в зеркало, убедилась, что страшна, как черт с рогами - и направилась к выходу.

Вот ведь с-ситуация!

Просто антиЗолушка. Но жить спокойно хочется немного больше, чем нравиться всем подряд. Пусть лучше потом для мужа будет приятный сюрприз. А то читывали мы про те нравы, и слышали, и почему-то ничего хорошего.

Перебьемся и без королевских бастардов, и без симпатии от принца, и без лишних кавалеров. И без кожно-венерических заодно. Нам все подряд не нужны, нам нужен кто-то серьезный, основательный, чтобы владения Домбрийских в руках держать мог, и с супругой обращался хорошо. А такого сразу не подберешь.

Кстати, такие скорее подберутся не к красавице, а к умной женщине. А если кому-то внешность важнее ума... перебьемся без такого счастья.

Ох, нелегкая это работа, если замуж тебе неохота. Надо выбрать себе жениха, не заякорив идиота...

Вечная женская проблема. И какие-то там века, эпохи или эры совершенно на нее не влияют.

Подумаешь - пара тысячелетий туда-сюда. Наверняка такие проблемы были даже у динозавров.

Пока себе приличного самца подберешь - вся чешуя с хвоста облезнет.

- Бррр. Матильда, ну и мысли у тебя?

- А что?

- Думаешь, нам с тобой пойдет хвост?

Матильда мечтательно прикинула, как можно бы треснуть хвостом Лорену. Или Лорана, которого поедал Тираннозавр Рекс.

- Уверена. Но кто ж нам его даст?

Мария-Элена фыркнула - и отправилась на бал.

Бал.

То есть - кормить не будут.

Роскошная зала, по углам стоят ширмы, за ними лакеи и ночные вазы в половину роста человека. Наполнятся - поменяют на другие. Надо же где-то... вы понимаете?

При таких условиях пахнет к концу бала не цветами. И чего бы проще выделить несколько уборных - закрытых комнат, чтобы оттуда вонь не доносилась?

До этого принц не додумался.

Громадная зала плавно переходит в террасу, на которой умелые руки слуг расставили полчища цветов. И - перестарались.

Вот поставьте рядом букет сирени, к примеру, и букет ландышей?

Или розы и лилии?

Полчасика можете потерпеть, а потом лучше вынести все и сразу. Голова заболит на совесть.

Все проклянете.

А тут не один букет, тут их десятки и сотни. Запахи просто рвут нос на части.

- Корпия, - подсказала подруге Матильда.

Мария-Элена была согласна. Корпия у нее была с собой, хоть и немного пара клочков. Засунуть в нос - хоть не так будет оглушать.

Феерия запахов?

Поверьте, если в одном помещении разлить штук двадцать флаконов с духами... это жестоко.

Очень жестоко. Как ни проветривай.

А еще феерия цвета. Дамы и кавалеры в разноцветных нарядах, цветы, гобелены, свечи, золото и драгоценности.

Вам мало?

Добавим музыку, чтобы уж точно никому мало не показалось!

Матильда едва в голос не взывала. Мария-Элена откровенно растерялась - и передала подруге контроль.

Раззолоченный товарищ со здоровенной палкой в руках, почтительно протянул руку за приглашениями, получил их, прочитал и треснул посохом об пол, не хуже деда Мороза.

- Ее светлость герцогесса Домбрийская! Его сиятельство граф Ардонский с супругой и детьми!

Вопли раздавались регулярно. Но здесь и сейчас...

По закону подлости смолкли музыканты. И часть голов повернулась в их сторону.

Матильда отлично знала, что они видят. Серую кожу, неподходящее платье, жуткую прическу, но драгоценности! И титул... интересно, сколько мужчин в зале уже решили, что дурнушка - не самое обременительное приложение к деньгам? Поживем - увидим.

- Малена! Солнце души моей!

Из толпы появился его высочество принц Найджел.

Вот уж кто сиял без перерыва на сон и еду! Золото волос, золото костюма, улыбка, драгоценности... Малена присела в реверансе.

- Ваше вели... высочество, вы ослепляете.

- Мария-Элена, вы сегодня замечательно выглядите.

Если только по сравнению с прошлым разом...

- Пойдемте, я познакомлю вас со своей невестой?

Только увидев Дилеру Эларскую, Малена мигом поняла, в чем вопрос. Принцесса была некрасива, окончательно и бесповоротно. Не той псевдонекрасивостью, которую умудряются протащить в фильмах. Там-то у самого жуткого страховозвра более-менее густые волосы и хорошие черты лица. Да и фигура ничего себе, просто балахоны жуткие надевают. А вот тут...

Если снизу вверх - фигура доски. Модельеры оторвали бы Дилеру с руками, но здесь и сейчас она успехом пользоваться не будет. Тем более - широкие плечи и узкие бедра. Груды и попы нет как факта, на ощупь можно перепутать зад и перед.

Лицо тоже вытянутое, словно у лошади. И тяжелая нижняя челюсть ухудшает положение. Зубы тоже вполне лошадиные. Хоть и здоровое, но здоровущие.

Маленькие глазки невнятного коричневого оттенка, бородавка на щеке, волосы...

Тут шансов тоже нет. Волосы редкие, жирные и тусклые. Головной убор красивый, правда.

Малена-то нарочно старалась себя изуродовать, а здесь... придворные портные, стремясь приукрасить принцессу, сшили великолепное платье, из бархата винного цвета, расшили золотыми цветами... и это великолепие окончательно 'убило' Дилеру. Кожа у нее тоже казалась серой, пористой и нездоровой.

Бедная девочка.

Ей бы приличного косметолога, да загар, да... пластического хирурга! Меньшее не поможет.

Жаль, что до хирургов тут лет с тысячу.

- Мы ей помочь не сможем? - поинтересовалась Малена у Матильды, приседая в реверансе.

- Без вариантов, - Матильда и не подумала бросаться в заведомо безнадежное предприятие. - Хоть из кожи вон вылезь, но красивее она не станет. И если станет - принц ее не полюбит.

- А вдруг?

- Он уже влюблен. Один раз, на всю жизнь и в себя, любимого. Дилера здесь не конкурент.

- Жаль. Лови управление.

Матильда поднялась из реверанса по жесту принца.

- Ваше высочество, это герцогесса Домбрийская. Мы надеемся, что она составит вам компанию на этот вечер.

Дилера бросила на Матильду нечитаемый взгляд.

- Благодарю вас, ваше высочество.

Найджел улыбнулся и испарился. Матильда вздохнула, и ринулась в бой.

- Умоляю ваше высочество не обращать на меня внимания. Если я вам неужгодна, я молча постою за вашим плечом, таким образом и приказ его высочества будет выполнен, и вы не понесете ущерба от лицемерия моей внешности.

Дилера улыбнулась краешком губ.

- Вы так смело об этом говорите, герцогесса.

- Что в этом такого, ваше высочество? Некрасива, да. Зато богата, а это в наше время ценится гораздо выше, чем шикарная фигурка бесприданницы.

- Но никто не мешает мужчинам жениться на нас, и заводить любовниц.

Угу. Уже - на нас. Уже не враги, а сообщество дурнушек. Это радует.

- Ваше высочество, боги не кладут все дары в одну копилку. И потом - я не хочу быть неблагодарной. Я жива и здорова, мои близкие живы и здоровы, у меня есть деньги и титул - разве этого мало?

- Иногда - мало, - вздохнула Дилера. Но задумалась.

Его высочество кружился в танце с шикарной блондинкой. Матильда отметила, что у парочки явно близкие отношения. Так прижиматься... она бы еще на публике ему в штаны полезла.

- Интересно, кто это? - задумчиво спросила Дилера.

- Я сейчас спрошу у лакея, ваше высочество, - Матильда так и поступила, благо, слуги далеко не отходили от важной гостии. - Леди Френсис Сорийская.

- Ах, вот оно что... - заметно огорчилась Дилера.

О том, как его высочество уединялся во время бала с этой леди, Матильда знала. Дилера, надо полагать тоже, если у нее уши есть, надо отвлекать, так что Матильда невежливо фыркнула.

- Ваше высочество, разве придворная пепельница достойна вашего внимания?

- Пепельница?

- Ну... в нее же все свой... пепел стряхивают, - развела руками Матильда.

Дилера сморщила нос.

- Герцогесса, разве можно приказать сердцу?

У, как все плохо. А девочка-то втрескалась в нашего принца по самые ушки и рожки. Зря она, но сердцу не прикажешь. Зато мозгу - можно.

- Сердцу нельзя, ваше высочество. Но разум может объяснить сердцу, что есть те, к кому стоит ревновать, а есть те, к кому ревновать не стоит.

- Вот как? Поясните свою мысль, герцогесса?

Принцесса заинтересовалась, и Матильда поспешила развить преимущество, вспоминая читанную некогда книгу.

- Ваше высочество, рано или поздно я выйду замуж. Не по любви, какая уж любовь в династических браках? Моего мужа определит его величество. И я постараюсь стать ему - второй половинкой. Другом, соратницей, матерью его детей. Той, к которой он будет возвращаться.

- А... пепельницы?

- Пусть. Если они не затронут ни ума, ни души, а только тело, я стерплю, ваше высочество. Стоит ли ревновать мужа к коврику у кровати? Муж ведь на него наступать будет...

- Завидую вам, герцогесса. У вас все так просто.

- У меня нет другого выхода, ваше высочество. Если мой муж пожелает себе завести хомячков - я ревновать не стану.

- Хомячков?

- Ну да. Пушистых, милых, безмозглых тварей, которых можно любить и гладить... но разве я стану равнять себя с хомячком? Или ревновать к ним?

Дилера еще раз оглядела леди Френсис.

- Она не похожа на хомячка.

- Зато на розовую капусту - очень. Только перевернутую.*

*- имеется в виду брюссельская капуста, прим. авт.

Дилера от души рассмеялась, глядя на леди Френсис.

- Ваша правда, герцогесса.

- И так хочется в нее потыкать вилкой, ваше высочество... особенно в области бантов? Самый большой бант (розовый, конечно) у леди Френсис находился в области тыла и чуть пониже талии. Ее высочество невежливо махнула рукой на герцогессу, продолжая смеяться.

- Я рада нашему знакомству, Мария-Элена.

- Я тоже рада, ваше высочество.

- Надеюсь, вы составите мне компанию на балу?

- Ваше высочество, своей милостью вы спасете меня от кучи плотоядных... эээ... приданноядных.

- А вот эта дама похожа на хорька, во-он там, у стены, левее гобелена с фиолетовой дамой, - Матильда продолжала отвлекать Дилеру Эларскую.

Жалко девочку. Росла, похоже, в хорошей семье, а попала в гадюшник. Шипят, смеются, издеваются...

Конечно, с Дилерой приехали и ее дамы, но их всех растащили кого танцевать, кого сплетничать, кого на цветы посмотреть - Найджел позаботился. Дураком его не назовешь - на что-то и он способен. К примеру, оставить принцессу одну, а потом подсунуть ей 'своего' человека. Просчитался Найджел лишь в одном.

Девушек было двое, и обеим искренне было жалко эларскую принцессу. Так что Матильда припомнила сказки родного мира, и принялась пересказывать принцессе все те же 'Не родись красивой', только адаптируя к современной действительности. Купец, торговая компания, сын-преемник, дочь другого компаньона, страшилка-служанка...

Как только не приходится извращаться ради торжества справедливости?

Дилера слушала с интересом. Все же близкая тема, да и подавалась по принципу: 'ваше высочество, чего только в жизни не случается...'

Велика сила кинематографа.

Примерно к середине пересказа Дилера даже перестала следить за Найджелом. Какой там принц, когда у бедной девушки такие проблемы? Это ж надо! Пусть простолюдинка, но соблазнить девочку просто так, чтобы получить деньги? Дело житейское, но ведь жалко ее, по-человечески жалко!

А вот Матильда следить продолжала. Трепаться она могла душевно, долго и со вкусом, но прекрасно видела, как слинял куда-то Найджел. Вместе с леди Френсис, и с ней же вернулся. А вид у леди был самый, что ни на есть довольный, и облизывалась она блудливо.

Перепихнулись, либо, где-то по-тихому. Твари. Блудливые. Конченные.

Вот какого уважения можно ожидать от придворных, если ты так относишься к своей невесте?

Матильда мысленно пожелала Найджелу перепутать слабительное со снотворным. И продолжила развлекать Дилеру. Просто так, от всей души...

Может, и не слишком хорошо у нее получалось, и кто-то другой бы лучше справился, но принцесса улыбалась вполне искренне.

По закону подлости, если на принца обращаешь внимание - он не подходит. Отвлеклась - и вот он, тут как тут. И рядом с ним ослепительный блондин лет двадцати пяти, не хуже Найджела. Тоже образец самца.

Увы, Антон Великолепный навсегда обеспечил девушек иммунитетом к мужской красоте.

А мужчины уже кланялись.

- Дамы, позвольте вам представить: Ромуальд. Виконт Трион.

Малена присела в реверансе, Дилера ограничилась легким кивком.

- Вы позволите пригласить вас потанцевать?

Найджел протянул принцессе руку, та расцвела и последовала за мужчиной. Герцогессе ничего не оставалось делать, как только следовать за Трионом.

Ромуальд.

Какое замечательное имя. У соседа Матильды такса звали именно Ромуальдом. Такая была сволочь, даром, что такса! А где они еще это имя слышали?

Точно!

Малена едва не прищелкнула пальцами, подражая Матильде.

Предсмертный шепот сыщика не то, чтобы навеки отпечатался в ее ушах, но запомнить она его запомнила. Имена... Тарейнский, Трион...

Может, это и не тот Трион, но проверять на своей шкурке неохота.

- Это сандана, - шепнула подруге Малена.

- И что?

- Здесь кавалеры меняются дамами.

- Вот козлы...

Козлы и есть. Через пару 'па' Мария-Элена оказалась в объятиях принца, а Дилеру перехватил виконт Трион. И принялся нашептывать нечто куртуазное.

Просто так?

Оскорбляя принца?

Ага, тут при дворе все, через одного, идиоты. То принцу рога наставят, то королю, голова-то не обязательная деталь организма. А особенно много идиотов среди детей главы Департамента Дознания. Значит - что?

Значит, флирт санкционирован Найджелом. С какой целью - черт его знает, то ли спихнуть невесту другому мужику, то ли скомпрометировать ее и избавиться - в любом случае Найджел сволоочь. Просто дрянь.

Как хорошо, что Малена перестраховалась. Как замечательно!

- Может, попробовать его расспросить? Прощупать?

Хорошо, что телом управляла Мария-Элена, потому что Матильду от такого предложения аж заколбасило. Она бы точно или с ноги сбилась, или в кого-то врезалась...

- Сестренка, ты с ума сошла?

- Тильда, а если...

- Цыц! Сиди смирно и улыбайся, как пингвин с Мадагаскара. Поняла?

- Нет. При чем тут пингвин?

- Я тебе потом их покажу. А пока улыбайся и помалкивай. Помалкивай и улыбайся.

- Хорошо. А...

- Малечка, милая, не лезь в интриги. Из нас с тобой Холмсы, как из дубинки - экскаватор. Не лезь. Что бы ни случилось - не лезь.

- Это...

- Нехорошо?

- Я Домбрийская, и дворянка.

- В могиле тебе это не сильно поможет. Малечка, не надо. Варсона уработали, а он и опытнее был, и умнее, и нам неизвестно, сколько еще трупов в этом деле. Не лезь...

- Тильда, это моя страна.

- Я знаю. Только бить надо в нужном месте и в нужное время, понимаешь? А не просто так руками махать.

- Понимаю...

- Тогда - включай режим пингвина. Улыбаемся и молчим. Точка.

И спорить с Матильдой было сложно.

Матильда Домашкина.

Жить с мужчиной можно. Но - сложно.

Матильда это поняла еще неделю назад, когда они приехали домой. Что-то менялось в мире, в Давиде, в ней самой... ладно, не в ней. Но сестренка однозначно менялась.

Неделю она была на больничном.

Еще неделю - улаживала дела. Хотела выйти на работу, но Давид треснул кулаком по столу.

Исключая все 'национальные' выражения, звучало это так, что его невеста с Антоном работать не будет. Если уж Матильде так хочется... у тебя сколько квартир готово? С дизайнами?

Три?

Мало, конечно, но ты давай их сюда.

Поговорю со знакомыми, и устроим тебя в дизайнерскую контору. Пока - на роль 'принеси-чая', потом, если себя получше проявишь... сама пробиваться будешь, без особых оглядок на Асатиани.

Верилось плохо.

Но Давид был неумолим. Да и Малене не хотелось видиться с Антоном. Умерла - так умерла, точка. И вообще, нечего собаке хвост рубить по кусочкам.

Объясниться Антон тоже не рвался. Да и черт с ним. Или шервуль - кто позарится.

Дизайнерская контора понравилась Матильде уже тем, что там была начальница - женщина. То есть - никаких погульбушек на работе. Правда, на саму Матильду она смотрела, как солдат на вошь, но ознакомившись с проектами, стала чуть дружелюбнее.

Ничего, еще будет время наладить мосты.

Еще Матильда созвонилась с семьей Булонье.

Нельзя сказать, что ей там обрадовались, или приняли, как родную, но поняв, что ей ничего не надо, оттаяли. И даже обещали поделиться ксерокопиями документов. Прислали по факсу.

И спустя сто лет Матильда читала строки, написанные ее прапра...

Купец не церемонился, видимо, в критический момент вылезло не аристократическое, а пролетарское, крестьянское, или из какой он среды был? Если в борделе воспитывался?

Булочников не тратил время на сантименты, и писал прямо.

Вот и пришел мой смертный час, дорогая Мари.

Не знаю, как скоро оборвется моя жизнь, но думаю, что недолго ждать осталось. Уже вчера я видел у дома Кривого Сеньку, коего выгнал со службы, выпоров кнутом за наглость, и был он при оружии и красной повязке...

Дня два, может, три...

Пишу тебе, чтобы известить о нашей внучке. Болезнь оказалась к ней милостива, и я молюсь, чтобы жизнь и дальше была к ней добра. Известная тебе и мне особа позаботится о ней.

Верю, что у вас все хорошо, и прошу тебя выполнить мою волю.

Большевики пришли надолго, я вижу это. Если Иришка или ее дети смогут вырваться из грязных лап этой сволочи - не откажи им. И детям завещай, чтобы помнили.

Мне не жалко уходить. Я позаботился, чтобы красная сволочь не жирела на моей крови. Жаль, что не увижу детей и не смогу обнять тебя, моя Мари... мне стали утешением ваши портреты.

Помнишь ли ты сад, который стал свидетелем нашей первой встречи? Ах, как буйно цвели розы, как пьянил их аромат, и я чувствовал себя молодым, словно и не было за плечами этих лет. Но самой прекрасной розой была ты.

Золотом сияли твои глаза, и ангел парил над нами.

Молюсь за вас ежечасно.

Твой Иван.

'Яти', 'Еры', дореволюционная орфография.

И жалко было до слез. Уж как они там жили с супругой - неизвестно, но на пороге смерти Булочников все же вспоминал о ней, благодарил, что-то у него в душе романтическое сохранилось...

Матильда обещала зайти в гости, как будет в Париже. А в остальном...

Чужие люди. Слишком большая разница, слишком много поколений прошло... и все равно хотелось плакать. О тех, кого разметала кровавая рука революции. О тех, кто уже не придет назад...

Времена перемен - подарок или проклятье?

Интересно, родится ли на Руси хоть одно поколение, которое проживет спокойно? Без потрясений, без революций, в том или ином виде, без лозунгов, без...

Девушки этого не знали. Нет ответа.

Еще они вместе с Давидом перевезли оставшиеся вещи Малены.

Поставили в известность тетю Варю. Та рассказала в ответ, что Петюню кое-как выпустили. Прасковья схватила сыночка и собирается переезжать куда-то, как бы не в другой город. И правильно, здесь ей все равно жизни не дадут.

Что будет с Германом Домашкиным Матильда даже не спрашивала. Ее это не интересовало. Заступаться за этого человека? Просить, чтобы отпустили? Не возбуждать уголовного дела? Знаете... это уже не садо-мазо, это кретинизм. Полный и окончательный.

Неблагодарные дети?

А как насчет родителей, которые не заслуживают благодарности? Ничего не заслуживают, кроме хорошей трепки? Вот и пусть...

Возможно, Семен и Лидия, или как их там, окажутся более благодарными. И точка.

В пятницу Мария-Элена, именно она, шла забирать свои вещи с работы, писать заявление об уходе, и вообще - прощаться.

Давид хотел пойти с ней, но герцогесса упростила его не поступать подобным образом. Ни к чему. Мало ли кто и что скажет, случится гадкая сцена... нет, не надо. И вообще, она не трусиха. Давид вздохнул, но согласился.

Ровно в восемь-тридцать утра Мария-Элена входила в знакомый офис.

И кого она увидела первым? Разумеется, Антона Владимировича.

- Доброе утро, Малена.

- Доброе утро, Антон Владимирович.

Шеф, почти бывший, кивнул на кабинет.

- Зайдешь?

Малена пожала плечами. Она во все глаза смотрела на Антона, а в душе... Больно было. Пусто, глухо и больно. Иногда Боги вкладывают дешевую душу в красивую обертку. Для чего? Нам не понять, мы можем просто принять их волю. И не роптать... если получится. У Малены получалось плохо. Все же, первая любовь - и такое гадкое ее окончание.

Она медленно вошла в кабинет, но дверь прикрыла неплотно. Ни к чему.

- Присаживайся, - Антон кивнул на диван.

- Благодарю.

- Увольняешься.

Он не спрашивал, и так было все понятно. Малена развела руками, но опять промолчала. Антон прошелся по кабинету, подумал пару минут, вздохнул...

- Я не хотел. Правда. Юлька, зараза... поверь, если бы я мог - я бы не допустил, чтобы эта стерва копалась в моем телефоне.

- Я верю, что вы не хотели.

- Я их расспросил потом. Воспользовались, паразитки, Анжелкиным джипом, там задние стекла тонированные, и охраннику денег сунули.

Малена смотрела безучастным взглядом. Какое это теперь имеет значение? Теперь уже поздно - для всего. Для любви, доверия, понимания, объяснений. Да и неважно. И - ненужно.

- Ты меня так и не простишь за это?

- Я и не сердилась, - ответила Малена тихо.

- Но не останешься. Я понимаю, Давид - выгодная партия, а ты наследница Булочникова.

- Я не наследница, просто родня по крови. Денег мне это не принесет. Ни копейки.

- Вот как?

Малена еще раз развела руками.

- Мне и не нужно. Сама заработаю, сколько потребуется.

- А Давид позволит своей жене работать?

- Полагаю, это наше с ним семейное дело, - вежливо ответила герцогесса.

- А если я тебе предложу брак? Выходи за меня? Тебе ведь Давид никогда не нравился, ты с ним оказалась в пику мне, что я - не понимаю? И взглядов твоих не видел? Ну, дурак, но я исправлюсь. Малена, выходи за меня замуж?

Обе девушки зависли на минуту. Малена осознавала предложенное. Матильда молчала.

Это было то решение, которое должна принимать сама Малена. Это ее чувства, ее любовь, ее душа... если она захочет, Матильда поддержит любое решение сестренки.

Малена знала это. И чувствовала себя спокойно и уверено, словно Матильда стояла с ней рядом, и теплая ладонь лежала у нее на плече. Улыбнулась, головой покачала...

- Нет, Антон Владимирович.

- Почему?

- Потому что я никогда не выйду замуж за труса, - герцогесса и не подумала скрывать настоящую причину. - Там... когда притащили мою мать, и готовились полить меня грязью, Давид встал рядом со мной, а вы - отстранились.

- И все? - Антон был искренне удивлен. - Только поэтому? Но ты же любишь меня, я знаю...

Малена покачала головой еще раз.

- Нет. Не люблю. Заявление на увольнение подпишете?

- Только поэтому? Малена?

- Это оказалось последней каплей, - призналась герцогесса. - Давайте больше не будем поднимать эту тему? Вы с Давидом друзья, хотелось бы, чтобы так и осталось.

- Издеваешься?

- Нет. Убеждаюсь, что сделала правильный выбор.

Антон скрипнул зубами.

- Ладно. Приноси заявление. Подпишу.

- Кому дела передавать?

- Женьке передай. Пока сойдет, а там посмотрим.

На заявление, на запись в трудовой книжке и штамп, потребовалось пятнадцать минут. И

Малена зашла в комнату к операторам.

Женя, Нина, Валерия, Сергей.

Все смотрят как-то по-новому. Словно она это нарочно подстроила.

- Я попрощаться зашла.

- Поймала богатенького и сваливаешь? - ехидно поддела Валерия.

Малена не удостоила ее и взглядом.

- Нина, спасибо тебе за тот разговор. Надеюсь, мы останемся... пусть не друзьями, но приятельницами. Женя, Сергей, я была рада работать с вами. Женя, пойдем, я тебе дела передам?

Женя кивнула и поднялась из-за стола.

- Я и так... того, - шепнула она. - Просто сижу пока у себя, Антон запретил твой стол занимать.

Малена пожала плечами, и принялась складывать свои нехитрые пожитки. Мелочи, колготки, косметика, кружка со смешным львенком и вальяжной черепахой...

Огонек на селекторе опять горел. Вот ведь...

- Смотри. Вот записная книжка. Здесь считаешь, что, кому, куда, график полива цветов...

Малена показывала, перелистывая страницы. Женя вроде бы слушала... а потом...

- Малена, а ты не жалеешь?

- Нет.

- А... знаешь, Антон на тебя всерьез запал.

Огонек на селекторе так и горел. Малена посмотрела на него, и ответила прямо.

- Жень, он не на меня запал. Я просто ему не дала. Любая другая женщина, которая догадается не давать ему до свадьбы, так же получит колечко на палец.

- Не-а.

- Да.

- Малена, я здесь давно работаю. Знаю, такие случаи бывали. Антон тогда давал девушкам свою визитку.

- Зачем?

- Ну, тут вариантов два. Либо они того... а когда надоест, он оплачивает девушке гинопластику, либо пусть выходит замуж, а если захочет наверстать упущенное, позвонит.

- И многие звонили?

- Было...

- Дуры, - коротко обронила Малена. - Ладно, пойду, отдам заявление - и попрощаемся.

- Тебе точно не жаль? Ведь могло бы сложиться...

Малена прищурилась. И не выдержала, сорвалась. Слишком уж многое свалилось на ее плечи - в обоих мирах. Сорвешься тут.

- Женя, что? Что у нас могло бы сложиться? Под орлиным взглядом Ирины Петровны, рядом с племенной девушкой, предназначенной для дорогого сыночка, рядом с колоннами и шеренгами его любовниц? Что? Я для Антона стала бы только новой игрушкой, а отдавать свое сердце в руки капризному избалованному ребенку - увольте! Он разобьет его, как елочную игрушку, о ближайший столб, а потом будет наслаждаться игрой света на осколках. Я этого не хочу! Да и не любит меня Антон. Я просто новинка, которой приятно завладеть, особенно под носом у соперника. Насколько ж надо себя потерять, чтобы соглашаться на такие условия и надеяться, что в Антоне проснется любовь? Ты же понимаешь, что этого не будет. Никогда.

- Ну...

Малена молча взяла заявление со стола и хлопнула дверью.

Она не знала, что Женя, не удержавшись, тоже нажала кнопку селектора. Не знала, что об этом разговоре ее просил Антон. Да и узнала бы - что это поменяет?

- Значит, игрушка? Да?
- Любопытство не ведает этики? Не так ли?*

*- Юкио Мисима 'Исповедь маски', прим. авт.

- Не любопытство, а любовь.

Антон не отводил глаз, но Малена лишь пожала плечами и повторила за Матильдой.

- Объект любви не хочет быть объектом любопытства.

Иосиф Бродский оказался последней каплей. Антон сделал шаг вперед и протянул руку.

- Давай сюда заявление.

Малена молча протянула бумагу. Антон поставил подпись, и обернулся к девушке.

- Не поцелуешь меня на прощание?

- Нет.

- Тогда я тебя поцелую...

Увернуться Малена не успела. Тяжелые руки стиснули ее плечи, жадные губы накрыли рот...

Приятно?

Вот ведь... шервуть. Когда-то она мечтала об этом поцелуе. А получила его, и поняла, что зря.

Все было зря. На глаза навернулись слезы...

- Держись! - рявкнула Матильда. И перехватила контроль.

В следующий момент взвыл уже Антон.

Дворовая девчонка защищалась доступными ей методами. В частности - каблуком туфли по стопе. И поверьте - это больно. Особенно когда каблук - шпилька, а нога противника обута в хорошую фирменную обувь из мягкой кожи. Не проткнула, но взвыл Антон громко, и девушку выпустил.

- Ты!!!

Матильда сказала бы многое. Но управление перехватила пришедшая в себя Мария-Элена.

- Тильда, нет!!!

И вместо матерных указаний эротического турпохода отдельно взятому директору, женщина медленно выпрямилась. Прищурилась, вытерла губы бумажным платочком, благо, только что забрала пачку из стола, безгласно бросила его в урну и смерила ледяным взглядом Антона, который сидел на диване и осматривал ногу. Тот аж поежился, словно снежок за шиворот получил.

- Прощайте, сударь.

Хлопнула дверь. Не нарочно, просто рука дрогнула.

Вскочила из-за стола Женя.

- Малена? Ээээ...

- Подслушиваем? - процедила разъяренная герцогесса. - Осведомляемся? Евгения, от всей души желаю вам с Антоном найти взаимопонимание в браке! Видят боги, вы достойны друг друга. Желаю счастья.

И хлопнула второй дверью.

Женя так и сидела за столом, мотая головой на манер убитой лошади, когда из кабинета выглянул Антон.

- Ты еще здесь?

- Д-да...

- Иди, пиши заявление! УВОЛЕНА!!!

Малена не стала ничего скрывать от Давида. Рассказала все тем же вечером, не скрывая самых неприятных для себя подробностей. И стала ждать приговора.

Давид не разочаровал сестренку. Выслушал, пожал плечами.

- Малена, я и так все знаю.

- Откуда?

- От Валерии.

Малена зависла, как первый 'Пентиум', пытаюсь сообразить, каким там боком Валерия. Давид не стал скрывать правду от народа.

- После твоего ухода Антон уволил Евгению.

- ЧТО?!

- Она рассказала Валерии, а та - мне.

Малена помотала головой.

- Представляю, что она рассказала.

- Да ничего страшного. Что Антон звал тебя замуж, что ты колеблешься, что вы целовались в кабинете...

Матильда подумала, что надо бы Валерии обклеить входную дверь разбитыми зеркалами.

Давид посмотрел на возмущенное личико девушки, и только головой покачал.

- Успокойся. Я знаю, что виной всему Антон.

- Сложно сказать, - честно ответила Малена. - Я его, наверное, спровоцировала своими словами.

- Кто подслушивает, не услышит о себе ничего хорошего, - отмахнулся Давид. - Кстати, ты ему какую-то кость сломала.

- Да?

Матильда порадовалась за себя. Искренне.

- Да. Я навел справки в травмпункте.

- Что?

- Я был уверен в твоём ответе. И не уверен в Антоне.

Малена благодарно посмотрела на мужчину. Кажется, она не ошиблась с выбором.

Рид, маркиз Торнейский.

Если бы Рид мог пожалеть Шарлиз Ролейнскую, он бы ее пожалел. Шарлиз было не просто плохо. Не тошнило ее только когда она засыпала. Все остальное время она мучилась от спазмов в желудке. Стоило бы ехать по суше, но...

А время есть?

По морю, вдоль берега - быстрее. Особенно при попутном ветре. Уж перетерпит дней десять, не помрет, а по суше будем месяц ехать, если не больше. И... не хотелось Риду возвращаться той же дорогой. Ехать там, где они проезжали целым отрядом, за невестой, рассчитывая на веселые праздники, а нашли войну и смерть. Где все были живы, где он был... Восьмилапый, да счастлив он был! Просто не понимал этого, идиот!

Так что - море. А что уж там будет с Шарлиз - не его проблемы. Ребенок в порядке, лекарь, которого послал с ними Симон, непрестанно при Шарлиз (святой человек, надо будет ему денег дать, и побольше), и клянется, что опасности нет. А морская болезнь...

Переживет.

Сколько народа погибло на войне, и уж всяко лучше этой саларинской подстилки. Чего ее-то жалеть?

Поздно вечером, на исходе двенадцатого дня, после отплытия из Равеля, маркиз Торнейский прибыл в порт Аланеи. Отправляться сразу во дворец ему было откровенно лениво, а потому мужчина распорядился до утра его не беспокоить, и отправился спать. До утра дворец подождет.

Барист Тальфер.

Что делает корабль, который приходит в порт?

Правильно, становится на стоянку.. а потом его капитан идет отмечаться к начальнику порта.

Утром, вечером, да хоть когда. Канцелярия начальника порта работает круглосуточно.

И у Бариста Тальфера там был свой человек.

Услышав, что корабль, на борту которого находится маркиз Торнейский, прибыл в порт, человек подумал, да и отправил восточку королевскому стряпчему. Написал записку, и передал с портовым мальчишкой.

Казалось бы - зачем? К чему Баристу Тальферу свои осведомители в порту?

А как иначе? Что-то купить, что-то продать, прикинуть, кто что везет, да и контрабанда - золотое дно. Это даже не Баристовы интересы, а государственные. Вот стряпчий и старался.

Мальчишка постарался тоже. И - повезло. Баристу повезло в том, что он сегодня ночевал дома, так что записка была ему передана в руки. Дворецкому и в голову не пришло шугануть

оборванца или выкинуть замызганный клочок бумаги - посмотрелся на причуды своего господина.

Мальчишке тоже повезло. Барист приказал выдать ему золотой.

А маркизу Торнейскому повезло в том, что он остался на корабле. Не у одного Бариста были свои осведомители в порту. Но пробраться на корабль им было не по силам. А вот известить хозяев и подождать до утра помощи... Барист ждать не стал. Не повезло только кучеру - маленькое удовольствие, когда тебя будят чуть ли не пинком в два часа ночи и велют закладывать карету. Но господское дело такое, сказано - делай, да и монету господин бросил, серебряную. А самого аж трясет... тут спорить нельзя, а то здесь же, на конюшне и высекут, чтобы далеко не ходить. Кучер поспешил, и меньше, чем через полчаса карета вылетела за ворота. Барист спешил в порт.

Рид, маркиз Торнейский.

- Плевать! Пропусти немедленно!!!

Барист ломился к каюте маркиза, словно кабан через кустарник. Только треск стоял.

- Не велено...

Бесполезно. Удержать Бариста сейчас можно было только алебардой в пузо. И то не факт.

- Прочь с дороги! Повешу!!!

Рид понял, что выспаться не удастся, и открыл дверь каюты, как спал. То есть - голый.

- Что тут происходит?

- Ваше сиятельство! - возрадовался Барист, падая на колени. - Умоляю, выслушайте меня! Дело жизни и смерти!

- Тальфер, вы ополоумели, что ли? - опознал Рид ночного визитера. - Другого времени нет? До утра подождать нельзя?

- Нет.

И столько серьезности было в глазах Тальфера, что Рид сдался и махнул рукой матросу.

- Пропусти его.

Арман Тенор, а это был именно он, молча поклонился.

- И стань вон там, - прищурился Тальфер. - Чтобы никто у двери каюты не подслушал. Если что - шуми.

Блеснула в воздухе,, падая в ладонь Армана, золотая монета. Рид подтвердил приказ кивком, и сверкая голыми ягодицами, направился одеваться. Барист последовал за ним. Дверь каюты захлопнулась.

Арман пожал плечами, но приказ выполнил. Хотя что там за секреты в три часа ночи - так и не понял. Да и ни к чему ему. Целее будет.

В каюте Барист Тальфер выполнил странный ритуал, хорошо знакомый Риду. Встал на колени, опустил голову и снял дворянский перстень. Положил перед собой.

Это означало, что за свои слова он отвечает даже не головой - будущим рода. Можно казнить дворянина, но титул у его семьи не отнимут. А тут - все, конец. Это было более, чем серьезно.

- Что происходит, Тальфер?

Рид отлично знал Бариста. Сухарь, педант, но человек безусловно преданный королю. И такие пантомимы? Ну, знаете...

- Ваше сиятельство, казните меня... я не смог уберечь короля.

Рид где стоял, там и сел, правда - на койку. Повезло, находился рядом.

- Ост... что с братом?

- Он жив, но опасно болен. Смертельно.

- ЧЕМ?!

Рид знал о болезни брата, но одно дело знать, а другое вот так...

- Ваше сиятельство, я точно знаю, что его высочество дает яд его величеству.

- ЧТО?!

Вопль был такой, что крыса, неосторожно спрятавшаяся в углу каюты, получила разрыв сердца, а Арман Тенор, стоящий на страже, подпрыгнул на полметра вверх. Барист выставил перед собой руки.

- Умоляю, маркиз...

- Рассссказсссывай, - прошипел болотной гадюкой Рид.

Барист вздохнул, и повиновался.

Он не щадил себя, рассказывая, как заболел его величество, как Барист заподозрил неладное, как договорился с учеником лекаря, как они старались не сказать ничего королю, и в то же время не допустить непоправимого, как пытался что-то узнать Варсон Шефар, как он нашел свой конец в доме Марии-Элены Домбрийской, как...

Его величеству стало получше лишь в последнее время. И то...такое ощущение, что ядом его больше не поят, состояние не ухудшается, но и особых улучшений нет. А его высочество приходит каждый день. И... вот так, в общем. Рубите мне голову, НЕ МОГ я такого сказать королю. Война, беда, а на троне - отцеубийца? Моя вина.

Рид слушал, кусая губы.

А потом принял волевое решение.

- Говоришь, герцогесса Домбрийская?

- Да.

- Едем к ней. сейчас же. Я сам допрошу ее, если она подтвердит твои слова...

Барист понял недоговорку. Но какая разница? Он и так все поставил на кон, что мог. Голова тут уже не ставка, если что - и семью его вырежут, не спасется ни Жанетта, ни дети.

- Сию секунду?

- Да.

Барист бросил взгляд в окно, за которым занимался рассвет - он рассказывал почти два часа, и кивнул. Едем, почему бы нет?

Им повезло еще раз.

Барист приехал сам. А вот вторая сторона не успела послать убийц. К тому времени, как ассасины заняли места в порту, маркиз Торнейский и Барист уже уехали. В особняк Домбрийских.

Мария-Элена Домбрийская.

- Госпожа спит!

- Буди!

- Но госпожа...

- Я что сказал? Повешу!!!

Разъяренный Торнейский был страшен, да и Тальфера в столице знали. Ровена была с ребенком, и ее временно заменяла другая служанка, которая повиновалась грозным словам, и поскреблась в дверь покоев Марии-Элены.

Ждать пришлось минут пятнадцать.

Да, было уже около шести часов утра. В это время Мария-Элена вполне могла проснуться.

Просто надо было, чтобы Матильда извинилась перед Давидом, и ушла к себе. А дальше просто

- закрыть глаза в одном мире, и открыть в другом.

С каждым разом девушкам требовалось для перехода все меньше сил. Засыпать по полчаса?

Непозволительная роскошь.

Мария-Элена на всякий случай передала контроль Матильде, и та распахнула дверь, едва не попав по носу маркизу Торнейскому.

- Какого шервуля облез...ло...го...

Серые глаза встретились с карими, и Матильда - пропала.

Бесповоротно. Окончательно и безнадежно.

Любовь с первого взгляда - сказка? Шутка поэтов? Такого не бывает? Это просто парад ошалелых гормонов?

Ну так скажите это гормонам.

Матильда, бесстрашная и ядовитая, нахальная и насмешливая, смотрела в карие глаза маркиза - и пропадала. Окончательно и бесповоротно.

Потому что это был - ОН.

Бывает ведь такое.

В другом мире, без особой надежды на счастье, когда все уже учла и предусмотрела, повстречать свою вторую половинку. И плевать, что не красавец, что старше чуть не вдвое, что лицо в шрамах... другого мужчины для Матильды Домашкиной уже не будет. Ни в одном из миров. Только вот знает ли об этом маркиз?

Но судя по тому, что Рид стоял изваянием, и смотрел, смотрел...

Не на распахнувшийся халатик, не на ночную рубашку в кружевах, а в серые глаза. И кажется, тоже пропадал. Потому что это была та самая.

Его женщина.

Создание крайне эфемерное и в жизни обычно не встречающееся. Но иногда и так бывает. Не ждешь, не гадаешь, но словно молния проблескивает простое осознание - твоя. По-настоящему твоя. И никому ты ее уже не отдашь. Никогда.

Смешно?

Что ж, смейтесь, если вам такого не выпало. Лучше смеяться, а не плакать от горькой зависти.

Матильда и Рид смотрели друг на друга - и пропадали. Некоторые сюжеты старина Шекспир брал вовсе не из своей головы, а из самой, что ни на есть, реальной жизни. Независимо, кто там был у Джульетты до Ромео. Потом все равно никого другого и быть-то не могло.

Это даже не любовь. Это встретились две половинки одной души. И были счастливы.

Они бы и дальше так стояли - вмешался Барист Тальфер, сильно толкнувший Рида в плечо. Да и Мария-Элена последние пять минут орала, как оглашенная, пытаясь докричаться до сестренки.

- Тильди! ТИЛЬДИ!!!

Двое благородных господ зашли в покои благородной госпожи, и дверь хлопнула. Лязгнул засов.

Служанка устроилась рядом с дверью и довольно улыбнулась. Ох, и порасскажет она другим слугам... такого! Ох и поведает...

Первым начал действовать Барист Тальфер. Плотом очнулся Рид.

Матильда могла плавать в розовых облаках и дальше, она просто передала управление телом Марии-Элене. Та хоть и радовалась за сестренку, но соображать могла. Чай, не Антон Великолепный.

Боги милосердные, пусть хоть у Матильды все сложится хорошо? Маркиз Торнейский, кстати, отличная партия. Брат короля, хоть и незаконный, а что старше... ну и пусть.

Мария-Элена к нему особых чувств, в отличие от сестры, не испытывала, хоть девушки и делили одно тело на двоих, душа у каждой оставалась своя. И сейчас Мария-Элена отвечала на вопросы Рида Торнейского.

Спокойно и правдиво.

Знает ли она Варсона Шефара? Да, знала. Этот человек умер в ее доме.

Что он рассказал перед смертью? Она может это пересказать, но только с разрешения Бариста Тальфера. Это его друг, он и решает... разрешает?

Хорошо. Тогда так и так. Есть заговор, но его глава остается неизвестным. Какие-то ниточки ведут к колдунье на улице Могильщиков, Марию-Элену даже случайно занесло к ней...

При этих словах Барист Тальфер как-то подозрительно потупился, и у Малены зародилось страшное подозрение.

- НУ!? РИСТ!!!

Стряпчий кашлянул.

- Ну... я...

Говоря открыто - Барист просто заплатил кучеру, чтобы тот почаще провозил Малену мимо некоторых домов. Вот и оказалась там девушка, когда искала травников.

- Ах ты, гад!

Матильда очнулась от спячки и включилась в разговор. Малена бы себе такого не позволила.

- Я ведь для пользы дела...

- А для пользы дела - я у нее действительно была.

Мария-Элена подробно рассказала о результатах визита. О склянке, которую подменила, о кольце с рубином...

- Так вот почему короля несет уже несколько дней! - осенило Бариста Тальфера. - Малена, я твой должник.

- Гад ты, - мрачно проворчала Матильда. Но оправдания приняла. Ладно уж, простим. Но доверять не будем, перебьется.

Рид смотрел внимательно и пристально.

Нет, такое не сыграешь. Можно, но Малена не играла, это-то он видел. Есть свои преимущества и в возрасте, хоть видишь, когда тебе женщины врать попытаются. Особенно неумело, заранее считая дураком. Есть такие... хотя это не женщины, это - бабы.

- Что за герб был на перстне?

Малена покачала головой.

- Там было темновато, некогда разглядывать было. А снадобье сейчас отдам.

Флакон занял свое место на столе.

- Я проверила на крысе. Больше ее с нами нет.

Рид кивнул.

- Ну что ж, едем.

- Куда?

- На улицу Могильщиков.

- Я с вами! - подскочила Матильда.

- Это может быть опасно, - предупредил Рид. - Расставаться с девушкой ему не хотелось, но и подвергать ее опасности - тоже.

Матильда махнула рукой.

- Опасно? А то,, что ко мне с утра пораньше явились Барист Тальфер и маркиз Торнейский - не опасно? Нет? Заговорщики у нас тупые, два и два не сложат?

- Два и два? - пробормотал Барист, понимая,, что Малена права.

- Или один и один.

Малена прошла к двери и открыла ее. Конечно, служанка сидела под дверью.

- Проводишь господ в малую столовую - и рысью на кухню. Господам подать завтрак, мне - горячую воду, и одеваться. Бе-гом!

Получилось так убедительно, что служанка едва не зарысила на месте.

Рид и Барист переглянулись. Малена улыбнулась им.

- Уж простите, господа. Хотелось бы переодеться в одиночестве.

Присутствующих ждало редкое зрелище. Краснеющий Рид Торнейский.

Как-то он и не заметил, что герцогесса разговаривает с ними, одетая только в полупрозрачную ночную рубашку и такой же халатик. Смотрел в глаза, а не на анатомические особенности фигуры. Мария-Элена тоже смутилась, но дело взяла в свои руки Матильда. Подумаешь - неглиже. Вот если бы 'ню', тогда был бы повод.

- Обещаю вас не задерживать, господа.

Прозвучало это как: 'давайте, не задерживайте'... И господа направились за служанкой.

- Малечка, прости меня. Я дура.

- Ты его просто любишь. И он тебя, похоже, тоже.

- А разве так бывает?

- В жизни еще и не так бывает. Но если прикинуть... вы удачная пара. Самая лучшая любовь - среди равных, людей одного круга, воспитания, образования... Ты богата, он богат, ты герцогесса, он маркиз, первый ваш ребенок станет Торнейским, второй Домбрийским... к примеру.

- Наш ребенок?

- А почему нет?

- Малена, ты хочешь сказать...

- Тильди, я не буду против. В том мире мы выходим замуж за Давида, в этом - за Рида Торнейского. Счастья хватит на двоих.

- Это безумие.

- Это - любовь.

В столовой, поглощая легкий завтрак - омлет с ветчиной, хлеб, сыр, маркиз Торнейский расспрашивал о том же самом Тальфера. И проникался сочувствием к девушке, которая провела десять лет в монастыре.

Но вышла же! И смогла себя сохранить!

И какая потрясающая девушка!

- Она не помолвлена?
- Ваше сиятельство, никто не рискнул.
- Почему?
- Потому что без грима вашу невесту при дворе и не узнают.
- Грима?

Выслушав рассказ о представлении Найджелу, маркиз от души рассмеялся. Сообразительная девушка, действительно, отбивайся потом от Джели. Мог чисто из коллекционного интереса присоединить девочку к коллекции... перебьется! Если кто-то рискнет - Рид сам наглецам головы отвернет. Быстро и решительно. Не иначе, как боги над ним смилоствовали за все его потери.

Это - его женщина. Точка.

Разговоры прекратились, когда в столовую вошла быстрым шагом Мария-Элена.

Простое платье для верховой езды, коричневое, с очень широкой юбкой, с золотистой вышивкой, теплого шоколадного оттенка, заставляло светиться ее кожу. Сегодня она просто не могла себя уродовать.

Волосы были собраны в простую 'ракушку', глаза светились, губы улыбались, на щеках без всякой краски цвел румянец.

Идеальный рецепт женской красоты и привлекательности?

Это - не косметика. Это - влюбленность.

- Вы готовы, господа?

- Вы не будете завтракать, герцогесса?

Малена покачала головой.

- Нет, благодарю.

И то сказать, девушке бы кусок в горло не полез.

- Тогда, - поднялся из-за стола Барист - мы отправляемся на улицу Могильщиков. К Лэ Стиорта.

- И пусть только эта паразитка попробует что-то утаить, - прошептала Матильда для подруги.

Увы...

Паразитка была мертва, дом сгорел.

Единственный, кто не растерялся, это маркиз Торнейский. Обнаружив рядом уличных мальчишек, он достал из кармана горсть мелочи, и позвал их к себе, намереваясь как следует расспросить.

Барист Тальфер смотрел на герцогессу и маркиза, прикидывая новые расклады. Дураком он не был, ничуть, и в свете вспыхнувшей между ними любви, менял свои планы.

Почему нет?

Раньше он надеялся, что ему удастся договориться насчет брака Дилеры Эларской с маркизом Торнейским, и таким образом добавить ему легитимности, но сейчас....

У Дилеры нет ни единого шанса. Вообще.

С другой стороны, герцогесса ничем не хуже.

Она неглупая, в политических раскладах не учтена, владеет значительной территорией...

Проблема в другом. Женатый на Дилере Рид мог бы претендовать на корону. Женатый на Малене Рид к короне и щипцами не притронется. Не заставишь. А если и да...

Могут не признать. Будь он хоть трижды бастардом покойного Арреля.

Плюс Найджел. Ох, что же делать, что делать?

Легкая рука коснулась его рукава.

- Барист, Рид, маркиз Торнейский.... Бастард старого короля?

- Да, ваша светлость. Простите, но вы...

Малена ответила совершенно счастливой глупой улыбкой.

- Кажется, да. Это плохо?

- Нет, ваша светлость. Я надеюсь, меня пригласят на свадьбу?

Малена закивала.

- Разумеется, Рид. Разумеется.

А тем временем, на улице происходило нечто странное. К Риду медленно, поднимая руки, шел оборванный грязный мужчина.

- Что это за явление хвоста народу? - риторически спросила Матильда. И выпрыгнула из кареты, не дожидаясь помощи.

Вереш Трипс был усталым, голодным и грязным.

А еще...

Еще он следил за домиком по улице Кожевников последние несколько дней. Следил без особого результата - не до того было 'господину'. А если уж вконец честно - Найджел затеял свои празднества, и заговорщику просто приходилось там присутствовать. Обязанности такие. Да и с кем там сейчас встречаться?

С придворными дамами и при дворе можно комнатку найти, на то они и придворные, с другими заговорщиками...

Пока не стоило встречаться. Дело выходило на финишную прямую, его величество должен был умереть со дня на день, все было готово, все ждали, не слишком отходя от дворца - не пропустить бы момент, чтобы ловить, давить и обличать. Они ведь не знали, что вместо яда короля поят слабительным. Никто не знал.

Вереш следил и там и тут. Нанял уличных мальчишек, чтобы они ему сообщали, те и сообщили.

Про карету, про Торнейского - уж маркиза-то в городе в лицо чуть не каждая собака знала.

Копия своего отца, а на того за сорок лет правления вдоль и поперек насмотрелись.

Может ли Торнейский быть замешан в заговоре?

Нет, не может, это-то Вереш точно знал. И рванул на улицу Могильщиков со всех ног, благо, это по улицам далеко было, а если напрямик, чуть ли не по крышам и через огороды, так и недолго получалось, минут десять. Аккурат обернулись.

Маркиз стоял на улице и расспрашивал мальчишек про Лэ.

Сердце Вереша рвануло болью.

Ласти, ах ты, дурочка, Ласти...

Это оказалось последней каплей в озере решимости, и Вереш пошел вперед.

- Не убивайте меня, маркиз. Умоляю.

Рид им не собирался, еще не хватало.

- Кто вы такой?

- Слуга Лэ Стиорта, - уверенно опознала Мария-Элена. Память у нее была отличная.

- Да, господа. Вереш Трипс, к вашим услугам.

- Вот как? - прищурился Рид. - А что же случилось с вашей хозяйкой, друг мой?

И вот это мягкое 'друг мой', этот вопрос, заданный обыденным тоном, что-то надломили в Вереше. Он ссутулился, опустил плечи...

- Она мне была не хозяйкой. Я любил Ласти.

- Ласти?

- Ластару Стиарошт, ваше...

- Можно просто - милорд. Вереш, садитесь в карету. Мы поговорим где-нибудь в таверне, где можно поесть, выпить вина и немного отдохнуть.

Вереш кивнул. Посмотрел на Марию-Элену, явно узнавая.

- Ластара так злилась после вашего ухода.

- Не сомневаюсь. А что там за настой коры дерева Хон? Что она мне всучила?

- Куриный помет. И слабительное, кажется.

Матильда от души фыркнула.

- Вот и плати потом... хорошо, приворотного зелья не попросила. Садитесь в карету, Вереш.

Вереш повиновался, и наткнулся в карете на человека, которого не знал в лицо. Лавочник какой-то, что ли?

Да кто ж его знает.

Рид помог Матильде влезть в карету и уселся сам. Как раз напротив.

Серые глаза встретились с карими - и влюбленные опять потерялись во времени и пространстве.

- Я и не думала, что тебя встречу.

- Я перестал надеяться так давно...

- Я люблю тебя...

- Я не смогу жить без тебя.

Идиллию оборвал наглый кашель Бариста Тальфера, за что стряпчий удостоился двух гневных взглядов. И бестрепетно (смотрите, сколько хотите, главное, острыми предметами не кидайтесь) кивнул в окно.

- Эта таверна нам подойдет, господа?

Матильда бросила взгляд в окно. Над небольшой таверной красовалась вывеска с золочеными узорами по краям. На вывеске гордо, золотыми же буквами, виднелось название: 'Леф и фиалка'.

Нет, не опечатка, именно так, леФ, и все тут. Наверное, в этом мире водятся не львы, а лефы. Зверь на вывеске действительно напоминал льва, только нарисован был явно с кошки.

Пропорции точно кошачьи.

- Львы у нас водятся, - фыркнула Малена. - Львы. А художник - болван.

- Понятно.

Фиалка вообще была обозначена лиловым пятном в районе леФского носа. Оставалось лишь надеяться, что кухня окажется приличнее вывески.

Пахло внутри вполне прилично. Народа пока не было - слишком рано, только хозяин, плотный мужчина лет сорока пяти, протирает стойку тряпкой сомнительной чистоты.

Рид бросил хозяину золотую монету.

- На час ты закрыт для всех, идет?

Трактирщик поймал ее на лету.

- Как скажете, господин. Что вам подать?

- Давай сам решай, что у тебя приличное. Тухлятину подавать не вздумай - уши отрежу. И хорошего вина - есть у тебя?

- Как не быть, господин.

В воздухе блеснула вторая золотая монета.

- И - не подслушивать.

Трактирщик поклонился - и исчез на кухне, откуда и понесся начальственный рев. А четверка устроилась за одним из столов в центре зала. Специально, чтобы никто близко не подошел и не подслушал.

Первым слово взял Рид.

- Вереш, если вы были любовником и другом Лэ, то знали многое о ее делах, верно?

- Верно, милорд. Что вас интересует?

- Какие дела были у Лэ с его высочеством Найджелом?

Вереш вздохнул.

- Уж простите, милорд. Яд он у нее покупал. Для вашего брата.

Рид не кричал. Не ругался, не вскакивал, не... просто в один миг он так постарел, что казалось ему не тридцать три, а все девяносто девять лет. Ссутулился, на лице проступили все морщины... Матильда не выдержала.

Плевать на этикет, на условности, на все.

Тонкие пальцы легли поверх руки Рида, сильно сжали.

Ты - не один в этом мире. Я здесь. Я рядом.

Маркиз посмотрел с благодарностью. И решительно взял себя в руки. Встряхнулся, собрался.

- Вереш, попробуйте рассказать нам все с самого начала. Вы как считаете, где у этой истории начало?

- Сложно сказать, милорд. Наверное, она началась около двух лет назад, может, чуть больше, когда нас посетила леди Сорийская.

- Френсис Сорийская?

- Да, со своей кухней. Дианой Лофрейнской.

Рид сдвинул брови.

- И что им было нужно?

Разговор прервался по вине трактирщика, который лично, не доверяя слугам, поставил на стол поднос и принялся сгружать с него снедь. Большой кувшин с вином, и чуть поменьше - тут шиповниковый отвар, для госпожи, тарелки с нарезанным мясом и сыром, со свежим хлебом, с копченой рыбой, с разной зеленушкой...

- Уж простите, господа, а только приготовить еще ничего не успели толком. Разве что яичницу сболтать?

Рид поглядел на Вереша, и кивнул.

- Давай. На... Барист?

Кивок.

- Мария-Элена?

Герцогесса кивнула. Мясо пахло так, что она чуть слюной не захлебывалась. И вообще - она не эфемерное хрупкое создание. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

- Малена!

- Тильда! - рыкнула в ответ герцогесса. - Это неэтично, когда у прекрасной дамы урчит в животе. Да так, что голодные тигры завидуют.

- Не надо было тебе 'Полосатый рейс' показывать.

- Правильно. А завтракать - надо.

- На всех.

- Сейчас сболтаем. С ветчинкой, с зеленушкой, господа. Как в лучших домах будет, не извольте беспокоиться.

С тем трактирщик и удалился. А Малена утащила кусочек вкусно пахнущего мяса.

Рид лично налил ей отвара шиповника. Кисленький... и разговор продолжился. Вереш начал с самого начала.

- Ласти... она ведь дочка степняка. Ее мать в свое время в плен попала, потом сбежать смогла, здесь замуж вышла. А Ласти родилась уже после побега. Здесь, но отец ее был... оттуда. И внешность у нее была тоже... такая. Своеобразная. Степняцкая. Травницей она была хорошей, но народ к ней идти не хотел - степное отродье. Дети обзывались, мы с ними дрались...

- Вы? - уточнила Матильда.

- Мы. Я с ней с детства рос, я ее... любил. Простите.

Вереш сделал несколько глотков вина, потом покачал головой, выплеснул вино прямо на пол (судя по пятнам, он тут даже не сотый такой) и протянул кубок.

- Налейте мне тоже шиповника? Боюсь, срубят, а спать сейчас не ко времени.

Барист тут же исполнил его просьбу.

- Так вот. Ласти пыталась просто травами заработать, руки у нее из нужного места росли, потом ее несколько раз обманули, предложили в любовницы взять, еще по мелочи... она озлилась. И стала Лэ Стиорта. Мы влезли в долги, купили лавку, начали вести торговлю, и дело пошло на лад. Люди, они ж странно устроены. Скажешь им - не ори на супруга, спи с ним два раза за ночь, улыбайся поласковее, и не будет он по бабам гулять - так нет. Не она виновата, порчу на нее наслали. А дашь зелье, да скажешь, что четыре раза в день надо мужу с улыбкой в еду подливать, да называть только солнышком, да еще ночью стараться, чтобы приворот закрепился - из кожи вон вылезет. А в чем разница?

- В степени дурости, - ответила Матильда. - Вы этим и занимались?

- Ну да. и этим, и травами тоже, Ласти неплохой травницей была. Не ее вина, что так сложилось.

Это понятно. Не ее, а то еще парень в себе замкнется и ничего не расскажет. Шервуль с ней, с ведьмой. Все равно мертва уже...

- Вот, эти две твари хотели получить настой, чтобы ребенка сбросить.

- Сучки, - не удержалась Матильда.

И почему-то мужчины покосились на нее одобрительно. Хотя ругаться - некрасиво.

- Настой Ласти им продала, а потом пришел - Он.

- Кто?

- Ласти называла его Господин. Всегда так, с большой буквы. И Ласти легла под него почти мгновенно. Он много чего обещал. Жениться, сделать ее благородной дамой, забрать с улицы Могильщиков, клялся, она к нему бежала, как на крыльях...

- А вы терпели?

- А я ее любил. Дурак, да?

Матильда поглядела на Рида. И уверенно ответила.

- Если и дурак, то счастливый.

- Ее уже нет.

- Зато в вашей жизни было это чувство. Я вот ни об одной минуте не пожалею.

- И я, - отозвался Рид.

И глядя на их переплетенные пальцы, все было понятно без слов. Вереш вздохнул и продолжил рассказ, прерываясь только чтобы сделать глоток отвара.

- Он Ласти в это и втянул. Когда к нам пришел принц, я знал, что это плохо кончится. Я начал за ней следить. Ласти ходила в одно место, на улицу Кожевников. Я...

- С кем она встречалась? Имя? - подался вперед Тальфер.

- Виконт Трион.

- Сын начальника департамента Дознания?

- Не Тарейнский?

- Ромуальд?

Матильда, Барист и Рид отреагировали по-разному. Переглянулись и задумались. Первым высказался Барист.

- А при чем тут Тарейнский?

- А вы думаете, одному такое под силу? - прищурился Вереш. - Все они там. Трион - по нему почему-то бабы сохнут. Канцлер - мозг, его братья и сынок, который старший - тоже в деле. Младший вроде как нет, точно не знаю.

- А власть они как делить будут? - вопрос для Тальфера был не лишним. Власть - по определению не колбаса, на части не поломаешь. И потому умные люди не участвуют в заговорах. Она понимают, что побеждает тот, кто останется в живых. А вот когда начнут резать претендентов... вот ведь загадка?

- А мне, простите, не докладывали. Знаю, кто в заговоре, и то, в основном, от Ласти. Принца использовали, как уличную шлюху, потом выкинут. Или отцеубийцей представят. Ласти убили. Трион-младший и убил, лично ручки запачкать не побрезговал, паскуда...

- Жаль, доказательств у вас нет, - вздохнул Рид. - Слова это хорошо, но мало.

Вереш фыркнул.

- Вот это - подойдет?

На столе один за другим появлялись два кольца, одно из которых принадлежало его высочеству, а второе загадочному 'господину', виконту Триону, несколько писем, собственноручно написанный рассказ Ластары...

Два письма были полуобгоревшими, но почерк был отлично знаком Риду. Канцлер.

- Ласти их из камина вытащила.

- Вы попросили?

- Она сама, пока еще по уши не влюбилась...

В письмах не было ничего 'такого', там не было написано 'подложи под принца Сорийскую', или 'пусть этот кретин отравит отца', но...

Фамилии, рода, какие-то поместья. Матильда с Маленой и десятой части не знали, а вот Рид что-то понимал. Пробежал глазами, протянул Тальферу.

- Готовились, мрази. Заранее имущество делили.

Тальфер тоже что-то понимал, Матильда это видела.

- Моей фамилии там нет?

- Почему же, вами собирались купить Триона, - ткнул пальцем в одну из строчек Барист. - Просто вы при дворе не появлялись, только один раз, вот и не познакомились.

- Зачем его покупать? - удивилась Матильда, скромно умалчивая, что и познакомились, и даже потанцевали. - Он же глава заговора?

- Нет. Он может так думать, но он не глава, - покачал головой Барист. - Он не потянул бы.

- Марионетка Тарейнских - или полноправный участник?

- Его могли обнадежить, что посадят на трон, - задумался Барист. - Или они вообще не определились тогда и торговались. Судя по письмам, канцлер прикидывал, что и кому достанется. Тарейнские - не королевский род, его бы просто не приняли наши аристократы. Кстати, как и Триона. Это вообще дикая афера.

Матильда хмыкнула.

Вслух она не сказала, но припоминая коммунизм, перестройку, да ту же французскую революцию... знаете, каких уродов принимали? По сравнению с историческими персонажами родного мира, местные заговорщики - вообще котятка пушистые.

- Зато ему есть за что обижаться на короля, - вздохнул Рид. - Я знаю, мама рассказывала.

Все, кто сидел за столом, изображали напряженное внимание.

- После моей матери у короля была следующая любовница. Мать Леонара Тарейнского. И кончилось это для нее тоже плохо. Мой отец просто убил мою мать, а вот жена старого

Тарейнского... там было много чего. Скандалы, ссоры, надо полагать, и дети это видели, в результате женщина сошла с ума. Жить она осталась, но в монастыре. Замечательно. Тут совпадали мысли и Матильды, и Малены. И наверняка, дети это видели. И... кстати говоря. Есть несколько разных видов безумия. Есть то, что в результате болезни, кстати, это и в наши времена не редкость. Перенес, к примеру, человек менингит, ну и последствия сказались. Или там, водянка мозга... медики больше перечислят.

Это не страшно. То есть страшно, но по наследству не передается.

А вот если у дамы что-то такое было изначально... какой-то сдвиг. Если почитать про старинные дворянские семьи, быстро понимаешь, что там через одного, не псих, так шизофреник. Роднились-то между собой, в пределах достаточно ограниченного круга, вот и всплывали рецессивные гены с разными 'приятными сюрпризами'. И это вполне могло отразиться и на детях.

А что канцлер вполне нормально выглядит и работает... и что? До какой-то грани реальности любой шизофреник или там, маньяк... вон, доктора Лектера вспомнить. Или Чикатило!

Милейшие, в сущности, люди. До - определенного момента. А потом спасайся, кто может.

- Ага. То есть ваш отец, маркиз, наставил рога и Тарейнскому, - сообразил Барист. - Уж простите... а еще одного бастарда у Арреля быть не может?

Рид пожал плечами.

- Мне об этом не сообщали, отцу, полагаю, тоже. Он бы сына признал.

- Тогда все понятно. Тарейнский был обижен, затаил злобу, ну и... последствия сказались. Через тридцать лет. Замечательно, - подвела итог Матильда. - Всегда считала, что детские обиды - самые крепкие. Ладно, с этим ясно. Действительно, дети могли сильно обидеться за мать, и помнить зло долгие года. А Трион-то с чего завелся? Вроде семья нормальная?

- Тут я могу подсказать, - вздохнул Вереш. - Ласти так поняла, что он небогат.

- Трион?

- Виконт. Отец у него - глава департамента, и абсолютно честный человек. Такое тоже бывает. Барист кивнул.

- Я бы знал, если бы он воровал, или взятки брал. Но Трион - как стеклышко.

- А ведь он не из богатых. Его боялся, а дом у него в столице - паршивый. Выезд - тоже, дорогих коней он покупать не может, да и много чего еще не может. А хочется. Не ему, сыну...

- Вырастил мажорчика, - проворчала исключительно для подруги Матильда.

- Чем удобрял, то и выросло, - согласилась Мария-Элена, так же, для сестренки. - Кстати, тебе Ромуальд не понравился?

- Нет. И вообще, я подумываю о покупке ошейника с шипами. А еще плетки и намордника.

- Брррр... не жалко тебе собак.

- А уж как мне не жаль разных виконтов. Маркиз - и точка.

- Радуется, что мне не придется за него замуж выходить, - вздохнула уже вслух Матильда. - Вы не возражаете, господа?

Рид сверкнул глазами.

- Пришибу негодяя!

Малена улыбнулась ему.

- Нет уж. Лучше я его сама отравлю. У меня и яд остался... кстати - для кого? Я его из стола Ластары стащила, когда у вас была.

- Для короля, - честно ответил Вереш. И принялся хохотать.

Барист поглядел на него, как на идиота.

- Что смешного?

- Вы его подменили? Да? Миледи?

- Да.

- А они ждут, когда король... того, а он - не того...

Истерику Вереша оборвало только появление сковороды с шикарной яичницей, минимум из двадцати яиц. Из нее кокетливо виднелась ветчина, сияли солнышки желтков, зеленела какая-то местная трава, вроде укропа... и уже неважно стало маркиз там, за столом, простой слуга...

Облизнулись - все.

Поблагодарили и набросились на еду так, что через пять минут от яичницы остались только воспоминания. И, сыто отдуваясь, откинулись на спинки стульев.

- Это я заберу, - первым нарушил тишину Рид. - Покажу Осту. Боги милостивые, как ему такое сказать?

Барист вздохнул.

- Я тоже об этом думал. Но... сил не хватило.

- Окаянства, - отозвалась Матильда. - Господа, я правильно понимаю, что вы сейчас поедете во дворец?

- Практически сразу, - согласился Рид. - Только в одно место заедем.

- В какое? - не поняла девушка.

- В храм. Мы сейчас, все вместе едем в храм.

- Зачем?

- Жениться, - просто ответил маркиз. - Может, меня сегодня или завтра убьют, а так... Мария-Элена Домбрийская, ты выйдешь за меня замуж?

И что могли ответить на это девушки?

Только одно слово.

- Да!

Барист смотрел на парочку сумасшедших перед собой - и не мог поверить.

- Вы... вы с ума сошли?

Рид покачал головой, и синхронно с ним качнула головой Малена.

- Нет. Что в этом удивительного?

- Вы знакомы всего... часа три.

- А кажется, целую вечность, - Матильда даже не сомневалась в своем решении. Замуж и только замуж. И никак иначе.

А что?

Решается сразу несколько проблем.

Первая - ее не выдадут ни за кого другого. Вторая... да любит она Рида Торнейского, любит!

Могут они с сестренкой хоть в одном мире выйти замуж по любви?

Вот только попробуйте сказать, что не могут!

И кстати, есть и третье! Какой генофонд! Королевский! Про Торнейского Матильда с Маленой знали не так, чтобы сильно много, но... Бастард от отца нынешнего короля, хороший воин, плохой политик, предпочитает не балы, а границу, успешно разбил войско степняков, которое шло на Аллодию... и чего вам еще надо?

Это если не считать, что от одного взгляда в теплые карие глаза, все пальчики на ногах поджимаются. И плевать на все псевдонедостатки. На свежие шрамы, на не слишком высокий рост - Матильда и сама не бог весть что, просто без каблуков обойдемся...

Это все такие мелочи!

А вот сама аура, которой не добиться тому же Антону, будь он хоть шесть раз великолепным... Аура настоящего мужчины. С большой буквы настоящего, того, кто сможет защитить от всего мира, кто даст тебе дом и детей, поставит твои интересы вперед своих, рядом с кем растут невидимые крылья... разве можно от такого отказываться?

- Вас просто не поженят, - развел руками Барист.

- Почему? - недобро так поинтересовался Рид.

- Потому что нужно королевское одобрение на брак. А без этого...

- Плевать, - коротко отрезал Рид. - Малена?

- Дважды плевать. Если понадобится - я с тобой хоть в Степь сбегу.

Рид внезапно фыркнул. Ему отлично представилось, как приезжают они с супругой в Степь, и та пустеет, пустеет, пустеет, а степняки разбегаются... там теперь его именем детей пугают. И заслуженно.

- А еще должно быть объявление в храме. Три дня, хотя бы. Потом можно и пожениться.

Рид вздохнул.

- Ладно. Барист, ты знаком с Аллийским, вот, поехали к нему. Договоримся.

И Матильда не сомневалась. Договорится.

- А...

Вереш Трипс скромно интересовался своей участью.

- Думаю, надо по дороге заехать ко мне, - решила Матильда. - Пока... Вереш, вы поживете у меня? До решения этой... ситуации?

По форме - вопрос. По сути - утверждение, но Вереш оценил, что ему дали возможность согласиться. И - благодарно кивнул.

- Буду вам очень признателен, герцогесса.

- А уж как мы вам признательны, - вздохнул Рид. - Видят боги, я не хотел бы этого знать...

- Судьба такая, - развел руками Барист. - С одной войны на другую.

И спорить с ним было сложно.

Что уж подумал архон Реонар, когда к нему с утра ввалились Барист Тальфер, маркиз Торнейский, и герцогесса Домбрийская, причем двое последних - держась за руки, осталось при нем. А вот что он подумал после просьбы поженить немедленно маркиза и герцогессу, слышали все.

- Вы с ума сошли?

- Да, что-то в этом духе, - махнул рукой Рид. - Так что?

Реонар Аллийский посмотрел в счастливые глаза Матильды, в такие же счастливые, только что карего цвета, глаза Рида - и не нашел в себе сил отказать.

- Я проведу объявление в храме, и через три дня...

- Сейчас, - просто сказал Рид. - Пожените нас сейчас, а через три дня выдайте нам все бумаги? Как раз хватит времени.

- А разрешение его величества? - все еще сомневался архон.

- Реонар, - вмешался Барист. - Я лично. Прошу.

И так это было сказано, что архон замолчал, а потом вздохнул.

- Я вас поженю. Сейчас. Потом буду проводить три дня объявление в храме, и потом придете ко мне за бумагами.

Рид кивнул. И архон отправился переодеваться, вместе с Баристом Тальфером.

Впервые за все это утро Рид и Матильда остались одни. Рид потянулся к девушке, и осторожно взял ее руки в свои ладони.

Его пальцы были горячими, как огонь, ее - ледяными.

- Малена...

- Рид.

Серые глаза встретились с карими, и все куда-то потерялось.

Этих двоих не интересовали заговоры и подлости, Аланея и Аллодия, Ромея и Земля. Здесь и сейчас они были вдвоем - перед ликом вечности. Две половинки единого целого, нашедшие друг друга.

- Я люблю тебя, Малена. Я никогда не думал, что скажу это...

- И я не думала, что полюблю. Боги милостивы к нам, мы встретились.

Искренность. Потрясающая, беспредельная искренность. Не красивые слова, на которые бывают так щедры мужчины, не изящные жесты...

Одно сердце, одна душа на двоих.

Нечто настолько настоящее, что портить его словами было бессмысленно.

Рид точно знал, это ЕГО женщина. Он будет любить ее всякой. И злой, и усталой, и капризной, и даже если она родит ему пятнадцать детей и растолстеет до невообразимых размеров. И если когда-нибудь они поссорятся, он просто не станет слушать злых слов. Он обнимет свою жену, а наутро все будет намного лучше. И не будут они ссориться - как это вообще возможно? Разве ваша правая рука враждует с левой? Или там, сердце с печенью?

Матильда смотрела, и не могла наглядеться.

Когда-то ей в мечтах представлялся... да некто вроде Найджела. Сказочный принц. Вот дура-то была! Потрясающая! А оказалось, что ее счастье - оно такое. Прихрамывает при ходьбе, иногда морщится от боли, но зато какие у него глаза. Шоколадные. Совсем, как горький шоколад, так и не открытый в этом мире. И она в них тонет безнадежно, беспомощно, да и не нужна ей помощь. И спасение тоже не нужно.

Матильда точно знала, даже когда маркиз Торнейский состарится, потеряет зубы, и облысеет (а вдруг?) она все равно будет его любить.

Будет сидеть рядом с ним, в кресле-качалке, и лично кормить манной кашей.

Есть мужчины, с которыми хочется спать. Это не любовь, это желание. Охотничий инстинкт. А есть мужчины, рядом с которыми хочется жить, растить детей, стариться вместе и даже лечь в одну могилу.

Каждая женщина решает для себя, и выбирает для себя. Матильда свой выбор сделала. С ее деньгами и внешностью она могла бы рассчитывать на многое. Только зачем? Если нужен ей один только Рид Торнейский.

Маркиз?

А какое это имело значение для Матильды? Будь он хоть слесарем, все равно - полюбила бы. Такое оно, счастье...

И такие выразительные были у них лица, что вернувшийся в гостиную Реонар Аллийский только головой покачал.

- Благослови вас Боги. Идемте.

В домашней часовне было тихо и уютно, горели свечи.

Ладаном, кстати, не воняло, в Ромее его просто не знали. Да и не понимали, зачем смердеть в храмах. Благовония возжигать?

Матильда вообще подозревала, что этот обычай пришел из старых языческих времен, а в Ромее язычества не было. Вот и не нахватались.

- Тильда, я так рада...

Мария-Элена не мешала подруге. Вообще. Она просто была счастлива за сестру. Любовь - это чудесная штука. Но когда она еще взаимная и к достойному человеку - вот это точно благословение богов. И стоит ли в таком случае мешать и лезть?

Нет. Не стоит.

Пусть брак будет тайным, пусть никто о нем знать не будет, пусть им потребуется королевское признание - семь бед, один ответ! Или один брак.

Кто бы посмел отказать брату короля?

Матильда, то есть Мария-Элена, совершеннолетняя и признанная, Рид вполне совершеннолетний, а в остальном...

Король здесь пока Остеон. Вопросы есть?

А зубы лишние есть, если что? Или кости? А то маркиз Торнейский может и немножко неадекватно отнестись к некоторым наглицам.

- Здесь и сейчас, перед лицом Брата всевидящего, и Сестры Всепрощающей, я хочу спросить вас, дети божии. Желает ли ты, Рид Торнейский, взять в жены эту женщину? Осознанно и добровольно. Без принуждения и расчета. Делить с ней жизнь и душу, кров и стол, детей и внуков. Любить и доверять, беречь и хранить, до той поры, пока не придет твой срок уходить в путь всей земли?

- Желаю.

- Желает ли ты, Мария-Элена Домбрийская, взять в мужья этого мужчину? Осознанно и добровольно. Без принуждения и расчета. Делить с ним жизнь и душу, кров и стол, детей и внуков. Любить и доверять, беречь и хранить, до той поры, пока не придет твой срок уходить в путь всей земли?

- Желаю, - едва не запнулась Матильда.

Мария-Элена благородно уступила место сестре. А что - ее свадьба ведь!

И плевать, что нет роскошного платья, что обошлось без букетов и дурацких конкурсов. Без родни и друзей. Главное здесь - любовь. А остальное...

Кому хочется праздника - ваше право. Девушкам эта мишура была неважна.

Только глаза маркиза. И сухая горячая ладонь, сжимающая ее пальцы. Так бережно. Так осторожно... словно нечто самое хрупкое в мире.

- Пользуясь своим правом, я объявляю ваш союз благословенным и вечным. И да не разъединит судьба ваших рук и в жизни, и в смерти. Аэссе.

- Аэссе, - отозвался Рид, и за ним, с легкой запинкой Матильда.

- Можете поцеловать вашу жену, - просто сказал Реонар. И вежливо отвернулся.

Рид коснулся теплой ладонью щеки Матильды. Заглянул в ее глаза.

И столько нежности она видела в его взгляде. Столько осторожного, неверящего счастья... неужели - правда? Она здесь, и рядом, и его жена?

Очень медленно, словно побаиваясь, что прекрасное видение рассыплется фонтанами сверкающих брызг, Рид склонился к жене и ласково, осторожно коснулся губами ее губ. Сначала робко, потом чуть настойчивее, чувствуя, как отогревается жена в его объятиях, как льнет к нему гибкое тело, как она отбрасывает все наносное и полностью доверяется его прикосновениям. Как стучит ее сердце - для него.

Эта женщина для него. А он - для нее.

Навсегда?

Навсегда.

И время тактично отступило в сторону, понимая, что невежливо напоминать влюбленным о своем существовании.

- Рист, я все понимаю, но ты с ума сошел.

- Реонар, я тебя когда-нибудь обманывал?

- Наши головы полетят листьями. Стоит только королю узнать...

- Поверь - не полетят. В столице скоро такое начнется, что не до наших голов будет. И потом, с чего ты разволновался?

- Я знаю, что король планировал женить маркиза Торнейского на Ролейнской.

- На ней сейчас женить нельзя. Маркиз рассказал, она беременна от кагана. И была за ним замужем, кстати.

- Seriously?

- Это между нами, Реонар. Сам видишь, я ценю твою дружбу.

- И втягиваешь меня все глубже в ваши интриги. Мое дело богам молиться...

Барист честно сделал вид, что поверил. Реонар выглянул в зал, и вздохнул.

- Целуются.

- Сам видишь - эти двое нашли друг друга.

- Вижу... потому и согласился. Редко такое встретишь.

А еще не лишней будет благодарность маркиза Торнейского. И герцогессы Домбрийской. А может, и короля, кто знает?

Барист покачал головой, отлично понимая друга. А потом...

- Пошли, потопим их. Как ни жаль, а расставаться надо.

- Я с вами!

- Нет, Малена.

- Нет, ваша светлость.

- Тильда, нет!

Маркиз Торнейский, Барист Тальфер и Мария-Элена оказались поразительно единодушны.

Последнюю, правда, посторонние не слышали, но Матильде это не помешало.

- Почему я не могу поехать с мужем во дворец?

- Потому что, родная, я не знаю, что там будет, - спокойно ответил Рид.

- Зато я знаю, что ты справишься с любой проблемой. А я тихонько посижу неподалеку, - попробовала уломать его Матильда.

Ага, как же.

Любовь - любовью, а характер маркизу никто еще не менял.

- Малена, прошу тебя. Ради меня, ты сейчас поедешь домой и останешься там, на какое-то время. Пока я лично не пришлю тебе письмо или с Баристом, или... если мы будем заняты... посмотри сюда. Видишь?

Матильда взглядела в бляху на одежде мужа. Одну из нескольких.

Заяц в прыжке, над ним сияет лучами восьмиконечная звезда.

- Да.

- Мое письмо, если оно написано добровольно, будет запечатано именно этой бляхой.

Запомнишь?

- Обещаю.

- А вот это тебе.

Рид снял с пальца кольцо с крупным сапфиром, на котором была вырезана симпатичная кошечка. Мамино, между прочим.

- А у меня и кольца для тебя нет, - огорчилась Матильда, глядя на свои пальцы без единого украшения.

- Это - через три дня, - отмахнулся Рид. - Если ты пришлешь мне письмо, запечатывай этим кольцом. Я пойму, что все в порядке.

- Хорошо.

Рид тяжело вздохнул.

- Я с радостью взял бы тебя с собой и представил брату. Но я не знаю, что сейчас начнется во дворце. Тарейнские - большой род. Трион - начальник департамента. Знает ли он что-то, или нет... Думаешь, они так просто смирятся с крушением их планов?

Малена была абсолютно уверена в обратном. Как известно, если гадюку переехать телегой, кусаться она будет, пока не сдохнет.

Что мы имеем во дворце?

Больного короля.

Принца-отравителя.

Семейку канцлера, кстати - большую, она это точно помнила.

Главу департамента дознания... продавшегося или нет, тут уже не так важно, кровь не водица, за сына он точно впишется.

Нечто пока неизвестное - должно же оно быть?

Обязано.

И из самой глубины души у Матильды вырвалось жалобное?

- Рид, давай уедем в Степь? Сейчас же!

Уговорить Матильду удалось примерно через час, более того, часть уговоров прошла уже в карете, по дороге домой, и чередовалась с поцелуями, отчего у Тальфера, который пытался оставаться образцом невозмутимости, покраснели уши.

Рид твердо был уверен, что его жене нечего делать на поле боя.

В том же самом была уверена и Малена, которая пилила подругу, прерываясь только на те же поцелуи. Ладно уж, не будем портить сестре жизнь. Она в свое время аж с Рисойским целовалась и теперь обязана получить моральную компенсацию!

- Мужчины должны воевать, зная, что их женщины в безопасности. И пока никто ничего не знает, так и есть. Ты хочешь, чтобы его убили, потому что он будет разрываться между тобой и королем? Или отвлечется на твою защиту и пропустит удар?

Матильда этого не хотела. А потому поддалась уговорам.

Будь она кем-то вроде Лары Крофт, или приснопамятной Женщины-кошки, о, тут бы ее никто и ничто не удержали вне поля боя. И полезла бы, и всем навалила.

Ага, как же.

Это в красивых фильмах дамы в мини-шортах отвешивают мужикам звездюлей одной левой, не снимая шпилек. А в жизни...

А в жизни - навернется вы со шпилек после первой оплеухи. И про 'Солдата Джейн' рассказывать не надо. Сколько таких 'Джейнов' пустили по кругу, превратили в воющие куски окровавленного мяса и заставили молить о смерти... сказать?

Матильда знала. Ей бабушка рассказывала про Великую Отечественную. И про то, чем частенько заканчивали и девочки-разведчицы, и снайперши, и летчицы, и ведь не боялись. Все равно шли на смерть. Осознанно. Это их потом боялись.

Иногда самоубийство - не грех. Что бы там ни говорили священные тексты любого мира.

Поэтому она последний раз поцеловалась с Ридом, и на прощание коснулась ладонью его щеки.

- Выживи. И вернись.

- Обещаю.

Ни слез, ни просьб, ни душе- и ушераздирающих сцен. Почти приказ. Почти - клятва. Тоже - с той войны. Не плачь, не зови к воинам смерть. Будь уверена, что он - вернется, и боги услышат тебя. И тоже - поверят.

Последний, уже легкий, прощальный поцелуй - и выйти из кареты. Гордо, как и подобает Домбрийской. И - к дому, не оборачиваясь. Плохая примета.

Рид проводил взглядом расправленные плечи жены, улыбнулся.

- Что ж. Едем за город.

- Куда? - ахнул Тальфер, ожидая приказа - во дворец.

- В казармы гвардии.

Рид смотрел до тех пор, пока карета не тронулась, и поплывшие деревья не скрыли от него супругу.

Жену.

Так странно, он - женатый человек. Но кажется, он не пожалеет о своем выборе.

- Поздравляю, ваше сиятельство, - нарушил молчание Барист.

- Спасибо. Теперь осталось только выжить.

А вот в этом сомневались и маркиз, и Барист.

Матильда медленно поднималась по ступенькам своего городского дома. Городского дома Домбрийских.

Как только уехал Рид, она позволила себе расслабиться. Она чувствовала его взгляд, как теплую ладонь на плече, а теперь его не стало. И можно было на минуту, всего на минуту, позволить себе слабость.

Побежала по щеке, капнула на бархат платья, слезинка. Но долго расслабляться жизнь не дала. В проеме двери замаячил дворецкий.

- Ваша светлость!

- Что случилось, Мирт? - слуг Мария-Элена старалась знать и в лица, и по именам. И сейчас перехватила управление, понимая, что Матильде сложно.

- К вам матушка Эралин.

Вот теперь пришлось собраться и Матильде.

Лучшее лекарство от депрессии?

Куча проблем. И депрессовать вам будет некогда. Вообще. Разгрести бы. Ну и пендель животворящий, и враг бодрящий. Все смешать, пропустить через блендер и вылить.

В чем лекарство?

А вы попробуйте, позапихивайте все это в тот самый блендер, хоть целиком, хоть частями. Ведь сопротивляться будут... Матильда прищурилась.

- И где эта... мать благочестивая?

- В малой гостиной, ваша светлость.

Матильда гостеприимно оскалилась.

- А моя матушка?

Не одной ей счастье должно привалить!

- Она уже там. Матушка Эралин привезла новости о молодой госпоже.

- Ах, вот оно что...

И послать бы их к чертям шервүлим, да вот проблема - гости не из тех, которых можно проигнорировать. Ну ничего, мы их сейчас...

Матильда злобно ухмыльнулась, и направилась в малую гостиную. Раздавать врагам - по рогам.

Ах, какая была картина. Две гадюки по креслам, нежно шипящие друг другу...

И кто мешал лекарям угробить еще и Лорену? Вот Варсона угробили, а его бы вылечить. А Лорена выжила, хоть ее бы угробить.

Где справедливость на свете?

Почему естественный отбор работает в сторону всякого, простите, дерьма? Матильда заулыбалась так, что от горя повесилась бы лампочка Ильича. Она просто лучилась радостью, как уран - изотопами. Жаль, не с теми же последствиями.

- Мамусик! Как я счастлива, что ты уже встала! Да ты сиди, сиди, а то еще вторую ногу сломаешь... Матушка Эралин! И вы здесь! Как я рада, что вы нашли для нас время!

Благословите?

- Да пребудет в твоей душе мир, дочь моя, - расщедрилась матушка Эралин.

- Аэссе, - припечатала Матильда. - Как там моя сестренка?

- Божьей милостью, - возвела очи горе матушка. - Я получила письмо из монастыря, настоятельница Антола пишет, что Силанта Колойская всем довольна.

Угу. В переводе на человеческий язык - девчонку обломали. И продолжают обламывать.

- Матушка Эралин, я так рада. Я распоряжусь, пусть вышлют ей денег. Моя сестра ни в чем не должна нуждаться. А ближе к свадьбе ее домой выпишем...

- Свадьбе?

- Какой свадьбе?

Шипеть хором у дам получалось просто вдохновенно. Матильда оскалилась.

- Его величество принял решение по моему вопросу. И мне сегодня шепнули по секрету. - Дамы так и подались вперед, и Матильда не стала их разочаровывать. - Меня вскорости собираются выдать замуж. Буквально со дня на день.

- За кого? - проявила интерес матушка Эралин.

Матильда развела руками.

- Имена мне назывались, но сами понимаете. Возможно - виконт Трион. Или маркиз Торнейский. А может, кто-то из Тарейнских... точнее пока сказать не могу.

Лорена скрипнула зубами.

- Ты уже помолвлена!

- С кем? - искренне удивилась Матильда. Что-то она такого не припоминала.

- С Лораном.

Матильда развела руками.

- Я, безусловно, обсужу этот вопрос с его величеством.

- Когда? - почти прошипела Лорена.

- Как только увижусь, мамуся. А что вы имеете против Триона? Так, к примеру, очень симпатичный молодой человек. И имя у него такое милое, Ромуальд. Так и буду его звать - Муля! Не нервируй меня!*

* к/ф 'Подкидыш', если кому интересно. Муля во всех разрезах, прим. авт.

Лорена скрипнула зубами.

Что она имела против?

Да до... всего! И побольше, побольше. А вот матушка Эралин оказалась более наблюдательной.

- А почему у тебя губы так припухли, дитя мое?

Чтоб тебя стадо шершней-мутантов покусало, паразитка! Матильда улыбнулась со всем возможным нахальством.

- Жениха дегустировала. Одного из. Вдруг не по вкусу придется?

- А... э...

- А что такого, матушка? Мы уже почти помолвлены, то есть как бы женаты, и вообще - ничего недозволенного. Все было при свидетелях.

- Мне рассказали, что за тобой с утра заехали господа, - процедила Лорена, так сжимая веер, что несчастная безделушка почилла с неприятным хрустом.

- Ну да. Личный королевский стряпчий, сами понимаете, абы кого к герцогессе не пошлют, еще и по такому поводу. Пришлось срочно уехать, - развела руками Матильда.

- Трион, - прищурилась матушка Эралин.

- Муля! - нежно прошептала Матильда. И понадеялась, что Фаина Раневская не явится к ней призраком за такую наглость.

- Видимо, жених понравился?

- По крайней мере, он знает, для чего нужна женщина, - пожала плечами Матильда, нахально глядя Лорене в глаза. - Мамусик, готовься. Если повезет, меньше чем через год, ты будешь уже бабусик. Матушка Эралин, а вы помолитесь за нас, чтобы дети были здоровенькие? И я пойду... помолюсь.

С тем Матильда и удрала, оставив ошалевших дам придумывать кары для виконта Триона. И вот ни капельки его не было Матильде жалко. Пусть хоть с кашей сожрут. Приятного аппетита.

Казармы гвардии располагались за городом. Туда и ехал Рид.

Не просто так. В поисках поддержки и помощи, а то как же иначе? Ему позарез требовалось поднять гвардию, окружить ей дворец, арестовать всех, кто значился в письмах и препроводить по тюрьмам. А кое-кого и сразу допросить. В полевых условиях. Вот где пожалеешь, что с тобой мало людей.

Три корабля, Рид уже отправил записку Стансу Грейвсу, требуя поднимать людей и небольшими группами выдвигаться к королевскому дворцу. Там и встретимся.

Тут уж ориентир не перепутаешь, дурак - и тот дойдет.

Эх, знать бы... и что бы поменялось? Да ничего. И больше кораблей не взять было, не было больше, и больше народа, а по суше ехать и вовсе бессмысленно. Все равно успеют аккуратно к шапочному разбору.

Остаются те, кто прибыл с Ридом, ну и гвардия.

Почему Рид был в ней уверен?

Всего лишь два слова.

Стивен Варраст.

Дядюшка Стив не дал бы завестись в гвардии никакой крамоле. Он знал кто и чем дышит, чего и от кого ждать, он знал всех своих людей вплоть до того, в каких кабаках они предпочитают погуливать. Сам подбирал, сам выживал неугодных, сам...

Сейчас его нет.

А гвардия есть.

Будут ли они повиноваться Риду?

Пусть попробуют не подчиниться. У маркиза и сомнений не было - повесит к Восьмилапому, хоть половину гвардии. И полномочия у него есть.

А еще - слава победителя степняков.

Повезло ему еще один раз.

Гвардейцы были на месте и подчинялись человеку, которого оставил вместо себя дядюшка Стив.

Ален Ронар.

Собственно, граф Ален Ронар, так же, не из слишком богатых, начинавший с дядюшкой Стивом. И за что его любил и ценил Стивен - потрясающий 'второй'. Не инициативный умник с шилом в известном месте, жаждущий прославиться, а прост о - хороший, умный и грамотный заместитель. Полностью на своем месте.

А еще - Ален об этом знал и его это место более чем устраивало. Да и со Стивом они были друзьями, разница только в том, что дядюшка Стив оставался убежденным холостяком, а Ален был женат вот уже лет десять, и был счастливым отцом троих детей. Что ж, и остепеняться когда-то надо, Рид свидетель. Сам вот... неожиданно.

Но - приятно, тут не поспоришь.

Ален был на месте, и Рида встретил радостно. Пока не...

- Стив погиб.

- Как?

В один момент Ален постарел на десять лет. Все же он надеялся на другое, не верил до последнего, и только когда Рид сказал все в лицо... В письмах всего не напишешь, погибших там не перечисляли, только писали о победе. А Стивен, он ведь не может умереть, правда? Это часть его жизни, чуть ли не часть самого Алена, как же вдруг так?

Взять - и помереть?

Вопиющая безответственность.

- Как герой, - просто ответил Рид. - Остался прикрывать наш отход, задержал степняков... он не мог идти дальше. У него сердце было больное, а он молчал...

- Он не хотел говорить, - подтвердил Ален. - Хотел умереть или в бою, или на... гхм.

- Да знаю я его присказку. Либо на коне, либо на бабе, лишь бы не на толчке помереть, - махнул рукой Рид. - Ален, тут дело серьезное. Мне срочно нужна гвардия.

- Что случилось?

- Заговор, - просто ответил Рид. - Под мою ответственность, я сейчас все напишу. Посылаешь гвардейцев к этим людям, по десятку, приглашаешь во дворец. Якобы. Приглашения я тоже сейчас напишу.

- А на самом деле?

- Лучше взять живыми. Оглушить и препроводить в... да хотя бы в Шарден. Для коменданта я тоже записку напишу, сейчас отправим Тальфера. Пусть готовятся к приему дорогих гостей.

- А если...

- Лучше взять живыми, - повторил Рид. И даже не сомневался ни минуты. - Лучше. Но не обязательно.

Ален проглядел список. Бегло, но ему хватило.

- Рид, ты... серьезно?

- Более чем, Ален. Под мою ответственность, я сейчас все напишу.

- Его величество нас повесит.

- Ты забыл, Ален? Мы дворяне, нас не вешают, а казнят со всем пиететом.

- И не вспоминал бы, - огрызнулся его сиятельство граф Ронар. - Сам все объяснишь гвардейцам?

Рид молча кивнул.

Ален Ронар подвинул ему стопку бумаги и перо с чернильницей - и вышел. А спустя несколько минут рога затрубили общий сбор.

Рид писал.

Барист был им уже отослан к коменданту Шардена, а сам Рид (вот когда пожалеешь об отсутствии копировальной машины) чуть ли не слово в слово писал приказы об арестах.

Тарейнские - двенадцать штук.

Трионы - двое.

А еще Сорийские, Лотрейские, Давинские, Ройсанские, Эльдонские...

Да твою ж шервулем - они всех кого могли в свой заговор втянули, что ли? С-сволочи.

На самом деле, Рид подозревал, что все не так страшно. Остеон - не худший правитель, и дураков у него не водилось. Тот же Трион-старший, может, и невиновен. И среди Тарейнских наверняка найдутся те, кто невиновен, а уж про Сорийских и говорить смысла нет. Там старый барон вообще ни о чем, кроме бога и молодой супруги не думает. Но вот племянник у него точно, был, и не самый порядочный.

Разберемся.

Аресты были не самым страшным злом, а вот Остеон...

Как он посмотрит в глаза Осту? Как встретится с Найджелом?

Как?

Рид и не подозревал, что на пристани ждут его наемные убийцы. И видя, что вместо возвращения Торнейского, прискакал гонец, недоуменно переглядываются.

Тайна пошла не совсем на пользу заговорщикам, опасаясь привлечь лишних людей, они обходились наемниками. Это неплохо, конечно. Даже если наемник попадется, из него ничего не вытряхнут.

Да, нанимал. Кто?

А шервуль его знает. С шервуля и спросите, а меня хоть на сорок частей раздерите... чего человек не знает, того он и не ответит. Это подход хороший, но сейчас он обернулся против нанимателя.

Кто нанимал?

Неизвестно.

У кого инструкции получать для такого случая?

А шервуль его знает. Спросить-то можно, но до сей поры ни один шервуль не отозвался, так что остались господа наемные убийцы без инструкций. А поскольку были они далеко не дураками (в этой профессии идиоты вообще не выживают, их в первые полгода выбивают), то сумели сложить два и два.

А именно - гвардейца, явно с письмом, выгрузку людей с кораблей, причем людей вооруженных, и какую-то нездоровую суету в городе.

И что?

В такой ситуации ждать клиента до упора, рискуя своей шкурой?
Наемные убийцы (две единицы, больше за такое время просто не нашли) лишний раз подтвердили, что не идиоты, и свалили с пристани. Да так быстро и незаметно, что даже памяти о себе не оставили.

- Господа гвардейцы, кто я такой, вам напоминать не нужно.
Господа гвардейцы дружным ревом подтвердили, что маркиза Торнейского тут знают все. И вообще - Аррраааа! Лучше троекратное, в честь победы и с гулянками!
Надежды маркиз обломал на корню.
- К сожалению, я с плохими известиями. Мне сообщили, что во дворце созрел заговор. Сейчас мы выдвигаемся ко дворцу, окружаем его - и никого оттуда не выпускаем. Вообще. Любой, кто попытается выйти, должен быть арестован и препровожден в Шарден. Это понятно?
Гвардейцы так же единогласно согласились, что понятно.
И неудивительно. Ситуация способствовала. Это ж Торнейский!
Человек, который с пятьюстами воинами (и из них сто гвардейцев, кстати!) разогнал сорок тысяч степняков. Который всю жизнь, верно и честно...
Сам он заговорщик?
Если кому такая идиотская мысль и пришла в голову, то быстренько огляделась вокруг и вышла. И ушла. А то жить хочется..
Торнейскому-то с чего заговариваться?
Просит маркиз доверия? Оно у него будет.
- К сожалению, я не могу сейчас рассказать вам о заговоре во всех подробностях. Ваш командир о нем знает, он мне доверяет, надеюсь, доверитесь мне и вы. - Рид секунду помолчал, а потом вытащил из ножен кинжал. Старый, боевой, с роговой рукоятью. Распахнул ворот рубахи и провел им кровоточащую полосу от ключицы - вниз. - Кровью, честью и именем рода клянусь, все, что я делаю сегодня, направлено лишь на благо Аллодии и его величества Остеона. Я не питаю враждебных замыслов и не хочу власти. Если я нарушу клятву - пусть боги покарают и меня и мой род.
Гвардейцы смотрели - и верили. В это время и в этом мире такими клятвами не шутили. Жить хотелось. А тут - на карту ставилось все, вплоть до самого рода Торнейского.
И когда Рид позвал их за собой - встали все, как один. И - пошли.
К королевскому дворцу.
Рид ехал во главе роты, и думал, что Остеон ему голову оторвет. Ну и пусть.
Пусть брат останется жив, а там хоть голову отрывает, хоть... нет, вот это не надо. Уж точно не сразу после свадьбы.

Явление маркиза Торнейского во дворце вызвало ажиотаж. А уж гвардейцы, которые вслед за ним рассредоточивались по коридорам, занимали стратегически важные места, вроде приемной или королевского кабинета, не обращая особого внимания на возмущения и протесты... да что здесь происходит? Этого не понимал никто, кроме Рида.
Подстреленными кроликами прыгали слуги, метались придворные, Рид, не обращая ни на кого внимания, шел по коридорам туда, куда и должен был. И успел вовремя.
Определенно, боги подгадали.
Потому что явился Рид в королевские покои аккурат в тот момент, когда у его величества был Найджел. Ничего странного в этом не было, просто его высочество проспал, вот и явился к отцу чуть попозже, поближе к двенадцати.
Его величество Остеон как раз полдничал.
- РИД!!!
И столько радости было у брата.
А маркиз застыл в ужасе, не в силах подойти, обнять, порадоваться... боги, прокляните Найджела! На миг Рид лишился дара речи.
И вот ЭТО - его брат?

Боги милостивые...

Он уезжал - и оставлял вполне себе сильного человека, более-менее здорового, ладно, с приступами, но выглядел Остеон достаточно неплохо для своих лет и своего состояния. А сейчас...

Скелет, обтянутый нездоровой, серой пористой кожей, с редкими волосами и запавшими глазами. Ну, Джель, сука такая...

Рид почувствовал себя, как на поле боя. И прищурился. Чего другого, а воевать он умел лучше всего остального. Вот и сейчас... меч ли, слово - какая разница? Разит и то, и другое, одинаково смертельно.

- Ост, ты чего это разболелся? Я тут степняков разогнал, жениться собрался, тебя на свадьбу пригласить хотел, а ты!

Его величество улыбнулся. И губы у него были такие... белые, синюшные даже. Улыбка на лице полутрупа казалась гримасой смерти... да тот же Джок после смерти выглядел живее, чем Остеон - здесь и сейчас.

- А я... вот. Сам видишь. Рид, я так рад, что ты живой!

- И я рад, - расплылся в улыбке Найджел. - И что ты выжил, и что приехал. - Только вот Рида та улыбка совершенно не обманула, ни капельки. Не настолько хорошим актером был его высочество, чтобы обманывать тех, кто его знает. Вот и Остеон вскинул брови, чувствуя фальшь в голосе сына, и не понимая, почему Найджел не рад. Что происходит?

- Тогда за это надо выпить! - порадовался Рид. - Джель, разливай.

- А.... тут вина нет.

- А мы травами, правда же?

Остеон начал понимать, что происходит что-то не то. Но вмешаться не успел, и спросить не успел. Рид сделал большой шаг вперед, и особо не церемонясь, скрутил его высочество. Кто сказал, что заламывать руки научились только в двадцатом веке? Это искусство было еще питекантропам знакомо, руки-то у них были.

Джель согнулся вдвое и что-то захрипел. Рид, на глазах Остеона, охлопал его с ног до головы, и довольно кивнул, вытаскивая пузырек из темного стекла.

- Вот оно, - и уже отпихивая от себя 'братика', - что, Джель, сообразим на троих?

Найджел аж шарахнулся, словно Рид держал в руках гадюку и тыкал ей в принца, предлагая поцеловаться взапас.

- Ты...

- Я, Джель. Я. Так выпьем? - Рид ухмыльнулся и накапал несколько капель в стакан. Так, штук десять навскидку. - Сколько там тебе Лэ Стиорта сказала капать? Три? Пять капель?

Найджел окончательно посинел лицом.

- Т-ты... откуд-да?

- Да все оттуда же. Ты хоть знаешь, что ее недавно убили? И дом сожгли?

Дом сжег Вереш Трипс, но Рид решил не уточнять историческую правду. Кому оно теперь важно? Кому интересно?

- Кто такая Лэ Стиорта? - рыкнул Остеон, приподнимаясь на локте.

- А вот Джель сейчас и расскажет. И кто это, и что он у нее покупал, и на ком применял, а то и сам своего зелья попробует. Хочешь, братик? - издевательски мягко предложил Рид.

- Н-нет...

- Что ж так-то? Отца ядом поить рука поднялась, а самому выпить - силенок не хватило? А то, может, глотнешь из кубка? Тут пятнадцать капель... сколько для смерти нужно?

- Д-десять, может, больше...

Найджел брал себя в руки.

Рид прищурился.

- СТРАЖА!!!

Гвардейцы только этой команды и ждали. Влетели молнией.

Рид кивнул им на Найджела.

- Взять. Скрутить.

Стивен Варраст не просто так школил своих людей, они и на минуту не задумались. Принц дернулся - и обвис в жестких руках, понимая, что пощады ждать не стоит. Не от Рида. Не от отца...

Рид взял кубок, плеснул туда еще несколько капель из пузырька, демонстративно так, потом разбавил чуток водой, и подошел к Найджелу.

- Пасть ему откройте.

- НEEEEЕЕТ!!!

- Или сам откроешь?

- Мы же братья!!! Рид, не надо, умоляю...

- Отца ты не пожалел, - припечатал Рид. И, недолго думая, надавил на известные ему точки, а потом выплеснул в приоткрывшийся рот содержимое кубка. Так ловко, словно последние десять лет за ранеными ухаживал.

И сразу же зажал Найджелу рот ладонью, вынуждая проглотить.

- Так, держим три минуты.

- И что это все значит? - Остеон понял, что чего-то не знает, но брату верил. Рид ухмыльнулся. Зло и остро.

- А вот Джель нам сейчас все и расскажет. А то противоядия не получит...

Вскинутая голова Найджела, удивление в голубых глазах.

- Есть противоядие. Но ты его можешь заслужить только полной откровенностью. Или сам подохнешь. Думаю, до конца дня, даже может, и раньше, я тебе аж двадцать капель влил, даже побольше, капель тридцать.

Гвардейцев Рид убирать и не подумал. Поздно уже, такое не утаишь.

Откровения хлынули, как дерьмо из унитаза, в который опару бросили. Слушать было гадко, а закрыть уши - нельзя.

Джель бился в истерике, и обвинял - всех.

Отца - в тирании, Рида в безразличии, Лэ Стиорта - просто сволочь... запутали, заманили, заставили, кругом враги, а он хороший. А что отца травил... так ведь Остеон не умер. Не умер же!!!

Его величество слушал это. Молча, спокойно слушал, только вот что у него на душе творилось? Рид этого и знать не хотел, своих помоев хватало. Ощущение было гадкое....

Брат же!

Брат, сын, друг... да Восьмилеплого об стену! Когда он таким стал? Когда поганые деньги и власть заслонили ему все человеческое? Когда?!

Боги, да что ж это такое-то?!

Боги привычно промолчали. А вот Остеон молчать не стал. И голос у него был таким...

никакому отцу такого не пожелаешь. Узнать, что твой сын... а и не знать - еще большее. Еще страшнее и хуже. Король на глазах терял остатки воли к жизни.

- Дай ему противоядие.

Рид молча кивнул, достал из кармана другую склянку и накапал еще несколько капель.

- Пей.

Найджел послушно выхлебал. Прислушался к себе, а потом согнулся вдвое и исчез за ширмой в углу, откуда и понеслись характерные звуки. И запахло достаточно противно.

- Охранять, - кивнул его величество на Джеля. - Уйдет - повешу. Рид, помоги мне...

Помоги, ага. Сказал бы честно - на руках меня поднеси? До соседней комнаты. Так, практически, и вышло, Остеон почти висел на брате. И только когда Рид сгрузил его в кабинете в большое кресло, а сам опустился рядом на пол, как в далеком детстве, распорядился чуть живым голосом:

- Рассказывай.

Рид, недолго думая, выложил все, что узнал от Бариста и Малены. Коротко, но доходчиво.

Жалеть брата?

Пожалел бы, да вот нет такой возможности. Ни у него, ни у Остеона. Слишком уж грязное это дело, слишком паскудное... убивать короля руками его сына. Доказательств Остеон не требовал, истерика и реакция Найджела была более чем показательна.

- Что ты ему дал?

- Слабительное. И в первый раз, и во второй, он теперь часа три с горшка не слезет.

- Засранец, - резюмировал Остеон. - Что ж, иди, дави заговор. А эту дрянь я пока запрю, да хоть бы и в Шардене. Сам понимаешь, какие у нас будут проблемы.

Понимаешь?

Рид подозревал, что и половины не знает. Но...

По городу шел шум и гвалт. Гвардия окружала дома Тарейнских, Триона, Сорийских, Лофрейнских, Давинских, Ройсанских, Эльдонских... Врывались в дом, арестовывали всех, кто там был, уводили в Шарден... плевать, женщины там, дети, родители, слуги, друзья - кто ж вас знает? Хватаем всех, на пытке разберутся, те там, не те... А тем временем...

- Леонар, здесь Ублюдок. Надо бежать.
Канцлер медленно качнул головой.
- Нет, брат. Я не побегу. Уходи сам, если пожелаешь.
- Тебя схватят и казнят.
Леонар усмехнулся.
- У него никаких доказательств.
- А нужны ли ему эти доказательства? - прищурился его младший брат, Рестон. Пара слов, пара взглядов, и он все понял. И что заговор раскрыт, и еще кое-что сверху. Их - не помилуют. Торнейский всех порвет за брата. Плевать, что у него на гербе заяц, зубы у зайчика вполне себе волчьи. Недаром его боятся в Степи. Нет, но какая тварь выдала все Торнейскому? Знал бы - убил бы. Даже ценой своей жизни.
Кто ему сказал?
Выяснять времени не было.
- Уходи, - просто сказал Леонар. - Я останусь тут, задержу их.
- Ты погибнешь...
Леонар пожал плечами. Он понимал, что вряд ли выкрутится, но пусть хотя бы брат останется жив. Хотя бы он... Канцлер встал с роскошного кресла обтянутого бархатом, подошел к каминной полке и потянул за рычаг. Та отошла в сторону.
- Иди, братик. Да пребудут с тобой Боги.
Рестон быстро обнял Леонара и шагнул внутрь, в темноту. Канцлер сотворил благословение ему вслед, и вновь повернул рычаг. Полка встала на место, словно и не было никакого хода. Никогда. И не уходил отсюда никто, и даже в кабинет не заходил.
Леонар медленно уселся обратно за стол.
Он ждал.
Еще один шанс у него был, вдруг да удастся покончить с кем-то?

Долго ждать ему не пришлось. Рид вообще не был склонен к промедлению, особенно в таком тонком деле. Так что...
Дверь распахнулась без стука, послышался писк секретаря, и маркиз Торнейский вошел в кабинет канцлера.
- Леонар.
- Рид.
Мужчины не были многословны. Хватило лишь взгляда, одного взгляда, чтобы понять друг о друге если не все, то многое. Такая злость была написана на лице Рида. Такая ярость изуродовала красивые черты Леонара.
- Еще бы месяц...
- Обещаю, ты его не проживешь.
- А может, ты? - прищурился Леонар.
Что заставило Рида упасть на одно колено?
Какой инстинкт? Какое чудо?
Но... Риду безумно повезло. Арбалетная стрела хоть и не просвистела мимо, но вместо живота впиалась в плечо. Леонар расхохотался, отбросив назад голову, и это было последним, что он сделал. Клинок гвардейца просто припилил канцлера к его креслу, словно бабочку в гербарии. Леонар не закричал. Просто опустил глаза, глядя на клинок, словно себе не верил, но его ненависти это не умерило. Ни капельки.
- Чтоб ты сдох...
В горле у него заклокотало, и он обвис на лезвии клинка.

Рид попробовал встать, скрипнул зубами от боли, и потерял сознание.

Граф Ален Ронар никогда не проявлял ненужной инициативы. Никогда не лез вперед, никогда не превышал своих полномочий, всегда четко исполнял приказы, но бывают вещи, которые и в зайце льва разбудят.

Когда погибает твой самый близкий друг и командир.

Когда в столице обнаруживается заговор.

Когда принц, которого гвардия обязана охранять, травит короля, которого гвардия также обязана охранять.

Когда трясется и трескается на части весь мир, и певать ему на твое мнение, и на то, что ты из последних сил пытаешься сохранить здравый смысл.

И как тут не озвереть?

А уж когда ранили маркиза Торнейского...

Ален просто махнул рукой, и стал действовать по принципу: 'гори оно все ясным пламенем'. И в королевском дворце воцарился местный филиал то ли ада, то ли бедлама. А может, и все вместе.

Визжали фрейлины, разбегались слуги, кричали что-то благородные господа... последние - недолго. Ален приказал сначала бить, а уж потом разбираться, и гвардейцы от всей души выполняли приказ.

Заговорщики просто не ждали такого стремительного натиска, потому и не смогли ему ничего противопоставить. Не прошло и трех часов с момента появления маркиза Торнейского во дворец, а все перечисленные им семьи заговорщиков были арестованы и препровождены в Шарден.

Френсис Сорийскую доставили туда в одной ночной рубашке, и дама активно протестовала. Ее муж вообще не понял, за что его отправили в тюрьму, но кого это интересовало? Если уж женился - так отвечай за свою жену, а не пускай ее пастись на всех лужайках. Или - разбирайся потом с потравленными 'козой' огородами.

- Маркиз будет жить.

Ученик придворного лекаря (сам лекарь куда-то делся) осмотрел плечо Рида, и не нашел ничего опасного. Рана чистая, крупные сосуды не задеты, разве что горячка может начаться, но как знать? Рану он промыл, теперь остается только уповать на богов.

Двигаться Риду было сложно. А вот говорить он мог.

Они сидели с Остеоном друг напротив друга, и внимательно слушали доклад Алена.

- Ваше величество, заговорщики арестованы и препровождены в Шарден, караулы усилены, отправлены приказы в третий и восьмой полки, уже завтра они окружают столицу...

Распоряжения были те, которые отдавал еще Рид, просто Ален их чуть-чуть расширил. Но за превышение полномочий на него никто не ругался.

- Его высочество у себя, его стерегут десять гвардейцев, один он не остается ни на минуту.

- Он уже слез с горшка? - горько pokrивил губы Рид.

- Нет, ваше сиятельство.

Остеон вздохнул.

- Я благодарен вам, Ален. Прошу вас блокировать, насколько можно, столицу, силами гвардии, чтобы отсюда никто не вышел и не вошел.

- Я повинуюсь, ваше величество.

Остеон отпустил его, и воззрился на явившегося пред королевские очи Бариста Тальфера.

- Барист?

- Ваше величество, с вашего позволения, я бы отправился в Шарден? Допрашивать? Там я принесу больше всего пользы.

Остеон кивнул.

- Что ж. Дозволю. Возьми пергамент, пиши коменданту... готов?

- Да, ваше величество.

- Пиши. Коменданту Шардена... кто у нас там?

- Господин Лежен, - таких вещей Барист не забывал никогда.

- Господину Лежену. Дозволяю любые методы допроса, вплоть до пыток, применимо к любым заговорщикам. Поставь число, дай я подпишусь, и ставь печать.

Барист повиновался.

И - не сдержался, укоризненно поглядел на маркиза.

- Как же вы так, ваше сиятельство...

Рид сделал страшные глаза. Бариста это не проняло.

- Если ваше сиятельство прикажет, по дороге в Шарден я могу проехать мимо известного вам дома...

- Она меня убьет, - отреагировал Рид не хуже супруга с двадцатилетним стажем.

Барист поклонился, пряча улыбку.

- Я могу не осведомлять ее светлость...

Рид понял, что в таком случае его тем более убьют, и смирился.

- Осведомляй. Садись, и пиши... шервуй!

- Так и писать?

Рид смерил Тальфера злобным взглядом. Как-то не доводилось ему писать письма дамам, разве что их записочки читать. И бегать от дам тоже доводилось. А вот ухаживать ЗА дамами - нет.

Что ж! Новый опыт - тоже полезно, и вообще, воины ничего не боятся.

- Пиши. Малена, любовь моя. Все в порядке, мы арестовываем заговорщиков. Со мной тоже все в порядке, умоляю тебя пока не появляться во дворце, чтобы я за тебя не волновался. Я пришлю гонца, как только смогу. Тысячу раз целую твои руки. Твой Рид. Написал? Дай, я подпишу...

- А про вашу рану вы ей не сообщите, маркиз?

Рид покачал головой.

- Завтра. И только завтра, сегодня для нее здесь слишком опасно. И завтра тоже...

Барист поклонился, и ушел, пряча документ.

- Ну, и что это за дама? - насмешливо поинтересовался Остеон.

Рид развел руками, и тут же сморщился от боли в плече.

- Моя супруга, Ост.

- КТО?!

- Я сегодня женился.

Видимо, сегодняшние потрясения уже закалили короля, потому что уточнял он вполне мирно.

- На ком?

- На герцогессе Домбрийской, - признался Рид.

- Хм-м... Джель мне рассказывал о ней. Давно вы знакомы?

- С утра, - рассмеялся Рид. - И если бы Малена узнала о моей ране, ее бы ничего не остановило. Она бы уже была здесь.

- Вы с ней были знакомы? Не знал...

- Я о ней до сегодняшнего утра даже не знал, - честно признался Рид. - А когда увидел... я ее никуда не отпущу. Это - моя женщина. Моя судьба. Я ее никому не отдам. Никогда.

Остеон вздохнул.

- Ладно. Благословляю, даю разрешение, и рад за тебя.

Рид расцвел в улыбке.

- Я знал, что ты так скажешь, Ост.

- А теперь о делах. И начнем с самого важного - с Найджела.

Теперь пришла очередь Рида печально вздыхать. Лицо его исказилось, то ли от душевной, то ли от физической боли...

- Он мой племянник, Ост.

- И мой сын. А еще... это моя последняя возможность продолжить нашу династию.

- Ты еще молод, ты можешь...

Остеон прервал брата коротким смехом.

- Что могу, Рид? Что? Умереть с достоинством? Мне сорок пять лет, я на двенадцать лет старше тебя, а чувствую я себя так, словно мне все девяносто. Я поговорил с мальчишкой... не знаю, куда делся наш придворный лекарь, может быть, тоже в Шарден, но мальчик сознался мне, что яд... я могу умереть в любой момент. Сегодня, завтра, через три дня... Джель - мой единственный и законный наследник.

- Отцеубийца, - скрипнул зубами Рид.

- Да. Я не виню тебя за этот шум, но сегодня ты уничтожил все возможности как-то посадить его на трон. Ты это понимаешь?
Рид кивнул. И - не удержался.
- А ты считаешь, он должен править? Такой ценой?
- Нет. И... я рад, что Лиданетта не видит, кем стал наш сын. Каким он стал. Тем не менее... ты мог бы удержаться на престоле, но при условии правильного брака.
Рид скрипнул зубами вторично.
- Дилера Эларская? Или Шарлиз Ролейнская? Спешу тебя огорчить, вторая носит ребенка от кагана. А мне такой наследничек не нужен.
- Вот как... это мы обдумаем чуть позже. Нет, я имел в виду Дилеру. Взяв ее в жены, ты мог бы править, но ты ведь не откажешься от Домбрийской?
- Можешь и меня повесить, - даже не стал сомневаться Рид.
Остеон задумчиво кивнул.
Было бы у него время, он бы попробовал переиграть эту ситуацию. Было бы время, возможность... их не было. А потому...
- Тогда у нас остается лишь одно решение, Рид. Регентство.
- Вот как? - прищурился маркиз Торнейский. - И как ты это себе представляешь?
Остеон опустил глаза долгу.
- Гадко, Рид. Гадко, гнусно, но другого выхода у нас нет.
И выслушав его, Рид полностью с этим согласился.
- Ты уверен, что сможешь их заставить?
- Я - нет. Я почти мертв, Рид. Выполнять этот чудовищный план придется тебе, Тальферу, Аллийскому, Иллойскому... вам, и только вам.
Рид в третий раз скрипнул зубами, понимая, что такими темпами они сотрутся до кости. Но выбора у них не было. Ни у кого.
Гадко, гнусно... все эти слова еще не отражали мерзости составленного ими плана. Им придется подличать, шантажировать, предавать, убивать - все ради сохранения стабильности в стране. Стоит оно того?

Боги рассудят. А им теперь остается только делать, что д
о
лжно. И пусть свершится, чему суждено свершиться.

- Жуть какая-то. Я бы все отдала, чтобы располагать своим временем более свободно.
- Как я тебя понимаю.

Матильда переживала и нервничала. Барист Тальфер, принесший известия из дворца, и долго заверявший маркизу (да, уже маркизу), что все в порядке, все живы, ее муж тоже жив, все будет хорошо, главное, не пугайтесь у взрослых дяденек под ногами, совершенно ее не успокоил. И будь воля Матильды, она бы немедленно помчалась к Риду.

Остановило простое соображение - скоро уже вечер. Ночью она просто свалится на руки маркизу в состоянии анабиозной тушки. Мало ему своих забот - еще ее где-то пристроить? А случись что, она даже не сможет себя защитить, она же как бревно будет.

Пришлось остаться дома.

Расхаживать по комнате, ругаться, и злобно выставять всех за дверь. Не попала под раздачу одна Ровена.

Когда ей доложили, что герцогесса сегодня раздает всем, кто попал под руку, и вовсе не монеты, Ровена даже не колебалась, а просто прошла и постучалась в двери покоев Марии-Элены.

- Ваша светлость, я могу вам чем-то помочь?

- Ребенком занимайся, - рыкнула Матильда.

- Ребенок у няньки, - отозвалась Ровена. - Так что?

- Все в порядке, - огрызнулась Матильда, даже и не думая отворять дверь. - Не переживайте за меня, я еще всех переживу.

Это Ровену чуток успокоило.

- Ваша светлость, я точно не могу вам ничем помочь?

- Точно! Займись ребенком! - рыкнула Матильда, которой вовсе не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем ее разговоров с Марией-Эленой, или того, как девушки мечутся по комнате, или... да мало ли?

Нервы - не казенные.

Отказ, разве что чуть более вежливый, услышали и Ардонские. А Лорену, которой стало просто интересно, послали далеко и образно. Да так, что Матильда сама собой восхитилась.

Лорена не восхитилась но задумалась, что такое 'антисоветчик', какая 'Чукотка' по ней плачет, и кто такой 'Волдеморт', за которого ей посоветовали выйти замуж, и временно отвязалась.

А девушки продолжали нервничать настолько, что не спустились даже к ужину. И с радостью нырнули в забытие сна.

В одном Рид был полностью прав. Узнай супруга о его ране, ее бы точно ничего не остановило.

Матильда Домашкина.

Как известно, здесь - не лучше, чем там.

Плюс этого 'здесь' только в том, что на работе плакать некогда. Да и работала в основном Мария-Элена, Матильда только подсказывала.

Как стать специалистом?

Найти себе учителя, постоянно находиться рядом с ним и учиться, учиться, учиться...

Это с Марией-Эленой и происходило. Работать ей нравилось, Матильда оказалась неплохим учителем, так что девушка уверенно себя чувствовала в роли секретарши, да и помощника тоже.

А вот Матильда переживала и нервничала.

Мария-Элена успокаивала сестру, как могла, но к вечеру выглядела так, что Давид встревожился.

- Что случилось? Малена?

И что тут было сказать? У сестры муж пытается бунт задавить, а я нервничаю?

Девушки выбрали промежуточный вариант. Вранье, конечно, но не до конца. Малена вздохнула.

- Я все о родных думаю. И письмо то перечитывала... которое Булочников жене написал. Не любил, всю жизнь прожил с постылой бабой, а вот ведь как повернулось...

Давид пожал плечами. Как человек с двумя сестрами, он знал, что женщина - существо непредсказуемое, и понимать его иногда не надо. Только поддержать и посочувствовать.

- Можно я еще раз письмо посмотрю?

- Конечно...

Ксерокопия письма перекопывала в руки Давида Асатиани.

Мужчина вчитался, потер подбородок, на котором к вечеру появилась синеватая тень щетины.

- Странно как-то.

- Неужели? - удивилась Малена, которой как раз ничего странным не казалось. Мало ли, как жили, когда пора умирать приходит, люди по-разному поют...

- Странно. Циник, купец, предприниматель, который вырос в борделе, женился ради титула - и такие нежности?

- Может, и правда любил?

Давид покачал головой.

- Нет. Малена, ты у меня чудо, но в мужчинах совсем не разбираешься.

Девушка и спорить не стала, молча развела руками. И то верно, откуда в монастыре мужчины?

И вместо дурацкого кокетства поинтересовалась:

- А что тогда? К чему было все это писать? О ребенке сообщить?

- Все так и подумали. И сто лет думали, - согласился Давид. И довольно улыбнулся. - А я бы не только о ребенке подумал, но и о его наследстве.

Малена, будучи герцогессой, поняла его мысль с полувзгляда.

- Ты считаешь, что Булочников спрятал где-то свои капиталы - те, что не смог вывезти, и написал об этом жене? Иносказательно?

- Умница, - Давид коснулся губами пальцев девушки.

- Но почему не поняла его жена? Дети?

- Я на досуге почитал немного о твоём прадеде. Его жена, обедневшая графиня, умерла через два года после эмиграции. Насмотрелась всякого во время бегства, заболела, слегла... то, что творилось в стране, любого подкосило бы. Деньги в семье были, но не так много, чтобы век прожить безбедно, дети принялись устраиваться в жизни, торговать, крутиться, потом война грянула...

Матильда и не помнила таких подробностей, но готова была поверить.

- Если бы в письме было 'зарыто наследство старушкино под камнем на площади Пушкина', это бы не пропустили? А лирика... детки просто не задумывались об этом?

И ведь верно.

Да, мы любим своих родителей. А кто знает, как зовут мальчика, который был первой любовью вашей мамы? В каком классе впервые поцеловался папа? С кем потерял невинность? С кем танцевал школьный вальс? Как объяснялся матери в любви?

Так, к примеру.

Иногда эти истории передаются в семье - к зависти других людей. А иногда уходят под завесу времени. И кому интересно, что у твоей бабушки было два кота, и их звали Васька и Дымка, или что твой дед обожал овчарок, а ему в детстве купили таксу? И сам-то ты можешь этого не знать.

Ушли в прошлое времена дворянских усадеб, где висели галереи портретов, а хозяева могли рассказать о каждом из своих предков. Ушли... и не сказать, что это к лучшему.

Давид развел руками.

- Думаю, да. И не задумывались, и не знали...

- И письмо лежало себе, как семейная реликвия. А внукам уже и начихать было, - согласно кивнула Малена. - Тогда - что? Это шифр?

Давид покачал головой.

- Шифр надо посылать тому, кто в нем разберется. Графиня - и шифры?

Малена могла сказать, что она - герцогесса, но... ведь и верно? Какие шифры? Не разобралась бы, она ж герцогесса, а не племянница господина Бенкендорфа.

- Анаграмма? Литорея? Или надо читать каждую четвертую букву, к примеру?

- Нет, Малечка, не совсем так. Я подозреваю, что разгадку надо искать в той части, которая выглядит более лирически. Вот смотри...

Помнишь ли ты сад, который стал свидетелем нашей первой встречи? Ах, как буйно цвели розы, как пьянил их аромат, и я чувствовал себя молодым, словно и не было за плечами этих лет. Но самой прекрасной розой была ты.

Золотом сияли твои глаза, и ангел парил над нами.

Молюсь за вас ежечасно.

- Хм-м... думаешь? А где они встретились?

Давид развел руками.

- Где угодно. Тут можно гадать до умопомрачения, если не сохранилось дневников или свидетельств очевидцев - кстати!

Набрать номер Нателлы было делом десяти секунд.

- Привет, сестричка!

- Дэви, как дела?

- У нас все в порядке. Я тебе что звоню - ты же копалась в истории Булочниковых?

- Было немножко. А что?

- Где Иван Булочников повстречался со своей женой?

- Графиня Мария? Не знаю... сведений нет. Наверное, где-то на приеме. А что?

- Да ничего. Интересно стало.

Давид поболтал еще минут десять, и отключился. Задумался.

- А если пойти с конца, - предложила уже Матильда. Не Малена. - С чего купца молиться потянуло?

Для герцогессы молиться за кого-то было естественным процессом, как дышать. А для внучки коммунистки? Ха! И еще раз - ха!

Бабушка Майя не учила девочку только одному - молиться и веровать. И не стоило. Она-то знала, останется внучка одна, и что будет? Мало ли у нас 'доброхотов'? И в церковь заташат, и в секту какую... нет уж. Не умеешь своим умом жить - тебе и Бог не поможет. Вот ни разу не

поможет. И вообще, лучшим творчеством, с точки зрения бабушки Майи, а также лучшим религиозным трактатом были Моисеевы скрижали. Те, с десятью заповедями. Коротко, по делу, и опять же, деревья целы. Человек экологию берег. Понимать надо! А какой шикарный аргумент в споре? При правильном применении скрижали убедят любого оппонента. Или сойдут за надгробный памятник. Но смех-смехом, а Булочников-то был не лучше. И всю религию имел в виду, раз уж зарабатывать на ней не получилось. Даже...

- Малена, а ты помнишь, чем он прославился?

Малена помнила.

То есть Матильда, но и герцогесса уже была в курсе.

Булочников прославился тем, что когда его ославили содержанием борделя, и вообще понесли по кочкам, демонстративно, на том же месте, где стоял бордель, выстроил церковь. Еще и заявил что-то вроде: 'молиться будем, место и очистится...'. Точных цитат история не сохранила, но народ оценил. Попа туда найти не могли до-олго.*

* это не издевательство. Автор лично знает деревню, в которой церковь перестроили из пивного магазина. Сначала притвор пристроили и крест поставили, а сейчас уж и вовсе расстроились. Правда, как мужики там на заднем дворе пили, так и продолжают. Привычка-с. Прим. авт.

- Построил церковь? Помню. Если молиться - то туда. И с ангелами - тоже. Булочников же итальянцев выписывал, чтобы у себя в доме росписи сделать, ну и в церкви тоже.

- А ведь бордель могли и с розарием сравнивать. А девушек с розами.

- А булочников мог встретить свою жену в той церкви. На открытии, к примеру.

- Жаль, что сейчас церковь не сохранилась, - нахмурился Давид.

- А что на ее месте находится сейчас?

Давид думал несколько минут, а потом направился в кабинет. Там развернул ноутбук и принялся искать старые карты города.

Поиск шел медленно, чай, не Москва, но карта загрузилась. Сначала старая, потом новая, потом все это распечатали, чтобы было удобнее накладывать, сохраняя масштаб...

- Вот, - палец Давида с коротко стриженным чистым ногтем показывал на какую-то точку. -

Булочников построил церковь на набережной, большевики снесли все купола, половину помещений, и устроили в ней лодочную станцию.

- Тоже дело хорошее. Это какая? Не 'Кувшинка', часом?

- Она, - кивнул Давид. - Но раз так - не сохранились ни росписи, ни ангелы.

- Как ее еще обратно-то не потребовали? - подивилась Малена.

- Видимо, решили не плодить сплетни, - пожал плечами Давид. - Церковь сейчас заботится о своей репутации.

Фырканье девушки внятно показало, что она об этом думает, но распространяться Малена не стала. Ни к чему. Вот, примут закон об оскорблении думающих, тогда и выскажемся. От души.

- А мы что будем делать?

В каждом мужчине живет мальчишка, который в детстве читал Стивенсона и мечтал попасть на остров сокровищ. Поэтому Давид даже не колебался.

- Добудем металлоискатель.

- И ночью, в темноте, с фонариками...

- Малечка, к чему такие сложности? Днем, как приличные люди, сняв на целый день 'Кувшинку', благо, сейчас уже сезон закрывается, они только рады будут. Имею я право устроить для девушки романтический день? С обедом на веранде, катанием по реке, ну и прочим?

- Смотря сколько заплатишь, - пожала плечами Малена. - За деньги они что хочешь оправдают.

А если ничего не найдем? Где та роза, и тот ангел, которые сияли и парили...

- Неважно, - твердо решил Давид. - Это дороже денег.

И Малена была с ним согласна.

- Когда?

- Попробую договориться на послезавтра. А завтра достану металлоискатель.

- А еще нужен ломик, что-то вроде кирки, топор, лопата...

- Гхм?

Об этом Давид не задумывался. А ведь и вправду нужны. Найти мало, надо еще выкопать, или вымуровать, или что там может быть?

Зная Булочникова - что угодно. Интересно, а динамит есть в свободной продаже?

Уже перед сном, расчесывая волосы, девушки болтали. О своем, о дамском. О кладах.

- У нас нашедшему полагается 25% от стоимости клада, а остальное государству, - просвещала подругу Матильда.

- Почему так?

- Черт его знает. 25% тебе, 25% собственнику земли, в которой найдет клад, остальное государству.

- Но государство же мне не помогало?

- Это детали. А у вас как?

- Даже и вопросов не возникает. Нашел - твое. О каких налогах может идти речь?

- А еще может оказаться, что это историческая ценность. Тогда вообще отобрать могут, а тебе компенсацию выплатят. Примерно сотую часть от стоимости, еще и с чиновниками поделишься, и покланяешься, чтобы не зажали.

- У нас такого нет. И это хорошо.

- А у нас есть. И это плохо.

- Тильда, ты боишься, что мы ничего не найдем?

- Нет. Я боюсь, что можем найти.

- И что тогда?

Матильда вздохнула.

Что-что.... Да много всего, и к сожалению, неприятного.

- Последствий будет много. Во-первых, ты точно проверишь Давида на прочность.

- Любит он меня - или нет?

- Как-то так.

- Я его тоже пока не люблю. Уважаю, ценю, я ему очень обязана и признательна, я умею быть благодарной, но я не могу сказать, что это такая уж безумная любовь. А что еще?

- А еще достаточно неприятное во-вторых. Малечка, кому должен принадлежать этот клад - по справедливости?

- Я же говорю - нашедшему.

- А не наследникам? Из Франции, из Ухрюпинска...

- Ты имеешь в виду...

- Да, свою мамашу.

- Не знаю, - честно задумалась Малена. С одной стороны, она наследница, а с другой...

А вы бы ей хоть медяк дали? После всех подстав? А ведь визгу будет, если кто-то что-то узнает... узнает ли? Вот еще вопрос. Такое не скроешь. С другой стороны, семья Асатиани о своих делах отчитываться не обязана. Но и делиться с Маленой - тоже. И нигде не сказано, что сама Малена в живых останется. Ей остается только полагаться на чужое благородство.

- Вот и я не знаю. Черт нас дернул с этим письмом и родословной.

- А с Ольгой Викторовной поговорить?

- Не надо, Малечка. Боливар не вынесет двоих.

- А кто такой Боливар?

И разговор свернул в сторону рассказов О. Генри, сразу став серьезным и поучительным.

Мария-Элена Домбрийская.

- Ранен?!

Салфетка полетела в одну сторону, вилка - в другую. Матильда выскочила из-за стола, и помчалась бы в конюшню - перехватила Мария-Элена.

- Тильда! Стой, ты с ума сошла?!

- Я ему сейчас голову оторву!

- Тильда! Тебя во дворец не пустят!

- Домбрийскую?

- Во время заговора?

Астон Ардонский, принесший интересные известия, не ожидал такой реакции. Так и сидел с открытым ртом. Мария-Элена усмехнулась, взяла себя в руки, и уселась обратно за стол.

- Простите, друзья. Перенервничала.

- Малена, разве вы знакомы с маркизом? - искренне удивился Динон.

Матильда подумала, что до отца ему расти, расти и не вырасти. Балбес!

- Динон, я же вчера говорила. Маркиз Торнейский - один из моих вероятных женихов. И рисковать собой, не познакомившись с невестой - отвратительная безответственность. Просто недопустимая. Мамусик, вы не переживайте. У меня еще двое запасных.

Лорена скрипнула зубами, бросила на стол салфетку и вышла вон из столовой. А Астон Ардонский продолжил просвещать слушателей.

Как оказалось, вчера маркиз Торнейский занял дворец своими войсками. Гвардия подчинилась ему, а ночью подошли еще два полка и окружили столицу.

Все это было сделано не просто так. Сегодня с утра его величество сделал заявление.

Народу было объявлено, что маркиз Торнейский раскрыл заговор против Короны. Ну, дело житейское, при каждом короле кто-то да 'заговаривается'.

И даже то, что пострадал его высочество принц Найджел, никого не удивило. Ес-тес-твен-но! А в кого еще бить заговорщикам? Только в наследника престола.

Травили и короля, и принца. Но если королю давали нечто, разрушающее тело (и глядя на короля в это легко верилось), то принцу подливали дурманный настой.

Из грибов каких-то... вслед за королем выступил архон Реонар, призвав народ к борьбе с... как же он это назвал? Натики? Котики? А, наркотики! Оказывается, есть такие вредные вещества, вот, их и подсыпали несчастному Найджелу, отчего он начал сходить с ума. И оправится ли - одним богам ведомо. Но скорее всего - нет.

Под это дело арестовано несколько курительных, а их хозяева выставлены в специальных клетках на площади. Каждый день они будут курить свою дрянь, за ними следить будут, их кормить будут, а еще - люди будут ходить и смотреть, что с ними произойдет. И какой смертью они помрут.

Ой, недобрая это будет кончина.

Герцогесса только порадовалась такому обороту.

Еще арестованы несколько благородных семейств, досталось и главе департамента дознания - чего он тут ушами хлопает, его не за лопоушие на службе держат, но точно пока никто ничего не знает. Вроде как канцлер постарался...

Матильда подумала, что у нее очень умный супруг. Отвлекающий маневр был выполнен безукоризненно. Наркоторговцев не жалко, поделом тварям. Пусть свое зелье ложками жрут, пока не подохнут, туда им и дорога. А остальное...

Да, заговор. Но какой-то смутный, невнятный, и ни слова про то, что его высочество решил травануть его величество. Это хорошо.

- Теперь Найджел должен жениться и родить сына. Ему самому дорога к трону заказана, а вот его детям - нет, - подсказала Малена.

Жениться, родить сына, воспитать сына... лет двадцать, навскидку?

Если Рида назначат регентом, это хорошо. Лучше уж конечный срок, чем бесконечная пытка.

Остается самый пустяк - воспитать приличного короля. Ну, что...

По бабушки-Майиному принципу, классическому такому...

Будешь учиться? Нет? А крапивой по заднице? Нет? Тогда будешь учиться.

Альтернатива? Такого матерного слова в моем присутствии попрошу не употреблять. А то тоже крапивой. Интересно, а во дворце она растет? Или в окрестностях?

- Крапивой?

- Розга тоже неплохое орудие воспитания, - уверила подруга Матильда. - И нет, я не садистка.

Бабушка искренне считала, что у некоторых людей работает только спинной мозг, а как до него еще достучаться? Ремнем-с.

- А головной?

- Посмотри на мою мамашу. Ты уверена, что там вообще есть мозг?

- Костный, разве что? - задумалась Мария-Элена. - А ее крапивой - не?

- Ее - не. Бабушка работала, времени ребенку уделяла мало, вот и получилось черт знает что.

- Понятно.

Девушки переговаривались, слушали графа Ардонского, и думали, что Рид удачно женился. А как вовремя...

На него в ближайшее время такая охота должна была начаться, хоть на дерево лезь и ногами отпихивайся. Так и то, самая удачливая охотница его вместе с деревом утащит, и под ним же изнасилует, чтобы не удрал.

Вот что значит - государственный склад ума. Даже если по любви, все равно - все на пользу делу. Очень удачный муж.

В своих покоях, тигрицей расхаживала по комнатам Лорена Домбрийская. Ее даже боль в ноге не останавливала.

Стерва такая, тварь, сучка малолетняя....

Мысль о том, что она сама отправила Малену в монастырь, что она хотела попользоваться герцогессой и убить ее...

Это Лорене и в голову не приходило.

Она сражалась за лучшую жизнь для себя, любимой, и ей кто-то посмел помешать. И что с того, что жизнь была бы за чужой счет? Так ведь у всех!

Рви, хватай, кусай, выгрызай свое из глотки...

А что теперь?

Малена переиграла ее по всем пунктам. Силанта в монастыре, Дорак стал подозрительно равнодушен, Лоран в лечебнице для сумасшедших... что остается Лорене?

Только одно.

Мсть.

Всего Мария-Элена предусмотреть не в состоянии, и мести разозленной женщины - тоже.

Пальцы Лорены скрючились, словно хищные птичьи когти.

Она отомстит за себя, за дочь, за брата... о, как она отомстит!

Берегись, маленькая дрянь, ты еще сильно пожалеешь, что встала на моем пути!

Рид, маркиз Торнейский.

Во дворце, в королевских покоях, царило похоронное настроение.

Тошно было всем. Не просто тошно - гадко, паскудно и мерзко. А от того, что они собирались сделать - вдвойне.

Вчера уже прошли основные допросы, Барист трудился, как пчела, и сейчас лежал в кресле, разбитый, глотающий бодрящие настои, и все равно, мешки под глазами у него были такие - хоть осла прячь. К нему никто не придирался.

Сидеть в присутствии короля, это привилегия, но те, кто был сюда допущен, ее полностью заслужили.

Рид, маркиз Торнейский.

Архон Реонар Аллийский.

Барист Тальфер, скромный королевский стряпчий.

Командир гвардии, граф Ален Ронар.

Ученик лекаря. Помощник мэтра Шионского, Леон Бальский.

Ну и его величество. Который и держал сейчас речь. С утра он уже выступил перед аллодийцами, прямо на площади. В присутствии Найджела, кстати. Чтобы все видели.

Принца попросту напоили маковым отваром, Леон и поил. И дозировку рассчитал, и все остальное. Так что Найджел хлопал глазами и выглядел вполне соответствующим их вранью. Полностью безмозглым бревном.

Жестоко?

Ничего, не яд. Оклемается.

Первым слово взял Остеон.

- Леон, сколько мне осталось?

Мальчишка потупился, но врать не стал. Голос дрогнул, надломился, все же страшно такое говорить королю, но надо, надо...

- Года три-четыре, ваше величество. Если очень повезет, и вы будете соблюдать строжайший режим, следить за своим здоровьем, пить настои...

- Буду, - пообещал Остеон. - Итак, рассчитываем на два года. Что нам нужно сделать за это время - обеспечить наследника для Аллодии.

Барист покосился в сторону маркиза Торнейского, но промолчал. Остеон все равно это заметил.

- Да. Найджела надо срочно женить, и пусть делает ребенка. Или двух. Лучше даже двух.

- На Дилере Эларской, ваше величество? - уточнил архон.

Остеон кивнул и холодно улыбнулся.

- На ней.

- Ваше величество, согласится ли девушка?

- Согласится, - еще более многообещающе оскалился Рид. Этот вопрос они вчера с братом обговорили от и до. - И детей родит. И старшего - или старшую, мы коронуем, как только Ост... прости, но факт.

Остеон махнул рукой. Чего уж там... он умирает, ребенок Найджела садится на трон. А при нем

- регентский совет. Вот, эти люди, которые здесь находятся. Что от них правду-то скрывать?

Поздно уже. Теперь вся страна зависит от их порядочности.

- Заодно у нас остается Шарлиз Ролейнская. Как только она рождает наследника Степи, мы выдаем ее замуж. Подходящего супруга найдем, а там, посмотрим, кто родится. Если мальчик - надо его будет воспитать в нужном ключе и женить на ком-то из знатных аллодиек, если девочка - то же самое. Самдию отвечаем решительным отказом. Он нам не помог, когда Рид воевал, вот и сейчас утрется.

О том, что маркиз Торнейский стал замечательным пугалом для соседей, его величество предпочел промолчать. И так понятно. Пятьсот человек против сорока тысяч, это вам не жук начал.

- Реонар, на тебе дымовая завеса. С этими наркотиками получилось просто великолепно, вот и дальше так продолжай.

Архон поклонился.

- Ваше величество, мое внимание на эту проблему обратила герцогесса Домбрийская.

- Маркиза Торнейская, - поправил Остеон, давая понять, что все знает и не гневается.

- Да, маркиза Торнейская, ваше величество.

- Рид, ты, будь любезен, тоже, плодись и размножайся. Понял?

- С удовольствием, - отозвался маркиз.

Совет продолжался что-то около часа. Решали, кого назначить на место канцлера, на место Триона... да и в канцелярии много мест опустели.

После допросов примерно стала ясна картина происходящего.

Заварил всю кашу Леонар Тарейнский. Не в состоянии простить королевской семье разлад в собственной, и не в силах подумать на два хода вперед. При всем своем тиранстве, Аррель никого и никогда не принуждал. Сами в постель прыгали, только выбирай. А последствия... а подумать?

Уж на что надеялась мать Леонара, неизвестно, но она, как оказалось, понесла от короля.

Правда, родиться этому ребенку не удалось. На раннем сроке она перенесла какую-то болезнь, потеряла малыша, и после этого начала сходить с ума. А кто у нас детьми занимается?

В основном, мать.

Вот и отразилось на Тарейском и его братьях.

Постепенно, шаг за шагом, безумие разрушало эту семью. Леонар решил мстить - и вовлек в свою месть и братьев, и сыновей. Присмотрелся к сыну главы департамента, и решил, что виконт Трион будет хорошим приобретением.

Достаточно смазливый, с хорошо подвешенным языком, и глупый. Чего уж там, достаточно глупый, чтобы поверить в свою удачу.

К Триону-старшему стекалась вся информация, в любой момент виконт мог попросить любого из служащих департамента что-то для него сделать.... Так вышли на Лэ Стиорта. Про шашни Сорийской и Лофрейнской доложили Триону-старшему, а воспользовался этим Трион-младший.

Он собирался сесть на трон, но у Леонара было другое мнение.

Кто подходящий 'козел отпущения'? Неважно, что здесь нет такого выражения, зато подходящее животное имеется. Они во всех мирах одинаковы.

Во всех ключевых точках заговора отметился Трион. Вот вам и отравитель, и убийца, и тиран, и узурпатор - бери и свергай. И садись на опустевший трон.

Замечательно получится.

Триону это и в голову не приходило, а вроде бы не в кого дураком быть?

Его отец, узнав об этом, попросил короля об отставке. Сердце с такой силой прихватило, что боялся не оправиться. А впереди еще казнь...

Одно утешение - у него четверо детей. Но ведь какой позор! В своей семье подонка не увидеть! Остеон обещал, что обвинение будет... да любым другим. К примеру, виконт Трион, будучи тоже любовником Френсис Сорийской, зарезал ее мужа. За что и будет казнен.

А мужа он тоже зарежет, никуда не денется. Старый Сорийский отлично представлял, чем и с кем балуется его жена, даже присматривал. А вот донести не собирался. И сам решить ситуацию тоже не решал - к чему? Его все устраивало. И выгода, которую он мог получить - тоже.

Ну так поделом...

Его величество решал проблемы быстро и жестоко. И сейчас ему предстояло решить еще одну.

Дилера Эларская не ждала от визита к его величеству ничего хорошего, но такого принцесса не могла себе представить даже в страшном сне. А пришлось.

Его величество Остеон встретил ее в кабинете, полулежа в кресле. А за креслом стоял маркиз Торнейский, и недобро смотрел на принцессу. Но она-то что сделала?

- Здравствуйте, ваше высочество, - поздоровался король. - Проходите, присаживайтесь, простите, что не встаю. Плохое самочувствие, знаете ли. Яд.

Дилера побледнела.

- Яд?

- Да, ваше высочество. Вы присаживайтесь... Рид, налей девушке вина.

Маркиз Торнейский выполнил просьбу его величества. Дилера почти рухнула в кресло, гадая, что ее ждет. Такие тайны с кондачка не озвучиваются, это не просто так.

Его величество несколько секунд сверлил девушку взглядом, и только когда решил, что та дозрела, медленно кивнул.

- Дилера, вы все еще любите моего сына?

Девушка невольно кивнула.

Хотела. Сердцу не прикажешь, Найджела она любила. Пусть глупо, пусть иррационально, но любила, даже понимая, что он ее никогда не полюбит. Никогда...

- Тогда у меня к вам есть деловое предложение.

Остеон говорил спокойно и холодно, раскладывал все по полочкам. А Дилера слушала, и сердце ее сжималось от боли.

Боги милосердные, да за что ж такое?

Найджел оказался убийцей, который хладнокровно травил собственного отца. Можно ли такого сажать на трон?

Конечно, нельзя.

Но наследник трона нужен. И потому...

Дилере предлагается печальный, но необходимый стране выбор. Она выходит замуж за его величество и становится королевой. Поскольку Остеон не сможет зачать здорового наследника, она получает в полное свое распоряжение Найджела. Принц ее не полюбит, но она будет единственной женщиной в его жизни. И относиться он к ней будет хорошо. Если не желает печальных для себя последствий.

Естественно, все дети, рожденный от Найджела, будут считаться детьми Остеона.

- Если я откажусь? - покачала головой Дилера.

Не об этом она мечтала, ох, не об этом.

- Тогда Найджел умрет, - просто развел руками Рид.

Дилера посмотрела на него с презрением.

- Вы убьете родного племянника, маркиз?

- Он же покушался на жизнь отца? Что должно сдержать мою руку? Жизнь ему можете продлить только вы, Дилера. Только ваше решение.

Сердце девушки горестно сжалось. И все же, она попробовала потрепыхаться.

- А мой отец это одобрит?

- Какая ему разница? Вы же будете королевой, матерью следующего короля, более того, Риний наверняка решит после моей смерти подложить вам кого-нибудь из своих людей, чтобы контролировать Аллодию, - усмехнулся Остеон. - Или просто диктовать свое мнение.

Дилера поняла, что это действительно так.

Так и будет... отец не станет возражать, его все устроит. Может, даже больше, чем в случае с Найджелом. Но...

- Что будет с Найджелом после вашей смерти, ваше величество?

- Ничего. Мы уже сейчас объявим его сумасшедшим, поместим в монастырь, а вы будете ездить и молиться, дорогая Дилера. Часто молиться. Думаю, набожность не покинет вас и после моей смерти, - усмехнулся Остеон. - Разве что детей придется отдавать на воспитание, буде таковые случатся.

Дилеру передернуло.

- На воспитание?

- Я собираюсь жениться на герцогессе Домбрийской, - просто сказал Рид. - Думаю, вы не против, если Малена станет вашей фрейлиной?

- Будете так же использовать несчастную, как и меня? - почти прошипела Дилера.

Рид пожал плечами.

- Ваше высочество... пусть это останется между нами? Мной и Маленой.

- Какие же вы... мрази! - Руки Дилеры сжались в кулаки так, что кости едва не прорывали тонкую кожу. - Можете меня казнить за эти слова, можете войну объявить Элару, можете...

- Это политика, Дилера, - Остеон смотрел так, что истерика застряла у нее в горле вместе с остальными оскорблениями. - Это - политика. Думаете, мне нравится приговаривать к такому родного сына? Любимого сына, Восьмилапый вас побери! Думаете, Риду приятна роль тюремщика? А мне хочется умирать от яда, которым щедро угостил меня Джель? Или принуждать вас? У меня нет выбора, потому что на другой чаше весов - смута, горе, смерти и боль простых людей, которые зависят от меня, которые мне доверяют, которые... Восьмилапый все побери! Я король! И не вам меня судить, вы ни за кого не были в ответе!

Дилера прикусила губу.

Остеона можно было ненавидеть, презирать... он был прав. Он был полностью и абсолютно прав.

- Простите, ваше величество.

- Дилера, я дам вам время подумать. Но не слишком долго, хорошо? Сутки, не больше...

Дилера покачала головой.

- Не стоит, ваше величество. Я и так согласна.

- А истерика? - прищурился Остеон. - И угрозы, оскорбления... вы же хотите меня обзывать, Лери. Так не сдерживайтесь. Обещаю, это ни на что не повлияет...

- Вот именно, - горько отозвалась Дилера. - Вот именно...

Рид и Остеон переглянулись. Однако...

Это и хорошо - умная женщина всегда лучше дуры. И плохо - кто его знает, что придет ей в голову. Придется приглядывать...

- Тогда присаживайтесь к столу, дорогая Лери. Будем писать письма. Не обижайтесь, на людях я буду называть вас именно так. Надеюсь, и вы будете проявлять ко мне любовь - на людях.

Дилера склонила голову.

- Обещаю, ваше величество.

В головке ее медленно зрел план.

Не то, чтобы она смирилась, но... она становится королевой - раз! Спасает любимого - два, становится его единственной женщиной - три, рождает от него детей - четыре, становится в итоге регентом при малолетнем монархе - пять. И при таком раскладе она не сможет переиграть Торнейского со товарищи? Ну, знаете ли...

Сможет! Ради Найджела - сможет. Пока они живы - есть надежда.

- Кому я должна написать?

Склонившись к письму, Дилера не видела, какими взглядами обменялись Рид и Остеон. Ну кто, кто сказал интриганам, что они здесь самые умные! Что один человек замыслил, то другой всегда разгадать сможет.

Найджелу предстояло умереть после второго-третьего ребенка. И Дилере - тоже.

Малена, любовь моя.

Прости, что не являюсь лично, обещаю исправиться. Положение наше таково, что я не могу пока отлучиться из дворца и не хочу подвергать тебя опасности. Надеюсь, ты не против стать первой фрейлиной ее величества Дилеры? Обстоятельства складываются так, что нам придется какое-то время прожить в столице, но рядом с тобой я согласен на любой город.

Со мной все в порядке, и я обещаю, как только все утрясется, приехать за тобой. Объявим о свадьбе, и я смогу с полным правом называть тебя своей супругой.

Как я без тебя скучаю...

Любящий тебя Рид.

Мой обожаемый супруг.

Делайте что должно и не волнуйтесь за меня. А я помолюсь за вашу победу.

В ожидании нашей встречи каждая минута кажется мне часом. Но я буду сильной. Обещаю вам.

Любящая вас Мария-Элена Торнейская.

- Джель.

- Рид.

Рид смотрел спокойно и прямо, Найджел - с ехидной издевкой. Он первый и нарушил молчание.

- Казнить меня будешь, братик?

Рид ухмыльнулся в ответ, не менее криво.

- Женить.

- Че-го?!

Тут даже Найджел опешил.

- А того, - отозвался Рид. - Того. Тебе как предпочтительнее, сразу помереть, или еще пожить пару лет?

- Пожить, конечно, хочется, - согласился Найджел. - Да кто ж мне даст?

- Если будешь делать то, что скажем - есть возможность даже лет десять пожить, - просветил

Рид. И получил в ответ гримасу.

- Что именно?

Нельзя сказать, что вариант Остеона понравился всем присутствующим. Найджел орал, ругался, плевался ядом... сказать, что ему происходящее не нравилось?

Проще промолчать.

Рид даже не сомневался, что братик согласится. Себя он любит. Сильно любит, несмотря ни на что... оставалось просто ждать. Он даже не давил - сильно.

И Найджел дрогнул.

Согласился жить в монастыре (с удобствами, приличествующими его положению), согласился спать с Дилерой Эларской, согласился даже прилично обращаться с девушкой, шервуть с ней...

Вслух он на все согласился.

А про себя... Рид много ненавидящих взглядов перенес, одним больше, одним меньше... даже спрашивать - зачем? И то не хотелось, и так все ясно. Власть.

Власть, деньги...

Совершенно маркизу Торнейскому было все это неинтересно. Тут страну бы удержать от хаоса, а вы о каких-то чувствах? И ладно бы человека, а то подлеца, отцеубийцы... такого в любой религии раздавить не грех.

Но решения были приняты. Можно назначать свадьбу, к примеру, на послезавтра. Пойти, что ли, обрадовать распорядителя?

- Почему я не могу поехать к Риду? Вот - почему?

- Тильда, ты и сама все прекрасно понимаешь. Пока - нельзя.

Матильда вздохнула.

Понимала, и все такое, но... это - ее муж!!! Что за гадство!?

- Ладно, пусть добавливает заговорщиков...

- Я рада уже тому, что он быстро с ними справился, - согласилась Малена.
- А, тут ничего удивительного. Паровозы надо давить, пока они еще чайники.
Теперь ничего не поняла уже Малена, и Матильде пришлось разъяснять ей исторические истины. Не азбучные, но те, кто знают историю, знакомы и с этими факторами.
- Малена, у заговоров бывает две стадии - тайная и явная. На первой договариваются, на второй действуют, - Это было достаточно вольное изложение теории заговоров, но сойдет и так. - Первая стадия может затягиваться на несколько лет, вторая должна проходить четко и резко.
- Никогда об этом не думала.
- Рида спасло только то, что он ударил вовремя. Заговор уже переходил с первого пункта на второй, но заговорщики еще не успели сделать основное. Подтянуть войска, вызвать союзников...
- Почему? - не поняла Малена.
- Предполагаю, что они хотели сначала убить Остеона. Вот смотри, Остеон умирает, Найджел садится на трон, потом следует выброс, что он отцеубийца, и под это дело подставляют виконта Триона. Два идиота отгрызают друг другу головы, а Тарейнские потом добивают оставшегося, и словно нехотя, принимают власть.
- А Рид...
- Так ведь война все карты спутала. Так Остеон вызвал брата в столицу, тут к нему и бабу можно было подвести, и как-то скомпрометировать, и убийцу подослать. А тут - что? Рид удирает за невестой, вляпывается в войну, а с Найджелом-то уже комбинация крутится. Если бы Рид вернулся сразу же... тогда - да. Шансы были бы. А на войне - как его достанешь?
Мария-Элена подумала пару минут.
- Да, похоже... страшные люди. Гадкие...
- Не то слово. Грязь на грязи, мразь на мрази...
- Тогда нам точно надо держаться подальше от всего этого.
- Уже не получится. мы уже замужем.
- М-да... и что делать?
- Не знаю. Но обязательно придумаю.
Малена и не сомневалась - сестренка придумает. А пока можно засыпать. Их ждет поиск клада вместе с Давидом Асатиани.

Матильда Домашкина.

Кладоискательство - занятие увлекательное. Кто не мечтал в детстве о лаврах Джима Хокинса? О пиратских кладах, причем такого размера, чтобы на одном корабле не уместились? О путешествиях? О приключениях и верных друзьях?

Кто не видел в детстве 'Остров сокровищ'? Тот самый, с Караченцевым и Борисовым? Впрочем, вариант Евгения Фридмана тоже сойдет? Кто не переживал вместе с его героями?

Кто не мечтал оторвать последнюю ногу Джону Сильверу?

Давид Асатиани не стал исключением. И подошел к делу основательно.

В джип был погружен сверток, в который и саму Малену запихать можно было - на объем бы это уже никак не повлияло. И они поехали к мечту 'Хэ'.

Вот и лодочная станция 'Кувшинка'.

Некогда бордель, потом церковь, а когда пришла власть Советов - коммунисты поступили просто. То ли они сохранили лирические воспоминания о борделе, то ли ломать лень было, но...

Церковь - стандартный прямоугольный храм, особо Булочников извращаться не стал, так что храм поместился на старом фундаменте. Два яруса - по принципу церкви Покрова на Нерли.

Вот, верхний большевики и снесли к растакой-то революции. Остался вполне приличный четырехугольник. Матильда объясняла Марии-Элене устройство церквей, но слова 'алтарь', 'неф'... что они могли значить для герцогессы? У них в храмах отродясь такого не было. Чтобы женщинам куда-то дорогу закрывали, к примеру?

Это ведь Божий дом! Разве можно куда-то и кого-то не пускать?

Давид о чем-то поговорил с мужчиной лет тридцати пяти, передал ему деньги, тот окинул понимающим взглядом джип с Маленой, и улетучился.

Давид открыл дверь джипа, подал девушке руку, и та медленно вошла в храм.

Крестовый интерьер, свойственный церквям, сохранился мало. Большевики где снесли старые перегородки, где установили новые, и понять, где неф, где алтарь было невозможно.

Теоретически - на восток, а практически?

А разобраться было надо.

Сейчас внутренности бывшего храма поделили на несколько отсеков. В церкви были устроены расположены комната администратора, бухгалтерия с кассой, комната отдыха, буфет и вестибюль.

Роза.

И ангел.

Давид прошелся по церкви, вздохнул, и отправился в джип.

Металлоискатель форевер.

Матильда и Мария-Элена не спешили с этим вопросом. Если бы все было так просто найти... но что-то сохранилось со старых времен, это точно. К примеру, выложенный плитам пол - здоровущие, фиг сковырнешь. Или стены, или высокие стрельчатые окна...

- Где бы ты стала прятать клад?

- В подвале, - даже не раздумывала Матильда. - Это не Япония, здесь в стену храма фиг кого замуруешь...

- Почему Япония?

- А, у них есть самумификация, жуткая вещь, - отмахнулась Матильда. - Я тебе потом расскажу. Тошнить еще будет.

Вот уж Малена не сомневалась. И поделилась этим вариантом с Давидом.

- Подвал? - погладил подбородок означенный Асатиани. - В принципе - возможно.

- Потайная комната. Фундамент старый, еще от борделя, а там Булочников все отлично знал. Все сложить, закрыть, забыть...

- Тогда ищем вход в подвал, - согласился Давид.

Ага, а был ли мальчик?

Как оказалось - есть подвал за домом, скорее, даже погреб. Большой, типа 'ледник', откидывается деревянная крышка, спускаешься вниз, там полки на стенах, банки стоят, соленья лежат...

Вообще, замок там тоже был, но подобрать ключ оказалось достаточно просто. К сожалению, подвал - не подходил. Вообще. Там стены были выложены кирпичом, но... так, не капитально.

Е5го явно при Советах пристроили. Давид на всякий случай поволил металлоискателем, и махнул рукой.

Дохлый номер.

Подвал надо было искать в храме.

Роза, ангел...

Ангела было не найти, но есть ли где-то розы? Против них большевики точно ничего не имели?

На прототипе были барельефы и резьба по камню, а вот на этой церкви?

Давид и Матильда обошли ее всю, осмотрели сверху донизу...

Нет, бесполезно.

Было откровенно обидно. Столько хлопот - и все впустую?

- Не может не быть входа в подвал, - Малена кусала губы. - Он просто обязан быть! Должен!

- Но как его найти? - Матильда не была преисполнена оптимизма. - Барельефы снесли. Что осталось?

- Пол. Сам пол...

И тут девушки впервые поглядели себе под ноги.

И Малена медленно произнесла:

- Давид...

Как подняться под крышу, если у тебя ни лестницы, ни чего-то еще?

А никак. Давид срочно помчался в ближайший магазин за самой длинной стремянкой. А

Малена еще раз прошла по плитам пола.

Действительно, так сразу и не заметишь, но плиты разные.

Где-то темнее, где-то светлее, рисунков на них нет, но может быть, они сами складываются в рисунок?

Кто ж их разберет?

- Как ты думаешь, здесь будет рычаг? Или какая-то кнопка?

Малена размышляла вполне серьезно, но Матильда покачала головой.

- Бессмысленно.

- Почему?

- Потому что кнопка неудобна... понимаешь, церкви иногда мыли. Начнут отскребать, нажмут на кнопку, ну и откроется подвал.

- И что?

- А тут зависит от простого фактора. Делал его Булочников для церкви - или для себя?

- Для себя, наверное...

- Мы же попробовали простучать плиты пола, пустот не слышно, да и металлоискатель не сработал. Я бы предположила что-то вроде дома Месгрейвов?

- Это как?

- Плита, которая поднимается. Надо ее взять, подсунуть рычаг, поднять... правда, она и упасть в любой момент может. В детективе так и произошло.

- Ты думаешь, Булочников сделал из церкви свою личную захоронку. А зачем?

Матильда покачала головой.

- Не сделал. Было, наверняка, до него уже что-то да было. Публичные дома - место своеобразное, там и контрабанду хранить могли, и пересидеть кому... понимаешь? Он просто не стал уничтожать то, что уже сделали, строили-то на старом фундаменте.

- Ладно, сейчас Давид вернется и посмотрим...

Давид себя долго ждать не заставил, трехколенная лестница была вытащена, собрана и поставлена к стене бывшего храма в самом удобном месте.

Длинная, чуть не пять метров...

Кажется, Давиду было страшно, но не пасовать же перед девушкой? Пришлось лезть. И уже где-то метров с четырех раздался ликующий вопль.

- Точно, роза!!!

Малена аж на месте подскочила.

И когда Давид слез - полезла сама. Интересно же!

Полноценной розой это назвать было сложно, но полы храма были поделены на четыре сектора и в каждом рисунок более темных плит сменялся на более светлые. Это было похоже на детский рисунок из уголков - когда их просто рисуют по кругу, сужая к центру.

И таких 'роз' было четыре штуки.

Действительно, стоя на полу, нельзя было понять, что к чему, часть плит вытерлась, часть, видимо, ремонтировали и пытались заменить, а кое-где и линолеум лежал, перекрывая часть картины, и деление на сектора не способствовало...

Малена медленно начала спускаться с лестницы, и на четвертой ступеньке снизу попала в крепкие мужские руки. Которые поддерживали, помогли спуститься... и задержались на талии явно больше необходимого.

Малена пискнула и покраснела.

Давид улыбнулся как-то очень по-мужски, но дальше смущать девушку не стал, легонько поцеловал ее в кончик носа - и отпустил, задержав всего на секунду.

И почему Малене эта секунда показалась более интимной, чем весь набор Камасутры?

Наверное, очень впечатлительная девушка попалась.

- И где оно может быть? - Давид огляделся, прикидывая положение роз. - Там... или тут?

Малена пожала плечами.

- Предлагаю исследовать все четыре плиты...

- Я уже проходил с металлоискателем.

- А если еще раз попробовать?

Вторая попытка удачей не увенчалась. И тут-то Давид вспомнил про прототип. Он-то, как архитектор, и такое знал. Кто ж не знает церковь Покрова на Нерли? Между прочим, уникам Владимиро-Суздальской школы, чуть не единственная такая на планете Земля.

Выйти на улицу, чтобы душевнее брал интернет, набрать прототип и посмотреть внутреннее убранство... почему - нет?

Да, сейчас в храмах запрещено фотографировать - неясно почему. Нельзя вести видеосъемку (если заплатишь - то можно, свадьбы там, крестины...), как говорится, строгость закона компенсировалась необязательностью его исполнения, так что в интернете было найдено несколько нужных фотографий.

Ангел.

Львы были, царь Давид был, девичьи лица - тоже. Ангела они найти просто не могли. Вот ведь... засада!

- Может, мы не то ищем? - предположил Давид.

- Или не там? Чисто теоретически, куда не пускают всех подряд?

- В алтарь, - сообразил Давид. - И надо посмотреть. Если там есть что-то вроде сбитого барельефа...

- Это может быть то, что мы ищем, - согласилась Малена.

И жених с невестой рванулись в то место, где некогда был алтарь храма.

Сейчас там была бухгалтерия (скажите, что у большевиков не было чувства юмора?) но кое-что сохранилось. И одна из роз действительно туда заходила своей центральной частью. Давид с Маленой переглянулись, и мужчина отправился за набором инструментов.

Малена и половинки не знала.

Давид вычистил из-под центральной плиты всю грязь, осторожно очистил ее со всех сторон...

- Мне кажется, что щели здесь пошире, - пригляделся он.

- А если что-то типа рычага?

Давид покачал головой.

- Нет. Не вставишь.

- Почему?

- Узко очень.

- А если плиту приподнять? Может, соседние надо ощупать?

- Давай попробуем, - согласился Давид.

Матильда прошла по бывшей церкви, рассуждая вслух.

- Итак. Булочников тут днями не просиживал, и не мог быть уверен, что на тайник никто не натолкнется.

- С другой стороны, если тайник есть, в него должно быть достаточно легко попасть. Ты же старые фото видела?

Видела.

Еще черно-белые, совсем ветхие, и там был виден и сам булочников, здоровущий мужчина, так и хочется сказать - купчина, матерущий, похожий на медведя, вставшего на дыбки... и такой будет ковырять стены? Или полы?

Нет. Булочников, если устраивал тайник, то подойти туда можно было со всем комфортом и уютом, это уж однозначно. А то....

Матильда аж зажмурилась. Так и представились ей сотрудники сбербанка.

Граждане олигархи, у нас сегодня день Индианы Джонса. Хотите забрать денюжку из сейфа?

Проползите триста метров по грязи, проплывите стометровку с крокодилами, пройдите по бревну над пропастью...

Народ бы такое удовольствие получил...

- Если легко попасть, это должно быть что-то такое... что не тронут при мытье полов, стен, ремонте... икона? Она вешается. Кадило? Не, иногда может не быть времени все это барахло поносить...

- Думаешь, Булочников это предусмотрел? - усомнился Давид.

- Уверена, - кивнула Малена. - Мы же об этом думаем, и... я не верю, что не было звоночков.

- Согласен. Умные люди, небось, еще после русско-японской поняли, к чему дело тянется. Да сразу, после Ходынки...

- Может, и не сразу, но постепенно дело стало проясняться.

Давид кивнул.

Это не объяснишь тем, кто живет в благополучной стране. Но если ты каждую минуту ждешь подвоха, подставы, подлости, неважно, от людей, от государства - привыкаешь видеть пакости везде. Так опытный моряк уверен, что будет шторм, а по чему он это определил? По птицам? По рыбам? Да разве это важно? Есть оно, и свербит, и покусывает, и заставляет принимать к ветру и убирать паруса.

Матильда даже не сомневалась, что Булочников, волчара травленный, должен был что-то такое предвидеть. Своим умом и горбом пробивался, сам все выгрызал, такие хвостом опасность чутя должны, спинным мозгом ее ощущать. Не мог он не оставить для себя схронов, заначек... и на смерть бы просто так не остался. Но - вот.

Что есть в церкви такого, что никто не будет без особой надобности двигать с места? Чтобы прийти, в три минуты сдвинуть плиту, скользнуть в лаз и закрыть его за собой? Что?

- А ты уверена, что это искомое - здесь? - вдруг прищурился Давид.

- А где?

- Да в притворе, наверняка. Влететь в церковь, закрыть входную дверь, нажать рычаг - и вперед, спастись от погони.

Они с Маленой переглянулись и помчались в притвор, а ныне прихожую. Даже со скамеечками вдоль стен, кстати говоря. Надо же где-то ждать людям?

- Двери старые, еще. С них только кресты и всю символику убрали, - заметил Давид.

- Допустим. Попробуешь?

Давид провел рукой по двери.

- Хорошо. Вот я убегаю, захлопнул дверь, заложил засов... - он говорил медленно, параллельно с этим выполняя означенные действия, теперь мне надо нажать потайной рычаг... где?

Рядом. Где-то рядом, Малена вела пальцами по плиткам, которыми был выложен притвор.

Мелкие, синие, зеленые, красивая мозаика, но совершенно не религиозная, вообще никакой тематики, просто ряды выложены. Неудивительно, что ее даже большевики оставили.

Матильда об этом точно знала, бабушка рассказывала.

Нажать на плитку?

Глупо, скорее, надо что-то поддеть, открыть... как?

Фонарик, лупа...

- Здесь реставрационных работ и не было никогда, - покачал головой Давид. - Как перегородки сделали, так и оставили. Я читал...

А к чему тут были эти работы?

Купол убрать, перегородки, чуть ли не из фанеры - наклеить, а реставрировать... а надо ли?

В советские времена как-то не до того было, надо было коммунизм строить, а при капитализме и денег не нашлось. Вот и осталось все, как в храме было, разве что фрески пообкалывали и замазали.

Ряд синих плиток, зеленых, еще синих, еще зеленых, красный... и рука сама тянется именно к нему. Не пропустишь, не ткнешь в другой ряд. И опять синий, зеленый, синий, зеленый...

- Почему же раньше - никто не думал?

Фонарик, отвертка, которой можно поковырять раствор, лупа...

Час, второй, третий...

И наконец одна из плиток чем-то привлекает внимание молодых людей. Внешне она ничем не выделяется из общей массы, но... или она чуток выступает? Или оттенок не совсем такой, или...

Раствор крошится под отверткой.

Поддевается плитка, небольшая, размером с детскую ладошку, потом соседняя, и под третьей плиткой находится ОНО.

Как выглядит старинный рычаг?

Это не красная кнопка в чемоданчике, тут все намного проще и грубее. Это и есть рычаг.

Небольшой, длиной с палец, и толщиной в три пальца. А вот что с ним делать? Поднять?

Опустить?

Давид и Малена переглянулись.

Одно дело - теоретизировать, другое - вот так, наткнуться на нечто... непонятное. Но явно подтверждающее догадки.

- Полезем? Нажмем?

Давид покачал головой.

- Нет, Малена.

- Почему?

- Потому что сейчас я звоню отцу. Кладоискательство - замечательное занятие, но у меня еще свадьба впереди. Хочу, чтобы и я, и моя невеста на ней присутствовали в полном комплекте.

Малена надула губки.

- Ну хоть подергать?

Давид не выдержал, рассмеялся и покачал головой.

- А если мы неправильно вычислили ход мыслей Булочникова? Или ход здесь? Или там есть ловушка... ты бы ее оставила?

- Однозначно.

- Вот. Не считаем предков глупее нас, и звоним отцу. Пусть специалисты приезжают, а он выкупает эту станцию, и вперед. Будем тут хоть сутки копать.

Малена утвердительно кивнула головой. Может, она и была разочарована, но... знаете, у нас тут не Египет, у нас хуже. В Египте хоть кто-то уходил живым, оттуда и сплетни про проклятие фараонов. А у нас сплетен про царские проклятия нет.

Вывод?

А у нас такие умники живыми не уходили.

Эдуард Давидович себя долго ждать не заставил.

Прибыл с видом: 'Чем бы дите не тешилось, лишь бы своих не делало', потом увидел рычаг, выслушал Давида, и аж в лице поменялся.

И принялся распоряжаться.

Малена отправлялась домой, Давид - выкупать станцию в пользу семьи Асатиани, а кладоискательством займутся те, кто поумнее. К примеру, промышленные альпинисты.

А вы, дети, успеете еще вляпаться.

Секретность?

Ага, поучи отца любиться. Вас сделали, и дальше не пропадем...

Молодежь спорить не стала. Послушно разошлись, куда указано, Давид отвез Малену домой, к громадной радости Беськи, и поехал выкупать станцию.

А Эдуард Давидович прошелся по бывшей церкви.

Да, пора, пора...

Выкупим, реставрируем, отмеценатствуем, если что.

А если что в подвалах есть - то и выгребем.

Девчонка?

Господин Асатиани-старший усмехнулся, уже вполне добродушно. Что ж, неплохая девочка, да, господа?...

Не то он себе планировал для сына, совсем не то. Ему виделась примерная грузинская девушка из хорошей семьи, которая воспитает детей во всех традициях, но...

Положа руку на сердце, чем хуже Малена?

Семья?

Семьи, как таковой, у нее нет. Считай, сирота. Если ее мать с этим не согласится, девчонка точно осиротеет. Зато воспитание дай бог каждой, ее ведь буквально уничтожали на глазах у всех, а она не поддалась. Справилась. И старших уважает.

Эдуард вспомнил, как встретила его Малена. Кланяться не стала, на поздоровалась и склонила голову так, что уважение чувствовалось. Как бы говоря - вы старше, вы отец моего жениха, я признаю ваше главенство. Такие вещи Эдуард шкурой чувствовал.

Но без подбострастия...

Какая ж гадость - эти пресмыкающиеся! И как они надоедают!

Воспитание - плюс. Девственность - плюс, здоровье - плюс, врачи в наших поликлиниках взятками не избалованы, за пару тысяч тебе не то, что историю болезни притащат, все расшифруют.

Талант есть, характер... теперь и приданое есть. Что еще нужно?

Найти это приданое и достать.

А это уже Эдуард организует. И девочка неглупа. Видно же, что ей интересно, любопытно, что хочется самой везде полазить, но приняла мужское решение, и не вякает. Это тоже хорошо.

Итак, где у нас телефон? Вызываем знакомых...

Мария-Элена Домбрийская.

Матильда расчесывала волосы перед зеркалом. Она была под впечатлением от вчерашнего.

Давид приехал поздно вечером, ничего толком не рассказал, только показал купчую на бывший храм, а ныне пристань, и отправился спать. Ну, девушки тоже отправились.

- Как ты думаешь, какие перспективы? - Малене было интересно.

- Для Асатиани? Осмотрят все, вытащат все, покажут - мизер. Находка принадлежит тому, кому и земля принадлежит. Или, там, строение. Допустим, будут там иконы, или клад, или еще что... кстати, и поп мог быть в курсе и в доле, это надо раскапывать подробности... мог спрятать там и посуду, и еще что... к примеру, посуду покажут, или монеты какие, а самое ценное заначат.

- И с нами вряд ли поделятся.

- Это уж вовсе из голливудских опер будет сюжет. Ты видела где-нибудь, чтобы волк отрывал кусок от добычи и отдавал крысе?

- Нет. Но мы и не крысы...

- По меркам Асатиани у нас масштаб микроба. Не прикопали бы...

Малена поежилась.

- Ты поэтому вчера не спорила?

- Ты - официальная наследница. Легитимная, так сказать. Мать, конечно, но ей пасть заткнуть несложно. Ее прессе не предъявишь, а вот тебя - о, да! Тут такую шумиху поднять можно, такой пиар продвинуть, что Асатиани будет с этого десять лет кормиться, еще и за рубежом отметится. Если поймет свою выгоду, конечно.

- Должен понять.

- Но это по размышлении, не сгоряча, понимаешь? А потому для нас лучший вариант пока исчезнуть с глаз долой и разводиться руками. Все на доверии, вы же не обманете сироту...

- Еще как обманут.

- Если ты выходишь замуж за Давида, то все остается в семье. Чего тут обманывать?

- У вас разводиться можно, я помню...

Матильда хмыкнула.

- Малечка, давай цинично? Развод будет таким, какой Давид захочет. На его условиях. Мы с ним бодаться не сможем чисто физически.

- Почему?

- Я никогда не верила сказке 'Золушка'. Никогда.

- Почему?

- Потому что сказки заканчиваются свадьбой. А каково оно в семейной жизни? От печки во дворец?

- При чем тут одно к другому?

- Да при том, Малечка. Что сиськи-письки...

- Матильда!

- По фиг! Пойми, никогда ничего не решал секс и внешность. Никогда. Нужно образование, воспитание, база нужна, самоуважение... да много чего.

- Но ведь живут же семьи?

- У нас разводиться можно, ты помнишь?

Малена вздохнула.

- Так много нужно знать, уметь... а если я не смогу?

- Попробуем. Исходные данные у нас сильные, а что уж там будет... не знаю, Малечка.

Справимся. Обязаны.

- А... Рид?

- А, то же самое. Только здесь нам еще и сложнее придется, Рид старше, и техникой секса его точно не удивишь.

Герцогесса покачала головой. Но что уж тут...

- А что, ты думаешь, внизу?

- Колодец, скорее всего. Может, потайной ход. Может, клад.

- Колодец быть должен. Это правильно. У нас всегда колодцы устраивали... потайные.

- И в Донэре есть?

- Есть...

- А убьет?*

- А что это такое?

*- подземная каменная тюрьма, каменный мешок, аналог - зиндан или поруб. Прим. авт.

Разъяснить Матильда не успела. В дверь постучали.

- Ваша светлость?

- Да?

- Курьер. Из дворца...

Матильда вылетела вихрем. И не обратила внимания на Лорену, которая проводила ее злобным взглядом.

- Что тут у нас?

Курьера подхватила верная Аманда, повела на кухню, кормить и денег давать, а Матильда сломала королевскую печать.

- Оп-па!

- Ваша светлость?

- Ро, ты на свадьбу не хочешь? - непринужденным тоном поинтересовалась Матильда.

- Чью? Вашу? Ой, то есть простите...

- Королевскую.

- Его высочество...

- Нет, Ро. Женится его величество. На Дилере Эларской. Завтра.

Дзенннь.

Оказавшаяся совершенно случайно рядом графиня Ардонская, уронила подсвечник. Матильда прищурилась на нее.

- Тетушка Элино, вам срочно надо к портнихе. Меня берут в статс-дамы к ее величеству Дилере... будущему величеству. Девочкам срочно нужен будет придворный гардероб. Я их постараюсь протащить фрейлинами. И точно протащу на свадьбу.

- Малечка... - По лицу графини потекли самые настоящие слезы. - Дочка...

Объятия были совершенно искренними и потому не раздражали. А как должна реагировать мать, которой сообщают, что ее дочери (заметим - на халяву, т.е. даром!) попадают в элиту двора? И возможность сделать хорошую партию у них будет, и за ними приглядят, и...

Да тут и крокодила расцелуешь, наплевав на зубы, а герцогесса - она все же безопаснее крокодила. Наверное.

- А Силанта?

И откуда черт принес Лорену?

Матильда перехватила управление и улыбнулась дамочке.

- Через полгодика, как из монастыря вернется, там и поговорим. Если научится мужчин не насиловать.

- Наглая дрянь!

- Матушка, я вас тоже обожаю... - отмахнулась Матильда, и помчалась собираться. Надо было срочно лепить из себя чучело. Во всяком случае - пока.

Рид?

Они УЖЕ женаты. А здесь разводов нет. Внезапные смерти отмечаются, безвременные такие, а разводов не было. Пусть пока...

Он поймет, он очень умный... он ведь женился на Малене, значит - умный. Факт.

Малена могла бы собой гордиться. Сделать из себя роскошное пугало - это не каждому дано, а вот она смогла, да еще в рекордные сроки.

Зализать волосы и надеть ободок, украшенный полудрагоценными камнями - раз.

Подобрать платье замечательного болотного оттенка, чтобы кожа казалась сероватой - два.

Накинуть сверху кружевную черную шаль.

Краску не наносить, и так сойдет.

И вперед, во дворец, благо, ей не просто письмо прислали, за ней целую карету послали.

Сам дворец Малена даже не рассматривала - ее мгновенно провели к его величеству Остеону.

Там же сидел и Рид.

С рукой на перевязи, но живой и более-менее здоровый. Матильда смотрела на него, понимала, что улыбается совершенно глупой улыбкой, но... какой там контроль?

Ресурсы уходили на то, чтобы не повиснуть у любимого человека на шее.

Малена перехватила управление и присела в реверансе. Произнесла заученные формулы вежливости, и получила взмах королевской руки. Мол, хватит, поднимайтесь. Посмотрела на короля... и поблагодарила Малену, что та взяла на себя управление. Иначе бы точно чертыхнулась.

Это - король?

Да залюбись по вертикали!

У нас некоторые покойники лучше выглядят, чем его величество. Посвежее, поинтереснее... и хотя девушка молчала, король понял ее взгляд совершенно правильно.

- Все так плохо? Давайте без чинов, герцогесса, Рид мне все рассказал.

- Ваше величество, вы нас не казните за самоуправство? - уточнила на всякий случай Малена.

- Нет. Можете звать меня просто Остеоном - наедине.

- Благодарю вас... Остеон.

- К сожалению, у нас мало времени, но мне хотелось бы стать для вас старшим братом, как и для Рида.

Матильда кивнула, не уточняя ненужных деталей.

- Мы попробуем, Остеон. Мы попробуем.

- Рид сказал, что вы в курсе дела.

- Я случайно, Остеон. Не могу сказать, что рвалась все это узнавать, так получилось...

И взгляд на Рида. Что происходит?

Ответный успокаивающий взгляд. Все в порядке, это что-то вроде экзамена. Только вот не математику сдают в жизни и не физику. Нечто куда более важное выясняется в результате таких споров. Сможешь ли ты быть опорой и поддержкой?

Можно ли на тебя положиться?

И выставляют здесь не двойки. Все намного хуже бывает. Есть предварительные оценки, а есть и окончательные. Которые выставляются средневековым калькулятором для окончательных расчетов. Арбалет называется.

- Вам с Ридом придется обвенчаться еще раз. Уже публично.

- Благодарю вас, Остеон.

- Рид согласился на должность регента при моем ребенке, - прищурился король.

Матильда приняла откровенно верноподданнический вид.

- Остеон, я могу сказать лишь одно. Решения мужа - это и мои решения.

- Ему придется жить в столице, и вы не скоро вернетесь в Донэр.

- Хороший управляющий решит этот вопрос.

- И придворная жизнь... зачем вы так вырядились?

Малена хмыкнула.

- Ваше величество, мне не сложно, а ее величеству будет приятно.

- Да, безусловно.

- Вы будете назначены статс-дамой Дилеры - после свадьбы.

- Могу ли я попросить за двух фрейлин, Остеон?

- В том случае, если они будут преданы вам - и короне, - припечатал король.

Матильда медленно опустила ресницы.

- Они будут преданы вам, ваше величество, а потом уж мне. И никак иначе.

И в следующий момент словно струна лопнула. И Остеон улыбнулся, повернув голову к Риду.

- Братец, могу тебя только поздравить. И красавица, и умница, и помощница... был бы я лет на десять моложе - точно отбил бы.

- На дуэль вызову, - мрачно пригрозил Рид. И уже жене. - Извини, Малечка. Ост хотел сначала сам поговорить с тобой, составить впечатление, а меня попросил помолчать.

Матильда кивнула.

- Надеюсь, я оправдала оказанное мне высокое доверие?

Эх, не удалась ей потрясающий акцент товарища шофера, да и про 'Кавказскую пленницу' в этом мире не слышали. Но Остеон все равно хмыкнул.

- Пока - да.

- Тогда давайте напрямик? - предложила Матильда. - Чтобы не было недоговоренностей. Чего вы от меня хотите, и что будет входить в мои обязанности?

Рид, недолго думая, встал с кресла, подошел к жене, обнял и крепко поцеловал.

- Малечка...

Хорошо, что была еще и Малена, потому что Матильда млела и не была способна к адекватному диалогу. Особенно когда Рид вернулся в кресло, а ее притянул на колени. И можно было прижаться, вдохнуть его запах - кожа, сталь, что-то мятное...

Остеон наблюдал с такой грустной улыбкой, что Малена окончательно перестала тревожиться. Кажется, его величество действительно любит брата. Очень любит.

- Малена, мне действительно пока надо, чтобы вы оставались в таком виде. Дилера должна видеть в вас если и не союзника, то не врага.

- Шпиона? - без обиняков уточнила девушка.

- Для этого будут другие люди. А вы должны стать подругой. Вы уже сделали первый шаг, сделайте и второй.

Малена слушала молча.

Что тут скажешь, роль ей достанется гаденькая. Следить за настроением Дилеры, сообщать, контролировать, а потом еще и дети пойдут...

Гнусно?

А, наплевать!

Она же не для себя, она для Аллюдии стараться будет. А выбора, похоже, и правда нет. Ну, его высочество... подложил свинью.

Оставалось только согласиться и попробовать сделать шашлыки. Вдруг да получится?

Матильда не осталась во дворце. И Рид не позволил себе ничего лишнего, к немалому неудовольствию девушек. Но...

Это - его невеста. Пока.

И ее компрометировать нельзя. Да и некогда, завтра - королевская свадьба.

Матильда Домашкина.

- Малена, привет!

- Сережка! Привет! - обрадовалась Малена.

Давид поднял брови, но пока смолчал.

- Как у тебя дела? Петь когда придешь?

Малена вздохнула.

- Сережа, я наверное, завяжу с этим.

- Почему? У тебя ж хорошо получается.

- Я замуж выхожу, - просто объяснила Малена, - вряд ли муж одобрит мое увлечение.

На том конце провода подавились слюнями.

- Т... кхы! 3-муж?!

- Да, Сережа.

- За кого? Не секрет хоть?

- За Давида Асатиани.

Слюнями подавились вторично.

- Ты че... всерьез?

- Вполне.

Сережа раздумывал недолго.

- Малена, приглашай нас на свадьбу оркестром! Мы такое сбацаем! Все от зависти сдохнут...

Малена подумала пару секунд.

- Хорошо, я поговорю с Давидом, и если он будет не против...

- Йес!

- Если он не откажет, ты понял?

- Понял. Но - Йес!

Малена повесила трубку, и подумала, что они останутся друзьями. Это хорошо.

Сергей повесил трубку, и подумал, что хоть ничего с богатой невестой и не вышло, но может, выйдет с пиар-компанией? Тогда их ансамблю прямая дорога на заработки, а это неплохо.

Давид подумал, что у него умная невеста.

И - согласился.

Узнав об этом, Сережа подавился слюнями в третий раз. От восторга. И помчался звонить ребятам, чтобы организовать все заранее. Они должны быть круче всех! И никак иначе!

Мария-Элена Домбрийская.

Королевская свадьба.

Кому-то видится торжественное мероприятие?

Пир, бал, фейерверк?

Ага, безусловно. И гуляние для простого народа. Его величество, он же счастливый жених, передвигается исключительно в кресле, которое тягают два дюжих гвардейца, а еще два по сторонам оглядываются, чтобы на жениха не покусились.

Невеста в белом, вся нежная и восторженная...

Ага. Малену пустили к Дилере за два часа до свадьбы.

Час они рыдали (Дилера - в принципе, Матильда из сострадания, и чтобы пострашнее быть), полчаса Дилера рассказывала, какой замечательный Найджел и какое чудовище его отец, а за оставшиеся полчаса запустили слуганок. Можно бы и раньше, но ее высочество уже двоих до больницы довела.

Вазометание - это такое специальное боевое искусство у аристократок. Две вазы - две выбывших служанки, еще одну, и можно приз давать за меткость.

Сделать что-то симпатичное из этого огородного пугала Матильда даже и не пробовала. Кое-как запудрила все, что подвернулось под руку, и нарисовала на получившейся маске глаза и губы. Выглядело страшновато.

С другой стороны, королю с ней не спать. Как еще принц справится... хотя у него есть свободный выбор. Полежать на девушке - или полежать на плахе. На второй, правда, недолго, но Найджел выбрал первую.

Сейчас он находился под ласковым присмотром архона Реонара, и выпускать его оттуда никто не собирался. Даже на свадьбу.

Принц болен, оттого и свадьба так быстро, оттого и не до церемоний... единственный наследник, торопиться надо, чтобы дубликат был. Дети-то в пять минут не делаются!

Ринию написали письмо. Но пока оно еще дойдет, там три раза все будет кончено. Отбирать жену у Остеона - себе дороже выйдет, да и Дилера не согласится.

К чести Рида, о том, что Дилеру придется убирать, он Малене не сказал. Даже не намекнул.

Просто попросил пожалеть девушку. И Малена, как подруга, вела сейчас отчаянно некрасивую девушку к такому же отчаянно больному супругу, испытывая потрясающее чувство дежавю.

Тот же архон, те же слова, разве что храм другой, но в Ромее они все похожи.

Но кругом марево враждебных лиц. Наверное, единственные, кого Малена могла разглядывать без отвращения - это были Ардонские, попавшие, благодаря ей, на этот праздник жизни, и светящиеся собственным светом от счастья.

Какие тоскливые глаза у Дилеры...

Матильде оставалось только сжимать руку принцессы, отчаянно ей сочувствуя, и ждать, пока все завершится. Хорошо хоть нюхательные соли ей дали, а то принцесса три раза порывалась в обморок упасть.

Но наконец все закончилось.

Малена проводила ее высочество в спальню, и помогла раздеться.

- Останься, пожалуйста, - попросила Дилера, сжимая пальцы девушки. - Мне страшно...

- Обещаю, - шепнула Малена.

Такой выверт средневекового сознания. Смерти они не боятся - все равно к богам в гости не страшно, а вот потерять девственность - это страшно. Где логика?

Малена ее найти и не пыталась, и не сильно удивилась, когда в спальню вошел его величество, пошатываясь от слабости. Едва успела поддержать его, чтобы на кровать не упал, а сел. Идет, бычок, шатается... зеленый, как трава.

- Ваше величество!

Остеон махнул рукой, мол, топай отсюда, но тут уже пискнула Дилера.

- Ваше величество, пусть Малена меня проводит. Мне страшно...

Остеон закатил глаза, но дал 'добро'. Долго ждать не пришлось, потайной ход открылся, пропуская маркиза Торнейского. Рид поклонился.

- Ваше величество, ваше величество... Малена...

- Малена меня проводит, - распорядилась Дилера. - И подождет, да?

- Разумеется, ваше величество, поклонилась Малена. Плохо, что ли? С мужем побыть лишних пару часов?

- Тогда - прошу вас, дамы...

Рид поклонился, и дамы скользнули в потайной ход.

Ход продолжался достаточно долго, но был благоустроенным. Не свисала с потолка паутина, не попадались под ногами корни, только ровные плиты. Рид нес факел, и освещал дорогу. Матильда подумала, что надо бы тут продвинуть идею фонарей 'летучая мышь', вдруг да приживутся?

Вот и вторая дверь, и за ней ждет архон Реонар.

- Ваше величество. Маркиз. Ваша светлость...

Ну да, пока - молчание. До официальной свадьбы так точно.

- Архон, - кивнула Дилера.

- Позвольте вас проводить, ваше величество?

По форме - вопрос, по сути - приказ. Дилера величественно кивнула.

- А мы останемся здесь, - решил Рид. - Тут вполне удобно.

- Я распоряжусь подать вино...

- Гхм.

- Ягодный отвар и фрукты, - исправился архон. И вышел, провожая Дилеру.

- К Найджелу? - уточнила Малена.

- К нему, - кивнул Рид. - думаю, часа два у них дело займет. Что ж, подождем...

- Просто подождем? - с намеком поглядела Матильда.

Намеки Рид понял.

- Не просто. Можем еще и поговорить.

Ох уж мне эти средневековые рыцари. Или это древняя мудрость, что лучше час потерпеть, а не трое суток уговаривать? Кто его знает?

Несколько поцелуев Матильде досталось. А потом - увы.

Ей надо было поговорить о Ровене. Надо, не открутишься. Наследник Иллойского не может жить в ее доме, как кухаркин ребенок. То есть - может, но лучше, чтобы это было как-то иначе.

Рид выслушал со всем вниманием.

- Бернар, говоришь.

- Ага.

- И Иллойский.

- Ага.

- Ты у меня чудо, Малечка. Просто чудо.

Малена в этом не сомневалась. Чудо, конечно, поди, найди еще такую, как она? Чтобы на два мира жила? Интересно, сколько они там будут? Спать хочется до безумия...

Малена так и уснула - мгновенно и на груди у Рида.

Маркиз посмотрел на любимую женщину, жену, поцеловал ее в кончик носа, и устроил поудобнее на диване. Потом и сам устроился рядом, на полу.

Дилера вернулась, когда за окном загорелся рассвет. Она шла в сопровождении архона, и выглядела определенно довольной.

Потом увидела Рида, Малену...

- Извините.

- Ничего страшного, - махнул рукой Рид. Малена-то пока не просыпалась. - Герцогесса просто перенервничала.

- Пусть выспится, потом я проведу ее потайным ходом. - решил архон.

Рид кивнул. И посмотрел на Дилеру.

- Ваше величество, я сделал герцогессе предложение.

- И она не отказала, - горько произнесла Дилера.

- Мне вообще сложно отказать, - не стал кокетничать Рид.

- Пусть это останется на вашей совести.

Говорить, что его совесть и не такое переживет, Рид не стал. Вместо этого он переглянулся с архоном, и шагнул в потайной ход. Это герцогессу предъявлять не обязательно, а вот принцессу - надо. Уже королеву...

Матильда Домашкина.

Дни шли за днями.

Малена постепенно привыкала к Давиду, сживалась с ним, если так можно сказать. А на исходе второй недели, Давид принес в дом флешку.

- Это от видеокамеры.

- Какой?

- Храм... наша находка.

Малена аж запрыгала на месте от нетерпения. И едва дождалась, пока прогрузится компьютер.

Да, они не ошиблись. Булочников, лиса травленная, предусмотрел все.

Во-первых, пришлось восстанавливать механизм - это хоть и не китайское производство, но за век и не такое заржавеет. У реки ведь, сырость, влага, да и большевики свою лепту внесли.

Во-вторых, 'роза' действительно открывалась. Та, которая была дальше всего от входа, в алтаре. Там поворачивалась центральная плита, и появлялся колодец, в стену которого были сделаны скобы.

Почему его не нашли и не поняли, что это - оно?

А, все просто. Кто-то, может, священник, когда понял, что приходит край, поступил очень умно. Положил на колодец деревянную крышку, тяжелую такую, дубовую, а потом закрыл плиту. Стучи, не стучи... звук глухой.

И хорошо, что никто туда не полез дуриком. Осторожно, аккуратно...

Становиться надо было сразу на третью скобу. Первая и вторая легко выходили из стены...

собственно, вышли, когда за них взялись, и полетел бы любой преследователь в колодец.

Неглубокий, всего метров пять-шесть, но и того хватит шею свернуть. Или погоню затруднить.

И в-третьих, на дне ждала борона.

Симпатичная такая, с ржавыми зубьями... за сто лет она, конечно, стала откровенно железным хламом, но заражение крови обеспечила бы кому угодно.

От колодца в сторону реки шел ход. По нему можно было пройти, надо полагать, раньше он вообще выходил куда-то под воду, чтобы нырнуть, уплыть - и ловите выдру в камышах.

Сейчас река обмелела, и ход оказался почти на берегу. Только заваленный, забитый за это время всякой дрянью, и - с добром.

Сундуки Булочников туда тащить не стал. Нашел более простое решение - обычные дубовые бочонки. Такие и сто лет простоят, начав на время. И простояли - в небольшой нише в стене хода, в самом его начале. Хотя ход... это громко сказано. С приличными подземными ходами во дворце его величества его роднило только название. А за эти сто лет он где обвалился, где забился, где еще чего... земляной пол, корни растений... проползти по нему еще можно было, а вот пройти - уже нет.

Вскрывали бочки уже без свидетелей.

Ковры время не пощадило, превратив их если и не в лохмотья, то в нечто близкое к тому. А вот оружие осталось в целости и сохранности. И серебряный сервиз. И несколько кошельков с монетами разного достоинства - золотом и серебром. И пара портсигаров. И иконы в серебряных окладах...

И даже шкатулка, которую Давид поставил перед Маленой.

- Что это?

- Думаю, это то, что не увезла твоя бабушка.

Малена медленно открыла крышку.

Если Давид ожидал бурной реакции, то зря - у герцогессы были украшения и получше. И подороже. Тут было, в основном, серебро, несколько гарнитуров с полудрагоценными камнями, цепочки, колечки, один золотой гарнитур, вообще без камней, просто витые браслеты и ожерелье...

Малена решительно отложила три набора.

- Золотой - твоей матери. Вот эти два, серебро с аметистами и серебро с бирюзой - сестрам, кому что понравится больше, я их вкусов пока не знаю. Ты передашь? От меня?

Давид поднял брови.

- Передам. Тебе не жалко?

- Нет.

- А сама съездить к ним не хочешь?

- Это пусть твой отец определит, когда обнародовать находки. Это - его игра.

- А остальное? - Давид искренне не понимал эту девушку. - Отец говорит, что может отдать тебе долю деньгами, но хотел бы сохранить эти реликвии для себя. Там такие сабли, шашки, кинжалы... Малечка, это надо вживую видеть!

Малена пожала плечами.

- То, что понравится - возьми себе. То, что ему понравится - пусть возьмет он. А что до меня... Давид, я не знаю, сколько это стоит, поэтому прошу ровно столько, сколько смогу получить. Меня устроит квартира где-нибудь в новостройке, плюс машина.

Давид аж головой замотал.

- Малена, а ты понимаешь, что это копейки по сравнению со стоимостьюклада?

- Давид, мы еще собираемся пожениться? - Малена смотрела ему прямо в глаза. И была довольна тем, что мужчина не дрогнул, не отвел взгляд, а спокойно и уверенно ответил:

- Хоть завтра.

- И ты мне предлагаешь брать деньги с собственного свекра?

- Гхм...

В таком ключе Давид явно не думал о проблеме. А вот Матильда с Маленой и обдумали этот вопрос, и обговорили. И долго прикидывали, что можно и нужно попросить. С чем они справятся.

- Тогда поступаем проще. Бабушкина квартира остается за мной. Плюс с твоего отца квартира для меня в новостройке.

- Зачем? Мы ведь будем жить вместе? Или тебе здесь не нравится?

- Сдавать буду. Мало ли что, хоть деньги на белье у тебя кланчить не стану. Знаешь, гадко это... стать содержанкой? Фу!

- Белье я тебе и так куплю, - успокоил Давид. - И все? Квартира и машина?

- Жизнь длинная. Если мы расстанемся, у меня будет место, где преклонить голову. Мало ли что, мало ли как, в одной квартире жить, вторую сдавать - мне хватит.

- Я еще раз говорю - Малечка, это антиквариат. Речь идет о сотнях тысяч. Даже миллионах. В евро.

- Давид, я думала, мы договорились? У меня есть память о предках, - Малена коснулась рукой шкатулки. - У меня, благодаря им, теперь есть средства к существованию. И я хотела бы получить все бумаги, которые там найдутся. Если найдутся.

Что оставалось делать Давиду?

Только развести руками и отправиться к родителям.

К чести господ Асатиани, золото София Рустамовна приняла с восторгом, заявив, что Малечка - замечательная девочка, и сразу ей понравилась.

А Эдуард Давидович, выслушав о решении Малены, кивнул.

- А умная девочка. И место свое знает, и не зарывается.... женись. Однозначно.

- А что с храмом?

- Восстанавливать будем. Торжественно. Там в одном из бочонков нашлись иконы, оклады...

так что на днях мы найдем клад. С помпой, с шумом, с прессой... представляешь себе историю?

Ты женишься, молодая жена умоляет тебя провести церемонию там же, где венчались ее предки, ты выкупаешь лодочную станцию и собираешься реставрировать церковь. И находишь клад. Иконы, оклады, утварь... мы на всю Россию прогремим! Книжки я все отдам твоей жене, раз она просила. Пусть смотрит, если что-то отдаст в церковь, так тому и быть. Ей решать. И серебряный сервиз тоже вам подарю на свадьбу.

- Жене?

- Однозначно. А по квартире... у нас там на втором этаже стометровка пока не отдана? В доме на набережной?

Давид покачал головой.

- Нет.

Размах шумихи он представлял заранее. Да... что будет...

- Вот. Завтра оформлю ее на твою жену. А в автосалон ее сам свозишь. И не мелочись там, бери машину, чтобы побезопаснее была. Подушки там, все такое... твоей жене детей еще возить.

- Пока еще не жене.

- И не тяни, балбес. Если такую девчонку упустишь - выгоню!

- Она мне поставила срок в полгода.

- Точно - выгоню. Тащи ее в загс! Тебя что - надо учить, как женщин уговаривать?

- Так то женщин. А то - Малену.

Эдуард Давидович кашлянул, и признал правоту сына.

- Все равно. Завтра подавайте заявление. Я договорюсь, вам его задним числом проставят. А то начнет кто-то копать... девочка умная, она поймет.

Давид и не сомневался, что поймет. Но полюбит ли?

Вот вопрос... наверное, это ему за все девичьи страдания.

Рид, маркиз Торнейский

Рид оттягивал этот разговор, пока мог. Но - надолго не получилось. А потому...

И стоял он в просторной каюте, и чувствовал себя последней скотиной. Или - не чувствовал? Должен был, но не чувствовал, злился на себя, на Шарлиз, и мечтал, чтобы все это свалилось на кого-то другого, хоть бы и на Остеона, и отлично понимал, что надежды нет. Брату пару лет продержаться в живых, и то во благо. Нет выбора. И плевать, что нет и желания, надо - и гребь веслами, дружок, пока море не кончится.

- Поговорим, госпожа?

- Поговорим, - Шарлиз выглядела неплохо. Пока корабль стоял на якоре, у берега качка ее не мучила, и лекарь уверял, что женщина здорова и ребенок развивается нормально. - Поговорим о том, что я не пленница. И я хочу к отцу.

Рид вздохнул.

Сценарий разговора они разрабатывали и с братом, и с Тальфером... эх, Леонар, чтоб тебя шервуйл сожрал, как тебя угораздило с этим заговором? Сколько б ты мог принести пользы! Но польстил ведь на дармовую власть!

- К какому отцу?

Шарлиз даже опешила.

- Мой отец...

- Официальный? Ролейнский? Он умер. Поднимете скандал? А вы уверены, что это будет быстро? Пока прибудут люди из посольства, пока вас опознают... вы знаете, что делают с самозванцами?

Шарлиз знала.

- Тогда к моему королю?

- Какому? Вы - степная добыча. Теперь - наша, здесь вы и находитесь. Желаете поговорить с его величеством Остеоном?

Шарлиз гневно топнула ногой. Вот мерзавцы! Негодяи!

- Думаете, у вас получится?

- Даже не сомневаюсь, - Рид по-хозяйски прошелся по каюте, подарил женщине улыбку, опустился в кресло. - Знаете, кто у нас посол? Граф Ретонский.

Шарлиз знала.

Благодаря ей едва не сорвалась свадьба дочери графа. Все же спать с женихом за день до свадьбы, а потом еще хвалиться своими победами - не совсем хорошо, правда? Свадьба не сорвалась, жених вымолил прощение у невесты, а вот граф злобу затаил. Если он сможет не опознать Шарлиз, или хотя бы засомневаться, начать дипломатическую переписку... Что делают с самозванцами?

Вешают. Иногда сажают в тюрьмы, но чаще вешают. В любом случае, Рид мог сделать с Шарлиз все, что пожелает, и женщина это понимала. Шарахнулась, прикрыла руками живот.

- Вы не посмеете!

- Почему? - нарочито мягко спросил Рид. - Почему я не посмею? Почему я должен вас пожалеть? Я шел не на войну, я шел на свадьбу. Люди, которые шли со мной, была куда как ценнее степняческой подстилки. Они погибли, а вы живы, - Рид вспомнил Джока, который до последнего прикрывал его спину, вспомнил Стивена Варраста, оставшегося прикрывать отход, и его вдруг охватила такая ярость, что он даже сам испугался. И сомкнул руки на

подлокотниках кресла, чтобы не сомкнуть их на шее этой продажной девки. - Может, стоит исправить несправедливость?

- Я не выбирала этой судьбы! - крикнула Шарлиз. - Я этого не хотела! Каган сам взял меня! Взял, потому что я оказалась вашей - ВАШЕЙ невестой!

- А если б вы ей не были, может, и не выжили бы, - справедливо указал Рид. - Девочек много, продажных тоже, даже вы, с вашим громадным опытом, не пережили бы пару сотен степняков с их страстью и нежностью.

С этим Шарлиз тоже была согласна.

- И что вы мне предлагаете? Родить ребенка и умереть от родильной горячки?

Рид покачал головой.

- Нет, Шарлиз. То же, что вы планировали сделать в Саларине. Вы бы родили ребенка и занимались своими делами, а воспитывали бы его люди вашего отца. Правильно?

Шарлиз кивнула. Это - да.

- Так поступайте точно так же в Аллодии. У вас будет свой дворец, слуги, фавориты... вот замуж вы не выйдете, потому что вдова кагана - это звучит лучше, чем жена барона, или там, виконта, а никто особо знатный на вас теперь и не женится. Ребенка мы воспитаем. А лет через пятнадцать возьмем реванш у Степи.

Шарлиз подумала пару минут.

- Какие у меня гарантии?

- Только мое слово.

- Негусто, - заметила дама.

- Чем богаты, тем и рады, - ухмыльнулся Рид, успешно подцепивший выражение от своей невесты. - Живая вы полезнее.

- Тогда верните моих людей.

- Старух? Степняков? Шарлиз, мы что - похожи на идиотов?

- Хурмах сказал, что они будут беречь меня и ребенка.

Рид покачал головой. Ну как можно быть такой красивой - и дурой? Вот, Малена не настолько очаровательна, и лицо у нее попроще, наверное, и фигура поменьше в некоторых плоскостях, но зато его жена умная. И он ее любит.

- Ребенка, Шарлиз. Вас - нет, только ребенка. Вас можно отравить, ребенка можно украсть, увезти, воспитать в любви к Степи и ненависти даже к вам, вряд ли вы будете столько им заниматься...

Шарлиз кипела от бешенства, и с радостью выцарапала бы маркизу глаза, но кровь родителей, проснувшаяся в ней, их хитрость и мудрость шептали, что Торнейский-то прав...

А раз так - какая ей разница, где и как? К отцу ее не отпустят, что там дальше будет - неизвестно, а здесь, в Аллодии, в интересах Торнейского поступить, как он сказал. Альтруизм?

Не было такого слова в Ромее. Только выгода. Только голый прагматизм, хотя последнего слова они тоже не знали. И Шарлиз кивнула.

- Я останусь. Но условия должны быть достойными.

Рид кивнул.

- Безусловно. Вдова кагана Степи... свой дворец, выезд, свита... ограничение одно. Шарлиз, если вам кто-то понравится - все должно быть без шума и огласки.

Ну, это было и раньше.

Шарлиз кивнула.

- Когда...

- Я пришлю слуг. Сегодня вы переедете в королевский дворец, а там... как насчет Эргле?

Про Эргле Шарлиз слышала. Очаровательное место под столицей, Розовый дворец, в просторечии, знаменитый тем, что вокруг него с весны до поздней осени цветут розы. И зимний сад там шикарный.

- Я подумаю, - милостиво согласилась она.

- Тогда сначала королевский дворец, а потом мы подберем что-то подходящее.

И Шарлиз склонила белокурую голову.

Мария-Элена Домбрийская.

- Вы - что?!

Ровена потупилась.

- Вы против... Малена?

Да не против она была, а просто - в тихом и глубоком шоке.

Ровена Сирт и Дорак Сетон собирались пожениться. И стояли сейчас с видом напроказивших школьников, еще и за руки держались, гады!

- Да я-то не против. А Лорена?

Дорак выдержал взгляд Малены, не отводя глаз.

- Я не стану оправдываться. Что было, то было, не отказываться же? Она красивая, да еще и герцогиня...

- Ага. А сейчас уже вдовствующая герцогиня. И финансирование куда как поменьше, - съехидничала Малена.

- Мне денег и так хватит, без подарков, - огрызнулся Дорак, - уж семью-то всяко обеспечу. И даже если завтра помру, моя вдова бедствовать не будет. Побираться не придется...

- Ровена, ты его точно любишь?

Вопрос был задан четко, глядя глаза в глаза. И Ровена поняла, что под ним скрывается. Это - не тоска по Бернарду? Не желание мужского плеча рядом? Не послеродовый психоз? Это - настоящее?

- Я впервые начала улыбаться, - просто ответила Ровена. А Матильда видела, любит... и что тут поделаешь? Да только одно. А, да...

- Ровена... он... - как задать вопрос, чтобы получить однозначный ответ. Но Ровена поняла. И медленно покачала головой. Дорак не в курсе. Никто не знает о настоящем отце малыша.

В тот день, вернувшись из дворца, Мария-Элена поговорила с Ровеной. Серьезно, вдумчиво, объяснив, что защита ей будет, но наверное, придется чуть-чуть поделиться и с Иллойским. Если поведет себя правильно. Разве малыш не заслуживает любящего деда?

Ровена подумала немного, и кивнула. Раз уж за нее даже король вступится... никуда Иллойский не денется. И малыша у нее не отнимет.

- Благословляю, - просто сказала Матильда. - А насчет смерти и жены, которая нуждается не будет, ты не думай. Я за ней приданое дам. Собственный дом в Донэре, к примеру.

А неплохая идея, кстати. Дорак рассыпался в благодарностях, и Матильда махнула рукой. Чего уж там разрешаю.

Собственная личная жизнь ее волновала куда как больше.

Рид (гад он, вот что!!!) дистанцию не сокращал. Это ж надо, сколько замужем, а все еще девушка. Ладно, не то, чтобы она так настаивала, все же страшно, но...

Она бы попробовала пристать сама, но рана в плече у Рида воспалилась, и сейчас ему рукой даже двигать было неприятно. А первая ночь... о, эта романтика и лирика. Он, она, кровать - и перевязки. Если кому надо садо-мазо, то вы пришли по адресу. А Матильде не хотелось, чтобы муж в постели с ней стонал от боли в плече. Ладно. Рана заживает, а что побаливает и температура немного повышается, зато она чистая. С остальным разберемся.

Плюс еще - репутация. Пока официальной свадьбы не было - низзя. И точка. Малена беспокоилась, как так, два раза и венчаться, но архон Реонар махнул рукой. И заверил, что два раза - это не грех. Вот когда ни одного, это намного хуже. И вообще, вам грехи по блату отпустят. А с богами он лично договорится, он старше, так что имеет все шансы попасть к ним на прием раньше Марии-Элены. Составляйте список, вопросы решим.

Матильде архон понравился еще больше после этого заявления. Свадьба была назначена через десять дней, и она упоенно подбирала одежду. Надо было сделать так, чтобы и вовсе уж страхозавром не оказаться, и Дилеру не раздражать, при дворе и так красавиц поубавилось. Ту же Сорийскую в монастырь отправили, к ней еще какую-то Лофрейнскую, и...

Мария-Элена и половины не знала, но матушка Эралин была счастлива. Она даже упущенное Домбрийское герцогство простила, и говорила, что всегда будет поддерживать милую Малену. Флюгер рядом с матушкой-настоятельницей заметно проигрывал в скорости поворота.

Графиня Элинор переживала, как же так, ее Малечка и вдруг плохо выглядит, но Малена махнула рукой. Проще не раздражать королеву. Потом уж можно постепенно меняться. Главное

- Рид ее любит в самом жутком виде. А красотками они будут на свадьбе с Давидом, там ей отвертеться не дадут.

Что ж, пора во дворец. Работа такая, называется статс-дама. А еще - психоаналитик, подруга, горничная, сторожевая собака... не пора ли попросить за вредность молоко? Пол-литра на каждый день? Или литр?

Матильда прикидывала фасон, сидя во дворце, в музыкальной комнате. Ее величество наигрывала какую-то мелодию на клавесине, Ардонские - все три дамы, вдохновенно слушали, как ни странно, они Дилеру не раздражали. Наверное потому, что она знала историю знакомства Марии-Элены и семьи Ардонских, и искренне сочувствовала девушке. Больше пока никого не отобрали из фрейлин, но это было делом времени.

Дилера резко опустила пальцы на клавиши, клавесин обиженно звякнул.

- Выйдите все. Малена, останься.

Дамы послушно потянулись к выходу, шурша разноцветными юбками. Дилера прошлась по комнате, хрустнула пальцами...

- Малена, нам надо поговорить.

- Слушаю, ваше вел...

- Дилера. Ты помнишь, наедине - Дилера.

Благодарность - извечное качество благородного человека. Только быдло забывает оказанные им услуги, а человек благородный всегда старается отплатить добром за добро.

- Да, Дилера?

- Ты хочешь за него замуж?

- Я его люблю, - просто сказала Матильда. - Как ты - Найджела. Может, и не лучший это мужчина в мире, да сердце из груди не вырвать.

Дилера опустила глаза.

- Сегодня во дворец приехала Шарлиз Ролейнская.

- Это кто? - Матильда отродясь не знала, кто это и что это. Может, местная юротивая?

- Это невеста маркиза Торнейского. Одновременно было договорено о наших браках. Союз с Эларом, с Саларином...

Матильда...с нет, она не была оглушена. Но и как на это реагировать - не знала.

Будь ты хоть трижды влюблена, хоть четырежды уверена в своем избраннике, но в глубине сознания иногда нет-нет, да мелькнет гадкая мысль.

А вдруг?

Дилера сочувственно вздохнула.

- Может, тебе с ней поговорить?

- Я подумаю, - кивнула Матильда. - Благодарю, я подумаю.

Дилера не стала настаивать. Вернулись Ардонские, и Матильда вновь застыла над рисунком. Но никто бы не догадался, что со стороны между двумя девушками идет оживленная беседа.

- Сходить? Хоть посмотреть?

- Малечка, а зачем?

Теперь в растерянности оказалась уже Малена. Матильде сказали о приезде гипотетической, но соперницы, а ей - наплевать? Что происходит?

- Мне не наплевать, просто меня так бабушка учила.

- Как?

- Сама бабуля кучу ошибок наделала в свое время. И меня очень просила, когда дело касается мужчин, первое - не верить подругам.

- Хм. А второе?

- Не будить лихо, пока спит тихо.

- Но?

Матильда улыбнулась.

- Ты уверена, что будет - но?

- Ага. Я с твоей бабушкой хоть и не знакома, но уверена.

- Третье - осведомляться о размерах 'лиха' по своим каналам.

Малена от души рассмеялась, благо, разговор между девушками никто не слышал.

- И у кого будем осведомляться?

- Разумеется, у Бариста Тальфера. Чтобы он - да не знал?

- А он нам скажет?

- Куда он денется от решительно настроенной женщины?
- В окно?
- Значит, надо сделать так, чтобы не сбежал.
- Поставить решетку?
- Малена, откуда у герцогессы такие криминальные наклонности? Прикормить! И никуда не денется!
Малена от души рассмеялась. А ведь и верно - не надо ловить мужчин, надо сделать так, чтобы они от тебя сбежать не захотели.

Барист Тальфер никуда и не захотел убегать. Особенно когда в его кабинет вплыл, источая умопомрачительный запах, громадный поднос со всякими вкусностями, вроде мяса, колбасы, сыра, отбивных...

Малену он сначала за этой роскошью и не заметил. Но улыбка герцогессы его успокоила.

- Уверена, что ты за своими государственными делами позабыл обо всем. Так что - обедать! Противостоять такому напору было невозможно. Девушка плюс колбаса - это неотразимое сочетание. Барист забыл на несколько минут обо всем на свете, и решительно задвигал челюстями.

Опомнился он минут через двадцать, когда поднос опустел.

- Спасибо, Малена.
- Не за что.
- А теперь выкладывай - что нужно? Не просто ж так все это счастье?
- Конечно, не просто так, - не разочаровала собеседника Матильда. - Шарлиз Ролейнская. Что с ней? Точнее, что с ней будет делать Рид?
Барист подумал, что не стоило бы выдавать тайны. С другой стороны, а что в этом такого секретного?

- Рид был с ней помолвлен.
- Я в курсе. Потому и спрашиваю.
- Сама понимаешь, отправить домой мы ее не можем, это конфликт.
- Вранье, - тут же отозвалась Матильда. - А правду?
- Она беременна.
- А от кого?
Барист подумал, что Малена просто умничка, сразу ухватила суть вопроса.

- От кагана Хурмаха.
Последствия Матильда тоже просчитала без особого труда.

- Ее нельзя отпускать.
- Правильно. А потому она будет оплакивать мужа. Со всем комфортом, в отдельном замке, с отдельным двором. Сразу после рождения ребенка.
- А до того?
- Побудет в гостях. Под замком, в трауре...
- А она с этим согласна?
Барист хмыкнул.
Ясно. Не согласна, но все на это положили с хвостом и тапочками.

- А ее родители?
Еще один хмык.

- Мы послали Самдию письмо, из которого следует, что леди Ролейнская и его высочество Найджел приглядываются друг к другу. Надо только выдержать время...
Матильда подумала, что восхищается этими интриганами.
Все на виду.
Все понятно. Но ты поди, придержи к паразитам! Нереально!

С Ридом она на эту тему и говорить не стала. Маркиз поднял ее сам, узнав о содержании разговора от Бариста. Специально вызвал Матильду от принцессы, урвал время... и пару поцелуев тоже урвал.

- Мне надо уверять, что я ничего не чувствую к Шарлиз?

- Нет.
- Что мне она даром не нужна?
- Нет.
- Малечка, ты меня точно не будешь ревновать?
- Буду, - от всей души сказала Матильда. - Ко всем женщинам старше двенадцати и моложе восьмидесяти. И к тем - тоже буду, в принципе. Так что пусть нам на свадьбу дарят сервизы. Колотить буду. В припадке ревности - и об твою многострадальную голову.
Рид расхохотался, урвал еще один поцелуй - и удрал. Женщины, такие женщины...

Матильда Домашкина.

Кто сказал, что сенсации у нас исключительно заказные?

Врут! Все врут.

Эта сенсация грохнула на всю область. Эдуард Асатиани вызвал прикормленных журналистов, вызвал и независимых, и понеслось...

Ей-ей, начини кто на колокольне плясуюю наяривать, и то бы меньше людей внимание обратили. Акулы, шакалы и мышки пера сорвались с цепи и вгрызлись в сенсацию, словно лемминги. И было, было отчего прильнуть к телевизорам, потыкать в интернет-новостях или послушать радио. Не вещали о сенсации только кофемолки - динамиков у них не было. Давид Асатиани собрался жениться на правнучке того самого Булочникова. Мецената и кутилы. Купца и исторической для области личности. И это - не липа, документы прилагаются, плюс результат генетической экспертизы. Ольга Викторовна, весьма довольная и развитием событий, и своей ролью феи-крестной, активно поучаствовала. Взамен просила позвать ее в крестные к первому ребенку.

Асатиани не возражали, как оказалось, у дамы муж был Величина с большой буквы. Из тех скромных и милых чиновников, которых никто в лицо не знает, не замечает, но мимо них, как мимо сторожевой собаки, не пройдешь без хорошего куска мяса. А иногда и с ним не пройдешь. Внучка попросила, чтобы Асатиани восстановили церковь, построенную ее прадедом. Эдуард Давидович согласился, и там... там нашли ТАКОЕ!!!

Иконы! Оклады! Церковные книги! Видимо, священник, который близко дружил с Булочниковым, да и семинарию окончил на его деньги, спрятал их, когда пришли красные. А откопать и некому было. Печально бедняга свою жизнь закончил, закололи. Не церемонилась советская власть со столпами православия. Она, впрочем, ни с кем не церемонилась.

Клад Булочникова?

Нет, этот клад не нашли, где-то еще закопан. Только церковный.

Так что Эдуард Асатиани (православный и искренне верующий) объявляет, что намерен за свой счет отреставрировать церковь (добровольные пожертвования принимаются охотно) и передать ей все найденное добро. Чтоб не на пустом месте, значит... Ну и кости священника хорошо бы найти и перезахоронить, но это мы уж потом, потом...

Разумеется, пришлось дать несколько интервью, поучаствовать в телепередачах, но куда не денешься - зло неизбежное. Уж очень удачное сочетание получилось.

Любовь есть, романтика есть, история, тайна, да к тому же еще всю эту шумиху сильно одобрил местный архиепископ. Он как раз мечтал об известности. А тут такой пиар на халяву.

Кстати о халяве, квартиру - шикарную, из четырех комнат, в новом доме на набережной,

Эдуард Асатиани на нее оформил почти в тот же день. И машину ей купили. Джип, конечно.

Самая, по утверждению Давида, безопасная машина. Под КАМАЗ, конечно, лезть не надо, а так - нормально. Двенадцать подушек безопасности.

Квартиру Малена тут же сдала иностранным студентам, а то на квартплате разоришься, и окончательно перевезла вещи к Давиду. Свою квартиру она тоже сдаст, только чуть попозже, вот, придет в себя - и сдаст.

Через два дня после объявления в газетах Матильду нашел Антон Владимирович.

Шел я по улице, уперся во что-то лбом, смотрю - дом стоит, - вспомнилось Малене что-то из классики, когда она едва не наскочила на Антона. Вид у донжуана был достаточно... потрепанный?

Нет, даже не так. И вещи с иголочки, и ботинки начищены и прическа волосок к волоску, а что-то все ж не то. Тоскливый у него был вид, тоскливый и грустный. Но поджидал он явно Малену, иначе не прогуливался бы рядом с ее новой работой.

- Здравствуй, Малечка.

- Добрый день, Антон Владимирович.

- Не уделишь мне пару минут? - Антон кивнул на свою машину, которая была видна в окно.

- Не думаю, что стоит, - открестилась Малена, вспоминая прошлый опыт. - Если у вас есть ко мне какое-то дело, говорите здесь и сейчас.

Антон замялся. Ему явно было неудобно.

- Малена... ты все это из-за денег?

- Каких? - искренне удивилась Малена. Найденные иконы и оружие, конечно, были ценными, но не настолько, чтобы из-за них копы ломать.

Антон криво усмехнулся.

- Что тебе Асатиани пообещали за этот спектакль? Деньги? Или что?

- Спектакль? - от души удивилась Малена.

- Что ты повторяешь, как попугай! Думаешь, я не знаю, как такие дела делаются?! Небось, Эдуард раскопал что-то, а тобой просто прикрываются! Ты не понимаешь, что ты нужна просто, как афиша? На пару дней, пока цирк не уедет? Нет?

Малена вскинула голову.

Антон был невероятно далек от правды. Но не он читал с ней письмо прадеда, не он шел в старую церковь, не он ограждал ее от возможной опасности... нет, не он. И герцогесса надменно поглядела на стоящего перед ней мужчину. Сверху вниз, хотя как ей это удалось? Кто знает?

- Антон Владимирович, я не думаю, что мои личные дела вас каким-то образом затрагивают.

- Давай уедем вместе?

Такого Малена никак не ожидала.

- Что?

- Давай уедем. Пусть Асатиани с этим сами разбираются, поженимся за границей, потом вернемся...

Малена рассмеялась. От всей души расхохоталась, глядя на мужчину, в которого была, да когда-то была влюблена. А сейчас она чувствовала лишь легкое недоумение. Что она в нем нашла?

Что?

Внешность? Фактуру? Фигуру? Нет, уже не понять. Чувства исчезли, оставив только грусть и разочарование.

- Антон Владимирович, окажите мне любезность? Избавьте от своего присутствия в моей жизни.

Антон вспыхнул, как громадный рак.

- Ты... нарочно, да? Ты с самого начала за Додиком охотилась?!

И что тут было отвечать? Да ничего, махнуть рукой и пройти мимо.

Не получилось. Малену схватили за плечо и развернули.

- Мы не договорили.

- Напротив. Мы все выяснили. Я - корыстная и злобная хищница, которая охотилась за Давидом Асатиани и поймала его, - улыбнулась герцогесса. - Заодно я смогла оказаться полезной его семье, так что быстро мы не расстанемся. А вас попрошу не влезать в мои подлые и коварные планы. И - да, можете поделиться этой точкой зрения с Давидом, ему тоже будет интересно.

Антон вспыхнул еще сильнее, а потом как-то ссутулился даже...

- Зачем ты так?

И что за манера задавать идиотские вопросы, на которые нет ответа? Зачем? За колбасой!

Осталось лишь ответить вопросом на вопрос.

- Что вас не устраивает?

- Малена, мы еще можем быть счастливы.

- Можем. Но порознь, - подтвердила герцогесса. - Простите, мне надо идти, в автошколу опаздываю.

- Давид тебе уже машину купил?

- Антон Владимирович, сколько мне раз еще повторять? Моя жизнь вас не касается. Никак.

Герцогесса огляделась по сторонам, благо, разговор проходил на улице.

- Хоть до смерти. А я все равно буду тебя ждать. И любить тоже буду.
Малена кивнула на проходящих мимо патрульных. Есть такие, улицы обходят, предусмотрительно выбирая места поспокойнее.
- Мне к ним броситься и устроить скандал?
Антон отступил на шаг и демонстративно склонил голову.
- Ты знаешь, где меня найти.
- Мои пожелания всего наилучшего Ирине Петровне, - ответствовала Малена, быстрым шагом направляясь за патрулем. Вот еще... лист банный.
Но ведь не расскажешь ему правду?
- Нет, не расскажешь, - согласилась Матильда, которая не лезла в разговор. Слишком уж руки чесались 'побеседовать'.
- И что тогда делать?
- Ничего. Давиду - рассказать, а самой ничего не делать. Зачем?
Так Малена и поступила.
Давид выслушал ее с непроницаемым выражением лица, а потом вздохнул.
- Малечка, давай уже поженимся?
- Когда?
- Вот завтра пойдем и подадим заявление.
Неизвестно на какие кнопки нажали Асатиани, но брак согласились зарегистрировать уже через неделю. Даже раньше, чем у Малены. Остался главный вопрос - как рассказать обоим мужчинам о связи между девушками? Как?
Утаить не получится, но и сказать такое...
В мире Марии-Элены это было чревато поиском одержимости, а там к одержимым относились плохо. Матильда, будучи скромнее, прогнозировала себе дурдом.
А что тут скажешь?
Дорогой, у меня есть отражение в другом мире, да, это оно сейчас с тобой разговаривает. Да нормальная я, нормальная...
В это сложно было поверить даже самой Матильде. А уж как это Давид воспримет...
Фантазия решительно отказывала. Зато активизировались дамы Асатиани. И не только они.

София Рустамовна встретила Матильду при полном параде, с подаренными украшениями в ушах и на шее. И улыбалась вполне дружелюбно.
- Здравствуйте, София Рустамовна, - поздоровалась Малена.
- Ну, что ты, девочка. Малечка, мы все равно становимся одной семьей, ты не возражаешь, если я тебя буду называть Малечкой?
Малена улыбнулась в ответ. Ладно, раз с ней идут на контакт...
- Для меня это будет честью, София Рустамовна. Я полагаю, вы в курсе, что у меня нет семьи?
- Да. Дэви мне рассказал. И что бабушка у тебя умерла, ну и... мои соболезнования, Малечка.
- Спасибо. София Рустамовна, позвольте, я буду говорить откровенно?
Женщина кивнула.
На невесту сына она смотрела с подозрением. Чего уж там...
Слишком много вокруг Малены всего непонятного, слишком много проблем. Но раз уж Давид решился... мужчин в таких вопросах не свернешь. Проще согласиться. Надоест игрушка - тогда и уберем с глаз долой, не раньше.
- Я тебя слушаю. Может, присядем?
- Благодарю вас, - Малена опустилась в кресло, и София Рустамовна отметила, как она это сделала. Легко, привычно, плечи расправлены, осанка хоть линейку прикладывай, руки спокойно сложены на коленях, поза явно привычная и исполненная достоинства.
- Чай? Кофе?
- С вашего позволения, простой воды.
София Рустамовна кивнула, вызывая прислугу. И отметила, что Малена и услуги принимала совершенно спокойно. Привычно, поблагодарив кивком... вежливость, но не лизоблюдская, а такая, спокойная...
- Малечка, у меня такое ощущение, что ты родилась в семье герцога, - дружелюбно улыбнулась София Рустамовна.

И вдруг увидела, как в глазах девушки мелькнула... растерянность? Удивление? Один миг, всего один миг. И он тут же получил свое объяснение.

- София Рустамовна, единственное, что бабушка могла мне дать - это воспитание. Точно так же, как родители воспитывали ее, а она воспитывала меня. С матерью, к сожалению, не получилось. Советские времена, работа...

- Может быть, она знала о своих корнях?

- Может быть. Но в те времена обнародовать это было слишком опасно, - покачала головой Малена. Отпила глоток воды, и поставила стакан на стол. - София Рустамовна, я понимаю, вы хотели для сына иного. Наверняка, каждая мать хочет для сына всего самого лучшего. Я не могу сказать, что идеальна, но могу вам пообещать одно. Пока мы будем вместе с Давидом - я не предаю его, не обману, не сделаю ничего, что могло бы повредить его семье и не опозорю своим поведением род Асатиани. Будет ли этого достаточно - решать вам.

И опять почудилось женщине нечто такое... так не сказала бы обычная студентка. Им такие мысли не свойственны.

Род, семья, позор и честь... да сколько девчонок в восемнадцать лет об этом задумываются? Единицы. Из многих сотен тысяч.

Или такие, как Малена, для которой это жизнь. Простая, повседневная, самая обыкновенная. А что такого? Род - это РОД. И честь - это ЧЕСТЬ. И горе тому миру, в котором подлецы затрепали или обесценили эти слова.

София Рустамовна вздохнула.

- Я верю. Но... пока вы будете вместе?

- Я не бью в спину. Я не уйду, не обману и не предаю. Если Давид поступит так по отношению ко мне, я буду считать себя свободной от обязательств, - просто разъяснила Малена. - Я верю, что вы воспитали достойного сына, поэтому с легкостью говорю об этом. И... надеюсь, что вы мне поможет с воспитанием детей.

- Детей? Вы...

- Я - девушка! - вспыхнула Малена. И заработала еще один плюсик от свекрови. - Я надеюсь, что у нас будут дети, но меня не воспитывали в ваших традициях. И мне очень нужна будет помощь. Помощь и совет.

И сложно было спорить с этой логикой.

София Рустамовна оценила Малену по достоинству. Девушка уступала ей главенство, надеялась на поддержку, обещала честность и порядочность - и не лгала. Уж это-то женщина видела. У нее не отнимали сына. Ей предлагали дочь, и глупо было отказываться от такого подарка судьбы. София Рустамовна решила сделать шаг навстречу. Она была умна, и не собиралась проводить соревнований дневных и ночных кукушек.

- Малена... я не думаю, что у нас все будет гладко, но ты можешь попробовать. Мои дети называют меня мамой, мне приятно будет, если и ты меня станешь так называть.

- Вы... уверены в этом?

- Да.

- Я буду считать это честью... мама.

София Рустамовна улыбнулась еще раз. Да, девочка умна. И потребуется время, чтобы ее приручить, но может быть, Давид сделал правильный выбор? Известно же, что умные и сильные дети рождаются от умных и сильных женщин. А им нужны именно такие.

- А теперь, Малечка, давай обсудим все, что нам надо подготовить для свадьбы. У нас еще столько хлопот... дочка.

Ага, будь воля Марии-Элены, она бы не устраивала такого балагана. Но - положение обязывает. Сначала - светская свадьба. Потом - церковная. Из ЗАГСа все друженько едут в церковь, в ту самую, в Булочниковскую... там пока идет реконструкция?

Наплевать!

Свадьбу уже санкционировали сверху. Иконы повесим, леса задрапируем занавесками, алтарь восстановили в первую очередь, героям отказывать нельзя. Из таких поступков легенды и складываются.

Областной архиерей, прослышав про находки, лично приехал, ахнул, пожал руку Эдуарду Асатиани и заявил, что только истинно православные люди могут совершить такой подвиг. А в нечестные руки клад не дался бы, так-то.

'Нечестные' люди, которые не один десяток таких кладов вырыли, посмеялись, но результат получился очень даже положительный для Асатиани. Эдуарда привечали и раньше, потому как делился, а сейчас он стал модным. Своего рода 'bonton'.*

*- bonton - хороший тон, фр. Прим. авт.

Фирма ловила заказы на лету, телефоны не остывали, и было похоже, что Асатиани долго будет поддерживать эту шумиху. Что ж, как сказал кто-то из великих - мне плевать, что обо мне пишут, лишь бы мою фамилию писали правильно.* Но положительная реклама все же лучше отрицательной.

*- Мадонна, прим. авт.

А Малена готовилась к свадьбе.

Вот тут она и оценила своих будущих золовок, свекровь и даже Давида. Боги милостивые, сколько ж всего нужно чтобы выйти замуж?

Платье, туфли, аксессуары, белье (белое отлично гармонировало с красным тоном всей Малены, когда она в одном белье посмотрелась в зеркало), костюмы, цветы, приглашения, помещение, праздничный обед, машины, музыка, фотографии...

Матильда убила бы.

Малена стиснула зубы и впряглась в работу. И видеть не видела, какими взглядами обменивались иногда София Асатиани и ее дочери. Они этому учились на ходу, став богатыми. Иногда получалось хорошо, иногда плохо, но получалось. А у Малены все выходило само собой.

От разговоров до распоряжений, от организации праздника, до приказов портным. Дамам Асатиани это давалось кровью и болью. Малена это словно бы всегда знала.

Так кто ее воспитывал? И как?

Ответ был прост. Монастырское воспитание, это не одни молитвы. Как Марию-Элену не пытались сломать, но образование ей дали соответствующее. Она могла руководить большим хозяйством, она распоряжалась слугами, она впитала это с молоком матери, и видела, как это делает герцогиня. Применить эти знания в двадцать первом веке?

Запросто.

И все чаще за спиной у девушки раздавались шепотки: 'кровь сказывается', 'аристократка', 'повезло Давиду'...

Асатиани млели полным составом. Малена при случае подчеркивала, что алмаз, прежде, чем он станет бриллиантом, надо найти, отмыть, огранить... вот кто нашел - того и ценность. К примеру, вот Давид Асатиани, разглядел и нашел. А остальные уж простите. Ищите да обрящите.

Спорить было сложно.

Чего не ожидала Мария-Элена, да и Матильда - это визита Анжелики.

- Матильда?

- Да, - чуть с заминкой отозвалась Мария-Элена.

- Уделишь мне пару минут?

- Простите, а вы кто?

- Не узнаешь? Анжелика.

- Как... ах, Анжелика. Да, я вас помню. Что вам угодно?

На том конце провода замешкались, а потом вздохнули.

- Мы можем поговорить? Наедине?

Соображать пришлось быстро. Приглашать эту заразу к Давиду или на свою территорию?

Матильда решительно не советовала. Мало ли каких пакостей подстроит обиженная девица?

Можно встретиться с ней немедленно - и там, где она не ждет. К примеру...

- Можем. Подъезжайте в Макдональдс, я там буду через десять минут. Знаете, на Садовой? Это было буквально в двух шагах, так что Малена успеет. А Анжелика.
- Хм... Макдональдс? - и так это прозвучало, словно даму желают дохлыми крысами накормить. Или в бомжатник приглашают.
- Могу не приходить, - Малена ничего не теряла. Собеседница это поняла, и отыграла назад.
- Хорошо. Я буду.
- Жду.
Мария-Элена щелкнула кнопкой телефона, отключаясь, и поглядела в зеркало. Джинсы, водолазка, ветровка сверху, кроссовки на ноги - и что еще надо? Все прекрасно смотрится. Спортивный стиль на то и спортивный.
- Может, подкраситься? - предложила Матильда.
- Не стоит, - махнула рукой Мария-Элена. Чуть-чуть краски было, тушь для ресниц, помада, а что еще надо? Раскрашивать себя в середине дня - тоже дурной тон.
И девушки поспешили к Макдональдсу.
Что там у нас в меню? О! Картошка фри и кока-кола. Мегакалорийно, зато вкусно, и точно не отравишься.

Анжелика появилась через десять минут. И выглядела она...
Вот Малена смотрелась в Макдональдсе своей. Мало ли кто там в джинсах бегает? А Анжелика - чужеродным элементом. Минни в стразах, шпильки высотой с Эйфелеву башню, дорогушая сумочка... и вот это великолепие подходит и распоряжается:
- Закажите мне воды. Минеральной, без газа, лучше французской, если у них есть.
Малена посмотрела с искренним удивлением. Вот ведь... дура?
- Здравствуйте, Анжелика.
- Добрый день.
- Я вас слушаю? - ничего заказывать Малена точно не собиралась. Вот еще не хватало!
Анжелика это поняла и сморщила нос с видом королевы в изгнании. Вышло смешно и нелепо. На поле роза - королева, в оранжерее - середнячок. Рядом с той же Юлией или Дианой Анжелика казалась эталоном, рядом с Маленой - нелепой неуклюжей девчонкой. Она-то играла, а герцогесса жила.
- Сколько вы хотите?
- За что? - не поняла Малена.
- Чтобы уехать, - Анжелика села за стол, нервным движением бросила перед собой сумочку, побарабанила по ней ногтями такой длины, что гоголевский Вий в гробу перевернулся от зависти. Куда ему, бедолаге, без маникюра.
- Уехать? - все еще не понимала Малена. Разъяснила Матильда.
- Она тебе бабло, а ты уезжаешь от Давида. Она его утешает и женится. То есть выходит замуж.
- Она дура?
- А что, есть сомнения?
Сомнений у Марии-Элены не осталось, и она с интересом поглядела на Анжелику.
- Ну и сколько вы мне готовы предложить?
- Двадцать тысяч. Долларов.
- Всего-то? - разочарованно протянула Матильда. Малена хмыкнула.
- Любовь нынче дешева.
- Это нас с тобой дорого не ценят.
- Вы меня так низко цените? - Тут же проверила теорию подруги герцогесса.
- Хорошо. Пятьдесят тысяч. Долларов, конечно.
Малена хмыкнула.
- Что-то еще вы мне предложить хотите?
- И этого мало!
- Целого мира мало, - стройкой из песни ответила Малена. - За любовь - мало.
- Ты надо мной издеваешься?
- Нет. Это вы надо мной издеваетесь, - Малена смотрела на девушку, и не могла понять - то ли она такая дура, то ли Малена чего-то не понимает... да что тут происходит?
- Это в порядке вещей. Девочка насмотрелась телесериалов, - шепнула Матильда.

Малена сериалы не смотрела, но смысл и суть поняла.

- Простите, я не продаюсь.

- Ты об этом еще пожалеешь, - прошипела Анжелика в лучших традициях тех же сериалов.

Малена поднялась из-за стола, сунула под поднос пятьсот рублей и мило улыбнулась.

- Рада была пообщаться. Всего хорошего.

Уже дома она искренне недоумевала.

- Я должна была взять деньги - и что?

- Уехать, - разъяснила Матильда. - И спрятаться в монастыре, к примеру. В мужском.

- Зачем там прятаться?

- Чтобы Давид тебя не нашел...

- Так все равно найдут ведь. Разве нет?

- Разве да. Это не средние века, сейчас интернет есть даже в колхозе Гадюкинка. А интернета не будет, так еще что отыщется, спутниковая связь, к примеру. Спрятаться сейчас можно, но не с нашими силами.

- А с чьими?

- Спецслужб, к примеру. Но это не наш вариант - второй выход - это большие деньги. Очень большие деньги.

Малена фыркнула.

- Где логика? Мне платят деньги, чтобы я уехала на них от Давида и вновь осталась на бобах?

- Хм-м... а как же феминизм, яростный и неукротенный? В неволе жить не буду, свобода на кону? Твердят "есть жизнь повсюду". Нет жизни в плену! *

*- песня из к/ф 'что сказал покойник', автор и исполнитель Е. Камбурова. Прим. авт.

- При чем тут одно к другому?

- Ну... - Матильда и сама понимала плоховато, но попробовала объяснить. - У нас сейчас сложная эпоха. Полноценными считаются два типа отношений. Первый - это купи-продай. С меня секс, с тебя деньги.

- Это фу.

- Это свободный выбор каждого. Продаваться, не продаваться. Сама понимаешь, продажной тварью жить никому не хочется, вот и возвели это чуть ли не в добродетель. Продался удачно - честь тебе и хвала.

- Все равно фу.

- Вариант второй - вот, как у нас с Ридом. Мы увидели друг друга, и тут же уши у нас похолодели, сердца загорелись, носы зачесались...

- Тильда, ладно тебе иронизировать!

- Короче - лямурррр в худшем варианте, когда крышу сносит до фундамента.

- А все остальное?

- А это для бездушных и черствых особ. Объявляется недостойным и приговаривается к всеобщему обфыркиванию. Вроде как неполноценные отношения.

- А что любовь может возникнуть в браке? Что брак может быть договорным? Что...

- Малечка, да вариантов масса, кто б спорил! Но у нас сейчас почему-то пошел перекося. А еще популярны романы, где он ее любит, она его не любит, и он за ней всю дорогу бежит.

- И что?

- Потом она, в отсутствие выбора - или в его присутствии, но выбор там не айс, осознает, что любит только его, снова его и еще раз его. И - любит во всех позах. Свадьба, сказка, хеппи-энд.

- Странно как-то.

- А у вас, вот, неразделенная любовь к прекрасной даме. Есть такое?

- Есть.

- Вот. Выверты сознания, а где уж чье - какая разница?

Малена задумалась.

- Я одного не поняла. Так что я должна была делать... в рамках жанра?

- Страдать. Рыдать. Мучиться сомнениями и угрызениями совести - ты же не любя, идешь замуж. Уступить свое место Анжелике, и пусть Давид за тобой гоняется еще лет десять. Так, к примеру.

- А авторы этих сериалов сами так жить не пробовали?

- Малечка, милая, и не будут. Они что - идиоты? В реальной жизни у них семьи, дети, огороды, родственники - да много чего разного. Но уж точно не вот это... буйство ошалелой страсти.

- А зачем это внушать людям?

- У меня есть одна идея, но я не уверена, что она правдива.

- Подробнее?

- Потому, что сидя вечером на диване, и вкушая колбаску под пиво, приятно полюбоваться на все эти страдания, переварить и отправиться на бочок. И все.

- А...

- Так и у вас кто-то в игры заигрывается.

- Ну да.

- Так что - бежать не будем?

- Матильда, если б мы сбежали, мы бы идиотками были. Вот смотри, общие интересы - раз. Взаимопонимание, уважение, привязанность, общие моральные ценности... этого - мало? А ты уверена, что мы не перепутаем любовь со страстью? Не выберем подлого и недостойного человека? Антон - отличный тому пример, и ты меня предостерегала.

- С Ридом не перепутали.

- А еще он Торнейский, бастард короля, и сразу повел нас в храм. И ты вспомни, на него сколько женщин охотилось...

- Малечка, вот уж чего я от тебя не ждала? То есть, будь на его месте Лоран...

- Я бы костями легла, но тебя остановила. Тильда, любовь - это замечательно, но есть еще семья, род, дети, земли... то, что не объясняют вам, но что втолковывают нам даже в монастыре. Страсти поддаться можно. Но - в браке. И с законным мужем. Или последствия будут весьма печальны.

- А мы с тобой Ромео и Джульетту читали?

- Ну так они и умерли.

Спорить было сложно. Умерли, чего уж там. Народ третий век рыдает...

- Никогда бы не подумала, - протянула Матильда. - Но средневековый прагматизм - это нечто стенодробительное.

- Сейчас как дам... больно.

- Эй, тело-то одно...

- А ты вредина.

- И ты не лучше.

Девушки рассмеялись, и благополучно забыли и про Анжелику, и про разговор. Тем более, Малене искренне стало интересно, что сказал покойник и кому.

Пришлось показывать фильм.

Элинор Ардонская порхала по замку, словно бабочка.

Она перелетала от дома Домбрийских к королевскому дворцу, потом к портному, и опять во дворец!

Боги, благословите Марию-Элену Домбрийскую!

Какой же Астон умничка! Какой он замечательный и сообразительный, как он сразу понял, что надо поддерживать герцогессу, а не вдовствующую герцогиню, и как все замечательно получилось! Просто восхитительно!

Теперь она одна из дам королевы, дочери - фрейлины, и ждут их блистательные перспективы, только успевай женихов перебирать. А уж после свадьбы герцогессы с братом короля...

А ведь Мария-Элена внятно объяснила, что берет Ардонских под свое покровительство! И маркиз Торнейский от этого слова не откажется, даже если станет регентом!

Перспективы завораживали.

Да настолько, что Лорену графиня Элинор даже не заметила. А когда поняла, кто стоит в коридоре, просто сделала реверанс и хотела пройти дальше. Остановил ее свистящий шепот.

- Расссвлекаешшшшшссся?

Так могла бы шипеть гадина. Опасная, смертельно ядовитая - и атакующая.

Но за своих детей любая женщина самой страшной гадине голову отвинтит и скажет, оно так само получилось. Даже совестью не угрызнется. Так что графиня Элинон прищурилась.

- У вас ко мне дело, ваша светлость?

- Думаешь, самые умные? Да?

Примерно так Элинон и думала. Что и озвучила.

- Если мы в милости у короля, а вам бы лучше при дворе лет пять не появляться...

Лорена побледнела, потом покраснела...

- Что, полагаешь, тебе все это так просто с рук сойдет? Да? И тебе, и твоим выб...кам, и этой малолетней б...?!

Графиня по-простонародному уперла руки в бока. Оскорблять ее дочерей? Да и за Марию-Элену она бы сейчас шкуру спустила, хоть с Восьмилапого. На сувениры бы разделала.

- По себе судишь? Сама продавалась с малолетства, так думаешь, все такие же?

- Я-то герцогиня...

- Вдовствующая. И отправишься ты во вдовый дом, в Донэре, и доживать там будешь, или в монастырь, к дочке-потаскушке! Там тебе и самое место! И язык придержи, чай, не на конюшне с любовником!

- Убью!

Лорена взвизгнула гарпией и бросилась вперед, желая выдрать у графини пару-тройку клоков волос. Не получилось. Перехватил вовремя появившийся Дорак Сетон.

- Извольте успокоиться, ваша светлость.

Лорена выдохнула, и обмякла в сильных мужских руках.

- Дорак... проводи меня, мне дурно.

Даму вежливо сгрузили в ближайшее кресло.

- Простите, ваша светлость. Моя невеста такого не одобрит.

- Не...вес... та?!

Последняя соломинка от души ломанула спину верблюда.

- Да, невеста. Ровена, компаньонка ее светлости.

Лорена закрыла глаза.

Ненадолго, на пару минут. А потом открыла их, уже совершенно спокойная.

Не бесилась, не кричала, просто смотрела.

- Значит, так?

Ответом ей стали решительные взгляды.

Да, так, и еще раз так, и вообще...

Лорена медленно встала из кресла и удалилась. Дорак и графиня Элинон переглянулись.

- Ядовитая гадина опасна. Как бы не цапнула, - изрекла графиня.

- вот и скажите об этом ее светлости?

- Скажу...

Ах, если бы сказала. Хотя и Малена могла не принять это близко к сердцу. Но Дорак решил, что все сказано, а графиня просто забежалась и замоталась. И забыла.

Малена так ничего и не узнала. А Лорена...

Лорена готовила месть.

А время неумолимо шло к свадьбе. Даже - двум.

Матильда Домашкина.

Платье было шикарным. И девушка в нем - тоже была очаровательна, куда там голливудским феям! Они-то киношные, а тут все в реальной жизни.

- Ты красавица, дочка, - искренне сказала София Асатиани, когда ее увидела.

Сейчас видели только Матильда и Малена. Они крутились перед зеркалом, они улыбались друг другу и были счастливы.

Белое платье, фата, как символ невинности, венок из флердоранжа... все очень простое, гладкий белый атлас, чуть-чуть кружева, никаких безумно пышных юбок, просто, скромно, безумно элегантно.

Завтра Давид заберет ее из дома тети Вари. А откуда еще?

Не от родителей мужа ведь? И не из своей квартиры, это уж вовсе неправильно. Значит - тетя Варя. Та была тихо счастлива, узнав о свадьбе, и конечно, согласилась. Пусть девочка у нее переночует, а уж она присмотрит. Огорчало девушек только одно. Они так и не придумали, как начать разговор о зеркалах, а надо бы. Уже давно надо. Но... Вот и сейчас Малена легла, сжимая в руке зеркальце в бархатном мешочке. Последнее время они стали спать с зеркалами, как с плюшевыми мишками. Беся-то осталась в доме Давида... шарик на лапках. Кто бы опознал в ней бывшую помойную кошечку? Такой меховой комок стал! Скоро и не поднимешь!

Мария-Элена Домбрийская.

Лорена никого и никогда так не ненавидела, как эту соплячку.

Никого.

Никогда.

Как так могло получиться, что вся ее жизнь, ровная, уютная и налаженная, развалилась из-за какой-то девчонки? И ведь ничего уже не вернешь, ничего...

Дочь в монастыре, забрать ее оттуда можно, но скандал с Силантой такой вышел... на хорошую партию можно не рассчитывать.

Брат...

Лоран хуже, чем мертв. Что с ним, как он... из лап архона Реонара не вырвешься, это Лорена поняла. Сегодня она была у него на приеме.

Архон принял ее тотчас же, не заставил ждать, и это вселило определенную надежду. Но потом...

Стоило ей заговорить о Лоране, и архон перешел в атаку.

Ах, вы знали, что творит ваш брат? А почему не пресекли? Почему позволили ему издеваться над падчерицей, почему не сообщили о его странном, даже больше, чем странном увлечении травами? Вот, герцогесса сразу поняла, что это такое!

Что теперь будет с Рисойским?

Вылечить уже нельзя, можно облегчить состояние. На площади на всеобщее обозрение выставлять не будем, все ж не простонародье, а благородный человек, но... из монастыря Лорана не выпустят. Будут лечить.

Читай - Лорена осталась одна.

У нее никого нет. Когда эта соплячка расправится и с ней - можно только гадать, но скоро, это уж точно. Очень скоро...

А раз так...

Приняв решение, Лорена осмотрела комнату.

Ничего.

У нее - ничего, ее эти игрушки никогда не интересовали. А вот у Лорана есть оружие. На дворе ночь, эта гадина спит у себя...

Лорена медленно вышла из своих покоев и пошла по дому. Остановить ее было некому. Все спали.

Ровена кормила ребенка.

Дети, это такие милые и очаровательные существа, которым плевать, что сейчас два часа ночи.

Ему хочется кушать, или писать, или...

Мама, ты не поняла?

Ему - хочется. Ты - бегаешь.

Хорошо уж было то, что пеленки не самой стирать, да и госпожа Малена приставила персонально к Ровене двоих служанок. И намекнула девчонкам, что этот ребенок - не последний в доме. Так что старались девушки на совесть.

Личная нянька сына герцогессы?

Герцога Домбрийского?

Не лестно? Не выгодно?

Ровена покормила малыша, и задумалась. Пощупала пеленки...

Оххх... а сухие где? Теперь, на кухне...

Ровена вышла из спальни. Служанки спали, и ей стало жалко девушек. Это она может спать сколько пожелает, ей повезло, да и проснулась она уже...

Положить малыша в колыбельку, тряхнуть за плечо ближайшую служанку.

- Приглядывай.

- Да, госпожа.

Даже через сон девушка принялась качать малыша, и тот засопел, довольный. Это, конечно, ненадолго, Ровена пока его развернула, но спать он так не будет...

Женщина выскользнула в коридор.

Лорена коснулась лезвия кинжала. Острый.

Снять его со стены было несложно. И - в коридор.

Вот и покои этой мерзавки. Дверь изнутри заперта, но Малену не просто так поселили в эти покои. Лорена касается петель. Лоран показал, готовился для себя, да вот, не воспользовался. Спасибо тебе, братик, ты дал мне возможность отомстить.

Засов на двери не прибит, а прикручен. И его можно открыть снаружи, надо только вот этот винт, и вот этот...

Лорена так и поступает.

Сердце бьется в бешеном ритме, кровь гремит в ушах, заглушая все шорохи... наконец железка поддается. И...

Внутрь.

Туда, где слышится легкое сонное дыхание.

Вот и спальня. И Мария-Элена в кровати. Улыбается, ей снится хороший сон...

Лорена подумала, куда бить. Не в голову же?

В сердце, и только в сердце. Сейчас эта дрянь повернется, и...

Мария-Элена не заставила себя ждать или упрашивать. Повернулась на спину, будто слышала мысли Лорены.

Клинок взлетел - и ударил, проблеснув в лунном свете серебристой рыбой.

Матильда Домашкина.

Разговор, о котором девушки так и не узнали.

Никогда.

- Завтра у них свадьба. Это конец.

- И ты ей просто так все это спустишь?

- А что я могу сделать?

- Что угодно! У тебя отец, у тебя родители такие, что ты ее вообще пристрелить можешь, как бешеную собаку, и тебе за это ничего не будет.

Две девушки сидят за столом, пьют дорогое вино (почти шесть тысяч долларов за бутылку, Chateau le Pin Pomerol) и как водится, сплетничают.

О мужчинах, о женщинах, о своей печальной судьбе

Анжелика в печали и слезах. Из депрессии она не вылезает вот уже вторую неделю, с того приснопамятного разговора. Но и ее собеседница не лучше.

И присмотревшись к ней, можно легко узнать Евгению.

Да-да, ту самую, скромную и незаметную девушку из турагентства. Хотя сейчас уже безработную. Антон все же уволил ее с 'волчьим билетом'. Со злости ли, с дурости...

А может, все намного проще?

Два неудачных разговора, всего лишь два неудачных разговора.

После одного Анжелика принялась заедать депрессию таблетками, как научили в английском колледже дипломированные врачи и психологи.

После второго Антон запил, наплевав на врачей, психологов и всю планету. И не собирался выходить из этого состояния до свадьбы Малены. А еще лучше - до ее развода.

Ведь будет же он когда-нибудь, правда? Ничто не вечно под луною?

Соперничество с другом?

А когда оно превратилось в нечто другое? Когда ему стала нужна не победа, а сама Малена?

Сама девушка, с ее гордостью, ее внутренней чистотой, ее стержнем, ее...

Антон знал себя. И осознавал - он бы не смог принимать удары так, как она. В чем-то Малена оказалась сильнее, добрее, умнее и лучше, она выбрала другого, а ему ничего не оставалось, как спрятаться в алкогольном тумане.

От себя самого спрятаться.

Если бы тогда он не шагнул назад.

Если бы смог встать рядом с ней и заявить - мне плевать, кто родители моей девушки? Любой, кто поднимет на нее хвост, будет иметь дело со мной?

Что бы изменилось - тогда? Да все!

Сейчас они с Маленой готовились бы к свадьбе. Они. Но... не случилось, не сбылось, и не желая помнить о своей слабости, о минутном колебании, которое обошлось так дорого, так безумно дорого, Антон пил, пил и пил. Зарывался все глубже в алкогольные галлюцинации и плыл по спиртовым волнам, путая реальность с миражами.

В одном из таких облаков, от девятой бутылки и глубже, он и открыл дверь Жене. И даже, кажется, трахнул ее. Или нет? Даже этого он не помнил.

Алкогольная интоксикация тем и печальна, что стрелки всегда на полшестого. Хоть ты домкрат привязывай.

В любом случае, обнаружив у себя в постели постороннюю девчонку, Антон тупо выволок ее на лестницу, в чем мать родила.

При чем тут Малена?

А если бы не она, ничего бы не случилось.

Не влюбился бы Антон, не запил бы, не выгнал Женю, не...

Понять, что во всех бедах человека виноват только сам человек, Женя не могла. Да и не нужно ей это было, в линейной системе координат влюбленной девушки, все было просто, как карандаш. Вот злая Малена, вот хорошая Женя, а Антон страдает. И поэтому Малена заслуживает всего самого худшего. Третьего - не дано.

- От убийства отец меня не отмажет, тут и думать нечего.

- А от хулиганства?

- Это как? - загораются огнем глаза Анжелики. Психологи любят словосочетания, типа: 'Не прощенная вовремя обида способна искалечить судьбу человека', 'искажающая наше мировосприятие несправедливость должна быть каким-то образом отражена в действии', а молоденькие дурочки им верят. И непоправимо калечат свои судьбы. И ладно бы свои...

- Смотри...

Женя достает из сумочки пистолет, направляет на пол и нажимает на курок.

- Ой! - вскрикивает Анжелика, но выстрел не производит разрушительных последствий. Паркет цел. На полу расплывается кровавое пятно.

- Прикольно, правда?

- Да... а что это?

- Пистолет-прикол. Ты всегда можешь подойти к церкви и выстрелить в разлучницу, понимаешь? Она с пятном на платье, день испорчен, а может, она еще и обделается от страха. И не будет у нее красивой свадьбы. А может, и вообще ее не будет, примета-то плохая?

Анжелика хлопала в ладоши.

- А это не опасно?

- Можешь в меня выстрелить. Я только клеенку возьму, чтобы платье не заляпать, - пожала плечами Женя.

Попробовали и на Жене, и на Анжелике... несильный толчок, но и только. И краска.

Гадкая красная краска, которая намертво испортит любую одежду, а уж тем более свадебное платье. Да и кожу тоже... у Анжелики на плече осталось пятно, в том месте, куда попали брызги.

- Какая прелесть, - Анжелика сверкнула глазами. - Беру!

- А мне с тобой можно?

- Зачем?

- Не тебе же одной насолила эта гадина! - прошипела Женя, сжимая кулачки.

Аргумент был принят.

Завтра с утра обе девушки поедут к ЗАГСу. Дождутся там, пока Малена и Давид выйдут, и Анжелика выстрелит прямо в невесту.

Испорченное платье, свадьба, день...

Поделом этой дряни!
Поделом!!!

День свадьбы.

Для кого-то это важно, для кого-то рутинное мероприятие.

Для Матильды скорее второе, но для Марии-Элены не испорченной гласностью, демократией и сексуальной (прости, Господи!) революции возможно только первое. Свадьба может быть только одна, девушка только один раз может подарить свою девственность, и на всю жизнь. Навсегда.

- Какая же ты красавица. Жаль, Маечка не дожидается, не порадовалась...

Тетя Варя была совершенно искренней. И на свадьбу она, кстати, была приглашена. Равно, как и ее дети. Не все придут, но Малена будет не одна в этот день. Рядом будут те, кто знал ее в детстве, ее близкие, ее друзья...

Платье было простым, но безукоризненным. И прическа - парикмахер ушел два часа назад, оставив Малену с простым узлом на голове, но как-то так хитро уложенным, что и фата, и корона смотрелись равно хорошо. А потом настала очередь визажиста и мастера ногтевого сервиса. Впрочем, чувства меры Малена и в этом случае не потеряла, и казалась почти не накрашенной. И суперкогти Росомахи она себе сделать не позволила, даже если это последний хрюк моды.

Тете Варе тоже перепало от их забот, и сейчас она выглядела лет на десять моложе, и очень довольной.

- А как мне жаль, - тихо сказала Матильда. Сейчас в зеркало смотрелась именно Матильда. - Столько всего случилось за это время. Дедушкино наследство, родственники, свадьба... все бы отдала, лишь бы она сейчас была жива и рядом.

Тетя Варя приобняла ее.

- Ты не одна, девочка. Ты - не одна.

- Знаю.

Кто сказал это слово? Матильда? Малена?

Разве это так важно?

Девушки погляделись в зеркало.

Тетя Варя вышла из комнаты, и Матильда медленно достала из белой, расшитой стразами, как раз в тон платью, сумочки свое зеркало.

- Нет, так - ненадежно...

Сумочку оставлять придется. А расстаться с зеркалом, тем более, оставить его где-то, в чьих-то руках... Матильда не могла. Малена - тоже.

Но - куда его?

Смешно, нелепо, бред...

Да и пусть!

Лиф платья Малены был закрытым. И бюстик, который на ней - тоже. Пара минут. Спустить лиф, и осторожно вставить зеркало в кружево бюстика, так, чтобы оно прижималось к коже. А стекло повернуто внутрь и плотно прижато к груди.

Так точно не выпадет. И не разобьется. И... где тут были белые нитки?

Уродовать такое белье - это варварство? Так это и не уродовать, это просто три минуты, сделать петельку из нитки и прихватить зеркало в двух местах, чтобы точно не шевельнулось. Ну не могла Малена оставить его дома у Давида, где расхаживает домработница. И у себя дома не могла. И оставить - тоже...

А потом пара минут у нее точно будет, перед брачной ночью. И рассказать, и показать, и зеркало убрать, если что. И уж точно минуты хватит, чтобы выдернуть нитки девушки это умели, что одна, что вторая...

Оно небольшое, и совсем незаметное под плотным атласом платья. Даже не выделяется.

В мочках ушей блестят крохотные бриллиантовые гвоздики, сегодня это все украшения девушки. Они - и кольцо.

В дверь звонят, влетает тетя Варя...

- Малечка?

Странно. Как легло это имя, что даже давно знакомые ей люди стали так называть Матильду? Наверное, это правильно.

Малена уже одета, и медленно берет букет.

- Пойдемте?

Тетя Варя еще раз осматривает невесту, улыбается, стирает слезинку.

- Идем.

Потрясающе красивая пара.

Именно это и подумали приглашенные, когда Давид протянул руку, помогая невесте выйти из машины, а потом не удержался, подхватил на руки, закружил...

Малена рассмеялась, откинув назад голову.

Фата - не жуткое тюлевое безобразие, из тех, что шьются в свадебных салонах из старых занавесок, а настоящая, кружевная, на миг взвилась хвостом кометы. София Рустамовна кончиком пальца коснулась глаза - что-то зачесалось.

Такие они были молодые, счастливые, удивительно красивые и искренние...

Не любовь, нет.

Искренность.

Невероятная, ослепляющая, до краешка, до доньшка души - искренность.

Я - твоя. Ты - мой.

Я - твой. Ты - моя.

Правда - или истина? Неважно, но здесь и сейчас она разделена на двоих и сияет так, что больно глазам.

Так, на руках у будущего мужа, Малена и оказывается в актовом зале. На пол ее ставят только по просьбе регистраторши, которая, впрочем, сама улыбается.

- Добрый день, уважаемые новобрачные и гости!

Речь льется своим чередом, надеваются в срок кольца, дарятся цветы, делаются фотографии, говорятся какие-то слова, а двое молодоженов, уже молодоженов не могут отвести глаз друг от друга. Матильда полностью уступила место Малене - сегодня ее день. Пусть сестренка будет счастлива, а ей хватит и почувствовать это. Даже самым краешком.

Зависть?

Да о чем вы?

Кто любит - не завидует, а для Матильды герцогесса родная и любимая, дорогая и близкая.

Единственное, что может девушка - это порадоваться за счастье сестры. Искренне, до глубины души.

У нее будет совсем не так, но разве это важно? Они такие одинаковые, но каждой нужно свое, свое... Малечка, будь счастлива.

Вот и лестница.

Выход из ЗАГСа...

Давид легко сносит девушку по ступенькам, их осыпают чем-то блестящим, звенящим, искрящимся, кругом счастливые лица, и они не сразу замечают...

Анжелика стоит напротив.

Бледная, в чем-то темном, растрепанная... и в руке у нее большой тяжелый пистолет. Она поднимает его, нажимает на курок, целясь в Малену.

- Сдохни, тварь!

Что-то сильно ударяет в грудь. Туда, где под одеждой надежно спрятано самое ценное сокровище девушки.

Старинное зеркало.

Темнота...

Давид даже не сразу понял, что произошло. Только что они смеялись, и словно бы летели по воздуху, а сейчас...

Крик, выстрел... и тело жены становится тяжелым в его руках. Малена запрокидывается назад, и крови нет, но на платье темнеет дырочка, пахнет порохом...

Когда раздается полубезумный крик: 'НЕТ!!!', Давид даже не сразу понимает, что он срывается с его губ.

Женя улыбнулась, и завела мотор.

Старая шестерочка чихала, сопела, но тянула. Сюда-то, к ЗАГСу, они ехали на 'альфе-ромео' Анжелики.

Сопливая дура.

Поделом.

Женя видела, как ее схватили, завернули руки, выбивая оружие, кажется, кто-то и по морде ей приложился... поделом. Было ли ей жалко девушку?

Да вы что - смеетесь?!

Жалеть - вот ЭТО?!

Инфантильное, избалованное, безмозглое существо, которое в жизни палец и палец не ударило, получая по праву рождения любые игрушки? И горюя потому, что очередную игрушку ей не дали?

Женя искренне считала таких Анжелик сорняками, разве что выпалывать замаешься.

Достать оружие?

Сложно, но возможно. Она смогла.

Подменить одно на другое?

Тоже возможно, не просто ж так она ехала вместе с этой дурочкой. И... дальше - на авось. Но вдруг получится?

Анжелика так и не поняла, но пока она собиралась, принимала душ и прочее, Женя прошлась по всему, чего касалась в ее квартире, тряпкой с ацетоном. Отпечатков пальцев не останется, а там...

Отомстить Женя хотела. А вот погибать за компанию с богатой дурехой не собиралась. Уже готово место, где можно пересидеть, они с друзьями идут в турпоход на месяц, в автономку, давно ее звали, вот и пойдет. Прогуляется по лесам, а там видно будет.

Так что едет она на дачу к другу, а оттуда они и двинутся.

С этими мыслями Женя и выехала из города на трассу.

Судьба решила иначе.

Говорят, разбить зеркало - семь лет удачи не видеть. Сама-то Женя ничего не била, но есть ли разница?

Самому сделать - или другого науськать?

Иногда судьба решает подождать. Иногда - отсыпает все и сразу.

Трасса диктует свои законы, надо держать скорость не меньше восьмидесяти километров, особенно если она однополосная... но и тогда тебя обгонят. Дураки всегда найдутся.

Всего лишь часом раньше по трассе прошел груженный гравием КАМАЗ. Сколько там высыпалась? Горсть?

А больше и не надо было.

Черный джип принялся обгонять девушку по встречке, Женя невольно подалась к обочине, идиотов много, а эта машина заденет, и поминай, как звали, дорога-то на насыпи...

Всего лишь один камешек вылетел из-под колес джипа. Но впечатался он слишком удачно - в лобовое стекло. В самую его середину.

Оно треснуло, пошло солнышком, словно разбитое зеркало, Женя невольно дернулась, руль проскользнул в судорожно сжатых пальцах... и этого оказалось достаточно.

Машина вылетела под откос.

Несколько раз перевернулась, обо что-то ударилась - и осталась стоять на крыше. Женя безвольно обвисла на ремнях безопасности.

Стареньких, откуда хорошие в жигуленке-шестерке?

Они и не уберегли.

Девушка умерла по дороге в больницу от многочисленных внутренних повреждений, так и не приходя в сознание.

Давид держал на руках тело жены, и не мог поверить в происходящее. Она ведь не мертва?

Правда, она жива?

Правда ведь?

Жива?

- Пустите, я врач!

Кто-то рывкнул, кто-то коснулся руки Малены - и в следующий миг мужчине закатили такую оплеуху, что он чуть жену не уронил.

- Положи ее, баран!

Давид замотал головой, отказываясь отдавать девушку, но в следующий миг получил еще одну оплеуху.

- Пусти ее! Она живая! Смотреть надо!!!

И только тогда онемевшие пальцы чуть поддались, позволили положить белую фигурку прямо на мостовую, в золотистые и разноцветные звездочки, монетки, конфетти...

Смутно знакомый мужчина уверенно коснулся шеи. Пощупал пульс...

- Жива. Сейчас посмотрим, куда пуля попала. И скорую, что ли, вызови?

Давид кивнул, вытаскивая из кармана сотовый телефон.

Живая.

Это - самое главное, остальное уже вторично.

Живая...

Врач потянул вниз лиф платья, потом чертыхнулся...

- Там, сзади застежка на шее, - тетя Варя пробилась к своей девочке и теперь опустилась рядом на разноцветные узорные камни мостовой, хрустя суставами, возраст-то не тот... - Дайте, помогу...

Ловкие пальцы повернули голову девушки, расстегнули несколько пуговичек, и лиф, наконец, поддался крепким рукам.

И ничего там страшного не было.

Ни раны, ни крови - ничего. Немножко крови все же было, но так, царапины. Мелкие, совсем неважные. Пуля угодила аккуратно в зеркало, треснули, рассыпались осколки, а металл выдержал, разве что вмялся, и странным образом, лань стала еще живее...

- Во-от, - довольно протянул доктор. - Сюда эта сучка и попала. И кровь отсюда, осколки кожу поранили, в рубашке родилась ваша девушка, не иначе.

- Но...

Пальцы ловко вытащили зеркало, протянули тете Варе.

- Поберегите. Раз уж оно ей дорого...

Давид протянул руку раньше.

- Дайте сюда.

Доктор кивнул, без спора передавая зеркало. Или уже - оправу? Давид сунул ее в внутренний карман пиджака.

- Скорая уже едет. И полиция - тоже. Что с ней?

- Жива. Может, удар будет. Синяк - точно. Видишь, пуля аккуратно в зеркало угодила, удар был нехилый, это уж точно, может, и сердце на секунду остановилось.

Давид скрипнул зубами.

- Но...

- Думаю, она в шоке. Но в больницу лучше съездить. Рентген, все дела, сам понимаешь.

- Понимаю.

- А с этой... что? - напомнила тетя Варя.

Давид оглянулся.

Анжелика сидела на мостовой и редела в три ручья, уверяя, что она не хотела, это должна быть краска, только краска...

Смотрели на нее с откровенной брезгливостью. А под глазом у красотки наливался синевой здоровенный бланш. Кажется, еще и ногами попинали, ну и поделом.

- Чего ты добиться хотела? - спросил Эдуард Давидович, тыкая Анжелику носком начищенного до блеска ботинка. - А?

Анжелика разревелась еще сильнее. София Рустамовна взяла мужа под локоть.
- Оставь ее, дорогой. Надо же, какая мерзость оказалась!
- Я... я... я просто хотела... почему - ОНА!?
И сколько же возмущения было в этом крике. Негодование обиженной жадности, ребенку куколку не дали! А ничего, что кукла живая и у нее свое мнение есть?
Это как раз неважно. Это - мелочи.
- Где пострадавшая?
Ребята со Скорой помощи даром времени терять не собирались.
Давид подхватил Малену на руки и сделал шаг вперед.
- Куда?
Из машины его выставлять никто не стал. Скорая взревела сиреной и умчалась.
На смену одной сирене пришла другая.
- Где?
Полиция обошлась одним словом. Асатиани кивнул в сторону Анжелики.
- Вот. И...
Сейчас ее сунут в камеру. И нет, вовсе Эдуард Асатиани не мстительный, и не злой, и...
Если он такое простит и спустит, об него только ленивый ног не вытрет. Так что предстоят Анжелике веселенькие три дня. С бомжихами и проститутками, а то и кем похлеще. Пусть порадует жизни хотя бы несколько часов, пока папочка ее не вытащит.
Полицейские переглянулись, пряча в карманы гонорар, и кивнули. Понятливые люди - это хорошо. А сейчас надо разобраться с гостями, да, и в церковь позвонить, что ли. Поп ждать будет, нехорошо...

Мария-Элена Домбрийская.

Один раз Лорена все же успела ударить.

Только один.

Вот тут Ровена не успела. А второго раза не получилось, прыгнула, сбила убийцу на пол, покатила...

Лорена сопротивлялась с яростью, порожденной ненавистью и отчаянием, да только гнева мало, навыки нужны. А вот Ровена драться любила и умела. Удар ребром ладони по горлу вышиб из убийцы дух, пусть спасибо скажет - не подохла, стервь...

И головой об пол приложить, чтобы не дергалась.

А теперь рвануть да хоть бы и чехол с кресла, разрывая его на полосы - и кричать, призывая помощь. Раньше-то и возможности не было, некогда было.

Ровена и видом не видела Лорену, просто та за собой дверь в покои Малены не прикрыла, вот Ровена и заинтересовалась. На ее памяти госпожа всегда запиралась, а тут вдруг - нараспашку. Ну а когда она увидела опускающийся нож... первый-то удар не успела, а вот второй сбила, не промахнулась.

- ПОМОГИТЕ!!!

Долго звать не пришлось, Малену любили, и на помощь ей бежали дружно, не думая, кто там бежит рядом.

Слуги, стражники, Аманда, Дорак, Ардонские...

Картинка была выдающейся. Ровена как раз закончила увязывать мерзавку, и поднималась с нее, а на кровати лежала Мария-Элена, и лицо у нее было спокойное. Слишком спокойное для поднявшейся рядом суматохи. Слишком равнодушное...

Ахнула, прижимая руку ко рту, графиня Элинора, схватила за руки дочерей, решительно шагнул вперед Дорак, вглядываясь в тело на кровати...

- Жива!!! Жилка бьется! Дышит!!!

Такого облегченного вздоха эта комната давно не слышала. Живая, остальное поправим.

- Надо послать гонца к маркизу Торнейскому, - совет держали пятеро человек. Граф и графиня Ардонские, Аманда, Дорак, Ровена. Ровена и высказалась первой, наплевав на все чины. И то сказать, если она невесткой герцога была, выше это или ниже графа? Уж всяко не грязь под ногами.

- Жених, - понимающе кивнул граф Ардонский

Ровена уточнять не стала.

- И немедленно. Я видела, как он на нее смотрит, поверьте - за промедление нас не простят.

- Дорак, распорядишься?

Астон Ардонский взглянул на капитана Сетона, и тот вышел из комнаты.

- Слава богам, жива осталась, вздохнула графиня Элинон, осеняя себя привычным знаком.

- Зеркало спасло, - кивнула Ровена.

Откуда оно взялось, это зеркальце с ланью на оправе? Откуда?

Но госпожа так и сжимала его в руках, прижимая к груди, туда и пришелся удар Лорены.

Раскололось и высыпалось стекло, погнулась оправа, осколки порезали кожу, но не сильно, заживет до свадьбы. А вот почему госпожа не приходит в себя?

Этого никто не понимал.

Хотя...

Было у Ровены предположение.

- Эта стервь била со всей руки, могла просто ударить так, что сердце зашлось. Потом запустилось, но надо, чтобы лекарь поглядел. Мало ли там, какой ушиб внутри...

Вот с этим все были согласны, оставалось дожидаться маркиза Торнейского.

Матильда Домашкина.

Давид сидел в приемном покое, и выглядел так, что краше в гроб кладут.

Рядом с ним опустилась София Рустамовна, погладила по волосам.

- Дэви...

- Да, мам?

- Как она?

- Не знаю. Молчат пока.

София Рустамовна крепко сжала его ладонь.

- Держись. Она обязательно поправится.

Давид стукнулся затылком об стену. И еще раз, вдруг полегчает? Но мысли были слишком тяжелыми, прямо-таки цементными.

- Медики не понимают, что с ней. Увезли на рентген...

Дверь открылась. Врач не заставил себя долго ждать.

- Что с ней? - Давид встал врачу навстречу, мать поспешила за ним.

- Не знаю, - честно признался врач. - Понимаете, мы ее насквозь просветили, кроме порезов - ничего страшного. Ну, синяк будет, так от этого не умирают. Но она... как в коме.

- В коме? Отчего?

- Кто ж знает, - врач потер кончик носа. - Человеческий организм - штука странная и малоизученная. А уж мозг... мы можем дискутировать неделями и месяцами, но толком так ничего и не откроем. И не узнаем. Почему человеческий мозг дает команду отключиться - не знает никто.

- Она сама дышит? Хотя бы?

- Дышит. Хотя ее надо будет поддерживать на внутривенном питании. Пьет она сама, глюкозки вкатим.

- Что вы можете посоветовать? - просто спросил Давид. - Вы, сами.

Врач еще раз пожал плечами.

- Кто у нее есть из близких?

- Я.

- А еще?

Давид вспомнил мамашу Малены, подумал, что от такого явления родственных чувств помрет и кто покрепче, и решительно покачал головой.

- Никого. Знакомые есть, друзья... кошка есть.

- Вот, берите кошку и езжайте сюда.

- Вы это всерьез? - удивилась София Рустамовна.

- Как врач я против антисанитарии и животных в палатах. Но за любое лекарство, даже хвостатое. Да и главврач против не будет, это точно.

Женщина хмыкнула.

Это Давид сидел в приемном, а она начала с руководства больницы, скромно выложив на стол месячную зарплату главврача, и намекнув, что ее невестка должна получать все лучшее. Вы же меня понимаете?

Кажется, главврач уже понял. Это хорошо, когда человек понятливый.

- Кошка - и Давид?

- Да. Зовите ее обратно. Зовите, кричите, делайте что хотите, хоть на ушах в палате стойте, говорите о том, что для нее важно... зовите изо всех сил. В моей практике были случаи, когда такие люди... вы понимаете?

Давид кивнул.

Смутно, он понимал о чем речь.

- В моей практике были случаи, когда такие люди возвращались. К любящим и любимым. Еще бы ребенка хорошо, но это точно не получится.

Давид хмыкнул.

- Пока не сделали.

- Какие еще ваши годы, - врач дружески хлопнул его по плечу. - давайте, домой, переодеться, взять с собой для нее одежду, список сейчас дам...

- Одежду?

- Комбинация там, конечно, шикарная, все сестрички обзавидовались, - с профессиональным цинизмом хмыкнул врач. - Но лежать в ней неудобно.

Давид скрипнул зубами.

Малена, его Малена, лежала сейчас на кровати, и о ней рассуждали, как о пустой оболочке.

Поправится или нет, комбинация, да что ж это такое?!

Больше всего мужчине хотелось убить кого-нибудь. Вот прямо голыми руками!

Врач почувствовал его настроение, и быстренько закруглился.

- Одним словом - везите, что можете. Кошку, одежду, сами переоденьтесь, и приезжайте. У меня сегодня ночное, я вас пушу.

- Спасибо.

- Пока - не за что.

- А прогнозы? - уточнила София Рустамовна.

- Сегодня прогноз еще благоприятный. Если пойдет взятка - я его отменю, - хмыкнул врач.

Давид кивнул, дождался списка, попрощался и направился к выходу.

- Домой, за кошкой? - спросила София Рустамовна.

- Да.

- Думаешь, поможет?

- Мне остается только надеяться, - Давид и не подумал замедлять шаг. У его машины были припаркованы еще две таких. У одной стоял и разговаривал по телефону Эдуард Асатиани. У второй нервно курил пожилой мужчина лет шестидесяти.

Руки у Давида сжались в кулаки.

Вот этого человека он видеть не хотел. Никогда больше.

Ни его, ни кого-то из его семьи... Михаил Борисович, отец Анжелики, свет Михайловны.

Эдуард сразу же заметил жену и сына, и сделал шаг вперед.

- Что с ней?

- В коме, - коротко бросил Давид, - я домой, потом опять сюда. Мать расскажет.

- Давид, подожди, - окликнул его Михаил Борисович.

- Что? - Давид задержался на секунду у джипа.

- Я понимаю, что Анжелика...

- Я тоже все понимаю. И можете быть уверены, если я останусь вдовцом, то вы лишитесь дочери. Мы друг друга поняли?

Михаил Борисович сверкнул глазами.

- Анжелика сделала глупость.

- И если бы не случайность, сегодня бы ваша дочь убила человека.

Михаил Борисович развел руками.

- Я поговорил с ней. Забрать не вышло, но Анжи уверяет, что ее подставили. И в пистолете должна была быть просто краска. Шалость, не больше. Не убийство, на это она не способна.

- Вполне способна, - огрызнулся Давид, открывая дверцу машины.

- То есть просто напугать, напакостить, но не убивать? Ах, как это мило! - не удержалась София Рустамовна, подходя к мужу. - На что она вообще рассчитывала?

- Она просто ребенок. Избалованный ребенок, который не распознал гадину...

- Нет, - София Рустамовна была безжалостна, как бывают безжалостны все хорошие матери.

Она понимала, что просвистело мимо, и не собиралась оставлять ни единого целого бокала.

Бить - так все и в хлам! - Она уже не ребенок, она женщина. Подлая и гадкая, которая не пожелала смириться с тем, что ей предпочли другую. А что будет дальше? Она в вас выстрелит, когда вы ей побрякушку не купите? Машину, квартиру, мужа...

Крыть было нечем.

- Я знаю, что ее избаловал.

- Тюрьма займется ее воспитанием, - прошипел Давид. - И поверьте, это лучший для нее выход. Молитесь, чтобы с Малечкой все было в порядке.

Он прыгнул в джип, и машина сердито взревела мотором, уносясь со стоянки.

Эдуард Асатиани развел руками.

- Миша, я тебя предупреждал.

- Эд, и ты пойми. Это моя младшенькая, мы планы строили с тобой, да, она была в курсе...

- А завтра я бы ее отругала, а милая девочка выстрелила бы в меня, - поежилась София Рустамовна. - Даже если с Маленой будет плохо, если они с Дэви... в общем, если будет плохо - нам такое счастье в семье все равно век не надо.

Михаил Борисович понурился.

- Дочь я вытаскивать все равно буду.

Эдуард Давидович покачал головой.

- Давид правду сказал. Молись, чтобы все обошлось, тогда поговорим. А если нет... тогда - тоже молись. Я хоть и постараюсь удержать сына, но пока твоей дочке в тюрьме спокойнее будет.

Вот с этим Михаил Борисович был полностью согласен.

Пусть приобретет и такой жизненный опыт. А то привыкли, понимаешь, по Лондонам шляться и по Парижам сумочки закупать.

Не дали цацку - так теперь стрелять?

Дура, да, но кто сказал, что дуры без тормозов не опасны? Да они для всех опасны, как электричка, которая сошла с рельсов. Просто - для всех.

Мужчины холодно попрощались, и через минуту о их пребывании на стоянке напоминали только окурки от сигарет, которые никому и в голову не пришло выкинуть в урну. А уборщики на что?

Свинячь, хозяин! Быдло подотрет!

Рид, маркиз Торнейский.

Рид - спал. В последнее время с ним это так редко бывало...

Государственные дела, рыбу их об забор, два раза. И как Остеон управлялся? Как он не облысел и не сошел с ума?

Да степняки рядом с чиновниками и не стояли, а по сравнению с казначеем, Хурмах просто душка.

Его УБИТЬ МОЖНО!!!

А казначея - нельзя.

Зато надо прочитать бюджет, найти, где кто и сколько украл, и надавать всем по загребушим рукам.

Вы поймите правильно, воровство чиновников - это процесс неостановимый и логичный, если они у питекантропов были, так и там что-то да пропадало. Но!

Воровать надо в меру! А если не знать этой меры... тогда - отложите господу, себе денег на достойное погребение.

Рид знал, что воровать будут, но если в пределах пяти процентов - все не так страшно. А вот большие суммы нужно обрезать сразу. С руками и по самые уши.

И тут его сон обрывают стуком в дверь. Да таким...

Рид подскочил, как ошпаренный, добрался до дверей и откинул засов.

- Что случилось?

Мысли были самые печальные.

Король умер, принц сбежал, Дилера повесилась, степняки опять атакуют...

- Ваше сиятельство, тут гонец срочно... записку доставил.
Рид протянул руку. Гонец, который терся за его слугой, был одет в цвета Домбрийских, а значит... Мария-Элена?

Малена ранена. Приезжайте срочно. Ровена Илл.

Коротко, понятно, и по делу. Рид сразу осознал, что это не ловушка, не подстава... Ровена - да. Но если бы кто-то писал от ее имени, написал бы - Ровена Сирт. Про Иллойскую пока было тайной даже для ее супруга, не то, что для всех остальных.

А значит...

Додумывал Рид уже на ходу, натягивая штаны и неловко потревожив плечо, з-зараза!

- Коня оседлайте!!!

Поняли его по-своему, и к коню были готовы еще и четверо конных гвардейцев. Так Рид и помчался по Алане, по темным улицам.

Пятеро всадников, с факелами, со штандартом маркиза, только искры из-под копыт.

Достоверно известно, что в эту ночь грабежей было на порядок меньше. Но это, видимо, случайное совпадение.

В особняк Рид ворвался бурей, которая для начала смела с пути дворецкого, и пролетела в покои Малены, не обращая внимания ни на что.

- Что с ней?!

Лекарь (не позабывший дорожку в этот дом еще со времен лечения Лорены) обернулся к маркизу Торнейскому.

- С миледи все в порядке.

- Фуххххх...

Выдох Рида сделал бы честь иному киту. Но дальше жизнь его радовать отказалась.

- Я не понимаю, почему она не приходит в себя. Возможно, сердце зашло... я точно не знаю.

Лекари здесь бессильны.

- И что можно сделать?

Ровена сидела рядом, держала Малену за руку. Рид оттеснил ее и опустился рядом с женой.

- Малечка...

Русые волосы чуть растрепаны. Темные ресницы лежат полукружками на щеках, глаза закрыты, грудь едва заметно поднимается и опускается, а тонкие пальцы неподвижны в его руке. Она не улыбается, не слышит его, не....

Малечка, как же так?

- Вот сюда эта стерва ее ударила, - Ровена коснулась груди Малены. - Госпожу спасло только зеркало.

- Зеркало?

Означенное тут же было продемонстрировано. Оправа погнулась, стекло вообще не спаслось.

- Госпожу стеклом порезало, но это не опасно, - с хорошим чувством момента вставил лекарь. И исчез из-под взгляда маркиза.

- А где..., - зарычал Рид.

- Здесь, - огрызнулась Ровена. - Второго удара не случилось по моей вине, хотите - казните.

- И казню, - огрызнулся Рид. - Кто?!

Ровена кивнула куда-то вбок. И только сейчас маркиз Торнейский обратил внимание на Лорену.

Вдовствующую герцогиню как увязали, так и в угол откатали, хорошо хоть не пинками. А что?

Кляп в рот, чтобы воздух тут не портила, и пусть сидит, заодно под приглядом будет. Дрянь такая, бессмысленная... нашла ж время и место!

- Зачем ей? - искренне удивился Рид. И только потом сообразил. - Ах да...

В историю со сватовством Лорана он был посвящен очень косвенно. Матильда сочла за лучшее не откровенничать, а то юмор получался очень уж специфический. Начиная со свинюшки в постели, и кончая шоу 'обнаженных в пёрых' на радость Винелю. А как еще защищаться бедной девушке?

Только умом, только фантазией...

- Зачем, - хмыкнула Ровена. - Да незачем. Так она из себя что-то представляла, а тут... герцогиня теперь Малена, а потом будет ваш сын, брата ее архон забрал, дочь в монастыре, перспектив никаких, вы б ей разгуляться не дали... вот и решилась, гадюка.

Про Дорака Ровена скромно умолчала. Из чувства мужесохранения. Она была уверена, что муж не причастен к покушению, но безответственность - она не намного лучше будет.

Рид хмыкнул и кивнул гвардейцу... это оказался, вот неожиданность-то, Ансуан Вельский, на связанную герцогиню.

- Кляп у нее выдерни.

Ансуан надел перчатку и повиновался. И то едва без пальца не остался, только что зубы щелкнули.

- Это правда? - спросил Рид у Лорены.

- НЕНАВИЖУ!!! - ответила вдовствующая герцогиня. - Эту суку, эту...

Разорялась она минут десять, из которых все уяснили, что Лорена просто лапочка, что Малена - чудовище, кое послано небом ей в наказание, что убить ее надо было еще давно, в детстве, что... Одним словом - она.

И даже не сожалеет. Жаль, что дела до конца не довела.

Рид хмыкнул, повертел в руках данзу. Одна такая была у Иллойского, который скоро будет в столице, вторая теперь вот, у него. И знаки регента.

Это штаны он мог не надеть, а регентскую цепь даже ночью предьяви.

- Казнить.

- К-как? - удивилась Ровена.

Такого приговора она не ожидала, да и никто не ожидал. Благородных дам убивать было не принято, на худой конец использовать по назначению, или в монастырь, но не убивать же! Нововведение, однако!

- Повесить, - просто разъяснил Рид. - За шею на дереве.

- А...

- А потом снять и разъяснить, что дама сломала себе шею, выпав из окна.

- Малена может быть против, - вякнула Ровена.

- С женой я как-нибудь договорюсь, - отмахнулся Рид. - Ансуан, озаботься.

- У меня в гвардии палачей нет, - хмуро отозвался виконт Вельский.

- Тогда сначала доставь ее к палачам, а потом пусть повесят, - отмахнулся Рид, - приказ я сейчас напишу, и о казни в том числе.

Лорена что-то замычала через кляп, но Рид даже внимания на нее не обратил. Сдалась ему та потенциальная теща. А вот не надо покушаться на любимую женщину маркиза, глядишь, и пожила бы подольше.

Нет? На нет и помилования нет.

Ансуану распоряжение не понравилось, но спорить он не стал. Логическая цепочка проста. Он любит (в хорошем смысле, не надо тут нездоровых тенденций разводить) маркиза, маркиз любит Марию-Элену, соответственно, Ансуан тоже любит и уважает (и опять попрошу без пошлостей!) Марию-Элену. И покушений на нее тоже не спустит.

Жаль, конечно, герцогиню, но сама напросилась.

- Долго Малена будет спать? - Рид поискал глазами лекаря.

- Это не сон. Как таковой, - отозвался лекарь. - Это... глубже сна. Ее надо просто очень звать.

Очень сильно звать...

- Только звать?

- Да. Только учтите, господин, у вас не так много времени. Без пищи она долго не проживет.

Рид и сам это понимал, не дурак же. Видел нечто подобное.

- Оставьте нас, - попросил Торнейский.

Ровена послушно поднялась и вышла, вслед за ней вышли все остальные.

Маркиз сжал руки жены в своих горячих ладонях.

- Малечка! Малена, милая, вернись ко мне!

Показалось ему - или руки жены чуть потеплели? Но - и только.

Рид вздохнул, и вышел из покоев герцогессы. Обвел глазами окружающих.

Слуги, стража, Ардонские - всем составом...

- Я сейчас напишу Остеону. Пусть гонец ответит. Пока с моей женой не решится, я отсюда никуда не уйду.

Аманда присела в поклоне.
- Будет сделано, ваше сиятельство.
Перо и чернила принесли почти сразу. Рид особо не задумывался.

Остеон!
На мою жену этой ночью было совершено покушение. Убийцу поймали и повесили. Малена пока не пришла в себя, и я останусь с ней, пока все не разрешится.
Сделай так, чтобы меня никто не беспокоил.
Я напишу, как только смогу.
Рид.

Как брат короля, должен он иметь хоть какие-то привилегии? Осталось отдать письмо Аманде, и возвращаться к жене. Ждать, звать...

- Юуууу!!!

Как в коридор попал этот комок серого меха?

Да запросто. В любом замке держат котов и кошек, крысы-то сами заводятся, и шервуля с два ты их выведешь. А кошкам свойственно плодиться и размножаться. А их мелкому потомству - разбегаться куда не надо.

- Юуууу!!!

Котенок уверенно цеплялся когтями за штаны маркиза, и Рид, подумав, подхватил серого паршивца. Так, с котенком в одной руке, и письмом в другой, и подошел к Аманде.

- Отправить.

- А...

- Кот?

- Простите, ваше сиятельство. Я сейчас разберусь...

И так это было сказано, что Рид красочно представил себе процесс утопления хвостатого в ближайшей выгребной яме.

- Муррррк?

Кошак, словно понял, что речь идет о нем, покорно обвис в ладони маркиза, заурчал, сдаваясь на милость человека, и Торнейский вдруг махнул рукой.

- Кошачка не трогать. Возьму с собой, вдруг доорется? Такие вопли и мертвого поднимут, не то, что спящего.

Аманда присела в реверансе. Сегодня репрессии кошачье племя не постигнут, это факт. Раз уж ей не досталось... да и не сделала бы она ничего плохого котенку. Специально у знакомых крысоловку просила, а то такие мыши бегают... лоси, а не мыши!

Пусть маркиз позабавится, а потом вернем мурлыку на кухню.

Рид вернулся в покои Малены.

Сел рядом на кровать, спустил с рук кота, который, словно что-то понимал, уткнулся между шеей и плечом Малены и принялся мурчать так старательно, словно ему за каждый 'мурррк' колбасу давали.

- Малечка, девочка моя...

Руки были ледяными в его ладонях. И безжизненными...

Что тут скажешь? Как позовешь? Как заставишь Восьмилапого отпустить свою добычу?

Рид ничего не мог придумать. Только растирать ладони жены, греть тонкие пальцы своим дыханием, и звать.

Пусть она услышит.

Пусть вернется.

Боги милостивые и милосердные, вы ведь есть! Услышите вы нас! Что вам - жалко?!

Отпустите ее, возьмите лучше меня, мою жизнь не жалко, за что вы так? Почему?

Неужели это за степняков? Или...

Наплевать!

Берите меня, но оставьте ее, прошу!

Я люблю ее!

Малечка, любимая, услышь меня, пожалуйста.

Возвращайся ко мне...

Рид и не замечал, что из его глаз катятся одна за одной слезы. Он просто не понимал, что плачет, мужчины ведь не плачут, правда же?

Вот и он не плачет, просто так получается... оно само, совсем само...

Возвращайся, любимая.

Матильда Домашкина.

Давид стянул пиджак и бросил его в сторону. Домработница потом уберет.

День свадьбы, мать его!

Ревнивая сучка, мать ее!

И ладно бы хоть повод был! Но Давид отлично знал, что никогда не интересовался Анжеликой.

Ни когда она ошипаным двенадцатилетним цыпленком уезжала в Лондон, ни когда приехала оттуда отгламуренной курицей, как две капли воды похожая на всех гламурешек мира.

Все так стандартно, ногти-зубы-волосы, грудь-попа-талия, большие глаза, губки бантиком и смех колокольчиком. Мозги в конструкции не предусматриваются.

И из-за этой курицы его девочка лежит сейчас в больнице, тихая и неподвижная...

Брачная ночь... в реанимации, чтоб вас всех!

В сторону полетела и остальная одежда, а мужчина встал в душевую кабинку и включил контрастный душ.

Горячо-холодно, горячо-холодно, и так минут двадцать, чтобы прояснилось в голове, а сведенные судорогой пальцы чуть приотпустили чью-то шею.

Убил бы тварь!

Леди Макбет Мценского уезда, чтоб ее всей камерой отодрали!

- Яуууу!!!

Беська взвыла под дверцей кабины, и это стало поводом прекратить экзекуцию. Давид сделал шаг вперед, отряхнулся и подхватил кошку. Та тут же цапнула его за палец - что за вольности!

Голый мужчина и мокрыми руками! Нахальство какое!

- Беся, ты со мной поедешь?

- Муррррк.

Зеленые глаза смотрели серьезно и всепонимающе. Кто его знает, о чем думают эти хвостатые?

Что им доступно, откуда они пришли на Землю?

Малена говорила, что для нее все началось с котенка, который просил помощи. Она пошла на призыв и навсегда распрощалась с одиночеством.

Может быть, она и сейчас придет?

- Ты ведь позовешь хозяйку, киса? Она тебя услышит?

Зеленые глаза загадочно смотрят на человека.

Это вы, люди, бегаєте, суетитесь, и ничего не понимаете в жизни. А вот мы, мудрые кошки...

Мы умеем мурчать на грани сна и яви, Яви и Нави, мы видим неведомые дорожки и слушаем неведомые вам истории. Это вы нас никогда не слушаете, а иногда еще и обижаете.

И забываете, что у нас девять жизней, а у вас всего одна. А за отнятую у кошки жизнь платить придется тоже - жизнью. Хорошо, если своей...

Беська мурчит, трется головой о плечо хозяина. Она все отлично понимает, хозяйка заблудилась там, куда ему нет дороги. А вот кошки на своих мягких лапках могут ходить, где пожелают.

Если пожелают.

Она поедет с хозяином. И позовет.

Она обязательно дозовется.

- Анна Ивановна?

Домработницу Давид никак не ожидал. Но...

- В новостях передали. Я тут же и сюда, ужас-то какой!

Давид кивнул и потянулся за списком.

- Анна Ивановна, соберете Малечке вещи по списку? В больницу.

- Да я уж начала... давайте список-то. Сейчас все сделаю. Поправится она, Давид Эдуардович.

Обязательно поправится.

- Я уверен.

На самом деле, никто из них не был уверен. Но...

- И кошке соберите что там с собой, мало ли?

- Вы ее берете? А... разрешат?

- Пусть попробуют не разрешить, - хмыкнул Давид. И отправился одеваться.

Джинсы, футболка, свитер - на ноги удобные мокасины. И можно ехать. Анна Ивановна стояла рядом с сумкой.

- Я тут и повседневное положила, а то Малечка придет в себя, а у нее ничего и нет, кроме свадебного платья.

- Спасибо.

Беська уже негодуяще орала из переноски, требуя свободы.

До джипа Давид кошку честно донес в переноске, а там махнул рукой, да и выпустил ее в машине, чтобы эти дурные вопли не слушать. Лучше уж ножом по стеклу.

- Ну, если ты мне, пакостница, полезешь под педаль газа, там и придавлю.

Размечтался.

Нормальная кошка не полезет под педаль газа. Она развалится на 'торпедке', благо, у Джипа там такая ширина, хоть поросенка перевози, и будет надменно поглядывать на проезжающие мимо машины.

Фотографируете?

Да на здоровье, мало, что ли, дураков на дорогах? А кошка будет ехать, как ей нравится.

И на руки к Давиду, когда машина встала на парковку, она пошла по доброй воле. Правда, пришлось ее сунуть под свитер, мало ли что, но Беська не возражала. А медработники предпочли не замечать подергиваний свитера, мало ли? Может, человек так дышит животом? Может, он йогой занимается?

Вот и палата, вот и кровать с лежащей на ней девушкой, и Беська урчит все громче и громче, тревожнее...

- Твой выход, киса.

Беська планирует на кровать и начинает принахиваться. К Малене, к больничному белью, к запаху отчаяния, который пропитал здесь все, от стен до потолка...

- Муррррррк!

Кошка сворачивается клубком и устраивается аккурат в ложбинке шеи Матильды. И принимается мурчать так, словно хочет заменить парочку тракторов 'Беларусь'. Хватит спать, хозяйка! Чеши кису!

Давид садится рядом с Маленой на кровать.

Берет ее руки, согревает в своих пальцах ледяные ладони.

- Малечка. Возвращайся ко мне, родная. Возвращайся. Не уходи, не надо, не оставляй меня. У нас ведь все может быть, вообще все... не уходи...

Плохо стирают больничное белье.

Вот и пятна на нем, мокрые, серые, словно бы от слез. Но это не слезы, правда? Это просто плохая стирка.

Матильда медленно шла по зеркальному коридору.

Королевство кривых зеркал.

Гадость.

Она и фильм не уважала, и аттракционы в свое время не любила. Бабушка взяла ее как-то в комнату с кривыми зеркалами, но маленькая Матильда расплакалась так, что было не унять. Она ведь не такая!

Она... тогда она вцепилась в бабушкину руку - не отодрать, и ревела, ревела... тогда у нее была бабушка. А сейчас она одна, совсем одна...

Нет, минуточку! А где Малена?

Они - сестры, они никогда больше не будут одни...

Вспоминай, Матильда, почему ты здесь? Что это было?

Кажется, разбилось их зеркало.

ИХ зеркало...

Разбилось...

А раз так...

Малена тоже здесь?

- Малечка, отзовись мне!!! МАЛЕНА!!!

И словно шелест ветра, откуда-то из-за зеркал ветер приносит родной голос.

- ТИЛЬДА!!! ТИЛЬДА, Я ЗДЕСЬ!!!

Матильда идет на этот голос, как на маяк.

Она знает, где-то там, в этом зеркальном лабиринте так же заблудилась ее сестра. И не бросит здесь свою близняшку.

Она найдет ее. И они вместе решат, что делать.

Матильда двигалась.

Она сама не понимала, как она идет в этом зеркальном лабиринте, но если надо...

Нет таких крепостей, которые не взяли бы коммунисты! До Берлина дошли, и до сестры дойдем. Ей бы хоть что тяжелое, а то оказалась она в этом долбаном лабиринте в свадебном платье, на ногах туфельки из тряпочки, а как хорошо бы сейчас кирзовые сапоги! И с размаху ногой бы по стеклу...

Грррр!

А тут - рисковать неохота. Осколками все порежется, что можно и что нельзя.

Кто его знает, может тут и кровью истечь можно, и босоножки отбросить?

Оставалось идти в ту сторону, откуда она слышала голос сестры. И радоваться, что хотя бы дорога есть.

А зеркальные стены...

Да чтоб она на эти аттракционы еще хоть раз... хоть когда...

Бульдозер мне! Большой бульдозер! Плевать, что водить не умею, разберусь и все с землей сравняю!

Шаг, еще один, отражение в кривых зеркалах дергается, кружится, кривляется... и когда

Матильда видит сестру, она даже не сразу понимает, что это - Малена.

Простая ночная рубашка до пят - хорошо хоть тут Матильда соображает, что сама одета чуть иначе. А вот красное пятно на груди у них у обеих одинаковое. У Матильды измазано свадебное платье, у Малены - ночнушка... и что тут происходит?

Выяснить это девушка не успевает, Малена бросается ей на шею.

- ТИЛЬДА!!!

- МАЛЕЧКА!!!

Две сестры вцепляются друг в друга клешнями, и только минут через пятнадцать начинают соображать. Малена вся дрожит, и Матильда гладит ее по волосам, ощущая себя старшей и сильной. Когда рядом есть кто-то кого надо защищать...

Да она те зеркала зубами прогрызет!

Амальгаму их об кислоту три раза!

Девушки успокаиваются еще не скоро. Матильда, плюнув на все, раздирает на тряпки свадебное платье, и стелет его на зеркальный пол.

- Садись.

- Тильда, где мы?

- В... в большой заднице. Подозреваю, что так. Что ты помнишь со свадьбы?

Найдя сестру, Матильда уже начала сопоставлять и взвешивать.

- Анжелику. С... пистолетом?

- Ага, эта debilка стреляла в нас. Надо полагать... видишь, где пятно?

- Д-да... зеркало?

- Однозначно, зеркало.

- Пуля его пробила, разбила...

Матильда задумалась.

- Разбить - определенно разбила. Но не пробила, это уж вряд ли. Я это зеркальце помню, его вместо бронежилета употреблять можно, там оправа - дай Боже...

- Думаешь?
- Примем за гипотезу. Мы живы, а вот зеркалу пришел полярный лис. Песец, то есть. Моему. А что с твоим?
- А что с ним?
- Можно только догадываться. Но судя по твоей ночнушке...
- Ой. Да...
- Ты спала, я бодрствовала, что там ночью произошло - черт его знает. Но похоже, что расколотили два зеркала.
- Одновременно?
- В природе еще и не такое бывает, - со знанием дела ответила Матильда. - совпадения... вряд ли. Ты нашла свое зеркало - я свое. Ты оцарапала руку - и я тоже. Мое зеркало разбилось, и твое, надо полагать - тоже.
- И что нам теперь делать? - Малена, кажется, решила разрыдаться и уже предварительно засопела.
- Думать, - утвердила Матильда. - Думать и только думать, потом прыгать будем.
- К-куда?
- Не куда, а зачем... так, если эта тряпка идентична... хорошо, что я всяких фентезятин насмотрелась. Где она, черrrrrрт!
- Кто?
- Вот!
Матильда торжественно предъявила булавку, которую лично подколола к подолу платья головкой вниз. От сглаза.
Суеверие?
Да и фиг с ним, просто когда еще человеку не позавидовать, как в день свадьбы? И вообще, значит булавка - суеверие, а общаться со своей половинкой из другого мира, это суровая реальность, ага...
- Давай сюда палец.
Мария-Элена кивнула.
- Ой.
Матильда проколола ей палец, потом так же кольнула свой, подождала, пока выступит алая бусинка крови...
- Давай сюда руку. Чтобы кровь соприкоснулась.
- Х-хорошо...
Чутье девушку не подвело. Кровью это началось, и кровью продолжилось.
Стоило рукам девушек соединиться...

Это было похоже на удар молнии. Ясность, простая и беспримесная, которая открывается... вот смотришь иногда - и звучат слова. И ты понимаешь - это истина.
Или говоришь что-то такое, словно на миг Пифия отдала тебе свой дар, то ли в награду, то ли в проклятие...
Это бывает.
И сейчас девушки осознали на двоих одно и то же.
Миры чем-то напоминают зеркальный шар со множеством граней, их зеркала связали два мира. Но если бы Матильда и Малена не были отражениями друг друга, ничего не получилось бы. Они одинаковы.
Не сестры, нет... если бы можно было провести генетический анализ, они были бы близнецами. Или - одним и тем же человеком, все же у близнецов есть свои различия.
Зеркала связали их, а разбившееся зеркало... оба зеркала - они порвали эту связь.
Порезали ее в клочья острыми зеркальными осколками. И именно сопротивление вышвырнуло девушек сюда.
Они не хотели, не собирались терять друг друга.
Но...
Матильда, не расцепляя рук, кольнула булавкой еще и другой палец, уже на левой руке. Коснулась кровью ближайшего зеркала.
- Смотри!

Больничная палата.

Какой-то здоровущий прибор в углу.

На кровати свернулась Беська. Рядом, на стуле, сидит Давид. Он держит руку неподвижно лежащей девушки в своих ладонях, и что-то говорит. Что?

Не слышно. Но можно догадаться.

Зовет? Молится?

Люди в таких ситуациях неоригинальны.

- Дай булавку, - попросила Малена.

И в свою очередь коснулась зеркала окровавленным пальцем.

Это - не палата. Это их спальня, в городском доме. И снова - бледная, словно смерть, девушка лежит на кровати, а рядом с ней сидит маркиз Торнейский, и что-то говорит, сжимая ее руку.

И...

- Кота он откуда взял?

Серая и хвостатая копия Бески так же пыталась придушить девушку путем заползания на шею.

Лапы вообще по-хозяйски положила, чуть не в рот.

- Значит, и здесь, и там, - подвела итог Малена.

И посмотрела на сестру.

- Что мы теперь будем делать?

- Возвращаться, Малечка.

- Н-но...

Мария-Элена поежилась.

Как и Матильда, в этом зеркальном лабиринте, она понимала главное.

Зеркала - разбиты.

Они больше не смогут поговорить. Никогда...

И она никогда не увидит Матильду, Давида, Беску... никого не увидит... для нее навсегда закроется этот мир. Такой странный, но такой притягательный.

Матильда вздохнула.

- Мы не можем оставаться тут надолго. Без воды человек может прожить три дня, меня-то поддержат, а вот ты умрешь... я не хочу. Черт... я не смогу без Рида! Малечка, ты сделаешь его счастливым?

- Я - не сделаю, - медленно отозвалась Малена. - не смогу. Только ты...

Здесь и сейчас девушки думали одинаково.

- Только я... и с Давидом я никогда не уживусь, ты же понимаешь...

Малена и это понимала.

Тихая жизнь семейной женщины - не для Матильды, рано или поздно ее потянет на подвиги.

Слишком она вспыльчивая, умная, резкая... хоть они и отражения, но такие разные!

Рид смог бы с ней справиться. Просто потому, что Матильда его любит до беспамьяства. А вот Давид... у него свои мысли о месте женщины в семье, в мире, в обществе - и эти мысли почти идеально совпадают с позицией Малены.

Девушки переглянулись.

- А я смогу? - на этот раз искренне сомневалась Матильда.

А вот Малена и не сомневалась. Ее сестричка обязательно справится. И...

Это когда с бухты-барахты, тогда сложно. Если бы их просто поменяли местами, ни одна из них не справилась бы, загремев в психушку.

Так кажется, что в средние века просто жить. А ты попробуй, поживи, с лопухами-то вместо туалетной бумаги, без антибиотиков и лака для волос. Да еще в жестко сословном обществе. Не так поклонись - тут же и повесят на березке. Или на осинке, что рядом окажется. А то и сожгут, как ведьму.

Да и в двадцать первом веке не лучше.

Да, лопухов здесь не употребляют. И достижений цивилизации полно, только вот разобраться с ними без пол-литры не сможет никто. Сразу - точно не сможет. Такой поток информации... поди, освой!

Рехнешься!

Но девушки общались уже несколько месяцев.

Малена вполне прилично ориентировалась в жизни Матильды, даже компьютер освоила, и архитектурой живо интересовалась. Знала что, как, где...

А Матильда прекрасно себя чувствовала в шкурке герцогессы. И более-менее разбиралась в местной жизни.

Вывод напрашивался сам собой.

Девушки переглянулись.

Страшно?

Не-ет... СТРАШНО!

До истерики, до безумия, до лужи, как у описавшегося щенка. Но...

Выбор у них есть. И одновременно... какой это выбор? Одно издевательство!

- Малечка...

- Тильда...

Неужели - это единственное, что остается? И не увидятся они больше никогда, и ничего друг о друге не узнают, и...

И девушки с предельной ясностью понимали - это так и будет.

Нельзя жить на два мира, рано или поздно надо делать выбор.

Так или иначе, рано или поздно. Страшно?

Всем страшно, не вы первые, не вы последние...

Девушки переглянулись - и крепко обнялись.

- Сестренка...

- Сестричка моя...

Кто сказал? Кто отозвался?

Да разве это важно?

Терять родную душу, терять единственного в двух мирах человека, которого любишь как себя - это безумно тяжело. Но выбора нет...

Матильда коснулась щеки сестренки.

- Иди сначала ты.

- А ты?

- Потом и я.

- Тильда, ты всегда была старшей...

- Знаю. И назову свою дочь - Матильдой.

- А я свою - Мария-Элена, - Малена улыбнулась сквозь слезы. Пусть хоть так...

- И будешь рассказывать ей сказки о Донэре и Аллодии...

- А ты расскажешь про Россию, про свою бабушку, верно?

Из глаз Малены текли слезы, и она их не вытирала. Матильда и сама плакала.

- Я в тебя верю, сестренка. Ты справишься.

- И я в тебя верю. Ты думаешь, мы сможем туда пройти?

- Прислушайся, - улыбнулась Матильда. - Не зря я в свое время увлекалась Стругацкими и Хайнлайном... просто - прислушайся.

Малена повиновалась.

- Малечка, детка, вернись ко мне. Я тебя очень прошу, я... я жить без тебя не могу. Я люблю тебя, малышка...

Давид звал ее. Откуда-то из Зазеркалья, звал и верил в ее возвращение. Отсюда - видно.

- Радость моя... не оставляй меня. Боги не могут быть так жестоки. Вернись, Малена, прошу тебя, вернись... если ты не вернешься, я просто брошусь головой вниз из окна, Восьмилапый с ней, с Аллодией...

Рид тоже звал. И был до ужаса искренен в своих чувствах.

Он и правда умрет без нее. Умрет, как чудовище из сказки, до последнего сжимая в руках Аленький цветочек.

Серые кошки в зеркалах встрепнулись, подняли головы, одновременно, словно тоже были отражениями друг друга, зашевелили лапками. И Матильда с Маленой увидели, как под нажимом острых коготков рвется девичья кожа, как выступают крохотные, незамеченные мужчинами бусинки крови.

Кровь зовет, кровь открывает дорогу между мирами, пока она течет - можно вернуться.

Матильда улыбнулась. И коснулась окровавленной рукой зеркала, в котором отражался Давид. Оно заколебалось, как вода, заволновалось...

- Вот. Ты можешь идти.

Малена кивнула.

И так же коснулась второго зеркала, в котором отражался Рид.
Поверхность дрожала, переливалась, словно жидкая ртуть... только один шаг...
Как же сложно расцепить руки.
Как же тяжела разлука...
Последний взгляд, глаза в глаза - и пальцы разжимаются. Так тяжело, словно на каждом ногте по гире повисло.
И две тени одновременно проходят в зеркала.
А зазеркальный мир осыпается осколками, трескается, разлетается в пыль... да разве такое может быть?
Нет, не может. Это сон, только сон...

Россия. Больница в городе ХХХ.
Мария-Элена Домбрийская открыла глаза.
Медленно, очень медленно, словно выныривая из-под воды.
Она лежала в белой больничной палате, щеку щекал пушистый серый хвост, а ладони крепко сжимал в своих руках Давид.
И говорил, говорил... он даже сразу и не понял, что девушка открыла глаза. Его глаза были закрыты, и по щеке ползла слезинка.
Он бы тоже умер с тоски.
Не так, как Рид, решив все одним ударом. Но...
Если человек не хочет жить, он найдет возможность встретиться со смертью. Алкоголь, наркотики, скорость... сложно ли для желающего?
- Дэви... - тихо позвала Малена. - Дэви... я здесь...
Кариес глаза распахнулись ей навстречу. И столько в них было счастья столько света, что она еще раз убедилась в своей правоте.
- Малена!
- Я пришла на твой голос. Ты позвал - и я пришла, - шепнула девушка. Закашлялась...
Давид поднес к ее губам пакетик с соком, Малена сделала пару глотков.
- Лучше?
- Да. Что со мной было?
- Ты не помнишь?
- Анжелика стреляла в меня. Что я еще пропустила?
- Да ничего, - улыбнулся Давид. - почти ничего... скорая привезла тебя сюда, ну а мы решили не оставлять тебя в одиночестве.
- Беська...
Серая вредина мурлыкнула и потерлась об шею Малены. Аккурат об оставленную своими же когтями царапину.
Всем видом она говорила, что знает тайну девушек. Она-то знает, но никому не расскажет. Особенно если кормить будут, и почаще, и лучше - осетриной.
- Она тоже старалась, - голос Давида дрогнул.
Малена улыбнулась ему. От всей души.
- Поедем домой? Пожалуйста... нас отпустят?
- Украду, - улыбнулся Давид. - А ты себя хорошо чувствуешь?
- Замечательно.
- Тогда - будем похищаться!
Мужчина ловко подхватил Малену с кровати, завернул в простыню, Беська похитилась сама, запрыгнув девушке на живот, и улегшись на нем в позе сфинкса. Разве что когтями закорилась, как пантера.
Но Малена не жаловалась.
Ей не хотелось оставаться в этом царстве лекарств и лекарей.
Про сумку с одеждой так никто и не вспомнил. Подумаешь - важность!
Они живы! Они едут домой!
И Малена точно знала, что все-все у них будет хорошо.
Ночной город распахивал им навстречу свои руки, машина мягко урчала мотором, летя по темным улицам, и герцогесса смотрела на это широко раскрытыми глазами.
Так и прощаются с прошлой жизнью.

Никогда она не увидит Донэр, никогда не пройдет по улицам Аланей, никогда не вернется в Винель...

Не увидит Ровену, Дорака, не поговорит с Ардонскими...

Теперь это не ее судьба.

А что - ее?

Муж. Вот этот самый, который похитил ее из больницы.

Малена украдкой покосилась на профиль Давида.

Так сложно, и так страшно... у нее ведь никого и ничего, только этот мужчина. Ее судьба, ее якорь, человек, который искренне ее любит. И с ним она проживет всю оставшуюся жизнь, сколько бы там не получилось. Десть лет, двадцать, пятьдесят...

За себя и за Матильду.

И дочку назовет Мария-Элена. Обязательно. И будет рассказывать ей сказки про Брата и Сестру, про Восьмипалого, цитировать Книгу откровений, рисовать карту Аллодии...

Все будут думать, что это сказки, а она будет знать правду.

За горами, за лесами, за морями и мирами, там есть другой мир. Тот, в котором она родилась и из которого ушла.

Тот, в котором осталась половинка ее души. Ее сестренка. Ее Матильда.

Упрямая и верная, нежная и сильная. И жить с пустотой в сердце так тяжело...

Давид, словно почувствовав мысли девушки, оторвал одну руку от руля и сжал ее пальцы.

- Все будет хорошо, Малечка.

И глубинным, нутряным чутьем Малена поняла - так и будет. По ее щеке сползла слезинка, но девушка даже не заметила этого.

Она не плакала. Слишком большим было горе от потери сестры. Слишком неподъемным. Дайте хоть какое-то время пережить его, хоть пару дней...

Квартира встретила их освещенными окнами.

Там явно кто-то был...

Давида это не остановило. Он вручил Малене ключи от дома, подхватил ее на руки и подмигнул.

- Откроешь дверь?

Герцогесса кивнула.

И не сильно удивилась, когда в прихожей они наткнулись на Манану с Нателлой. Сестры, видимо, утешать приехали. И зрелище вполне себе живой Малены, завернутой в простыню и на руках у Давида, немножко огорошило женщин.

Но пришли в себя они быстро.

- Дэви?

- Малена?

Женщины переглянулись. Логика для данного случая была проста...

- Вас врачи отпустили?

- Нет, - отрезал Давид. - Это моя жена, и я ее украл по закону гор.

- А это ваш верный ишак? - уточнила Манана, показывая пальцем с длиннющим ногтем на Беську.

Кошка лениво зевнула, и спрыгнула на пол, проигнорировав всяких там посторонних. Надо бы пойти, свои мисочки проверить, а то кто их знает...

Сейчас когтями тыкают, потом рыбу сожрут...

- Вас что-то не устраивает? - уточнил Давид. С таким намеком - дорогие гости, не надоели вам хозяева? Нет? А зря...

Сестры еще раз переглянулись.

- Нет-нет, нас все устраивает, - хмыкнула Нателла. - Мы, наверное, пойдем. Надо заехать в больницу, там теперь уже переполох поднялся.

- Вот и давайте, - милостиво отпустил женщин Давид.

И с радостью захлопнул за ними дверь. Ногой.

Пронес Малену в спальню и опустил на кровать.

- Малечка... ты не возражаешь, если мы будем спать вместе?

Малена покачала головой.

- Я не против. Я... мы с тобой ведь женаты...

Договорить у нее так и не получилось. Покраснела и смутилась. Герцогесс не учат обсуждать вопросы половой жизни, даже с собственным мужем.

Давид покачал головой.

- Я сегодня не рискну. Мне так страшно за тебя, если б ты знала... - мужчина внезапно опустился на колени перед кроватью, прижался щекой к коленкам герцогессы. - Я думал, я там умру. Малечка... не оставляй меня, пожалуйста...

Малена коснулась пальцами черных волос, таких неожиданно мягких, скользящих через ее пальцы, помассировала мужчине виски, как-то незаметно коснулась ладонью щеки...

- Иди ко мне? Пожалуйста... не оставляй меня одну.

Пустоту в душе и в сердце надо было чем-то заполнить. Иначе... это зеркало. Острые хрустальные осколки впиваются, ранят... и безумно нужен кто-то рядом. Вывести из лабиринта - и никогда о нем не вспоминать.

Малена первая положила руки на плечи Давида - и потянулась губами к его губам.

Пусть ночь скользит мимо. Ей уже ничего не страшно...

Аланея, дом Домбрийских.

- Малена!

Голос звал ее. Дрожал от боли, но звал...

Матильда открыла глаза - и улыбнулась маркизу Торнейскому. Своему, кстати говоря, супругу.

- Рид!

- Малена!!!

Матильду сгребли в охапку так, что едва не додушили, но девушка не возражала. После холода и тоски зеркального лабиринта?

Да хоть придушите, только обратно не надо! Только не туда, в царство безумных ледяных зеркал.

- Рид...

- Я думал, я тебя потеряю...

- Что со мной случилось? - спросила Матильда.

- Лорена, - выплюнул Рид. - Она решила убить тебя, пришла ночью.

- И... я вроде бы невредима?

- Ровена ее остановила. Один удар она нанести все же успела, но только один.

- Она разбила мое зеркало?

Матильда уже знала, но надо же было уточнить?

- Да. Оно тебя спасло, фактически...

- И что сейчас с Лореной?

- Ничего, - отозвался Рид. - Она тебя больше не побеспокоит. Никогда.

Матильда поглядела на него, хмыкнула.

- Мне надо носить траур по мачехе?

- Только если ты сама этого захочешь.

Девушка фыркнула.

- Я опл

а

чу ее. Глубоко в своем сердце. Рид...

- Да?

- Знаешь, какая мысль меня преследовала, пока я была... там?

- Там что-то есть? - тут же уточнил Рид.

- Есть. Это точно. И я все время думала, какие мы с тобой были глупые.

- Малена? - с лица маркиза Торнейского спокойно можно было рисовать караса. Или окуня - рот открыт, глаза хлопают, жабры лепи и любуйся.

- Дверь закрыта?

- Да.

- Отлично. Думаю, кошка нам не помешает...

Серый и хвостатый зверь уже благополучно успел удрать и свернуться на кресле. Мало ли?

Придавят еще в порыве радости! Много ли ему надо?

- Кажется, - это кошка, - растеряно сказал Рид. - Малена?

Пальцы девушки уже добрались до пуговиц на его рубашке.

- Учти, невинным ты отсюда не выйдешь.

Мужчина открыл рот.

- А ты... ты же...

- Вот, об этом я и думала. Что люблю тебя, и так бездарно тратила наше с тобой время. И решила - если вернусь, не потрачу больше не минуты.

- Лекари...

- Ладно. Потом можешь сходить к ним, разрешаю, - кивнула Матильда. И попробовала расстегнуть пряжку на поясе Рида.

Мужчина мягко отстранил ее руки.

- Малена... ты уверена?

- Если ты сейчас меня оставишь, я... я... я не знаю, что я сделаю! Я тебя подкараулю, стукну по голове, свяжу и изнасилую! - выпалила Матильда.

Рид прикусил губу. Глаза его смеялись.

- Какая ты опасная женщина...

- Ты еще не знаешь, насколько я опасная женщина. Просто потому, что я - девушка. Твоей милостью, - возмутилась Матильда.

Рид сгреб ее в охапку и упал на кровать.

- Обещаю, мы это немедленно исправим.

Карие глаза оказались рядом с серыми, и спорить расхотелось. И язвить Матильде стало неинтересно. И все остальное тоже.

А вот губы, которые коснулись ее губ...

В этот день Остеон так и не дождался брата во дворце. Вместо него приехал граф Ардонский, который сообщил и о 'болезни' герцогессы, и о ее выздоровлении...

Остеон вздохнул - и от души пожелал брату счастья. Пусть у него хоть в семейной жизни все хорошо будет. А то рехнешься с этими государственными делами...

Спустя три года после описанных событий.

Россия.

- Спасибо тебе, родная.

Давид выглядел ужасно гордым. И ничего удивительного, за три года жена подарила ему двух детей - сына, а вот теперь и дочку...

Малена светилась от счастья.

Жизнь у нее получалась очень насыщенной. Надо было осваиваться в новом мире, уже без подсказок со стороны Матильды. Общаться с людьми, осваивать новую профессию... жить семейной жизнью.

Последнее было самым сложным.

Давид оказался достаточно авторитарным и деспотичным мужем, но герцогессу это не смущало. Ее к такой жизни и готовили. Она иного и не представляла.

Ей легко было уживаться с любимым человеком, легко встречать его по вечерам, отчитываться о своих перемещениях, соблюдать определенные традиции, уважать его родителей...

А если учесть, что все заботы по хозяйству так и остались за домработницей, то и вообще, ничего страшного. Чего тут бояться?

Сложности были с освоением дизайнерских программ. Матильда в них разбиралась, а вот Малена не очень. Но учиться она хотела, как искать информацию - знала, а остальное зависит от человека.

А уж проекты, которые она делала...

Не стоит забывать, что герцогессу и готовили, как хозяйку дома. А дом надо обставлять, и комнаты надо выдерживать в разных стилях, цветовых сочетаниях...

Постепенно у девушки все получилось.

Там спросить, здесь проконсультироваться, тут придумать...

Давид гордился своей женой. Умной, обаятельной, прекрасно воспитанной. А уж когда понял, что она забеременела, вообще засветился от счастья собственным светом.

Чуть сложнее было с его родителями.

Все же образ послушной грузинской девушки им нравился намного больше. Но постепенно, шаг за шагом, Малена завоевывала и их симпатии. Хотя предстояло еще очень много работы. Малена знала, Александра Ивановна (мир не без супершпионов) доносит, что у Давида правильная грузинская семья.

Мужчина - хозяин, жена делает, что он скажет...

Ни ссор, ни споров.

И то сказать, когда им спорить-то? Заказов на фирме столько, что хоть ты в трехголового дракона мутируй - все одно голов не хватит. На все и сразу!

Случай с кладом, с выстрелом... все это послужило шикарной рекламой. Жаль, конечно, что с Мишкой дорожки разошлись, но тут уж не покрутишься. Дочь он из тюрьмы вытащил, но что там с ней за три дня сделали - одним психологам ведомо. Ее признали невменяемой и до сих пор лечат.

Женя погибла.

Антон за три года женился уже второй раз. Первый раз - на Диане, к немалому удивлению окружающих. Брак продлился около пяти месяцев, и развалился под мягким воздействием Ирины Петровны.

Второй раз Антон все же женился на Ирочке. Что из этого получится, кто его знает, Малена не стремилась дружить домами. Да и Ирина Петровна сына придерживала, памятен ей был тот запой.

Любовь?

Малена могла про себя точно сказать, что любит мужа. А Антон... что поделаешь. Если бы он тогда смог встать вровень с ней, если бы...

История не терпит сослагательных наклонений, не так ли?

Малена коснулась щеки ребенка, улыбнулась супругу, который забирал их из роддома, поцеловалась с его сестрами, была расцелована Софией Рустамовной и Эдуардом Давидовичем. Первый у них получился мальчик, как-то спонтанно, похоже, что с первого раза. Она потом почитала книги, полазила в интернете, и пришла к простому выводу.

Они - переселенки. Или перемещенки.

Что привязывает человека к миру?

Якорь.

А лучший якорь - это дети. Вот мироздание и позаботилось привязать покрепче новый кусочек.

Она бы не удивилась, узнав, что у Матильды все обстоит точно так же.

Ребенка называли Эдуардом. И надо сказать, сын быстрее всего примирил Малену с семьей Асатиани. Малыша обожали все, мама только успевала следить, чтобы не затискали и не забаловали. А Эдуард Давидович стал редкостно сумасшедшим дедом и обещал малышу чуть ли не джип на окончание школы.

Его можно было понять. Внук, продолжатель фамилии. Род не прервется, дело будет кому передать... это важно.

Воспитать еще малыша правильно, но это уж дело его матери.

Тетя Варя с радостью взялась за роль бабушки, чего уж там, действительно почти родственница. Свою квартиру Малена сдавала симпатичной семье, налогов, правда, не платила, но ее никто не закладывал. Все были очень рады избавлению от тети Параши.

Давид поспособствовал, похоже.

О своих родственниках Малена ничего больше не слышала, ни о матери, ни об отце, ни о сводных брате и сестре, да и о Прасковье Ивановне с сыном тоже. И не жалела. Никто не жалел. Через два года Малена опять забеременела, на этот раз девочкой, и сегодня Давид забирал ее из роддома. Девочку записали, как Марию-Елену Асатиани.

София Рустамовна растаяла.

Марией звали ее мать, Еленой - мать Эдуарда. Так что...

Малена не стала объяснять, что это совпадение, просто порадовалась, что имена такие распространенные. Они с Давидом погрузились в джип и отправились домой. А вечером стояли в детской, смотрели на малыша.

Эдик спал в своей кровати, сложив губки бабочкой и мирно посапывая. Маленькая Маша пока будет жить в спальне родителей. И им так спокойнее, и малышу...

- Какой же он у нас обаятельный!

Давид мог собой гордиться, сын получился просто ксероксом, разве что глаза серые, как у Малены.

Мурлыкнула Беська, прыгая на подушку к Эдику и сворачиваясь рядом с ним клубком. Малыш, не открывая глаз, подгрел ее поближе и засопел еще более довольным.

Родители расплылись в одинаково идиотских улыбках, и удрали в спальню.

- У меня для тебя подарок, - шепнул Давид.

- У меня есть все, - развела руками Малена. - Даже страшно, что ты мог придумать?

Мужчина улыбнулся - и достал шкатулку. А из нее...

Малене показалось, что ее сдавили поперек тела, аж весь воздух вылетел.

Зеркало.

То самое, и не разбитое...

- От...куда?

Слова как чужие, голос тоже...

- Нашел, вот. Мне его тогда медики отдали, я и забыл. А сейчас нашел, и отнес к стеклодуву.

Тебе не нравится?

Малена осторожно положила зеркало обратно в шкатулку.

- Очень нравится. Спасибо тебе огромное.

И крепко обняла мужа,

Поздно ночью она встала, и вытащила зеркало из его вместилища. Провела пальцем по оправе... нет, при всем желании не оцарапаешься. То ли заполировали, то ли...

Ей это просто не нужно.

Знать бы только, как дела у Матильды?

А если попробовать коснуться его кровью?

Малена подышала на зеркало, протерла его рукой, пока побаиваясь более серьезного воздействия, и... стекло поплыло, показывая спальню, а в ней спящую в объятиях мужа

Матильду. Довольную и счастливую. И серого кота на подушке, который смотрит подозрительным взглядом, и детскую с детьми...

Слезы застили картинку, размывали...

Малена осторожно положила зеркало обратно.

Пусть оно хранится в семье. Пусть останется навсегда. Но она сейчас его уберет подальше, а кто и когда его вытащит...

Такие вещи приходят, когда они очень нужны. И никак иначе.

Пусть оно опять ждет своего часа.

Женщина тщательно завернула его в бархат, и убрала подальше. А потом посмотрела на своего мужа, на дочь, сопящую в кроватке, сбегала в детскую...

Все было хорошо и правильно.

Можно было спать. И пусть ей приснятся Аллодия, и Донэр, пусть... она по ним не тоскует. Сон останется сном, явь - явью, а зеркало просто зеркалом.

И Малена нырнула под бочок к Давиду.

Все было правильно.

Три года спустя.

Аланея, Аллодия.

- Как там наше сокровище?

- Которое из? - невинно поинтересовалась Матильда, за это время окончательно смирившаяся с именем 'Малена' и даже простившая режиссера. Была, была у нее мечта когда-то сказать товарищу, что он осел, так ведь до другого мира не дотянешься.

Да и не надо, в этом бы проблемы разгрести.

Консумировав брак (и попробовав бы только Рид сопротивляться), молодые подумали, и отправились к архону.

Реонар Аллийский схватился за голову, взвыл, но согласился назначить свадьбу на следующий день, Восьмилапый с вами, м-молодые...

Политика отдельно, постель отдельно.

Впрочем, предосторожность была не лишней, потому что следующих критических дней Матильда не дождалась. И с ужасом поняла, что - того-с...

Беременна.

Одновременно начался токсикоз и у Дилеры Эларской.

Тошнило дам на пару, зеленели они одинаково, так что страховавром и притворяться больше не приходилось. Природа все сделала за Матильду. Это уж не говоря про гнусные пигментные пятна.

Оставалось лишь молиться, чтобы все прошло нормально, ну и учить повитух мыть руки. Мыть ноги, комнаты, родильные столы, переодеваться во все чистое...

Архон, которому была разъяснена концепция микробов, на школьно-доступном уровне, прислушался. Провел опыты - и огласил еще один вердикт.

А что?

После разборок с наркоторговцами, к нему не просто прислушивались. Полубовался народ на выставленных на площади содержателей притонов, тут вам не демократия, тут все на виду, посмотрели, что с ними от наркотиков-то происходит - и дружно решили, что на архона благословение снизошло.

Не иначе.

А откуда б он еще мог такое знать?

Теперь за дурманные травки казнили и вешали на месте, рубили руки и заставляли сожрать свой товар, целиком. Матильда считала (издержки толерантного воспитания), что это жестоко, но как работало!

Прямо-таки замечательно работало!

Вино - пей, а вот этой пакостью не злоупотребляй, не надо...

Кстати, Лоран от нее и помер, буквально через полтора месяца после смерти сестрички. Его Малена не жалела, но Силанте выделила приданое и выдала замуж. В Саларин, от греха подальше. Шарлиз поспособствовала.

Вторым пунктом пошла гигиена.

Вроде бы и ничего странного, но ведь ты поди, додумайся.

Скоро мыть руки и протирать их чем-то вроде лимонного или чесночного сока стало хорошим тоном. Лекари для благородных пользовались лимоном, простонародье обходилось чесноком.

Стиль, мода, а что число смертей снизилось сразу и резко... побочные эффекты.

Не надо прогрессорствовать направо и налево, надо чуть-чуть, самую малость помочь имеющемуся прогрессу.

Да, Матильда могла многое, в том числе и фейерверки собрать на коленке, и порох намешать, пока еще черный, дымный, а кто б этого не мог? Сера, уголь, селитра - и получится. Худо ли, бедно...

Не делала. И не собиралась.

Не стоит приносить такое в спокойный мир.

Да, более-менее спокойный.

Повоевать пришлось в первый год, в том числе и на дипломатических фронтах, а сейчас уже все устаканилось и убутылилось.

Перво-наперво, пришлось выдержать стычку с Артаном Иллойским.

Узнав про внука, маршал полез в бутылку и потребовал, чтобы мальчик рос у него, он-де вырастит из него наследника и настоящего мужика.

С другой стороны в ту же бутылку ринулась Ровена, да так, что маршала вышибло не хуже, чем пробку от шампанского.

Заявка была проста.

Бернарда довели до того, что он из дома сбежал, этого тоже доведете? И вообще, я замужняя женщина, компаньонка маркизы Торнейской, и никто, никого отдавать не собирается.

Маркиз поддержал и жену, и компаньонку, скромно заметив, что маршал, вы, конечно, герой, но с точки зрения закона вы этому ребенку никто. И ребенок этот...

Бумаги, конечно, есть. Но ведь не у вас на руках? Нет, в том-то и дело.

Матушка ребенка согласна их предъявить? А то ведь бездоказательное утверждение... а как на это дворяне посмотрят? Ведь никогда не признают, и останется род Иллойских без наследника, и прервется.

Артан скрипнул зубами и решил договариваться.

Получалось плохо, Ровена тоже умела скрипеть зубами и ругаться, но в итоге пришли к соглашению.

Статус-кво не меняется, Дорак работает, где работал, Ровена остается компаньонкой, разве что входит в свиту принцессы. А что, положение позволяет.

Артан признает ребенка своим внуком. Публично и торжественно. И даже занимается его воспитанием.

Нет-нет, не у себя в доме, пока еще до такого дойти не получится. А вот отвести ему покои в доме герцогесы - это запросто, место есть, можете хоть всей семьей приезжать, отказа не будет. И слуг с собой захватите, а то наши и так с ног сбиваются.

Так что один день из пяти Артан проводил с внуком.

И постепенно, благодаря детским улыбкам и первым попыткам оторвать маршалу нос, сделать из него ездового пони или хотя бы сесть на шею, смягчались обе стороны.

Сейчас Ровена была опять беременна, но это ее мало изменило.

Рид смеялся, что кругом одни беременные.

Сама Матильда родила двойню. Королевскую парочку, мальчика и девочку. Остеона и маленькую Матильду, которую все с рождения начали звать Тиль.

Сначала - к своему ужасу, потом восторгу (быстрее получилось и удобнее) а потом опять ужасу. Потому как мелкие поросята все делали вместе.

Орали, гадили, засыпали, просыпались... рук не хватало решительно.

Потом опять к ужасу, когда Матильда познакомилась с местным институтом кормилиц, и узнала, что для улучшения лактации они пиво хлещут, как грузчики.

Архона озадачили в третий раз.

Впрочем, ему и первых двух хватило, чтобы на все соглашаться.

Дилера Эларская легко и без осложнений родила мальчика, которого назвали Аррелем.

Мальчишка рос копией деда, что очень всех радовало. Вдруг да повезет?

Видимо, между жутковатой внешностью принцессы - и очарованием Найджела, природа решила выбрать золотую середину и проявила спящие до поры гены.

К сожалению, дальше все сложилось не так радужно, как в добрых книжках.

Когда Дилера была беременна вторым ребенком (примерно через восемь месяцев после первого Найджелу пришлось опять постараться) в городе вспыхнула эпидемия.

Нет, не чума или оспа, всего лишь сыпной тиф, но в некоторых случаях хрен редьки не слаще.

Заболел его величество, и со дня на день ждали его смерти.

Заболел его высочество.

Дилера не заболела, Матильда, вовремя вспомнив, что карантин - он в любые времена приносил одну лишь пользу, схватила всех чад и домочадцев, и удрали за город, благо, загородный дом у нее был, супруг подарил еще в первый год, когда пребывание в городе стало невыносимым. Где примерно два дня шпарила кипятком, мыла и терла все углы во дворце, а заодно всех, кто с ними поехал.

Результат порадовал.

Никто не заболел.

Но вот Дилера Эларская переживаний не выдержала.

Она как раз дохаживала последние месяцы беременности, и когда пришло известие, что скончался его высочество, у нее начались преждевременные роды.

Ребенка спасти удалось.

Кстати - тоже мальчика, которого по просьбе женщины назвали Найджелом. А вот сама Дилера просто-напросто свела себя в могилу.

Крутись, не крутись, а Джелю она любила. Искренне и истово, как могут любить лишь безнадежно честные и порядочные люди.

Дилеру было жалко до безумия, все же неплохая она оказалась девчонка, умная, порядочная, только отчаянно некрасивая. И так же отчаянно влюбленная. Матильда тогда чуть не неделю проплакала. Вот Найджела она не жалела, туда ему, паразиту, и дорога, а вот Лери...

Матильда подозревала, что Джелю немного не тифом заболел, а об табакерку виском ударился, или вилкой подавился, раза четыре. Но оставила подозрения при себе. Тем более, что Остеон все же выздоровел. Скрипел, хрипел, но пока еще был жив, хотя от дел вовсе отошел, свалив все на регентский совет.

Ну и ладно, живой король - гарантия стабильности, а потом коронуем Арреля, и пусть правит, как вырастет. Быстрее бы...

За эти три года она насмотрелась на Рида.

На то, как он тянет этот неподъемный воз, насмотрелась на Тальфера, на архона, на Иллойского...

Мужики пахали, как черти.

И лучше б - пашню, более благодарный материал. А тут... разгребать замучаешься, после войны, заговора...

Полгода назад какой-то даун вообще попробовал восстание поднять, заявлял, что он-де сын его величество Остеона, от некоей Тарейнской...

Матильда даже вникать не стала.

Артан Иллойский размазал негодя, как масло по гренке, не особо задумываясь.

В результате, у девушки собрался настоящий детский сад.

Двое - ее. Двое - высочеств, один Иллойский, плюс она еще второй раз залетела, хотя и пытались беречься, тут еще Астела Ардонская наконец замуж вышла и тоже родила девчонку...

И до кучи мелкий наследник Степи от Шарлиз Ролейнской.

Итого - семь штук, и еще неясно сколько в перспективе.

С Шарлиз Матильда познакомилась, полностью согласилась с мнением Рида 'красива, но б...', и установила нейтралитет.

Ребенок Шарлиз был не нужен, нужна свободная и вольготная жизнь, со сменой любовников.

Ну и на здоровье.

Живет и живет себе в Розовом дворце, ограничивать ее никто не ограничивает, мальчишку, узкоглазого и со смуглой кожей, отдали на воспитание Матильде...

Нельзя сказать, что Матильда была счастлива, но слишком хорошо ей была памятна своя история. А потому дети получали дозу любви и нежности от бабушки Элинора, поцелуй и утешения от Астелы, которая оказалась типичной мамой-наседкой, тренировки от тетушки Ро, и подзатыльники от Матильды. Которая была твердо уверена, что детей надо воспитывать - сейчас. Не откладывая на далекие года, вот сейчас.

Шкодишь?

По попе.

Неважно, что каган, все равно по попе, через нее до всех доходит.

И давайте учить буквы, учить цифры, учиться... Пусть играя, пусть весело, пусть... да хоть как, но учитесь! И можно изобрести кубики с алфавитом. Вот тебе и прогресс будет.

Матильда погладила живот.

Ей определенно нужны были еще пара мальчиков и девочка. Вот хорошо бы, если бы еще раз близняшки получатся? Они помельче, рожать легче, и когда соображаешь, что двое за один раз... знаете, девять месяцев таскать груз на пузе вместо восемнадцати, это приятно.

Рид приобнял жену. Ребенок тут же толкнулся под его ладонью, и маркиз расплылся в совершенно детской улыбке.

Жену он любил.

И до сих пор не мог поверить в свое счастье.

Матильда ответила ему таким же влюбленным взглядом. Лекари сказали беречься, но хоть пообниматься!

- Все.

- Так... Хурмах сегодня пытался съесть осу, оса победила с разгромным счетом, ребенок запомнил, что насекомых есть нельзя. Тильда удрала от нянек и опрокинула доспехи, Ост наелся мела, Бер получил подзатыльник, чтобы не драл за волосы девочек... кстати, надо потом подумать о его браке, мелкий явно неравнодушен к дочке Астелы.

- Ардонские не против?

- Смеяться изволите, любовь моя? Кто у нас еще... Аррель получил по попе. Капризничал и вредничал, пытался оторвать хвост у Беса. Джелль пока тихий, но выползает пытается, - отчиталась Матильда, лукаво поглядев на здоровущего серого кота, вальяжно возлежащего на диване.

Да, так вот получилось.

В том мире кошка, в этом кот.

Там - Беська, тут - Бес, который так и остался при герцогессе.

Крыс он, правда, ловил, и приносил их исправно. Риду, на подушку, доказывая свою полезность.

Однажды маркиз едва не поцеловался с дохлой крысой, которую ему притащили на освидетельствование под самый нос, но коту все равно по ушам не досталось, охотник ведь. Добытчик...

Рид оглядел здоровущую детскую, в которой, в своих кроватках, сопели дети, а в углу дремали две няньки.

Детьми занимались все по очереди, но кто-то же должен и попы вытирать? Учить - мало, надо еще накормить, напоить, подтереть, подобрать - без помощников не обойтись. Никак не обойтись.

Рид увлек жену из детской.

- У меня для тебя подарок.

- Да?

А в следующий момент Матильда похолодела, потому что в руке Рида блеснуло темным металлом очень знакомое зеркало.

То самое...

- От...куда?

- Ровена мне отдала, нашла недавно, а я заказал перелить его.

- Спасибо, все же оно мне жизнь спасло, - Матильда крепко поцеловала супруга.

Эксперименты?

Сейчас?

Вот уж не надо!

И только поздно ночью, когда Рид крепко спал, Матильда поднялась с кровати, вытащила зеркало из ларца.

Матильда взяла зеркало в руку, крепко сжала.

Осторожно, чтобы не оцарапаться, провела пальцем по оправе.

Нет, никаких заусенцев нет... но это то самое, ее зеркало.

И - нахлынуло.

Малечка, как-то ты там?

То ли слезы глаза затуманили, то ли что-то случилось в следующий миг, но стекло дрогнуло, зазолотилось, и...

Это точно была Малена.

Счастливая, под руку с Давидом выходящая из роддома, и маленький ребенок рядом с ними, и второй кулек на руках у Давида...

Неужели у нее все в порядке?

Матильда медленно положила зеркало.

Господи, спасибо тебе.

Я не знаю, как молиться, не знаю, как к тебе обращаться, но спасибо. Спасибо за этот шанс.

Теперь я знаю, что с сестренкой все в порядке.

А зеркало...

Малена рассказывала, где она его нашла.

Завтра Матильда завернет зеркало получше, упакует, чтобы не разбилось, и спрячет в старый сундук.

Когда-нибудь кто-то найдет его - и обретет родную душу. А ей для счастья больше ничего не надо.

Дети, Рид, Аланея, Аллодия...

Маркиза скользнула в кровать, под бок к супругу, и прижалась покрепче. Посмотрела на звезды - и еще раз поблагодарила их. И услышала наглое 'мурррррр'.

Бес пришел почесаться перед сном.

Зеленые глаза были мудрыми и серьезными, и Матильда не удержалась.

- Ты ведь все знаешь, правда, кис?

Кис молчал. Он был мудрым, и не собирался выдавать секретов, а знать - знал, но не придавал значения.

Тот мир или этот, та душа или иная... странные все же существа эти люди. И чего им на месте не сидится?

И кот замурлыкал еще сильнее, нагоняя дрему на хозяйку.

Он-то знал, что все будет хорошо.